

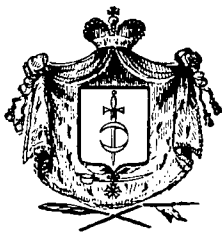
ВОСПОМИНАНІЯ ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или
переписалъ или недописалъ, читте, ис-
правивая Бога дя, а не клянте!»

(Послѣсловіе въ древней Лѣтописи).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1848.

ВОСПОМІНАНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРІНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ, 2 Сентября 1847 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Въ типографіи Карла Крайя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

- I. Нужды и недостатки въ военное время. — Отдыхъ въ Гамлекарлеби, во время перемирія. — Шумная жизнь. — Неудача новаго Париса. — Балы Графа Н. М. Каменскаго. — Любимый его Адъютантъ А. А. Закревскій. — Полковникъ (въ послѣдствіи Генераль) Эриксонъ; его характеръ и происхожденіе. — Страшная ночь. — Благородство простаго народа въ Финляндіи. — Комитетъ Министровъ, въ отсутствіи Государя Императора, не утверждаетъ перемирія. — Причины. — Участіе въ военныхъ распоряженіяхъ Графа Аракчеева. — Достопамятныя его слова. — Государь Императоръ утверждаетъ рѣшеніе Комитета Министровъ. 1
- II. Бѣглый взглядъ на политическое состояніе Европы, въ 1808 году. — Войны Наполеона. — Байоннская драма или лишеніе

престола Бурбоновъ Испанской линіи и плѣнь ихъ. — Характеристика Испанскаго Королевскаго семейства: Король Карлъ IV. Королева. Принцъ Астурійскій въ послѣдствіи Король Фердинандъ VII. — Королева Этрурии и Донъ Антоніо. — Эмануэль Годои, Князь Мира. — Несогласія въ Королевскомъ семействѣ. — Взятіе подъ стражу и отдавіе подъ судъ Принца Фердинанда. — Проектъ раздѣленія Португаліи. — Французы идутъ чрезъ Испанію въ Португалію. — Португальская Королева Марія-Франциска-Елисавета и Регентъ Донъ Жуанъ. — Лишеніе престола Браганцской фамиліи. — Французская армія занимаетъ почти половину Испаніи. — Народное возмущеніе въ Мадридѣ и Аранжуэсѣ. — Что значитъ народъ въ Испаніи. — Изверженіе Князя Мира. — Карлъ IV отказывается отъ престола въ пользу Фердинанда, и тайно протестуетъ противъ отреченія, прося защиты у Наполеона. — Мюратъ съ Французскимъ войскомъ вступаетъ въ Мадридъ. — Испанское Королевское семейство пріѣзжаетъ въ Байонну, для свиданія съ Наполеономъ. — Первое свиданіе Карла IV и Королевы съ ихъ сыномъ. — Первое возму-

щение Испанцевъ въ Мадридѣ противу Французовъ. — Битва п казни. — Второе свиданіе Королевской Испанской фамиліи. — Фердинандъ принужденъ отречься отъ престола въ пользу отца, а Карль IV передаетъ права на престолъ Наполеону. — Единственный посторонній зритель Байоннской драмы Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ. — Испанскій Король Иосифъ, братъ Наполеона. — Начало общаго возмущенія въ Испаніи. — Англичане дѣлаютъ высадку въ Португаліи. — Неудачи Французовъ. — Маршалъ Жюно сдаетъ Португалію Англичанамъ. — Англичане берутъ въ Лиссабонѣ Русскій флотъ Адмирала Сенявина. — Огромная помощь Испаніи со стороны Англій. — Межеваніе Европы Наполеономъ. — Общее негодованіе народовъ и Государей. — Воищеніе умовъ въ Германіи. — Добродѣтельный Союзъ (Tugendbund). — Надежда Европы на Россію. — Эрфуртскій конгрессъ и его послѣдствія. — Наполеонъ и Сперанскій 44

III. Графъ Буксгевденъ проситъ увольненія отъ званія Главнокомандующаго. — Положеніе обѣихъ армій, предъ началомъ военныхъ дѣйствій. — Графъ Клингенборъ сда-

еть начальство Генералу Клеркеру. — Наступательныя дѣйствія Русскихъ войскъ. — Неудача Генерала Тучкова 1 при штурмѣ Индесальмскихъ дефилей. — Смерть Князя Петра Петровича Долгорукова и его характеристика. — Графъ Каменскій идетъ впередъ, — Знаменитый обходъ Графа Каменскаго при Калаіюки. — Ночное нападеніе Сандельта на лагерь Генерала Тучкова 1. — Баронъ Матвей Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ (нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи, а тогда Ротмистръ), спасаетъ нашъ авангардъ отъ истребленія. — Новый блистательный подвигъ Лейбъ-Егерскаго батальона. — Переходъ Графа Каменскаго черезъ рѣку Пигаіюки. — Новая конвенція, съ Шведами, при Олькіюки, по которой Генералъ Клеркеръ уступаетъ Русскимъ всю Финляндію, до Торнео. — Перечень трудовъ и подвиговъ корпуса Графа Каменскаго. — Отъѣздъ Графа Каменскаго въ Петербургъ и прощаніе его съ подчиненными. — Перечень моихъ воспоминаній о перенесенныхъ трудахъ и нуждахъ въ этотъ походъ. — Отравленіе. — Соединеніе съ корпусомъ Генерала Тучкова 1, въ Лиминго. — Извѣстіе о смерти Лоп-

тинскаго. — Вступленіе въ Улеборгъ. —
 Пріятная жизнь въ этомъ городѣ, послѣ
 военныхъ трудовъ. — Военные анекдо-
 ты. — Воспоминаніе о храбромъ Голеше-
 вѣ. — Смерть Вильбоа и Штакельберга. —
Весь-голт. — Благородное обхожденіе съ
 плѣнными въ обѣихъ арміяхъ. — Двѣ
 ужасныя сцены, которыхъ я былъ сви-
 дѣтелемъ. — Капитанъ Фуксъ и его Са-
 волакскіе драгуны. — Возвратный походъ
 въ Петербургъ. — Опасность, которой я
 подвергался въ Нейшлотѣ. — Характе-
 ристика Графа *О. П. Т.....го*, прозван-
 наго *Американцемъ*. — Несчастливая дуэль
 и смерть *А, ...ра И....ча Н...,на*. — Наше
 торжественное вступленіе въ Петер-
 бургъ. — Результаты кампаніи 1808 года 135

IV, Перемѣны въ Финляндской арміи. — За-
 слуги Графа *Аракчеева*. — Переходъ *Бар-
 клая-де-Толли* по льду, чрезъ проливъ
Кваркенъ, въ Швецію, — (Эпизодъ). —
 Какія чувства остались во мнѣ къ на-
 родамъ, съ которыми мы воевали 214

V. Достопамятные преобразованіями и усо-
 совершенствованіями годы 1808, 1809 и
 1810. — Народное просвѣщеніе. Основа-
 ніе его въ Главномъ Правленіи Учи-
 лищъ. — Университеты, гимназіи и шко-

лы. — Общій порывъ къ содѣйствию Правительству, въ дѣлѣ просвѣщенія народнаго. — Уничтоженіе преимуществъ придворныхъ званій. — Условія производства въ гражданскіе чины. — Государственный Совѣтъ. — Министерства. — Главные Сановники и чиновники, дѣятели тогдашней эпохи. — Графъ П. П. Румянцовъ. — Комиссія о Составленіи Законовъ, съ Высшимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, — Комиссія Прошеній. — Почтовое Управленіе. — Исполнительная часть въ столицѣ. — Важнѣйшія посольства. — Высочайшій Дворъ. — Военный Дворъ Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича. — Особы при воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государей, Великихъ Князей. — Генералъ-Адъютанты. — Флигель-Адъютанты. — Гвардія. — Словесность, — Театръ. — Писатели. Ученые. Художники. — Педагогическій Институтъ. — Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. — Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. — Окончательное устройство Государственнаго Совѣта, — Перемѣны въ Министерствахъ и въ другихъ Высшихъ Правительственныхъ мѣ-

стахъ. — Перемѣны въ Гвардіи. — Графъ
Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ. —
Краткая характеристика тогдашней эпо-
хи. — Біографическій и характеристиче-
скій очеркъ Графа М. М. Сперанскаго . 246

Handwritten text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is faint and difficult to decipher but appears to be organized into several lines or paragraphs.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Нужда во время войны. — Отдыхъ въ Гамлекарлеби, во время перемирія. — Шумная жизнь. — Неудача новаго Париса. — Балы Графа Н. М. Каменскаго. — Любимый его Адъютантъ А. А. Закревскій. — Полковникъ (въ послѣдствіи Генералъ) Эриксонъ; его характеръ и происхожденіе. — Страшная ночь. — Благородство простаго народа въ Финляндіи. — Комитетъ Министровъ, въ отсутствіи Государя Императора, не утверждаетъ перемирія. — Причины. — Участіе въ военныхъ распоряженіяхъ Графа Аракчеева. — Достопамятныя его слова. — Государь Императоръ утверждаетъ рѣшеніе Комитета Министровъ.

Маленькій городокъ Гамлекарлеби, имѣвшій не болѣе двухъ тысячъ жителей,

показался намъ раемъ, послѣ двухъ-мѣсячной бивачной жизни и всѣхъ возможныхъ лишеній. Съ выступленія нашего изъ Куопіо, мы ни одного дня не были подъ крышею, а нѣкоторые пѣхотные полки не знали квартиръ съ перваго вторженія въ Финляндію. Я уже говорилъ, что въ этой странѣ невозможно поставить на квартирахъ, въ одномъ мѣстѣ, даже полкъ, не только дивизію. Куопіо былъ пустъ, исключая нѣсколькихъ домовъ. Чрезъ Нюкарлеби мы только прошли, не останавливаясь, слѣдовательно Гамлекарлеби былъ первый городъ, въ которомъ мы нашли все въ порядкѣ, въ устройствѣ, лавки съ товарами, трактиръ съ огромными запасами винъ и съѣстныхъ припасовъ, и всѣхъ жителей въ домахъ своихъ. Кажется, что многіе изъ купцевъ разсчитывали на войну, и запаслись впередъ всѣмъ нужнымъ для войска. Всего было вдоволь и

даже недорого, въ сравненіи съ Петербургскими цѣнами.

Едва ли какое войско (исключая Французскаго, въ 1812 году) терпѣло болѣе нужды, какъ корпусъ Графа Каменскаго въ Финляндіи, хотя Графъ непрерывно заботился о его продовольствіи. Что можно было купить, покупали или брали реквизиціями, подъ росписки, но, по несчастію, рѣдко удавалось достать столько, чтобъ удовлетворить нужды всего корпуса, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. Крестьяне и помѣщики угоняли стада свои въ непроходимые лѣса; зерновой хлѣбъ прятали въ ямахъ. Иногда мы находили стада, по слѣдамъ, и открывали ямы съ рожью и ячменемъ, но молотьямъ было негдѣ и некогда. Парили рожь и ячмень въ котлахъ, и ѣли, какъ кашу, а иногда толкли на камняхъ, когда доставало на то времени. Болѣе всего мучилъ насъ недостатокъ соли. Даже мясо безъ

*

соли было безвкусно. О печеномъ Русскомъ хлѣбѣ и помину не было! Иногда раздавали намъ горсти по двѣ солдатскихъ сухарей и по нѣскольку Шведскихъ лепешекъ (кнакебре), и тогда былъ праздникъ на бивакахъ, особенно, когда при этомъ было хлѣбное вино. Для курильщиковъ тяжело было безъ табаку, и многіе курили хмѣль.—Въ Августѣ ночи были холодны и туманны, и шли часто дожди, а намъ, въ обходномъ отрядѣ Генерала Козачковскаго, весьма часто приходилось проводить ночи безъ огня, промокать до костей, и отдыхать на мокрой травѣ. Одежда погнила на насъ, и въ обуви былъ недостатокъ у офицеровъ и солдатъ. Бѣлье мыли мы на привалѣ, и сушили на походѣ. Страшно было взглянуть на насъ, небритыхъ, загорѣлыхъ, оборванныхъ, обожженныхъ, забрызганныхъ грязью!—Во всемъ корпусѣ Графа Каменскаго только новопри-

бывшій и переформированный Пермскій мушкетерскій полкъ былъ въ новыхъ мундирахъ и въ шинеляхъ тонкаго сукна. Полкъ этотъ сформированъ былъ изъ солдатъ, бывшихъ въ плѣну во Франціи, которыхъ Наполеонъ одѣлъ, вооружилъ и возвратилъ Государю, какъ я уже говорилъ выше. Солдаты эти изнѣжились во Франціи, и какъ говорили старыя служивыя другихъ полковъ, *разволыничались*. Пермскій полкъ хуже другихъ переносилъ трудности этой кампаніи, и не такъ охотно и весело шелъ въ сраженіе, какъ другіе полки. Только въ этомъ полку слышенъ былъ иногда между солдатами ропотъ, и за то другіе солдаты прозвали ихъ *мусье...*

По заключеніи перемирія, войско расположилось вокругъ Гамлекарлеби, по селеніямъ, въ тылъ до самаго Ньюкарлеби. Нашему эскадрону были отведены для квартиръ двѣ порядочныя дереvушки,

всего домовъ двѣнадцать, верстахъ въ пятнадцати отъ Гамлекарлеби. Дома, какъ во всей береговой Остерботніи, были хорошіе и крестьяне зажиточные, хотя и полуразоренные войною, не грабятъ, но реквизиціями, т. е. безденежными поставками провіанта и фуража для Шведовъ и Русскихъ. Новая жатва помогла намъ. Лошади наши имѣли, по крайней мѣрѣ, вдоволь сѣна, а люди кашу, овощи и молоко. Офицеры запасались предметами роскоши изъ города, куда мы ѣздили почти черезъ день и все время проводили въ трактирѣ, который содержалъ нѣкто Г. Перльбергъ. Къ нему перешли почти всѣ офицерскія деньги корпуса Графа Каменскаго и главной квартиры, которая перенесена изъ Або въ Гамлекарлеби, на другой день послѣ нашего вступленія въ этотъ городъ, именно 12-го Сентября,

Не постигаю, какъ Перльбергъ успѣ-

валь удовлетворять всѣ потребности множества офицеровъ, толпившихся день и ночь въ его трактирѣ! Столы накрыты были не только въ комнатахъ, но и на чердакѣ, въ сараѣ, въ чуланахъ. Огромные котлы не сходили съ огня, и въ трехъ кухняхъ (двѣ изъ нихъ были въ сосѣднихъ домахъ) безпрестанно варили, пекли и жарили. Пушшъ приготавливали въ ведрахъ. Въ двухъ комнатахъ играли непрерывно, день и ночь, въ банкъ. Шумъ въ трактирѣ былъ ужасный, отъ говора, хохота, а иногда и пѣнья! Около дюжины ловкихъ, вертлявыхъ, хорошенькихъ Шведочекъ прислуживали намъ, съ величайшимъ искусствомъ и проворствомъ, не хуже Парижскихъ прислужниковъ (garçons), а буфетомъ управляла дочь хозяина, молодая, прекрасная дѣвица, въ которую были влюблены *все*.... Она вела себя чрезвычайно скромно, благородно, и возбужда-

ла къ себѣ уваженіе — однакожъ, не избѣгнула непріятнаго приключенія.

Явился новый Парисъ для этой прекрасной Елены — нашъ старый проказникъ Драголевскій, и вспомнивъ времена Костюшки и Польскихъ конфедерацій, вздумалъ похитить красавицу, по праву завоеванія. Онъ приготовилъ повозку, запряженную парюю лихихъ коней, улучилъ время ночью, когда красавица вышла въ свою маленькую комнату, схватилъ ее въ охапку, обвернулъ шинелью и понесъ подъ мышкой изъ трактира, какъ цыпленка. Дѣвушка стала кричать изъ всѣхъ силъ (объ этомъ не подумалъ прежде новый Парисъ), и всѣ офицеры сбѣжались, чтобъ освободить прелестную плѣнницу изъ когтей коршуна. Но Драголевскій одной рукой держалъ свою добычу, а другой обнажилъ саблю, закричавъ грознымъ голосомъ: «Прочь, пѣхота!» Не предвидя

ни какой опасности отъ вооруженія полусотни человѣкъ, Главнокомандующій позволилъ городской гвардіи (вооруженнымъ гражданамъ) содержать въ городѣ почные патрули, вмѣстѣ съ нашими караулами, для бѣльшаго порядка. Въ это самое время гражданскій патруль проходилъ мимо трактира, и услышавъ крики и вопли, вбѣжалъ на дворъ. Граждане, видя свою землячку въ рукахъ страшнаго усача, бросились на него, но нашъ Драголевскій разогналъ ихъ, сдѣлавъ нѣсколько мушкетовъ (крестовое движеніе) саблей. Въ то же время явился Русскій патруль; командовавшій имъ офицеръ объявилъ рѣшительно Драголевскому, что если онъ не выпуститъ изъ рукъ дѣвушку, то по немъ станутъ стрѣлять, какъ по медвѣдю, и вызвалъ впередъ двухъ унтеръ-офицеровъ съ штуцерами. Мы стали уговаривать Драголевскаго, и онъ, убѣдясь на-

шими доводами, освободилъ дѣвицу, но не хотѣлъ, по требованію дежурнаго по карауламъ штабъ-офицера, сдаться, говоря, что умретъ на мѣстѣ, но не отдастъ сабли *пльхотъ!* Драголевскіи почиталъ кавалериста высшимъ существомъ, и говорилъ всегда: «прежде пулю въ лобъ — а потомъ въ *пльхоту!*» Явился знакомый Гродненскаго гусарскаго полка Ротмистръ Гротгусъ, и Драголевскіи отдалъ ему саблю, и пошелъ за нимъ на гауптвахту. Главпокомандующій хотѣлъ разстрѣлять его немедленно; но сама дѣвица и отецъ ея подали просительныя письма; Кульнелъ принялъ въ немъ участіе, и Драголевскаго только отдалъ подъ военный судъ. Съ этихъ поръ его не видали въ полку. Онъ содержался съгодъ на гауптвахтѣ. По рѣшенію суда, онъ подвергался лишенію чиновъ и ссылкѣ, но по ходатайству Его Высочества, арестъ вмѣнили ему въ наказаніе, и его перевели

въ ненавистную ему пѣхоту, въ Кронштадтскій гарнизонный полкъ, гдѣ днѣ окончилъ и службу и земное свое поприще, не оставивъ ни родни, ни даже извѣстiя о родѣ своемъ и племени.—Чудакъ былъ покойникъ!

Дѣвушка заболѣла отъ страха, пролежала нѣсколько дней въ постелѣ, потомъ выздоровѣла, и все пошло въ трактирѣ прежнимъ порядкомъ. Только она послѣ этого сдѣлалась осторожниѣе и при ней всегда былъ дюжii Шведъ, лакей, а кромѣ того нѣсколько изъ самыхъ пламенныхъ обожателей красавицы сторожили ее, съ удивительнымъ постоянствомъ, не отходя отъ буфета.

Графъ Каменскій давалъ нѣсколько бавловъ, на которые приглашены были почетные жители города, помѣщики и даже пасторы съ ихъ семействами. Никто не отказывался отъ этой чести. Хозяинъ былъ привѣтливъ со всѣми и осо-

бенно любезенъ съ дамами, между которыми было множество красавицъ. Распо­ряжался любимый адъютантъ Графа Каменскаго, Капитанъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, который завѣдывалъ всѣмъ у Графа, походною канцелярією, казенными и собственными его деньгами и цѣлымъ домомъ, а въ сраженіяхъ всегда бывалъ при немъ, ловя на лету его приказанія и передавая ихъ съ быстротою вихря, подъ непріятельскими ядрами, картечами и пулями. Слово А. А. Закревскаго было слово Графа Николая Михайловича Каменскаго, и гдѣ, бывало, покажется А. А. Закревскій, солдаты говорятъ: «вотъ Графская душа; куда-то велить итти!»

Весьма занимательно было видѣть въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ, въ толпѣ красавицъ, при звукахъ музыки, людей, уже перешедшихъ за возмужалый возрастъ и съ юношескихъ лѣтъ провед-

нихъ жизнь въ кровопролитныхъ битвахъ, покрытыхъ честными ранами, готовыхъ каждую минуту на явную смерть, которые заохочивали насъ, молодыхъ людей, веселиться. Шведы, особенно Шведки, съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, смотрѣли на Кульнева, котораго знали такъ же хорошо въ Шведской арміи, какъ и въ нашей. Въ Шведскомъ войскѣ называли его *будильникомъ*, потому что онъ всегда поднималъ отъ сна ихъ авангардъ и арріергардъ. Грозный Кульневъ также умѣлъ любезничать съ дамами, привыкнувъ къ Польскому свободному обхожденію (*), и танцевалъ полонезы съ маменьками, возбуждая къ танцамъ мо-

(*) Кульневъ родился въ Витебской Губерніи, въ городѣ Люцинѣ. Проѣзжая чрезъ этотъ городокъ въ 1835 году, я видѣлъ домъ, принадлежавшій родителямъ Кульнева. Домъ деревянный, красивой постройки, надъ водою, съ садомъ.

лодыхъ офицеровъ. Храбрый Полковникъ Эриксонъ (въ послѣдствіи отличный генералъ), не излечившись еще отъ раны, раздѣлялъ со всѣми и опасности битвъ и удовольствія. Съ виду онъ казался угрюмымъ, но былъ добръ до крайности и обожаемъ подчиненными. Онъ былъ небольшого роста, полный, краснощекій, и ловче былъ на полѣ сраженія, чѣмъ на паркетѣ. Жизнь его представляетъ удивительное сцѣпленіе счастливыхъ и несчастливыхъ обстоятельствъ. Эриксонъ происходилъ изъ самаго простаго званія; онъ былъ сынъ мельника, верстахъ въ двухъ отъ Дерпта. Городовой Магистратъ оказалъ ему какую-то несправедливость, и онъ, съ горя, пошелъ добровольно въ солдаты. Честностью, хорошимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и отличною храбростью онъ вышелъ въ офицеры, постепенно дослужился до полковничьяго чина, и коман-

дова.тъ тѣмъ же полкомъ, въ которомъ началъ службу солдатомъ. Свободные часы отъ службы Эриксонъ употреблялъ на свое образованіе; еще въ солдатскомъ званіи, выучился Русской грамотѣ, и читалъ сперва что ему понадалось, а потомъ по выбору. Онъ совершенно обрусѣлъ, и когда я узналъ его, въ Финляндіи, онъ похожъ былъ на стариннаго, умнаго степнаго помѣщика. Онъ весьма любилъ употреблять въ рѣчахъ Русскія коренныя поговорки. Привычное его слово, въ обращеніи къ солдатамъ, было: *kozy*. «Впередъ, впередъ мои *kozy*!» говорилъ онъ въ сраженіи, и хваля и браня, всегда прибавлялъ *kozy*. Оттого и его самого прозвали *козломъ*. Весьма замѣчательна черта его характера, о которой я упоминалъ, однажды, въ Сѣверной Пчелѣ. Будучи уже генераломъ, онъ пришелъ въ Дерптъ съ полкомъ. Никто не подозрѣвалъ и не догадывался, что это

тотъ Эриксоуъ, который лѣтъ за тридцать пять предъ тѣмъ пошелъ въ солдаты; но Эриксоуъ помнилъ всѣхъ своихъ родственниковъ и пріятелей, и приказалъ ихъ собрать на своей квартирѣ. Бѣдные эти люди не знали, зачѣмъ ихъ требуютъ къ генералу. Эриксоуъ сказалъ имъ, кто онъ таковъ, угостилъ, и всѣхъ обдарилъ.... Разумѣется, что родителей его уже не было въ живыхъ.... Выходя изъ Дерпта, онъ послалъ въ Магистратъ нѣсколько сотъ рублей, для раздачи бѣднымъ, при изъявленіи благодарности за оказанное ему неправосудіе, безъ котораго онъ былъ бы до сихъ поръ мельникомъ.

Самъ Главнокомандующій не оставался долго на этихъ балахъ; онъ былъ старъ и любилъ покой; но весь штабъ его не оставлялъ бала до конца, зная, что Графъ Каменскій любилъ, чтобъ гости не разъѣзжались до ужина. Генераль

Коновпицынъ (въ послѣдствіи Графъ), Генералъ Раевскій, прославившійся въ Отечественную Войну, были тогда въ цвѣтѣ лѣтъ; они обходились съ молодыми офицерами чрезвычайно ласково, и возбуждали къ себѣ довѣренность и любовь. Инженеръ-Генералъ Сухтеленъ (также въ послѣдствіи Графъ) былъ уже и тогда пожилой человѣкъ. Это былъ Несторъ нашей войны. Всѣ его уважали за его глубокія познанія, и любили за благородный характеръ и любезность въ обхожденіи.

Увидѣвшись въ городѣ съ нѣсколькими пріятелями моими изъ Гродненскаго гусарскаго полка, я далъ слово погостить у нихъ нѣсколько дней. Квартиры ихъ были въ деревнѣ, также верстахъ въ пятнадцать отъ города, но не по одной дорогѣ съ нашими квартирами, а въ сторону. Пріятели мои уѣхали изъ города, а я возвратился въ эскадронъ, отпросился у ротмистра, и снова пріѣхалъ на

другой день въ городъ, чтобъ оттуда ѣхать на квартиры Гродненскаго гусарскаго полка. Я не взялъ съ собою ни улана, ни моего денщика, и поѣхалъ одинъ. Переночевавъ у артиллерійскаго Штабсъ-Капитана Молченки, я вознамѣрился пообѣдать въ трактирѣ, и потомъ отправиться на ночь къ друзьямъ моимъ, Гродненцамъ. На бѣду мою, одинъ изъ пріятелей моихъ, Сѣвскаго мушкетерскаго полка Капитанъ Колищъ, (*) праздновалъ въ этотъ день свое рожденіе, и мы пропировали до сумерекъ. Зная, что товарищи меня не выпустятъ, я ускользнулъ потихоньку изъ трактира, побѣжалъ къ лошади, велѣлъ осѣдлатъ ее, и пустился въ путь. Долго ли проскакать верстъ пятнадцать! На улицѣ я поймалъ

(*) Родомъ Лифляндець, храбрый, умный, благовоспитанный офицеръ. Онъ дослужился до генеральскаго чина, былъ Комендантомъ въ Варнѣ, въ войну 1828—29 г, и умеръ тамъ отъ чумы.

какого-то оборванца, Финна, далъ ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ проводилъ меня за городъ, на дорогу, ведущую въ селеніе, которое я ему назвалъ, потому что оно у меня было записано. Городъ не великъ, и чрезъ четверть часа я уже шелъ, во всю рысь, по дороге....

Помните, что это было въ половинѣ Сентября, и въ Финляндіи, въ 1123-хъ верстахъ отъ Петербурга, на сѣверъ, и притомъ въ землѣ непріятельской. Шведскіе солдаты во время перемирія не тронули бы Русскаго офицера, если бъ онъ попался имъ невзначай, но за поселянъ нельзя было поручиться. Было темно, небо покрылось черными тучами, и холодный вѣтеръ продувалъ насквозь мою ветхую шинель на ватѣ. Проѣхавъ верстъ пять, я вѣхалъ въ лѣсъ. Тутъ стало теплѣе, ; я поѣхалъ шагомъ, и вдругъ передо мною открылись двѣ просѣки, т. е.

двѣ дороги. Которою надобно ѣхать? Провожавшій меня изъ города Финшъ болталъ что-то и махалъ руками, но я не разслушалъ его въ торопяхъ и не понялъ, зная едва нѣсколько словъ по-Фински. Я привелъ на память мѣстоположеніе города, и подумалъ, что направо не должно быть Русскихъ квартиръ, потому что съ этой стороны стоятъ Шведы, и поѣхалъ влѣво. Ёду, то шагомъ, то рысью — нѣтъ конца лѣса. Внезапно овладѣлъ мною ужасъ!...

Я не хвастаю моею неустрашимостью, но всѣмъ извѣстно, что у самыхъ неустрашимыхъ людей бывають минуты слабости, когда мужество оставляетъ ихъ и опасность представляется въ увеличенномъ видѣ. Ни одинъ правдивый человекъ не скажетъ, чтобы онъ въ жизни ни разу не струсилъ. Дѣйствіе ли это нервовъ на воображеніе, или воображенія на нервы, но только иногда человекъ

самъ не свой.—Точно ли тутъ были волки или миѣ показалось, что глаза ихъ блестятъ въ кустахъ — не знаю, но лошадь моя нѣсколько разъ фыркала и пятилась. При каждомъ шелестѣ меня морозъ подиралъ по кожѣ! Я вынулъ изъ кубуръ пистолеты — они были не заряжены! Въ ладункѣ не было патроновъ! Если бѣ въ эту минуту былъ со мной мой денщикъ — досталось бы ему за то, что онъ, безъ спроса, разрядилъ и вычистилъ пистолеты.... Нечего дѣлать, ѣду далѣе, и вдругъ пошелъ дождь, какъ изъ ведра, холодный какъ ледъ. Къ довершенію бѣды, я попалъ на топкое мѣсто, и лошадь моя съ трудомъ вытаскивала ноги изъ болота.... Я остановился....

Бывали ли вы, любезные читатели мои, въ неизвѣстномъ вамъ лѣсу, въ осеннюю ночь, во время дождя? Ужасное положеніе! Я не могъ придумать, ѣхать ли миѣ впередъ или воротиться.

По моему расчету, я уже проѣхалъ болѣе пятнадцати верстъ, и надѣялся приѣхать въ какое нибудь селеніе. А если попаду къ злымъ людямъ, которые захотятъ убить меня? Да будетъ воля Божія—и я поѣхалъ впередъ!

По болоту я выѣхалъ на лужокъ. Что-то чернѣлось передо мной. Я думалъ хижины — а это былъ стогъ сѣна. На лугу исчезъ слѣдъ дороги, и я объѣхалъ кругомъ лугъ, чтобъ попасть на нее.... Съ этихъ поръ дорога сдѣлалась такъ узка, что я долженъ былъ прижаться лицомъ къ лошадиной шеѣ, чтобъ какой нибудь сукъ не разможилъ мнѣ голову. Въ этомъ положеніи я какъ-то неловко подался на бокъ, сѣдло перевернулось—и я свалился.... въ лужу!

Я хотѣлъ осѣдлать лошадь — но подпруги лопнули. Что тутъ дѣлать! Какъ въ математикѣ два минуса составляютъ плюсъ, такъ и въ жизни человѣческой

усиленное несчастіе пробуждаетъ въ чело-
вѣкѣ уснувшую твердость. Я сѣлъ на
пень и задумался. Сильная жажда мучи-
ла меня, послѣ Шведскаго обѣда, въ ко-
торомъ соль играетъ всегда первую роль.
Передо мною была лужа; я напился
изъ нея, въ три приѣма, не смотря на то,
что глоталъ грязь вмѣстѣ съ водою — и
какъ будто ободрился. «Чему быть, то-
го не миновать,» сказалъ я про себя, и
принялся за работу. Шведы и Финны,
какъ извѣстно, употребляютъ длинные
кушаки (или шарфы), которыми они об-
вязываются при зимней одеждѣ, сперва
на груди, крестомъ, а потомъ два раза
по талии. По счастью, у меня былъ этотъ
кушакъ, и я привязалъ имъ сѣдло къ
лошади, по верху, подвелъ лошадь къ
пню, и съ пня вспрыгнулъ на нее. Над-
лежало держаться на балансѣ, потому
что при малѣйшемъ неровномъ движе-
ніи, сѣдло снова бы перевернулось, и я,

балансируя и придерживаясь за гриву, пустился въ путь.

Я ѣхалъ всю ночь. Тучи прошли, и начало свѣтать. Земля и деревья покрылись тонкою корою льда, и я щелкалъ зубами отъ стужи; руки у меня почти окостенѣли. Проѣхалъ я болѣе часа времени, и солнце уже показалось надъ деревьями.... миѣ стало какъ-то веселѣе. Вдругъ вдали послышался лай собакъ— и сердце у меня вздрогнуло. Наконецъ должна рѣшиться моя участь! Ёхать рысью было невозможно, потому что сѣдло вертѣлось подо мною, и лошадь отъ усталости едва передвигала ноги. Я вперилъ взоръ въ даль, и духомъ рвался впередъ.... и вотъ конецъ лѣса! Слава-те Господи! Я остановился на опушкѣ, и осмотрѣлся. Передо мною была обширная равнина, оканчивающаяся горами, покрытыми лѣсомъ. Въ верстѣ отъ лѣса былъ большой крестьянскій домъ, со

всѣми службами ; за этимъ домомъ вдали дымилось. Казалось, вся долина была населена. Перекрестясь, я поѣхалъ къ первому дому.

Когда мы подружились съ Арвидсономъ въ Рауталамби, онъ откровенно сказалъ мнѣ, что если я хочу, чтобъ меня хорошо принимали, я долженъ называться Нѣмцемъ и хвалить Шведовъ, и при этомъ написалъ мнѣ нѣсколько Шведскихъ фразъ, которыя я вытвердилъ наизусть. Во время одного разъѣзда, я до того разнѣжилъ моими заучеными фразами пастора, у котораго пробылъ часа два, что онъ подарилъ мнѣ книгу: Самоучитель Нѣмецкаго языка, съ Шведскимъ переводомъ. Въ этой книжонкѣ, старой и избитой, которая служила нѣкогда сыну пастора (въ это время уже взрослому), были собраніе употребительнѣйшихъ словъ и разговоры, на Нѣмецкомъ и Шведскомъ языкахъ. Отъ ску-

ки я выучилъ наизусть всѣ слова и разговоры, и болталъ по-Шведски, разумѣется дурно и неправильно, когда хотѣлъ самъ составить фразу, но все же а понималъ много, отгадывая половину, по извѣстнымъ мнѣ словамъ. Когда я подѣзжалъ къ дому, собаки бросились ко мнѣ, и на лай ихъ хозяинъ дома, нѣсколько женщинъ и работниковъ вышли на крыльцо и смотрѣли съ удивленіемъ на меня, приближавшагося медленно. Когда я остановился у воротъ, мальчикъ отперъ ихъ; я въѣхалъ на дворъ, и поздоровался съ толпой, по-Шведски. Это успокоило семью. Я соскочилъ съ лошади, подошелъ къ хозяину, человекъ лѣтъ сорока, пріятной наружности, въ которомъ я узналъ старшаго въ семьѣ, потому что онъ стоялъ впереди всѣхъ, пожалъ ему руку, повторивъ привѣтствіе, и поклонился женщинамъ, которыя, по Шведскому обыкно-

венію, отблагодарили меня книксеномъ. Скажу мимоходомъ, что Шведки вообще, даже изъ простаго званія, чрезвычайно вѣжливы и любятъ книксены. Если вы встрѣтите на дорогѣ толпу поселяпокъ, идущихъ пѣшкомъ въ церковь или на работу, и скажете имъ привѣтствіе, онѣ посреди дороги отвѣтятъ вамъ книксеномъ.—Начался между нами разговоръ по-Шведски..

«Вы Шведскій офицеръ?» спросилъ меня хозяинъ.

Наставленіе Арвидсона пришло мнѣ на память, и я отвѣчалъ чисто, заученою фразою: «нѣтъ, я Рускій офицеръ, но родомъ Нѣмецъ, изъ стариной Шведской провинціи, завоеванной Русскими....» Крестьянинъ проворчалъ обыкновенное Шведское ругательство: Tusan Diefla (тысяча чертей), но по взглядамъ его я замѣтилъ, что это не ко мнѣ относилось.

— «Вы говорите по-Шведски?» спросилъ крестьянинъ.

— «Я такъ люблю славный Шведскій народъ (Det vackra Swenska Folk), что учусь по-Шведски, хотя во время войны и не успѣлъ еще выучиться,» отвѣчалъ я, также заученою фразою.

— «Но вы говорите прекрасно!» возразилъ онъ.

«Иное говорю хорошо, а иное не могу вовсе объяснить,» сказалъ я.

— «Откуда же, куда вы ѣдете, и зачѣмъ?»

На первую фразу вопроса я могъ отвѣчать, а на двѣ остальные мнѣ не достало словъ. Я не зналъ, какъ сказать по-Шведски, что я заблудился въ лѣсу, потому что этого не было въ моей книжкѣ. Однакожъ, произнеся слова: *лѣсъ, путь дороги, ночь*, и дополняя остальное знаками, я успѣлъ объяснить, что я сбился съ дороги, и потомъ назвалъ се-

леніе, гдѣ стоялъ нашъ эскадронъ. Все семейство безпрестанно повторяло свое *всезначащее*: ja so, ja so. (*)

Объяснивъ хозяину мое положеніе, я подошелъ къ нему, положилъ одну руку ему на сердце, а другою указалъ на небо, и, какъ умѣлъ, сказалъ, что Богъ видитъ насъ, и я прибѣгаю къ сердцу добраго Шведа, и прошу его помощи....

Старуха, мать хозяина, подошла ко мнѣ, и поглядивъ меня по лицу, сказала: «Бѣдное дитя!» — Я былъ не ребенокъ, но молодъ и что болѣе, молодецъ. У меня тогда только пробивался пушекъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ были богатырскіе усы.... У жены хозяина на-

(*) Въ моей Прогулкѣ по Финляндіи и Швеціи, въ 1838 году, я говорилъ уже, что у Шведовъ ja so (т. е. да, да) означаетъ *все*, и что смыслъ зависитъ отъ тона, которымъ произносятся эти слова. Ja so означаетъ и *утвердительное* и *отрицательное*, и гнѣвъ и любовь.

вернулся слезы.... Я примолвилъ довольно понятно, хотя неправильно : « у меня есть мать, которая ждетъ меня, и можетъ быть никогда не дождется! ».... Добрый Шведъ тронулся, пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: « Вы здѣсь, какъ дома! » Я отъ души обнялъ его и прижалъ къ сердцу....

Всю жизнь я прожилъ такъ, что если довѣрялъ человѣку, то довѣрялъ вполне, неограниченно, а если не вѣрилъ, то ужъ ни на волосъ! Свѣтская премудрость не одобритъ этого правила, но это не правило, а слѣдствіе характера, и я не рѣдко дорого поплачивался за это! Пословица справедливо утверждаетъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку, и И. И. Дмитріевъ сказалъ великую истину:

« Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. »

Я ввѣрился совершенно Шведу.

День былъ воскресный, и вся семья, съ прислужниками, была дома. Въ церковь не ѣздили, потому что во всѣхъ пасторатахъ стояли Русскіе (*), съ которыми не хотѣли встрѣчаться, хотя наши сѣдлаты стояли смиренно на квартирахъ. Напившись кофе (т. е. пойма, называемаго кофе), я показалъ хозяину мое несчастное сѣдло, просилъ его починить, и накормить меня и моего коня, обѣщая за все заплатить, а между тѣмъ отвести уголокъ, гдѣ бы я могъ выспаться. Хозяинъ повелъ меня въ верхній этажъ, и указалъ чистую комнату, съ опрятною постелью. Платье на мнѣ было сыро, и я былъ забрызганъ грязью, отъ шпоры до шапки. Шведъ покачивалъ головою,

(*) Послѣ узналъ я, что селеніе, въ которое я заѣхалъ, освобождено было отъ постоя, потому что доставило фуражъ и провіантъ натурою въ городской магазинъ, для главной квартиры.

и пособивъ миѣ раздѣться, взялъ все платье мое въ охапку, а вмѣстѣ съ нимъ сапоги и саблю, сказавъ, что прикажетъ вычистить.... Вотъ я совершенно обезоруженъ, и баба съ ухватомъ могла бы взять меня въ плѣнъ или убить. Но я вѣрилъ Шведу!

Я пріѣхалъ въ седьмомъ часу утра, и проспалъ до двухъ часовъ по полудни. Хозяинъ успѣлъ уже пообѣдать и отдохнуть. Отворивъ дверь моей комнаты, я сталъ звать его, называя *другомъ*. Другъ явился съ платьемъ. Оно было высушено и вычищено; сабля моя блестѣла какъ зеркало. Я одѣлся и безъ сабли сошелъ въ нижнее жильѣ, гдѣ было собрано все семейство хозяина и вся челядь, человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ. Теперь только замѣтилъ я, что жена моего добраго хозяина красавица. Это была вторая его жена, и онъ представилъ миѣ сына и дочь, отъ перваго брака. Сыну было

лѣтъ восемнадцать, а дочери лѣтъ пятнадцать. Братъ и сестра были прекрасны собою. Всѣ обходились со мною съ уваженіемъ, а старуха, мать хозяина, бѣзпрестанно ласкала меня и гладила по лицу. Съ тѣхъ поръ, я люблю добрыхъ старушекъ. Хорошая старушка въ семьѣ — благословеніе Божье, примѣръ добра для молодаго поколѣнія!

Для меня приготовленъ былъ обѣдъ, весьма вкусный для голоднаго. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что самъ отвезетъ меня въ эскадронъ, который стоялъ только въ двухъ миляхъ отъ его дома. Не знаю, какимъ образомъ я до такой степени сбился съ дороги, что ѣхавъ въ сторону Гамлекарлеби, попалъ въ тылъ его! Я не могъ понять, что толковалъ мнѣ хозяинъ на этотъ счетъ, но кажется, что въ лѣсу я долженъ былъ повернуть въ право, а не въ лѣво. Я проѣхалъ въ эту ночь около трехъ Шведскихъ миль (до

двадцати осьми верстѣ)! У меня была Донская лошадь. Отдохнувъ и поѣвъ порядочно, она какъ ни въ чемъ не бывала!

На дворѣ стояла порядочная крашеная одноколка, запряженная лихою лошадью. Моего коня я привязалъ сзади, на недоуздрѣ. Я спросилъ хозяина, что я ему долженъ, но онъ рѣшительно отказался отъ денегъ, говоря, что я у него былъ въ *гостяхъ*. Какъ я ни уговаривалъ его взять деньги, онъ не соглашался, а женщины отмахивались руками. У меня, въ кошелькѣ, былъ завѣтный червонецъ, съ изображеніемъ Божіей Матери (Венгерскій червонецъ, время Маріи-Терезіи), данный мнѣ на счастье, моею матерью. Я упросилъ хозяйку взять его, на память. Работникамъ за чистку платья, починку сѣдла и уходъ за лошадью я далъ нѣсколько рублей на вино, и этому хозяинъ не противился.

Простившись съ семействомъ и объявъ всѣхъ, я сѣлъ въ одноколку съ хозяиномъ, и поѣхалъ въ эскадронъ.

Ротмистръ и товарищи удивились моему возвращенію, потому что я отпросился на три дня. Я рассказалъ мое приключеніе и благородство Шведа, котораго мы обласкали и угостили. Я принудилъ его взять весь мой запасъ кофе и сахара, поручивъ отдать отъ меня его женѣ и матери. — Эта ночь, въ которую я столько вытерпѣлъ, и нравственно и физически, не имѣла однакожъ ни какого вліянія на мое желѣзное здоровье, но слѣдствіемъ этой ночи было то, что я далъ себѣ обѣтъ, никогда не разѣзжать одному въ неизвѣстной мнѣ сторонѣ, по проселочнымъ дорогамъ, особенно по ночамъ, сталъ прилежно учиться Шведскому языку, безпрестанно записывая слова и цѣлыя фразы, и послѣ купилъ себѣ нѣ-

сколько Шведскихъ книгъ , облегчающихъ изученіе языка. До сихъ поръ весьма многое осталось въ моей памяти, а тогда я изрядно болталъ по-Шведски, и все понималъ.

Не долго мы наслаждались перемиріемъ и довольствомъ. Государь Императоръ былъ тогда въ Германіи, въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ и для рѣшенія, на конгресѣ, дѣлъ общей Европейской политики. Управление дѣлами Имперіи было поручено Государемъ Комитету Министровъ , съ правомъ объявлять Высочайшія повелѣнія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Душою Комитета былъ Военный Министръ Графъ Аракчеевъ, особенно по военнымъ дѣламъ. Онъ весьма не благоволилъ къ Графу Буксгевдену, который безпрестанно требовалъ свѣжаго войска, денегъ, аммуниціи и продовольствія, противился всѣмъ планамъ, со-

ставленнымъ въ Петербургѣ, и велъ дѣло медленно, по мнѣнію Графа Аракчеева. Въ Петербургѣ, въ это время, находился Генераль отъ Инфантеріи Кноррингъ, бывшій Генераль-Квартирмейстеромъ въ послѣднюю Шведскую войну, при Императрицѣ Екатеринѣ II. Графъ Аракчеевъ часто совѣщался съ Кноррингомъ по дѣламъ, касающимся до Финляндской войны, и на этотъ разъ пригласилъ его въ засѣданіе Комитета Министровъ. Кноррингъ никогда не соглашался съ планами Графа Буксегвена, и сильно возсталъ противу перемирія, когда Графъ Каменскій занималъ Гамлекарлеби, а Тучковъ беспокоившую насъ позицію Тайвола (противу Куопіо), которую упорный Сандельсъ долженъ былъ оставить, по отступленіи Графа Клингспора за Гамлекарлеби, боясь быть отрѣзаннымъ. Въ Комитетѣ единогласно рѣшили, предписать Графу

Буксгевдену , именемъ Государя, прервать немедленно перемиріе и опрокинуть армію Графа Клингспора за Торнео, а Тучкову велѣно тѣснить Сапдельса, по Индесальской дорогѣ, и стараться разбить его и отрѣзать. Въ то же время Комитетъ рѣшилъ составить два резерва, одинъ изъ трехъ батальоновъ Рочесальмскаго и Фридрихсгамскаго гарнизоновъ, подъ начальствомъ Генерала Аникѣева, другой изъ двухъ батальоновъ Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, подъ начальствомъ Генерала Графа Павла Александровича Строганова, и отправить ихъ немедленно въ Финляндію. Графъ Буксгевденъ, не разрывая перемирія, написалъ оправданіе на Высочайшее Имя; но Комитетъ Министровъ не убѣдился его доводами , и повторилъ Высочайшее повелѣніе начать военныя дѣйствія. Государь Императоръ, получивъ въ Эрфуртѣ донесеніе Комитета,

одобрилъ и утвердилъ его постановленіе. 7-го Сентября Графъ Буксгевденъ получилъ рѣшительное повелѣніе начать военныя дѣйствія безпрекословно, подѣ строжайшею отвѣтственностью за сопротивленіе Высочайшей волѣ.

Кто былъ правъ, кто виновать? Главнокомандующій непрерывно жаловался на трудности войны, на малочисленность войска для занятія обширнаго взбунтованнаго края, и для охраненія береговъ, угрожаемыхъ высадками, на недостатокъ продовольствія и свирѣпствованіе отъ того болѣзни въ войскѣ, и когда, по уваженію всѣхъ этихъ причинъ, въ Петербургѣ рѣшились на заключеніе съ Шведами перемирія, до зимы, Графъ Буксгевденъ не согласился на эту мѣру. Когда же Графъ Каменскій принудилъ Графа Клингспора къ отступленію изъ внутренности края, и Сандельсъ долженъ былъ оставить свою це-

приступную позицію, при Тайволаѣ, и выступить на Линдулакскую дорогу, а между тѣмъ отряды Графа Витгенштейна и Князя Голицына, сильно подкрѣпивъ дѣйствующую армію, подавляли возстаніе крестьянъ, Комитетъ Министровъ, въ свою очередь, судя по событіямъ, имѣлъ полное право не соглашаться на перемиріе и требовать продолженія успѣшныхъ дѣйствій противу Графа Книгспора и Сандельса, для очищенія Финляндіи къ зимѣ отъ Шведскихъ войскъ. Графъ Буксгевденъ не представлялъ ничего новаго Комитету Министровъ, и въ оправданіи своемъ на Высочайшее Имя повторилъ только прежнія жалобы, отчасти уже педѣйствительныя, послѣ успѣховъ Графа Каменскаго. Слѣдовательно, и Комитетъ Министровъ и Графъ Буксгевденъ имѣли основательныя причины придерживаться своего мнѣнія, но Графъ Буксгевденъ тѣмъ казался не

правъ, что, не соглашаясь на заключеніе перемирія при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, заключилъ его во время успѣховъ нашихъ и послѣ полученія значительной помощи, увеличившей Русское войско цѣлою третью. Тѣ же самыя умствованія и расчеты, которые Графъ Буксгевденъ представлялъ прежде въ опроверженіе перемирія, Комитетъ Министровъ употребилъ теперь противу перемирія, заключеннаго Графомъ Буксгевденомъ. А что Комитетъ Министровъ рассчитывалъ вѣрно, это доказывается успѣхомъ его предположеній.

Будучи уже литераторомъ и журналистомъ (въ двадцатыхъ годахъ), я сказалъ однажды, кстати, Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, что Россія много обязана ему въ дѣлѣ покоренія Финляндіи. Въ этихъ словахъ не было ни лести, ни комплимента съ моей сто-

роны, а была суцная правда, повторенная и знаменитымъ нашимъ военнымъ историкомъ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, по смерти Графа Аракчеева. Графу Алексѣю Андреевичу пріятны были мои слова. — «Такъ есть еще люди, которые отдають мнѣ справедливость,» сказалъ Графъ: «спасибо братецъ, спасибо! Я не *воевода* (собственныя слова Графа) и не брался предводить войсками, но Господь Богъ далъ мнѣ столько разума, чтобъ различить правое отъ неправаго. — Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бъ мы отложили изгнаніе Шведовъ изъ Финляндіи до слѣдующаго года! — Буксгевденъ почиталъ меня своимъ личнымъ врагомъ — и крѣпко ошибался. За что мнѣ было враждовать съ нимъ? Тотъ мой врагъ, кто не исполняетъ своего дѣла, какъ слѣдуетъ. Я воевалъ съ Буксгевденомъ его собственнымъ оружіемъ — его *резонами* (слова

Графа), противу предложеннаго имъ перемирія , и если бъ слушалъ всѣхъ, да не *столкнулъ* Баркляя (собственные слова Графа) на ледъ, прямо въ Швецію, то мы еще годика два пробились бы въ Финляндіи.... Жаловались на недостатокъ продовольствія , но вѣдь я посылалъ изъ Петербурга сколько было нужно ; зачѣмъ не умѣли сберечь и доставить куда слѣдуетъ».... На этихъ словахъ Графа Аракчеева я основалъ мое заключеніе, приведенное выше.

II.

БѢГЛЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ, ВЪ 1808 ГОДУ.—ВОЙНЫ НАПОЛЕОНА.—БАЙОНСКАЯ ДРАМА ИЛИ ЛИШЕНІЕ ПРЕСТОЛА БУРБУНОВЪ ИСПАНСКОЙ ЛИНІИ И ПЛѢНЪ ИХЪ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПАНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО СЕМЕЙСТВА. КОРОЛЬ КАРЛЬ IV. КОРОЛЕВА. ПРИНЦЪ АСТУРІЙСКІЙ, ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ КОРОЛЬ ФЕРДИНАНДЪ VII. — КОРОЛЕВА ЭТРУРИИ И ДОНЪ АНТОНИО. — ЭМАНУИЛЬ ГОДОИ, КНЯЗЬ МИРА. — НЕСОГЛАСІЯ ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ СЕМЕЙСТВѢ. — ВЗЯТІЕ ПОДЪ СТРАЖУ И ОТДАНИЕ ПОДЪ СУДЪ ПРИНЦА ФЕРДИНАНДА. — ПРОЕКТЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ПОРТУГАЛІИ. — ФРАНЦУЗЫ ИДУТЪ ЧЕРЕЗЪ ИСПАНІЮ ВЪ ПОРТУГАЛІЮ. — ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОРОЛЕВА МАРІА-ФРАНЦИСКА-ЕЛИСАВЕТА И РЕГЕНТЪ ДОНЪ ЖУАНЪ. — ЛИШЕНІЕ ПРЕСТОЛА БРАГАНЦСКОЙ ФАМИЛІИ. — ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ ЗАНИМАЕТЪ ПОЧТИ ПОЛОВИНУ ИСПАНІИ. — НАРОДНОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ МАДРИДѢ И АРАНЖУЭСѢ. — ЧТО ЗНАЧИТЪ НАРОДЪ ВЪ ИСПАНІИ. — НИЗВЕРЖЕНІЕ КНЯЗЯ МИРА. — КАРЛЬ IV ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТЪ ПРЕСТОЛА ВЪ ПОЛЬЗУ ФЕРДИНАНДА, И ТАЙНО ПРОТЕСТУЕТЪ ПРОТИВЪ ОТРЕЧЕНІЯ, ПРОСЯ ЗАЩИТЫ У НАПОЛЕОНА. — МЮРАТЪ СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ВОЙСКОМЪ ВСТУПАЕТЪ ВЪ МАДРИДЪ. — ИСПАНСКОЕ КО-

РОЛЕВСКОЕ СЕМЕЙСТВО ПРИЕЗЖАЕТЪ ВЪ БАЙОННУ.
 ДЛЯ СВИДАНІЯ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ, — ПЕРВОЕ СВИ-
 ДАНІЕ КАРЛА IV И КОРОЛЕВЫ СЪ ИХЪ СЫНОМЪ. —
 ПЕРВОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ИСПАНЦЕВЪ ВЪ МАДРИДЪ ПРО-
 ТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ. — БИТВА И КАЗНИ. — ВТОРОЕ
 СВИДАНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ИСПАНСКОЙ ФАМИЛИИ. —
 ФЕРДИНАНДЪ ПРИНУЖДЕНЪ ОТРЕЧЬСЯ ОТЪ ПРЕСТО-
 ЛА ВЪ ПОЛЬЗУ ОТЦА, А КАРЛЪ IV ПЕРЕДАЕТЪ ПРА-
 ВА НА ПРЕСТОЛЪ НАПОЛЕОНУ. — ЕДИНСТВЕННЫЙ
 ПОСТОРОННИЙ ЗРИТЕЛЬ БАЙОНСКОЙ ДРАМЫ, КНЯЗЬ
 АЛЕКСАНДРЪ ПВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ. — ИСПАНСКИЙ
 КОРОЛЬ ЮСИФЪ, БРАТЪ НАПОЛЕОНА. — НАЧАЛО ОБ-
 ЩАГО ВОЗМУЩЕНІЯ ВЪ ИСПАНИИ. — АНГЛИЧАНЕ ДѢ-
 ЛАЮТЪ ВЫСАДКУ ВЪ ПОРТУГАЛИИ. — НЕУДАЧИ ФРАН-
 ЦУЗОВЪ. — МАРШАЛЬ ЖЮНО СДАЕТЪ ПОРТУГАЛИЮ
 АНГЛИЧАНАМЪ. — АНГЛИЧАНЕ БЕРУТЪ ВЪ ЛИССАБО-
 НѢ РУССКИЙ ФЛОТЪ АДМИРАЛА СЕНЯВИНА. — ОГРОМ-
 НАЯ ПОМОЩЬ ИСПАНИИ СО СТОРОНЫ АНГЛИИ. —
 МЕЖЕВАНІЕ ЕВРОПЫ НАПОЛЕОНОМЪ. — ОБЩЕЕ НЕ-
 ГОДОВАНІЕ НАРОДОВЪ И ГОСУДАРЕЙ. — ВОЗНЕНІЕ
 УМОВЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. — ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ СОЮЗЪ
 (Tugendbund). — НАДЕЖДА ЕВРОПЫ НА РОССИЮ. —
 ЭРФУРТСКИЙ КОНГРЕССЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВИЯ. — НА-
 ПОЛЕОНЪ И СПЕРАНСКИЙ.

Прежде, нежели я обращусь къ во-
 еннымъ дѣйствіямъ въ Финляндіи, по-

слѣ разорвавнаго перемирія , должно взглянуть на ходъ Европейскихъ дѣлъ, отклонявшихъ вниманіе Европы отъ подвиговъ Русскихъ въ Финляндіи. 1808 г. самый достопамятный въ новой исторіи, потому что въ этомъ году Наполеонъ, достигнувшій высочайшей степени славы и могущества, самъ началъ подрывать фундаменты своего величія, подчинивъ политику Франціи и стараясь подчинить политику всей Европы личнымъ своимъ выгодамъ и возвышенію своего семейства. Войны Наполеона можно раздѣлить на войны *политическія* и *семейныя*. До 1807 года онъ долженъ былъ вести войны для утвержденія новаго порядка во Франціи, для упроченія ея границъ, пріобрѣтенныхъ войнами, которыя вела Французская Республика, и наконецъ для признанія Франціи Имперіею въ ея новыхъ предѣлахъ и Императорскаго званія въ своемъ лицѣ. До

этой поры, Наполеонъ всегда предлагалъ миръ своимъ противникамъ предъначатиемъ военныхъ дѣйствій, и всегда старался помириться съ Англіею. Съ 1808 года, Наполеонъ задумалъ овладѣть всею Западною Европою, лишить престола всѣхъ Бурбоновъ, а съ ними и домъ Браганцскій, и на мѣсто Бурбонской фамилии поставить членовъ своей фамилии. Неаполь былъ уже въ его власти, и отданъ брату его Юсифу. Теперь Наполеонъ рѣшился овладѣть Пиренейскимъ Полуостровомъ, къ чему давно уже стремились его помыслы, и наконецъ, въ этомъ году, когда три главныя Державы въ Европѣ, Россія, Австрія и Пруссія, должны были уступить ему, совершилось событіе, которое Исторія прозвала Байоннскою Драмою. Драма эта кончилась для Наполеона, бывшаго въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ драма Донъ-Жуанъ.

Въ Испаніи царствовалъ Карлъ IV, человекъ образованный, умный и добродушный, но Государь слабый, безхарактерный, легковѣрный, имѣвшій отвращеніе къ занятіямъ государственнымъ. Двѣ непобѣдимыя страсти господствовали въ немъ и поглащали все его время: музыка и псовая охота. Ему тогда было пятьдесятъ девять лѣтъ отъ рожденія. Королева Луиза-Марія (урожденная Принцесса Неаполитанская) была только тремя годами моложе своего супруга, но сохранила въ душѣ весь пылъ южныхъ страстей и въ тѣлѣ всю силу пламеннаго темперамента. Подчинивъ Короля своей власти, она управляла его волею. Королевское семейство составляли: младшій братъ Короля, Донъ-Антоію, человекъ благородный и твердаго характера; три сына: Донъ-Фернандо или Фердинандъ, Принцъ Астурійскій, наследникъ пре-

стола, двадцати трехъ лѣтъ отъ рожденія, Донъ-Карлосъ, двадцати двухъ лѣтъ и Донъ-Франциско де-Паула, четырнадцати лѣтъ. У Короля были три дочери: Карлота, замужемъ за наследникомъ Португальскаго престола, Марія-Луиза-Иозефина, правительствующая Королева Этрурии, и Марія-Изабелла, въ замужствѣ за наследникомъ престола Обѣихъ Сицилій.

Дѣлами Государства и Дворомъ управлялъ самовластно и безотчетно любимецъ Королевы, или какъ мы говоримъ, временщикъ, Эмануиль (Мануэль) Годои (Godoi), человекъ низкаго происхожденія. Иные говорятъ, что онъ былъ сперва погонщикомъ муловъ, другіе утверждаютъ, что онъ былъ тореадоромъ, т. е. бойцемъ на воловьихъ травляхъ. Прекрасный собою, ловкій, ума хитраго и вкрадчиваго, Годои опредѣлился въ роту Королевскихъ тѣлохранителей, и

вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Королевы, которая предалась ему совершенно, и заставила Короля произвести ея любимца въ первые Министры, въ Предсѣдатели Кастильскаго Совѣта, въ Адмиралы и въ Генералиссимусы. Постыдная уступчивость Французскому Правительству, погубившая Испанскій флотъ, всѣ ея военныя средства, и разстроившая финансы для сохраненія постыднаго мира, доставила Годою фантастическій титулъ *Князя Мира* (Prince de la Paix). Господствовавшая страсть въ Князѣ Мира — была алчность къ деньгамъ, и онъ для того только любилъ власть, что она представляла ему средства къ обогащенію и къ грубому разврату. Вся Королевская Фамилія, все дворянство и весь народъ Испанскій ненавидѣли и презирали Князя Мира, но Королева любила его болѣе собственнаго своего семейства, и Король, ради

своего спокойствія, до такой степени ввѣрился хитрому любимцу, что поручилъ ему все дѣла политики и внутренняго управленія, и никого другаго не хотѣлъ слушать. Князь Мира употреблялъ все средства, чтобъ развратить наследника престола и дать ему превратное воспитаніе, надѣясь по смерти Короля овладѣть престоломъ. Во время болѣзни Короля, въ 1806 году, уже пущены были въ народъ вѣсти о перемѣнѣ династїи, будто бы по завѣщанію Короля — но онъ выздоровѣлъ, и въ народѣ ненависть къ любимцу усилилась еще болѣе. Въ мудрое правленіе Карла III, предшественника Карла IV, Испанія начала пробуждаться отъ летаргическаго сна, и вездѣ водворялся порядокъ, въ слѣдствіе постепенныхъ усовершенствованій. При Князѣ Мира все обрушилось въ прежнюю пропасть—и Испанія представляла настоящей хаосъ. Правосудіе,

чины, мѣста, привилегіи продавались съ молотка. Государство не имѣло флота, войско было въ жалкомъ положеніи, торговля ничтожная, фабрики и мануфактуры въ совершенномъ упадкѣ, народъ почти одичалъ въ глубокомъ невѣжествѣ и суевѣріи. Все зло приписывали корыстолюбивому любимцу, Князю Мира, и полагали всю надежду на наследника престола, окруженнаго людьми умными и почтенными, между которыми главную роль играли воспитатель Принца, Каноникъ Эскойкисъ (Escoiquis), Перцоги Инфантадо и Санъ-Карлосъ. Народная партія, окружавшая наследника престола, ожидала только случая, чтобъ свергнуть Князя Мира съ высоты власти, для общаго блага. Князь Мира, противодѣйствуя партіи, старался посѣять раздоръ между наследникомъ престола и его родителями, и до того успѣлъ въ своемъ намѣреніи, что возбудилъ ненависть къ нему въ

сердцѣ его матери и недовѣрчивость въ Королѣ. Начались придворныя интриги, основанныя на клеветѣ и сплетняхъ, безпрестанно усиливавшія ненависть родителей къ сыну, а въ сынѣ желаніе избавиться отъ своего врага.

Война Наполеона съ Пруссіею и Россіею, въ 1806 году, образумила на время Испанскій Дворъ, долженствовавшій предвидѣть, чѣмъ кончится его раболѣпное послушаніе Наполеону, когда онъ изгналъ Бурбоновъ изъ Неаполя. Нашъ Посланникъ при Испанскомъ Дворѣ, Баронъ Строгановъ, и Англійскій посланникъ успѣли убѣдить Князя Мира въ пользахъ Испаніи отъ союза со всею Европою, противу властолюбія Наполеона, и Князь Мира началъ собирать войско, и издалъ сплнную прокламацію, приглашая народъ къ вооруженію, не назвавъ, однакожъ, непріятели. Если бъ Наполеонъ претерпѣлъ пораженіе на сѣверѣ,

тогда бы до 100,000 войска Испанскаго, Португальскаго и Англійскаго вторгнулось во Францію, черезъ Пирепей; но побѣда при Іенѣ перемѣнила ходъ дѣлъ, и Князь Мира, испугавшись своего смѣлаго поступка, удвоилъ свою уступчивость и раболѣпство предъ Наполеономъ. Наполеонъ не показалъ вида, что предполагалъ измѣну въ Князѣ Мира, но рѣшился ускорить изгнаніе Бурбоновъ изъ Испаніи. Внутреннія интриги Испанскаго Двора послужили ему къ тому предлогомъ.

Какъ первое доказательство преданности, въ которой Князь Мира увѣрялъ Наполеона, онъ потребовалъ лучшихъ двухъ корпусовъ изъ Испанской арміи, собранной противу него. Князь Мира согласился, и одинъ корпусъ Испанскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генерала Офариљи, посланъ былъ въ Тоскану, а другой, въ 14,000 человекъ, подъ коман-

дою Генерала Маркиза Ла-Романа, въ Данію. Выбраны были лучшіе солдаты и офицеры, чтобъ лишить Испанію надежнѣйшей опоры. Между тѣмъ, 24,000 Французовъ, подъ начальствомъ Маршала Жюно, выступили черезъ Испанію въ Португалію (въ половинѣ Октября 1807 года).

Корпусъ Маршала Жюно состоялъ изъ рекрутъ. Едва по три человека старыхъ солдатъ приходилось на роту. Кавалеристы были не болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ службѣ, не умѣли даже ѣздить и обходиться съ лошадью. Пѣхота не знала вовсе своего дѣла. Это было самое плохое войско, какого Франція никогда не выставляла противу непріятеля. Въ этомъ корпусѣ лучшіе солдаты были Піемонтцы и Ганноверцы, которые, однакожъ, шли неохотно на войну, и не нравились Французамъ. Наполеонъ приказалъ Жюно, какъ возможно поспѣшить

въ Лиссабонъ, чтобъ взять Португальскій флотъ и задержать Королевскую фамилю, и Жюно шелъ торопливо, малыми отрядами, оставляя въ тылѣ множество большихъ и мародеровъ. 30-го Ноября 1807 года, онъ вступилъ въ Лиссабонъ, только съ 1500 человекъ. Остальные пришли послѣ, но изъ 24.000 человекъ, перешедшихъ за Пиренеи, въ Португаліи собрались только 14,000 человекъ, оборванныхъ, усталыхъ и ненадежныхъ въ бою солдатъ.

Маршалъ Жюно еще изъ Испаніи разослалъ по Португаліи прокламаціи, извѣщая, что онъ идетъ ей на помощь, противу Англичанъ, которые намѣрены поступить съ Португаліей, какъ поступили съ Даніей, и увѣщевая Португальцевъ принимать Французовъ, какъ друзей и союзниковъ. И между тѣмъ, какъ Жюно увѣрялъ Португальцевъ въ великодушныхъ и безкорыстныхъ намѣре-

ніяхъ Наполеона, Англичане сообщили Принцу Регенту Португальскому листъ официальной Французской газеты *Мониторъ*, въ которомъ напечатано было рѣшеніе Наполеона, что «Домъ Браганцскій пересталъ царствовать въ Португаліи.» (*La maison de Bragance avait cessée de régner*). Это та же самая фраза, которою лишена престола Фамилія Неаполитанскихъ Бурбоновъ!

Въ Португаліи царствующею Королевою была вдова Короля Педро III, Марія-Франциска-Елисавета, урожденная Принцесса Португальская. Она жила уединенно, посвятивъ жизнь свою богомолью, а Государствомъ управлялъ, около двадцати лѣтъ, въ званіи регента, сынъ ея Дошъ-Жуанъ, человѣкъ добрый, но слабый, безхарактерный, совершенно похожій правомъ на Испанскаго Короля, но не имѣвшій ни его ума, ни образованности. Несчастный въ супру-

жествъ, испытавшій нѣскольکو разъ измѣну и неблагодарность любимцевъ, онъ жилъ уединенно, и соглашался на всѣ требованія Франціи, чтобъ только сохранить миръ. Но это не спасло его. Въ послѣдней крайности, когда Маршалъ Жюно уже вступилъ въ Португалію, онъ предался Англичанамъ. Въ Лиссабонѣ носились преувеличенные слухи на счетъ числа войска Маршала Жюно; однако жъ, старая Королева хотѣла, чтобъ выслали противу него войско и рѣшили споръ оружіемъ. Англіійскій Адмиралъ, знаменитый Сидней Смитъ, уговорилъ и Королеву и Принца-Регента оставить Лиссабонъ, удалиться въ Бразилію и ожидать тамъ, пока Англичане возвратятъ имъ Португалію. За день до вступленія Маршала Жюно въ Лиссабонъ, вся Королевская Фамилія отправилась на Англіійскій флотъ, къ которому присоединился и флотъ Пор-

тугальскіи, и со всеѣмъ Дворомъ и сокровищами отплыла въ Америку. Жюно, повторивъ приговоръ Наполеона объ отрѣшеніи отъ престола Браганцской Фамиліи, началъ управлять Португаліею отъ имени Французскаго Императора, замѣнивъ Португальскіи гербъ Французскимъ орломъ, и вывѣсивъ надъ дворцомъ трехъ-цвѣтное знамя. — Въ Парижѣ почитали Португалію покоренною, и дѣло конченнымъ.

Испанская корона въ то же время, такъ сказать, сама падала въ руки Наполеона. Наслѣдникъ престола Фердинандъ, надѣясь на помощь Наполеона, по совѣту своихъ друзей, просилъ его, въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, выдать за него въ замужество одну изъ Принцессъ Императорской Фамиліи, и принять его въ особенное свое покровительство, обѣщая быть послушнымъ, какъ сынъ отцу, и въ то же время представилъ родителю

своему записку, въ которой изложивъ всѣ дурныя поступки и качества Князя Мира, просилъ удалить его отъ дѣлъ и отъ Двора. Записка эта написана была воспитателемъ и первымъ совѣтникомъ Фердинанда, Каношникомъ Эскойкисомъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Князь Мира, узнавъ чрезъ своихъ шпионовъ о томъ, что Принцъ Фердинандъ писалъ къ Наполеону, представилъ это дѣло Королю и Королевѣ въ видѣ заговора, не только противу Королевской власти, но и жизни. Королева, несправедливо видѣвшая сына за его вражду съ ея любимцемъ, уговорила Короля дѣйствовать сильными мѣрами, и Король приказалъ арестовать Принца и его совѣтниковъ, и отдать ихъ подъ судъ за измѣну и покушеніе на жизнь Короля и Королевы, извѣстивъ въ то же время Наполеона о раздорѣ, терзавшемъ его семейство, и о своемъ несчастномъ положеніи, требуя совѣта и помощи.

Это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе въ Испаніи. Никто не вѣрилъ въ справедливость обвиненія Принца Фердинанда, и всѣ были увѣрены, что это интрига Князя Мира. Хотя судъ и не находилъ ни какихъ доказательствъ заговора, но Принцъ Фердинандъ, зная, что рѣшеніе суда не избавитъ его отъ мести матери и Князя Мира, согласился помириться съ нимъ, чрезъ посредство сестры своей, Королевы Этрурской, и даже далъ ему почувствовать, что готовъ жениться на его свояченицѣ; написалъ признаніе въ своей винѣ, не означая ея, и просилъ прощенія у родителей, сваливъ всю вину на своихъ совѣтниковъ. Князь Мира, видя, что это дѣло произвело дурное впечатлѣніе въ народъ, посоветовалъ Королю и Королевѣ простить виновнаго сына, обнародовавъ однакожь, вмѣстѣ съ прощеніемъ, и признаніе Принца, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ, какъ предателя

друзей своихъ и какъ неблагодарнаго сына. Совѣтниковъ Принца наказали ссылкой.

Во время раздоровъ и семейныхъ интригъ Испанскаго Двора, Годон искалъ покровительства Наполеона, и Императоръ Французовъ, чтобъ заставить дѣйствовать Князя Мира согласно съ своими видами, заключилъ съ Испаніею тайный трактатъ въ Фонтенбло, въ 1807 году, по которому Испанія обязывалась помогать Франціи къ завоеванію Португаліи. Ее предполагали раздѣлитъ. Одну часть долженствовали получить Князь Мира, и, какъ независимый Государь, принять титулъ Князя Обѣихъ Алгарвій; другая часть предоставлялась Королевѣ Этрурін, въ замѣнъ этой области; третья часть должна была оставаться въ рукахъ Наполеона, до дальнѣйшихъ распоряженій, а Король Испанскій принималъ званіе *Американскаго Импера-*

тора. Испанскій Король соглашался на все, съ условіемъ, чтобъ другъ его *Мануэлито*, какъ онъ обыкновенно называлъ Годои, былъ счастливъ и доволенъ!

Между тѣмъ, до 85,000 Французскаго войска вошли въ Испанію, подъ предлогомъ поддержанія завоеванія Португаліи, хотя въ Фонтенблоскомъ трактатѣ допускалось не болѣе 40,000 человѣкъ. Въ-сто того, чтобъ идти въ Португалію, войско остановилось въ Испаніи (въ Январѣ, 1808 года), отъ Пиреней по Эбро, овладѣвъ, самыми непростительными хитростями, всѣми крѣпостями. Народъ негодовалъ и ропталъ противу Князя Мира, зная, что Французы вошли въ Испанію съ его согласія. Англійскіе агенты сильно дѣйствовали, возбуждая въ народѣ недовѣрчивость и ненависть къ Наполеону и Франціи, и страдая Дворъ примѣромъ Неаполя и Португаліи. Наконецъ и самъ Князь Мира испугался, видя, что

Наполеонъ медлитъ исполненіемъ Фонтенблоскаго трактата, касательно раздѣла Португаліи. Онъ рѣшился послать въ Парижъ свое довѣренное лице, Искіердо, отъ имени Короля, для объясненій на счетъ поведенія Французскихъ генераловъ, занявшихъ обманомъ крѣпости, и прося исполненія Фонтенблоскаго трактата, безъ всякихъ другихъ условій. Король соглашался отдать Французамъ, на время, одну или двѣ крѣпости, но рѣшительно протестовалъ противу занятія всѣхъ крѣпостей. Англичане совѣтовали Князю Мира отправиться съ Королевскою фамліею въ Мексику, и тамъ ждать возстановленія спокойствія въ Европѣ, усиліями всѣхъ державъ. Этотъ проектъ нравился Князю Мира, который страшился мести народа, послѣ смерти Короля, и боялся лишиться своего богатства. Извѣстія, сообщенныя изъ Парижа Искіердомъ утвердили, его въ этой

мысли. Искіердо писалъ, что Наполеонъ оказываетъ величайшую ненависть ко всѣмъ Бурбонамъ, и намѣренъ сдѣлать измѣненіе въ Фонтенблоскомъ трактатѣ, отдавая Испаніи всю Португалію и требуя присоединенія къ Франціи почти половины Испаніи, отъ Пиренеевъ до рѣки Эбро, какъ было при Карлѣ Великомъ.

Тогда Князь Мира рѣшился удалиться, съ Королевскою фамиліею, въ Севилью, за горы Сіерра-Моррена. Король предписалъ войску Испанскому собираться за этою чертою, выслалъ довѣренныхъ людей въ Англію, требуя совѣта и помощи въ случаѣ, когда надобно будетъ спастись въ Америку. Въ Аранжуэсѣ предписано было собираться гвардіи и лучшимъ полкамъ, для охраненія Королевской фамиліи, и при Дворѣ начались пригоговленія къ отъѣзду. Это было въ началѣ Марта, 1808 года. Вѣсть, что Король оставляетъ столицу и даже Испа-

нию, встревожила народъ и войско. Всѣ явно кричали, что ненавистный Годои продалъ Испанію Французамъ. Народъ собирався толпами на площадяхъ, а солдаты въ казармахъ, и толковали о несчастіи отечества, обвиняя во всемъ Годои. Дворянство, чиновники и офицеры раздѣляли общее негодованіе, и все предвѣщало близкое возмущеніе. Наконецъ, когда 6-го Марта войско выступило изъ Мадрита въ Аранжуэсъ, народъ толпами пошелъ за войскомъ, и прибывъ на мѣсто, окружилъ дворецъ, произвося ругательства и проклятія противу Годои, требуя его головы и понося Королеву. Противу Короля не было ни одного оскорбительнаго слова, а Принцу Фердинанду кричали *виватъ*, называя его избавителемъ и хранителемъ чести Испаніи. Войско отказалось дѣйствовать противу народа, и вмѣстѣ съ нимъ проклинали ненавистнаго Годои, *cortejo* старой Коро-

левы. Наконецъ нижній этажъ дворца наполнился народомъ, угрожавшимъ вторгнуться въ Королевскія комнаты, для отысканія своего врага, продавшаго, какъ говорилъ народъ, Испанію Франціи.

Если говорится о возмущившемся *народъ* Испанскомъ, то не должно разумѣть подъ этимъ именемъ богатыхъ помѣщиковъ, купцевъ, фабрикантовъ и поселянъ. Эти люди участвуютъ только духомъ въ народныхъ смятеніяхъ. Но едва ли какая другая страна вмѣщаетъ въ себѣ столько стихіи къ продолжительному мятежу, какъ Испанія. Испанскіе города и даже селенія наполнены людьми бездомными и безъ всякаго состоянія, живущими день за день, чѣмъ попало и какъ попало, и принимающимися за работу тогда только, когда голодъ превозмогаетъ лѣнь. Къ этимъ бобылямъ принадлежатъ также контрабандисты, составляющіе особую касту, люди смѣлые

и даже отчаянные, рискующіе жизнью за нѣсколько рублей, которые при недостаткѣ работы занимаются разбоемъ, укрываясь въ горахъ и пустыняхъ, гдѣ извѣстны имъ всѣ тропинки; погонщики муловъ расхаживающіе непрерывно по Испаніи, разносящіе вѣсти и находящіеся въ связяхъ съ разбойниками, контрабандистами и всѣми тунелдцами; мелкіе чиновники и писцы изъ бывшихъ студентовъ, терпящіе вѣчный голодъ; толпы нищихъ, называющихъ себя студентами, и снискивающихъ пропитаніе милостивою; ремесленники, которые принимаются за работу только въ крайности, когда ѣсть нечего; оборванные и голодные, но гордые *хидалгосы*, въ родѣ прежней безпомѣстной Польской шляхты, и наконецъ монахи, или какъ ихъ называютъ въ Испаніи: фрайле (*frayle*), т. е. *братья*, составляющіе, такъ сказать, душу Испанскаго народа. Эти фрайле, сус-

вѣры и невѣжды, расхаживаютъ по всей Испаніи, изъ монастыря въ монастырь, изъ дома въ домъ, проводятъ время въ праздности, предсѣдательствуютъ въ шипкахъ, и отъ скуки готовы на все. Они не были врагами Князя Мира, потому что только тотъ врагъ ихъ, кто вводитъ порядокъ, истребляетъ злоупотребленія и просвѣщаетъ народъ; но Князь Мира былъ приверженцемъ Франціи, которую *фрайле* называли землею безбожія и отечествомъ Антихриста, и потому, когда Французскія войска заняли часть Испаніи, то и *фрайле* возстали противу Князя Мира. Этотъ-то народъ въ Испаніи ужасенъ своею воспламенительностью, своимъ невѣжествомъ и кровожадностью. У каждаго человѣка длинный ножъ въ карманѣ (навахо), и при малѣйшей ссорѣ—драка на пожахъ. Убить противника для этихъ людей то же, что у насъ избранить! Простить обиду почитается мало-

душіемъ, а отмститъ кровью—молодечествомъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ отчаянныхъ головорѣзовъ собрались въ Аранжуэсъ, и ревѣли подъ окнами Королевскими: «смерть Годои, согтежо Неаполитанки; вивать Фердинанду!»

Король, который никогда не занимался ни однимъ важнымъ дѣломъ, и состарѣлся въ спокойствіи и совершенномъ бездѣйствіи, вовсе лишился присутствія духа, а Королева, съ воплями отчаянія, призывала своего Мануэлито (т. е. Князя Мира), чтобъ укрыть его отъ ярости народной. Но онъ уже спрятался въ своемъ домѣ, на чердакѣ, подъ кучею матрацовъ. Народъ, ворвавшись въ домъ, изломалъ и разграбилъ все, но не отыскалъ Годоя. Въ домѣ поставили часовыхъ, но мятежъ не утихалъ. Тогда Королева призвала ненавистнаго ей сына, Принца Фердинанда, и сказала: «Спаси Мануэля (Годои) отъ смерти, и Ко-

роль сей же часъ отречется отъ престола, въ твою пользу.» Уже въ Королевскомъ совѣтѣ самъ Король предложилъ эту мысль, почитая вѣнецъ царскій тяжкимъ бременемъ, безъ помощи друга своего *Мануэлито*, и самому Фердинанду повторилъ слова Королевы. Наслѣдникъ престола, который съ виду не принималъ ни какого участія въ мятежѣ, отвѣчалъ родителямъ, что онъ готовъ исполнить ихъ приказаніе и повиноваться ихъ волѣ. Уже прошло тридцать шесть часовъ со времени начала мятежа, но Князя Мира не могли отыскать. Наконецъ, томимый жаждою, онъ выльзъ изъ своего убѣжища, и сталъ просить стакана воды у часоваго, Королевскаго тѣлохранителя, обѣщая ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ. Но часовой предалъ его народу, который готовился растерзать его, какъ внезапно появился Принцъ Фердинандъ, и прика-

заль не трогать преступника, а отвезть въ тюрьму, чтобъ судить по законамъ. Народъ повиновался. На другой день Король объявилъ отреченіе отъ престола, въ пользу Фердинанда; народъ, войско и всѣ сословія были въ восторгѣ.

Но, на другой день по отреченіи отъ престола, когда Годон былъ уже въ безопасности отъ народной мести, Король, по совѣту Королевы, написалъ протестъ противу своего отреченія, утверждая, что былъ принужденъ къ тому силою, желая избѣгнуть кровопролитія, и послалъ свой протестъ Французскому посланнику въ Мадридѣ, Графу Богарне. Въ то же время онъ написалъ письмо къ Наполеону, увѣдомляя о насильственномъ отреченіи отъ престола, и просилъ покровительства и защиты, предавая себя, семейство свое и друга своего, Князя Мира, его волѣ, и ожидая отъ него рѣшенія судьбы своей.

Мюратъ, Великій Герцогъ Бергскій, назначенъ былъ Главнокомандующимъ арміею въ Испаніи, и во время происшествій въ Аранжуэсѣ находился только въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Мадрида. 12-го Марта, Мюратъ торжественно вступилъ съ войскомъ въ столицу Испаніи, и въ тотъ же вечеръ получилъ отъ Короля Карла IV письмо, въ которомъ онъ, извѣщая его о насильственномъ своемъ отреченіи отъ престола, просилъ покровительства для своего семейства и для друга своего, Князя Мира, находившагося въ тюрмѣ. Новый Король Фердинандъ VII, извѣщая Наполеона о своемъ восшествіи на престолъ, въ слѣдствіе добровольнаго отреченія отца, также увѣрялъ Императора Французовъ въ своей неизмѣнной преданности, и также просилъ его покровительства. Такимъ образомъ королевское семейство добровольно предавало свою участь волѣ Наполеона!

Наполеонъ, не признавая Фердинанда въ королевскомъ званіи, но не порицая явно всего случившагося, послалъ къ нему своего любимца, Савари, чтобъ уговорить на свиданье въ Байоннѣ, увѣривъ, что всѣ затрудненія кончатся при личныхъ переговорахъ. Приближенные къ Фердинанду совѣтовали ему не оставлять Испаніи и не довѣрять Наполеону; но онъ, по долгомъ колебаніи, наконецъ согласился отправиться къ Байонну, съ нѣсколькими изъ своихъ призерженцевъ. Наполеонъ прибылъ туда 3-го Апрѣля, а Фердинандъ позже тремя днями. Наполеонъ встрѣтилъ дружески Фердинанда, хотя избѣгалъ случая говорить съ нимъ о дѣлахъ, до пріѣзда Короля Карла IV, который прибылъ къ Байонну 18-го Апрѣля, съ Королевою и Княземъ Мира, освобожденнымъ изъ тюрьмы по требованію Наполеона.

Тутъ началась, такъ называемая,

Байоннская Драма. Фердинандъ чрезвычайно удивился, когда Наполеонъ предложилъ ему, чрезъ Савари, отказаться отъ Испанскаго престола и получить въ замѣнъ Испаніи Королевство Этрурское, данное Наполеономъ сестрѣ его, а потомъ отнятое, и отвѣчалъ, что онъ прибылъ затѣмъ только, чтобъ быть признаннымъ Королемъ Испанскимъ, а не для замѣна владѣній. Но Наполеонъ объявилъ рѣшительно, что какъ Карль IV протестуетъ противу своего отреченія съ престола, и обвиняетъ Фердинанда въ томъ, что онъ произвелъ мятежъ, и за это лишаетъ его правъ къ наслѣдованію Испанскимъ престоломъ, то онъ будетъ трактовать съ самимъ Королемъ о дѣлахъ. Между тѣмъ, подъ названіемъ почетной стражи, приставили караулъ къ квартирѣ Фердинанда и прибывшаго съ нимъ брата его, Дона Карлоса, и назначили множество полицей-

скихъ агентовъ для наблюденія день и ночь за ними, чтобъ воспрепятствовать ихъ возвращенію въ Испанію, а Наполеонъ началъ переговоры съ старымъ и немощнымъ Королемъ Карломъ IV, или, правильнѣе, съ Королевою и Княземъ Мира.

Сцена перваго свиданія королевской фамиліи, въ присутствіи Наполеона, представила ужасное зрѣлище. — «Доволенъ ли ты, доведя меня до этого горестнаго положенія!» сказалъ Карлъ IV Фердинанду, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. «Откажись отъ престола, съ котораго ты меня свергнулъ, отдай мнѣ мою корону, я требую этого, и если ты не захочешь повиноваться, я поступлю съ тобою, какъ съ возмущившимся подданнымъ; слышалъ ли!» — «Я не измѣнникъ,» отвѣчалъ Фердинандъ: «Испанская корона принадлежитъ мнѣ, потому что вы, родитель мой, отреклись отъ

нея, а кромѣ того, я спасъ жизнь Мануэля (Годон), который преслѣдуетъ меня».... — «Отдай мнѣ мою корону!» воскликнулъ Король, въ бѣшенствѣ, и будучи прикованъ подагрой къ кресламъ, привсталъ, съ усиленіемъ, и устремился къ сыну, грозя ему тростью. Наполеонъ удержалъ Короля. Королева ругала Фердинанда самыми низкими выраженіями, забывъ всѣ приличія, и потомъ обратясь къ Наполеону, стала умолять его, чтобъ онъ отдалъ его подъ судъ, какъ измѣнника и бунтовщика, заслужившаго публичную казнь. Фердинандъ спокойно отвѣчалъ: «Я согласенъ отказаться отъ престола, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Ваше Величество не брали съ собою въ Испанію людей, ненавистныхъ народу (намекъ на Князя Мира), и если вы, по слабости здоровья, не можете сами управлять, то чтобъ вы мнѣ поручили управленіе государствомъ. Что же ка-

сается до отреченія отъ престола, то это дѣло должно быть подвергнуто сужденію чрезвычайнаго собранія Кортесовъ или Кастильскому Совѣту».... Наполеонъ, видя, что дѣло принимаетъ неожиданный оборотъ, поспѣшилъ окончить это свиданіе.

Насильственное задержаніе Фердинанда въ Байоннѣ возбудило во всей Испаніи сильное негодованіе и удвоило ненависть къ Французамъ. Народъ явно ропталъ и говорилъ объ отмщеніи. Вездѣ приготовлялись къ возстанію и къ истребленію Французовъ. Ждали только случая, и отъ открылся. Наполеонъ, чтобъ имѣть въ рукахъ все королевское семейство, приказалъ Мюрату выслать изъ Мадрида въ Байонну младшаго брата Карла IV, Дона Антонія, Предсѣдателя Правительственнаго Совѣта (Юнты) въ отсутствіе Фердинанда, младшаго Принца Дона Франциска де-Паула

и бывшую Королеву Этрурскую. Это привело народъ въ бѣшенство, и 20-го Апрѣля (2-го Мая н. ст.), внезапно вспыхнуло возмущеніе въ Мадридѣ. Въ восьмидесяти двухъ церквахъ ударили въ одно время въ набатъ, и все Мадридское народонасеніе бросилось изъ домовъ на улицы, вооружившись чѣмъ кто могъ. Каждаго встрѣчавшагося Француза умерщвляли на мѣстѣ. Французское войско выступило изъ казармъ— и заняло важнѣйшіе посты. Въ толпы народа стрѣляли бѣглымъ огнемъ изъ ружей и картечами, вдоль улицъ; но ожесточенные Испанцы бросались съ ножами въ ряды Французовъ, и лѣзли, какъ слѣпые, на пушки. Разумѣется, что регулярное войско одержало верхъ, и къ вечеру городское начальство успѣло усмирить возстаніе. У Французовъ убито 500 человекъ, бѣльшею частію поодиначкѣ, въ домахъ и на улицахъ. Въ народѣ также

убито нѣсколько сотъ человѣкъ, и нѣсколько сотъ взято въ плѣнъ, изъ значительнѣйшихъ жителей столицы. Мюратъ, въ гнѣвѣ и для устрашенія столицы, велѣлъ въ ту же ночь разстрѣлять всѣхъ ихъ, безъ всякаго суда и расправы.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, служившій въ то время въ гвардіи Наполеона, и бывшій свидѣтелемъ этой экзекуціи, рассказывалъ мнѣ слѣдующее: «Всѣхъ плѣнныхъ, связанныхъ по рукамъ, привели на знаменитое гульбище Прадо, при свѣтѣ факеловъ. Шумъ и крикъ были ужасные. Большая часть плѣнныхъ клялись, что они не принимали ни какого участія въ возмущеніи, и просили слѣдствія. Другіе умоляли, чтобъ имъ позволили исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ. Не слушали ни жалобъ, ни просьбъ. Всѣхъ плѣнныхъ гражданъ поставили въ одну шеренгу, при стѣнѣ, и

батальонъ, въ десяти шагахъ, выстрѣлили въ нихъ залпомъ. Но какъ многіе были только ранены, то велѣно ихъ прикалывать. Пронзительные крики и стоны раздирали душу; но Французскіе солдаты до того были ожесточены, что не давали никому пощады. Когда не осталось ни одного въ живыхъ, Французы возвратились въ казармы, оставивъ трупы на мѣстѣ. На другой день городское начальство убрало ихъ и похоронило за городомъ. Народъ толпился на похоронахъ, но Французская кавалерія разогнала его.

Наполеонъ, получивъ извѣстіе о Мадридскомъ возмущеніи, рѣшился немедленно кончить дѣло съ Королевскою фамиліею. Призвавъ къ себѣ Князя Мира, онъ обѣщалъ ему свое покровительство, возвращеніе всего его богатства, оставшагося въ Испаніи, и огромную пожизненную пенсію, если онъ угово-

рить Короля, чтобъ онъ принудилъ Фердинанда отречься отъ престола. Король долженъ былъ угрожать Фердинанду судомъ за измѣну. Князь Мира согласился на все, и на другой день Король Карлъ IV снова призвалъ къ себѣ своихъ сыновей Фердинанда и Карлоса. Второе свиданіе происходило также въ присутствіи Наполеона. Хотя при этомъ свиданіи не было постороннихъ лицъ, но нѣкоторые изъ свиты Наполеона были помѣщены въ сосѣднихъ комнатахъ такимъ образомъ, что могли все слышать и видѣть. Извѣстный политическій писатель Прадтъ сохранилъ въ памяти эту сцену.

Король Карлъ IV сидѣлъ въ креслахъ, держа свою трость. По одной сторонѣ его сидѣла Королева, по другой сидѣлъ Наполеонъ. Вошли два Принца. «Имѣешь ли ты извѣстіе изъ Мадрида?» спросилъ Король Фердинанда, гробовымъ голо-

сомъ, задыхаясь отъ гнѣва. — «Нѣтъ, государь,» отвѣчалъ Фердинандъ. — «Такъ слушай же,» сказалъ Король, и рассказавъ ему о Мадридскомъ возмущеніи, сталъ обременять его самыми сильными упреками: «Для того ли ты свергнулъ меня съ престола,» сказалъ онъ между прочимъ: «чтобъ проливать кровь моихъ подданныхъ! Кто тебѣ это присовѣтовалъ? Говори!» Фердинандъ молчалъ, а Король горячился, и наконецъ снова замахнулся на него тростью; крича: «Говори же!» Фердинандъ молчалъ. «Ты бы и насъ подвергнулъ погибели, если бъ мы были въ это время въ Мадридѣ,» продолжалъ Король. «Какъ бы ты могъ воспротивиться во время бунта! Говори, кто тебя подучилъ на этотъ новый бунтъ?» Фердинандъ молчалъ. Королева вскочила съ кресель, подбѣжала къ нему, и поднявъ руку, чтобъ дать ему пощечину, воскликнула: «Говори же!» Фер-

динандъ все молчалъ. Тогда Наполеонъ обратился къ Принцу, и сказалъ важно: «До сихъ поръ я не имѣлъ на вашъ счетъ ни какого твердаго намѣренія, но послѣ случившагося въ Мадридѣ, объявляю вамъ, что я никогда не признаю Испанскимъ Королемъ того, кто такимъ образомъ нарушилъ союзъ со мною. Мадридское кровопролитіе есть дѣло партія, отъ которой вы не можете отречься. Вотъ слѣдствія пагубныхъ совѣтовъ! Я не знаю никого, кромѣ Его Величества, вашего родителя—и его только признаю Испанскимъ Королемъ. Если ему угодно, я самъ провожу его въ Мадридъ!» —«Не хочу!» воскликнулъ Король. «Онъ (т. е. Фердинандъ) вооружилъ противу меня всѣ страсти, и я не хочу безчестить моей старости, ведя войну съ моими подданными и сооружая эшафоты»... Послѣ этого Король сказалъ Фердинанду: «По-

шелъ вонь!» и Принцъ удалился, не промолвивъ слова во все время.

Савари послѣдовалъ за нимъ, и объявилъ, что если онъ не отречется съ престола безъ всякихъ условій, то Король рѣшился назначить надъ нимъ судъ, слѣдствіемъ котораго будетъ или смерть на эшафотѣ, или вѣчное заключеніе. Фердинандъ наконецъ согласился, написалъ актъ и отослалъ его къ отцу.

Трактатъ съ Королемъ Карломъ IV былъ уже готовъ. Онъ былъ коротокъ и ясенъ. Карлъ IV, законный Король Испаніи и Индій, уступалъ Наполеону все свои права на Испанскій престолъ, съ тѣмъ, чтобъ Испанія оставалась нераздѣльною и составляла особое государство, независимое отъ Франціи. Наполеону предоставлялось на волю избрать Короля Испанскаго, который обязанъ хранить Римско-Католическую Вѣру господствующею, безъ всякихъ въ ней измѣне-

ній, и возвратить имущество всѣмъ лишившимся его во время возмущенія въ Аранжуэсѣ. Это относилось къ Князю Мира, который только этого и желалъ. Королю данъ въ пожизненное владѣнiе замокъ Компіенъ и имѣнiе Шамборъ, въ родѣ потомственнаго помѣстья, и 30,000,000 реаловъ въ годъ пенсiи. Каждому принцу назначено пенсiи по 400,000 франковъ. Съ Фердинандомъ заключенъ былъ особый договоръ на счетъ пенсiи, и онъ повторилъ отреченiе свое отъ правъ на Испанскiй престолъ. Тѣмъ кончилась драма Байонская, и Наполеонъ возвратился въ Парижъ, вѣря, что онъ везетъ въ карманѣ Испанiю съ ея богатыми колоніями. Онъ отдалъ ихъ брату своему, Иосифу, назначивъ на его мѣсто, въ Неаполитанскіе Короли, зятя своего Мюрата. При Дворѣ Наполеона повторяли фразу Лудовика XIV, произнесенную имъ въ то время, когда онъ

посадилъ на Испанскомъ престолѣ внука своего, Филиппа V, родоначальника Бурбонской Испанской линіи: il n'y a plus de Pyrénées! (т. е. нѣтъ больше горъ Пиренейскихъ).

Европейскіе дипломаты не предугадывали судьбы Испаніи и Испанскихъ Бурбоновъ. Основываясь на ихъ покорности волѣ Наполеона, всѣ полагали, что возникшія несогласія въ Испанской Королевской Фамиліи кончатся бракомъ Фердинанда съ одною изъ родственницъ Наполеона, и занятіемъ береговъ Испаніи Французскими войсками, какъ въ Германіи, для утвержденія континентальной системы противу Англійской торговли. Иностранныхъ дипломатовъ не было въ Байоннѣ, и все происходило тамъ въ тайнѣ, въ кругу довѣренныхъ и преданныхъ Наполеону лицъ. Первую догадку о судьбѣ Испаніи представилъ Императору Александру молодой Русскій офицеръ,

Штабъ-Ротмистръ Кавалергардскаго полка Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣ Князь, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи и Военный Министръ).

Мѣсто, занимаемое Княземъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ въ Государствѣ, заставляетъ меня, противу моей воли, быть чрезвычайно скромнымъ, въ разсказѣ о его подвигахъ и заслугахъ, чтобъ словъ моихъ не почли лестью. Знающіе меня коротко знаютъ также отвращеніе мое отъ всякой лести и похвалы и принятую мною систему *отмалчиваться*, когда нельзя сказать сущей правды. Но какъ о Князѣ А. И. Чернышевѣ много печатано было, въ чужихъ краяхъ, несправедливаго, а въ Россіи вовсе не напечатано ничего, то я, по долгу совѣсти и изъ безкорыстной преданности къ Князю, отъ котораго вовсе независимъ, любя и уважая его, какъ Русскаго патріо-

та и любителя просвѣщенія, скажу нѣсколько словъ о блистательномъ его поприщѣ, почти безпримѣрномъ, и тѣмъ болѣе заслуживающемъ вниманія, что Князь всѣмъ обязанъ своей службѣ, своему усердію, своимъ дарованіямъ и правосудной милости Русскихъ Государей.

Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ принадлежитъ къ старшей линіи фамиліи Чернышевыхъ, изъ которыхъ младшая линія пріобрѣла заслугами Графское достоинство, при Императрицѣ Екатеринѣ II, и жалованья помѣстья. Отецъ Князя Александра Ивановича, Иванъ Львовичъ, дослужился до генераль-поручичьяго чина, и въ слѣдствіе ранъ, полученныхъ въ войпахъ, долженъ былъ оставить военное поприще. Ему дано званіе Сенатора въ Москвѣ. По смерти родителя своего, Князь Александръ Ивановичъ остался, съ двумя своими сестрами, при матери, урожденной

Ланской, бывшей Фрейлиною при Императрицѣ Екатеринѣ II, сестрѣ Ланскаго, пользовавшагося особенною милостію Государыни и скончавшагося въ молодыхъ лѣтахъ. Одна сестра Князя Александра Ивановича умерла въ дѣвицахъ, а другая въ замужствѣ за Княземъ Петромъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ (Сенаторомъ). Сынь ихъ, Князь Элимъ Петровичъ, снискалъ блистательное имя въ литературѣ всемірной, піитическими произведеніями на Французскомъ языкѣ, въ которыхъ отражается пламенная любовь къ отечеству. Родительница Князя Александра Ивановича не хотѣла разстаться съ единственнымъ своимъ сыномъ, и воспитывала его дома, ввѣривъ надзоръ за обученіемъ Французскому аббату Перрену. Въ то время лучшіе и достойнѣйшіе люди оставляли Францію, чтобъ удалиться изъ страны, обуреваемой безсмысленною и кровожадною

революціею , и аббатъ Перренъ былъ изъ числа самыхъ образованныхъ и ученыхъ мужей своего отечества. До вступленія своего въ духовное званіе, аббатъ Перренъ готовился въ военную службу и зналъ превосходно военныя науки. Замѣтивъ въ питомцѣ своемъ страсть къ военному званію , онъ самъ преподавалъ ему всѣ науки, входящія въ кругъ военнаго образованія. По быстрымъ успѣхамъ во всѣхъ наукахъ и по самостоятельности характера , Князь Александръ Ивановичъ на шестнадцатомъ году возраста уже вступилъ въ свѣтъ и былъ отлично принимаемъ во всѣхъ Московскихъ обществахъ высшаго круга. Во время коронаціи Императора Александра, Государь благоволилъ почтить своимъ присутствіемъ балъ, даанный Княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ. На этомъ балѣ былъ и Князь А. И. Чернышевъ. Необыкновенная лов-

кость, счастливая, открытая физиономія и красота юноши обратили на него вниманіе Монарха, который соблаговолилъ вступить съ нимъ въ разговоръ, въ экосезѣ, и остался доволенъ его присутствіемъ ума и знаніемъ приличій. Тогдашній Президентъ Военной Коллегіи Лампъ, одолженный нѣкогда родителемъ Князя Александра Ивановича, просилъ Государя о принятіи его въ службу. Ему предлагали камеръ-юнкерство, доставлявшее тогда прямо чинъ 5-го класса, но Князь Александръ Ивановичъ хотѣлъ непремѣнно служить въ рядахъ Русскихъ воиновъ. Нельзя было поступить въ офицеры гвардіи, и потому Князь Александръ Ивановичъ принять прямо въ камеръ-пажи. Это первый и единственный тогда примѣръ! Въ 1802 году, 20-го Сентября, Князь Александръ Ивановичъ произведенъ въ Корнеты, въ Кавалергардскій полкъ, по шестнадцато-

му году отъ рожденія (онъ родился въ Декабрѣ, 1786 года). Въ 1804 году, 29-го Сентября произведенъ въ Поручики, а въ 1805 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ въ адъютанты къ Генералу Уварову, Шефу Кавалергардскаго полка, пользовавшемуся особливою милостью Государя Императора. Въ этомъ званіи Князь Александръ Ивановичъ выступилъ въ походъ, съ гвардіею, въ 1805 году, въ такъ называемую Аустерлицкую кампанію. На полѣ вѣковаго сраженія онъ нашелъ свое счастье! Князя Александра Ивановича послали къ Государю, въ пылу сраженія, съ донесеніемъ о дѣйствіяхъ нашего праваго фланга. Государя нашелъ онъ подъ непріятельскими выстрѣлами, возлѣ колонны Генерала Милорадовича, полуразбитой и едва удерживавшейся на позиціи. При Государѣ Императорѣ не

было ни одного человѣка изъ его адъютантовъ и свиты, и Его Величество обрадовался появленію Князя Александра Ивановича, велѣлъ остаться при своей Особѣ, и посылалъ нѣсколько разъ съ приказаніями въ разныя мѣста. Пріятно было Государю, что Князь Александръ Ивановичъ, исполнивъ порученіе, всегда возвращался къ Нему, и извѣщалъ о происходившемъ на полѣ битвы. Послѣ несчастнаго и кровопролитнаго сраженія, Государь Императоръ прибылъ, около полуночи, въ селеніе Годѣжиць. Съ трудомъ, какъ говоритъ правдивый историкъ кампаніи 1805 года, Генераль-Лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, нашли комнату для Государя, потому что въ домахъ толпились наши раненые, мародеры и обозные. Изъ всей свиты Государевой при немъ были только Лейбъ-Медикъ Вилліе, берейторъ Іене и

фельдъегерь Прошицкїи (*). Разговаривая съ восемнадцатилѣтнимъ поручикомъ о событіяхъ того достопамятнаго дня, и коснувшись даже предварительныхъ распоряженій, Государь удивился необыкновеннымъ военнымъ познаніямъ молодаго офицера, его дальновидности и основательности сужденій, и съ этихъ поръ Государь обратилъ особенное вниманіе на Князя Александра Ивановича Чернышева.—«Сослужи мнѣ сегодня послѣднюю службу: отыщи Кутузова,» сказалъ Государь Александру Ивановичу (**), и онъ пустился въ темную Ноябрьскую ночь, между толпами отступавшихъ солдатъ, отыскивать Кутузова, и нашелъ его. Послѣ этого Князь Чернышевъ возвратился къ своему Шефу,

(*) См. Описаніе первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году, соч. Г. Л. Михайловскаго-Данилевскаго.

(**) См. тамъ же.

Генералу Уварову. При раздачѣ наградъ, самъ Государь назначилъ ему Владиміра 4-й степени съ бантомъ, орденъ, въ то время рѣдко даваемый поручикамъ; но что было выше всего, это милость Государева, которую Его Величество явно оказывалъ Князю Александру Ивановичу Чернышеву. Въ 1806 году, Полября 1-го, Князь Чернышевъ произведенъ въ Штабъ-Ротмистры, и въ этомъ чишѣ и въ томъ же званіи адъютанта при Генералѣ Уваровѣ выступилъ въ Прусскую кампанію. Здѣсь снова счастье дало ему случай къ блистательному отличію. Когда наша армія, сбитая съ поля сраженія подъ Фридландомъ, должна была перейти по другую сторону рѣки Алле, послѣдняя колонна и вся наша кавалерія праваго фланга уже не застали мостовъ, которые были сожжены. Послали офицеровъ въ разныя стороны отыскивать броды, и первый изъ нихъ найденъ Княземъ Але-

ксандромъ Иваповичемъ Чернышевымъ; по этому броду и перешла тяжелая кавалерія. За этотъ подвигъ онъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и обласканъ Государемъ, который поручилъ ему, въ началѣ Тильзитскихъ переговоровъ, почетную обязанность, эскортировать съ отрядомъ казаковъ Королеву Прусскую, во время пріѣзда Ея Величества въ Тильзитъ. — Когда Графъ П. А. Толстой назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, Князь А. И. Чернышевъ былъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, долженствовавшихъ составлять посольскую свиту, но Государь оставилъ его, избравъ для дружескихъ сношеній съ Наполеономъ, выходившихъ изъ круга официальной дипломатики. Бóльшей чести не могъ никто достигнуть въ чинѣ и въ лѣтахъ Князя А. И. Чернышева! Едва наше посольство успѣло прибыть въ Парижъ, онъ былъ отправленъ Государемъ съ письмомъ къ

Наполеону, и представленъ ему нашимъ посломъ, Графомъ П. А. Толстымъ. Наполеонъ былъ чрезвычайно разговорчивъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, и въ этотъ день заговорилъ о дѣйствіяхъ корпуса Нея, въ Прусскую кампанію. Спрошенный по сему предмету Наполеономъ, Князь А. И. Чернышевъ изложилъ свое мнѣніе, которое чрезвычайно поправилось Наполеону, и онъ, съ этой поры, оказывалъ ему особенную благосклонность, а въ отвѣтѣ Государю на письмо, упомянулъ съ похвалою о Князѣ А. И. Чернышевѣ. Онъ пробылъ въ Парижѣ только одиннадцать дней, и въ это время Генераль Савари показалъ ему, по повелѣнію Наполеона, всѣ военныя заведенія столицы Франціи. Князь А. И. Чернышевъ былъ одинъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени, отличался всегда необыкновенною ловкостью и любезностью въ обхожденіи, и

зная Французскій языкъ, какъ свой природный, сдѣлалъ большое впечатлѣніе въ тогдашнемъ высшемъ Парижскомъ обществѣ и при Дворѣ Наполеона. Съ этихъ поръ Князю А. И. Чернышеву въ Парижѣ не было другаго имени, какъ: *le beau russe*. Отправленный въ другой разъ съ собственноручнымъ письмомъ Государя Императора къ Наполеону, Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ не пошелъ его въ Парижѣ, и отправился къ нему въ Байонну. Наполеонъ жилъ по близости города, въ замкѣ Маракъ (Магас), сдѣлавшемся историческимъ мѣстомъ послѣ Байоннскихъ событій. Князь А. И. Чернышевъ былъ принятъ Наполеономъ чрезвычайно мило, какъ старій знакомецъ. Въ ожиданіи депешей, провелъ онъ четверо сутокъ въ Маракскомъ замкѣ, и однажды удостоился чести быть приглашеннымъ къ столу Наполеона, чести которую дол-

жно отнести къ особенному личному уваженію, оказываемому Наполеономъ Князю Александру Ивановичу, потому что къ столу Наполеона не приглашались даже и иностранные послы. Дѣла велись въ тайнѣ, но Князь А. И. Чернышевъ, одаренный необыкновеннымъ умомъ и проницательностью, отгадалъ, по принимаемымъ предосторожностямъ относительно членовъ Испанской королевской фамиліи, будущую ихъ судьбу. Возвратясь въ Петербургъ, Князь А. И. Чернышевъ сообщилъ догадки свои Государю Императору, и предсказалъ паденіе Бурбоновъ Испанской линіи. При открывшейся войнѣ Наполеона съ Австріею, въ 1809 году, Князь А. И. Чернышевъ былъ снова посланъ съ письмомъ къ Наполеону, и находился при немъ во время бомбардированія Вѣны, въ знаменитыхъ сраженіяхъ при Аспернѣ и при Ваграмѣ, и за неустрашимость получилъ

золотой крестъ Почетнаго Легіона, который вручилъ ему лично Наполеонъ. Въ 1809 году, 6-го Іюня, Князь Чернышевъ получилъ званіе Флигель-Адъютанта; въ томъ же году, Октября 9-го, произведенъ въ Ротмистры, а въ 1810 въ Полковники, и въэтомъ же году посланъ въ Парижъ съ тайнымъ порученіемъ, чтобъ узнать подлинныя намѣренія Наполеона на счетъ Россіи, и для собранія свѣдѣній, какія силы можетъ употребить онъ въ войнѣ, къ которой явно готовилась Франція. Извѣстно, что Князь А. И. Чернышевъ исполнилъ успѣшно сіи важныя порученія. Находясь безпрестанно въ высшемъ Парижскомъ кругу, и принятый отлично въ семействѣ Наполеона, Князь А. И. Чернышевъ былъ покровительствуемъ всѣми дамами Двора и высшаго общества, былъ, какъ говорится, въ модѣ, и умѣлъ пользоваться своимъ счастливымъ положеніемъ для исполненія порученій.

Принужденный жить въ свѣтѣ, онъ работалъ, когда всѣ покоились, и составилъ въ это время планъ, какъ вести войну съ Наполеономъ, если онъ устремится въ Россію. Этотъ планъ былъ одобренъ и послужилъ основаніемъ при соображеніи оборонительной войны, въ 1812 году. — О дальнѣйшихъ блистательныхъ подвигахъ Князя А. И. Чернышева, въ 1812, 1813 и 1814 годахъ и далѣе, буду говорить въ своемъ мѣстѣ, когда дойдетъ до нихъ очередь, по хронологическому порядку.

Нѣтъ сомнѣнія, что не многимъ людямъ счастье такъ благопріятствовало, какъ Князю А. И. Чернышеву. Этимъ упрекали Князя Чернышева! Когда и Суворова стали упрекать счастьемъ, онъ сказалъ: «Сегодня счастье, завтра счастье, послѣ завтра счастье.... помилуй Богъ, да вѣдь надобно же сколько нибудь и ума!» Правда, счастье приблизило Князя

А. И. Чернышева къ Государю подъ Аустерлицомъ, но если бь онъ не имѣлъ существенныхъ достоинствъ, то не приобрьлъ бы довѣренности Государя, и не былъ бы отличенъ Наполеономъ, великимъ знатокомъ въ распознаваніи людей! Даже чужеземная клевета не могла помрачить заслугъ и достоинствъ Князя А. И. Чернышева, а кто знаетъ его близко, тотъ не только чтитъ его, но и любитъ, какъ человѣка правдиваго, любителя просвѣщенія, нѣжнаго отца семейства, правосуднаго цѣнителя заслуги и таланта. Высказалъ я то, что было у меня на душѣ, и что совершенно справедливо. Если бь я думалъ иначе, то, какъ человѣкъ независимый, не ищущій и не желающій ничего въ свѣтѣ—я бы молчалъ!

Европа ужаснулась, узнавъ о развязкѣ Байоннской драмы. При лишеніи Бурбоновъ Неаполитанскаго престола, былъ какой нибудь предлогъ, тѣсный союзъ

нихъ съ Англичанами, объявленіе войны Франціи, и т. п. Но Испанская династія, со времени послѣдней революціонной войны, предалась совершенно Франціи, и принесла ей величайшія жертвы. Какое же право имѣлъ Наполеонъ, безъ объявленія войны, занять Испанію и завладѣть древнимъ ея престоломъ, заманивъ, такъ сказать, въ засаду всю королевскую фамилію? Всѣ владѣтельныя особы второстепенныхъ государствъ испугались этого самоуправства и столь паглаго попранія народнаго права—и эта формула Наполеона: *La maison de Bourbon (или de Braganca) a cessée de régner*—страшно звенѣла у всѣхъ въ ушахъ. Ужели престолы будутъ раздаваться и отниматься *приказами*, по волѣ диктатора? Всѣ частные благомыслящіе люди въ Европѣ вознегодовали на измѣну. Если бъ Наполеонъ войною покорилъ Испанію и лишилъ престола враждебную фа-

милию, тогда бы онъ пошелъ еще защитниковъ; но въ этомъ случаѣ и приверженцы его должны были молчать, тѣмъ болѣе, что общее мнѣніе всегда склоняется въ пользу угнетенныхъ, и что оно обсуживаетъ политическія дѣла какъ частныя, взвѣшиваетъ правду на вѣсахъ здраваго разсудка, и отвергаетъ всѣ умствованія, противныя честности и справедливости. Побѣды Наполеона, сильныя контрибуціи и тягость военныхъ постоевъ и безъ того раздражали умы противу завоевателя, и народы рады были найтти въ немъ черную сторону, которая, напротивъ, казалась свѣтлѣе солнца его приверженцамъ.

Еще новый Король Іосифъ не ступилъ ногою въ Испанію, а уже вся она объята была пламенемъ возмущенія противъ его власти. Кромѣ двухъ Испанскихъ корпусовъ, находившихся въ Испаніи (корпуса Генерала Офарильи и Маркиза

де ла Романы); внутри государства было еще до 60,000 регулярнаго войска, которое возставшій народъ принудилъ присоединиться къ нему, умерщвляя офицеровъ, сопротивлявшихся его волѣ. Началась жестокая борьба. Португалія также возмутилась противу Французовъ, требовавшихъ 100,000,000 франковъ контрибуціи, и въ это самое время до 40,000 Англичаць, съ сильною артиллерією, подъ начальствомъ Генерала Веллингтона, сдѣлали высадку въ Португалію, для содѣйствія народному возстанію на всемъ полуостровѣ.

Французская армія въ Испаніи въ это время состояла изъ 95,000 человекъ, и раздѣлена была на четыре корпуса. Въ Португаліи было до 24,000 человекъ. Во Французской арміи, находившейся въ Испаніи, было не болѣе 20,000 надежныхъ солдатъ. Остальные были рекруты, необученные, не привыкшіе къ воен-

нымъ трудностямъ. Въ арміи было 6 баталіоновъ Поляковъ Надвислянскаго Легіона, 8 полковъ Италіянскихъ и три полка Швейцарскихъ. Это были лучшіе солдаты, вмѣстѣ съ частью старой гвардіи. Можно смѣло сказать, что никогда не было такого дурнаго войска, какъ Французская армія въ Испаніи и Португаліи, при *первомъ* вторженіи, въ 1807 и 1808 годахъ. Способности главнокомандовавшихъ вовсе не соответствовали ихъ высокому назначенію и притомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда надлежало завоевывать и управлять страной, усмирять непокорныхъ, и успокаивать умы. — Мюратъ былъ отличный кавалеристъ, рубака, отчаянный наѣздникъ, превосходный для блистательной кавалерійской атаки, но вовсе не способный начальствовать арміей. Маршалъ Жюно былъ храбрый воинъ, превосходный дивизионный командиръ, подѣ

начальствомъ Наполеона, которому онъ былъ преданъ всею душею, но безъ военныхъ способностей, и притомъ колеблющагося характера, иногда слишкомъ отчаянный и твердый, иногда вовсе перъшительный. Французскія войска должныствовали дѣйствовать въ Испаніи отдѣльно, корпусами и отрядами, весьма часто не имѣвшими съ собою ни какого сообщенія въ странѣ, которой мѣстоположеніе было неизвѣстно начальникамъ, среди возмущеннаго народа. Маршалъ Бессіеръ, командовавшій лучшимъ корпусомъ, въ которомъ была гвардія, разбивъ Испанскаго Генерала Куэсту, подъ Ріо-Секко, ввелъ торжественно Короля Іосифа въ Мадридъ, но это не укрѣпило его власти. Въ то же время Генералъ Дюпонъ, зашедъ въ горы Сіерра-Морены, и будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, долженъ былъ сдаться, со всѣмъ своимъ корпусомъ, въ 28,000 человекъ,

положивъ оружіе, при Байленѣ. Это событіе, неслыханное во Французской арміи, возбудило новый жаръ въ Испанцахъ, и обрадовало всѣхъ враговъ Наполеона, во всей Европѣ. — Маршалъ Жюно также не могъ устоять противу Англичанъ и Португальскихъ инсургентовъ, и послѣ упорнаго сраженія при Виміерѣ, гдѣ Французы дрались превосходно, онъ, отрѣзанный отъ всѣхъ своихъ сообщеній, не надѣясь получить ни какой помощи, заключилъ знаменитую конвенцію при Синтрѣ, по которой Англичане обязались перевезть на своихъ судахъ весь Французскій корпусъ, съ оружіемъ, во Францію. — Въ Тагѣ находился въ это время Русскій флотъ, подъ начальствомъ Адмирала Сенявина, пришедшій изъ Средиземнаго моря. Сенявинъ, видя невозможность сопротивляться Англичанамъ, сдалъ имъ корабли, съ условіемъ, чтобъ они перевезли людей въ Россію. Кораб-

ли эти были нотомъ возвращены Россіи, по полусогнившіе. Почти въ то же время Маркизь де ла Романа, съ 10,000 изъ своего корпуса, успѣлъ уйти изъ Даніи, на Англійскихъ корабляхъ, и прибывъ въ Испанію, подкрѣпилъ инсургентовъ, столько же личными своими достоинствами, какъ и отличными солдатами. Неудачи быстро слѣдовали одна за другою со времени плѣна Фердинанда, который во всей Испаніи былъ провозглашенъ торжественно Королемъ, а новый Король Іосифъ подъ защитою Французскаго войска долженъ былъ удалиться изъ столицы и поселиться въ Бургосѣ, въ 30-ти миляхъ отъ Французской границы. Словомъ, въ началѣ Сентября, дѣла Наполеона на Пиренейскомъ Полуостровѣ находились въ самомъ дурномъ положеніи. Англичане были въ восторгѣ, что Наполеонъ открылъ имъ самое выгодное для нихъ поприще, на твердой землѣ, для борьбы

съ нимъ, и употребляли всѣ возможныя средства къ вооруженію Испанскаго народа, къ внушенію ему ненависти къ Наполеону и къ Французамъ, къ возбужденію мести и жажды Французской крови. Въ Испаніи не было денегъ; арсеналы были пусты, и Англійское золото полилось туда рѣкою : на всемъ берегу выгружали оружіе и всѣ военныя потребности для Испанской арміи и инсургентовъ (*). Нѣтъ никакаго сомнѣнія,

(*) Чтобъ дать понятіе читателямъ, какъ сильно Англія помогала Испаніи, прилагаю списокъ вещей, доставленныхъ Англіею въ Испанію отъ Мая до конца 1808 года. Деньгами 76,000,000 франковъ, пушекъ 98, пушечныхъ зарядовъ съ ядрами 31,000, единороговъ 38, зарядовъ къ нимъ 7,200, каронадъ 80, зарядовъ каронадныхъ 40,000, ружей 200,177, штуцеровъ 220, сабель 61,300, шкѣль 79,000, ружейныхъ патроновъ 23,477,000, пуль 600,000, бочекъ пороха 15,400, полной одежды для пѣхоты 39,000, палатокъ 40,000, военныхъ повозокъ 10,000 оковъ, (мѣра около полу-

что безъ этой помощи Испанцы не могли бы долго противостоятъ Французамъ, и возмущеніе утихло бы, по недостатку средствъ. Но въ Испаніи воевала Англія, а Испанцы были только ея орудіемъ къ сокрушенію могущества Наполеона, до сихъ поръ непобѣдимаго. Наконецъ открылось уязвимое мѣсто въ этомъ несокрушимомъ колосѣ — пята Ахиллесова!

Но не одно самоуправство Наполеона въ Испаніи безпокоило народы и ихъ государей. Послѣ Тильзитскаго мира, Наполеонъ, не опасаясь сопротивленія, па-

тора аршина): холста 113,000, сукна 125,000, бумажныхъ тканей 82,000, кусковъ сукна 4,000, кусковъ сѣмеда 6,400, готовыхъ шинелей 50,000, готоваго платья 92,000 паръ, рубахъ 35,000, ситца кусковъ 22,000, башмаковъ 82,000 паръ, подошвъ 15,000, малыхъ антечныхъ лщпковъ 50,000, ранцевъ 34,000, шляпъ и шапокъ 16,000, подкладочной ткани кусковъ 760.

чалъ межевать Европу по своему произволу, безъ оглядки на трактаты и на народное право. 22-е Декабря 1807 года присоединены къ Франціи города Кель (Kehl), Везель, Кастель при Майнцѣ и Флиссингенъ, въ Голландіи, съ ихъ округами. 2-го Февраля 1808 года заняты Римъ Французами, и въ тотъ же день изданъ декретъ, которымъ присоединена къ Французской Имперіи Сѣверная Италія, примыкающая къ Альпамъ и раздѣленная на департаменты, подъ названіемъ Заальпійскихъ; 27-го Февраля занята Остфризія, съ прилежащими къ ней графствами, на имя Лудовика Бонапарте. 2-го Апрѣля декретомъ Наполеона раздѣлена Папская Область, и четыре легатства (губерніи) ея присоединены къ Италійскому Королевству; 5-го Мая Княжество Мюнстеръ, Графства Маркъ, Лингенъ и Текленбургъ отданы Мюрату, и вошли въ составъ созданнаго для него

Герцогства Бергскаго , которое послѣ назначенія Мюрата въ Неаполитанскіе Короли, поступило въ собственность Наполеона. Кромѣ того множество казенныхъ помѣстьевъ во всей Германіи объявлены собственностью Наполеона, изъ которыхъ онъ составилъ аренды (dotations) для своихъ генераловъ и государственныхъ людей, учредивъ сверхъ того въ сердцѣ Германіи Вестфальское Королевство, для брата своего Иеронима.— Въ значительнѣйшихъ Прусскихъ крѣпостяхъ стояли Французы, и Пруссія управлялась въ финансовомъ отношеніи Французскими чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ Гофъ-Интенданта (Intendant de la liste civile) Дарю, до уплаты Пруссіею военной контрибуціи. Вольные приморскіе города Германіи и всѣ ея порты были заняты Французами, и берега обставлены Французскими таможенными стражами, для приведенія въ

исполненіе ненавистной континентальной системы. Французская полиція дѣйствовала во всей Германіи, и держала умы въ оковахъ. Исключая нѣсколькихъ преданныхъ Наполеону лицъ, вся Германія пылала къ нему ненавистью и желаніемъ освободиться отъ чужеземнаго ига. Примѣръ Испаніи разбудилъ Германію. Всѣхъ взоры устремлены были на Испанію, всѣ сердца желали ей успѣха, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Испаніи, и эти извѣстія Англичане доставляли контрабандой въ Германію, вмѣстѣ съ своими товарами.

Австрія, вспомошествоваемая Англіей, начинала вооружаться, учреждала милицію во всѣхъ областяхъ, комплектовала армію, и приводила крѣпости въ оборонительное положеніе, увѣряя Наполеона, что происшествія на востокѣ, т. е. въ Турціи, требуютъ съ ея стороны предосторожностей, а между тѣмъ во всей

Германіи, особливо въ Пруссіи, пламенные патріоты воспламеняли умы, и приготавливали народъ къ возстанію.

Вся Испанія вооружилась на возгласъ: *отечество и Фердинандъ*, по Германія не могла возстать иначе, какъ духомъ, при священныхъ словахъ *Тевтонія и Германія*, произнесенныхъ знаменитымъ Коцебу, который своимъ журналомъ *der Freimüthige* сосредоточивалъ умы и давалъ имъ направленіе. Профессоръ Грейфсвальдскаго Университета (въ Помераніи) Арндтъ, своею сатирою *Аистъ съ дѣтьми*, устремленною противу Наполеона и Рейнскаго Союза, возбудилъ во всѣхъ сословіяхъ ненависть къ Наполеону, а своею книгою *Духъ времени*, привлекъ и высокіе умы къ размышленію о постыдной участи Германіи, покорной чужеземному завоевателю. Наконецъ Прусскій Министръ Штейнъ и Австрійскій Стадіонъ основали тайное полити-

ческое общество Tugendbund (добродѣтельный союзъ), котораго цѣль состояла въ стремленіи къ освобожденію Германіи отъ чужеземнаго ига. Всѣ Государя Германіи тайно покровительствовали этотъ союзъ, къ которому пристали лучшіе офицеры Прусской арміи, и между прочими знаменитый Блюхеръ, Гнейзенау, Шиль, профессора и студенты всѣхъ университетовъ, все дворянство и всѣ образованные граждане. Оппозиція была многочисленная, но безсильная противу могущества Наполеона. Я вообще не вѣрю, чтобъ тайныя общества могли когда либо быть полезными государству и произвести что либо порядочное и основательное. Примѣры передъ глазами. Тugendbundъ только поставлялъ въ затруднительное положеніе слабыя правительства передъ Наполеономъ, доставляя членамъ союза дѣтское наслажденіе браить за глаза Наполеона и его при-

верженцевъ , распѣвать патріотическія пѣсни, и если при вступленіи Русскихъ войскъ въ Германію, въ 1813 году, доставилъ нѣсколько тысячъ воиновъ для союзныхъ армій, то это еще не великая услуга: и безъ Тугендбунда молодые люди въ Германіи взяли бы за оружіе, по призванію Государей. Общество Карбонаріевъ, въ Италіи, стремясь къ ея освобожденію, надѣлало множество зла, и не оставило ни какихъ слѣдовъ добра. Умные и степенные люди между врагами Наполеона были убѣждены, что безъ Россіи невозможно возстать Германіи, въ тогдашнемъ ея положеніи, и всѣхъ взоры устремлены были на Императора Александра, всѣ сердца обращены были къ Нему. И для Наполеона страшень былъ только Императоръ Александръ, съ его вѣрною, преданною Россіею и храбрымъ войскомъ, о которомъ самъ Наполеонъ сказалъ, что это

войско можно истребить, но не побѣ-
дить.

При этихъ обстоятельствахъ, Эрфурт-
скій конгрессъ былъ весьма важенъ для
всего образованнаго міра. Наполеонъ хо-
тѣлъ видѣться только съ Императоромъ
Александромъ, и потому не приглашалъ
формально другихъ Европейскихъ союз-
ныхъ Государей. Императоръ Австрійскій
и Король Пруссій не пріѣхали сами, но
послали своихъ Министровъ. Императору
Александру надобно было пріѣхать въ
Германію, чтобъ лично убѣдиться во
всемъ, о чемъ его извѣщали, и удостовѣ-
риться въ окончательныхъ намѣреніяхъ
Наполеона. Прибыли въ Эрфуртъ, какъ
вассалы Наполеона, Короли: Саксонскій,
Виртембергскій, Баварскій и Вестфаль-
скій, двадцать семь Герцоговъ и Князей
Рейнскаго Союза, съ ихъ супругами, и до
пятидесяти первыхъ Европейскихъ вель-
можъ. Съ Императоромъ Александромъ

приѣхалъ Его Императорское Высочество Цесаревичъ и въ свитѣ его нѣсколько Генералъ и Флигель-Адъютантовъ. Для дипломатическихъ дѣлъ находился при Государѣ Графъ Н. П. Румянцовъ, съ Канцелярією Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ, и М. М. Сперанскій по дѣламъ внутренняго управленія. Въ званіи Статсъ-Секретаря былъ при Государѣ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Изъ Парижа прибылъ посолъ нашъ, Графъ П. А. Толстой, съ Совѣтникомъ посольства, Графомъ К. В. Нессельроде. Кромѣ того явились въ Эрфуртъ нѣкоторые изъ Русскихъ посланниковъ при Германскихъ Дворахъ, совѣтники, секретари посольствъ и Русскіе дипломатическіе консулы, для сообщенія свѣдѣній, которыя отъ нихъ требовались. Въ свитѣ Наполеона, кромѣ его адъютантовъ и придворныхъ, были: Маршалъ Бертъе, Маршалъ Дюрокъ,

Тальранъ, въ званіи Великаго Каммергера (grand chambellan), Министръ Статсъ-Секретарь Маре, Министръ Иностран-ныхъ Дѣлъ Шампаньи, Генералы: Савари и Лористоуъ. Изъ Французскихъ войскъ въ Эрфуртѣ находился лучшій корпусъ пѣхоты, гренадеры старой гвардіи, полкъ гусарскій и лучшій полкъ кирасирскій.

Изъ Парижа прибыла группа актеровъ перваго Парижскаго театра (théâtre Français) съ Тальмою, Г-жами Жоржъ, Дюшенуа, Бургоэнь, Марсъ и множествомъ прекрасныхъ танцоровъ и актрисъ. Изъ Тюльерійскаго Дворца привезли мебель, Гобелены обои, драгоценную посуду. Наполеонъ хотѣлъ угостить по-царски своихъ гостей.

Маршалъ Ланнъ, Ахиллесъ Французской арміи, высланъ былъ, для встрѣчи Императора Александра, на берега Нѣмана. Подъ Веймаромъ, на большой до-

рогѣ, всадникъ остановилъ экипажъ Императора Александра: это былъ Наполеонъ, выѣхавшій встрѣтить своего гостя, и оба Императора вмѣстѣ въѣхали въ Эрфуртъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Вотъ дѣла, рѣшенныя на Эрфуртскомъ конгрессѣ. Въ отношеніи къ *Турціи*. Россія надобна была граница по Дунай, и она объявила большія притязанія, которыя Наполеонъ сперва оспаривалъ, но наконецъ согласился на занятіе Русскими Молдавіи и Валахіи. Въ отношеніи къ *Швеціи*, Наполеонъ предлагалъ раздѣлить это государство между Россіею и Даніей, такимъ образомъ, чтобъ границу между Россіей и Даніей составляла рѣка Мотала.—Императоръ Александръ это отвергнулъ, и объявилъ, что беретъ только необходимую ему Финляндію. Въ отношеніи къ *Польшѣ*, Наполеонъ обязался *никогда* не возстановлять

ее въ прежнемъ видѣ, и даже Герцогству Варшавскому не давать самостоятельнаго бытія, но подчинить его Королямъ Саксонскимъ. Въ отношеніи къ *Испаніи*, *Неаполю* и *Этруріи*, Императоръ Александръ одобрялъ все, сдѣланное Наполеономъ. Въ отношеніи къ *Австріи*, Императоръ Александръ обязался выставить 50,000 вспомогательнаго войска, если Австрія объявитъ войну Наполеону, безъ согласія Россіи. Въ отношеніи къ *Пруссіи*, Императоръ Александръ убѣдилъ Наполеона вывести войско изъ этого государства и устранивъ всякое вмѣшательство Французскихъ чиновниковъ въ управленіи государствомъ. Наполеонъ, соглашаясь на желаніе Государя, настоялъ однакожь на томъ, чтобъ удержатъ три Прусскія крѣпости, до уплаты контрибуціи, и что бъ Пруссія содержала не болѣе 40,000 войска. Были попытки, со стороны Наполеона, пачетъ рѣдствен-

паго союза съ Россійскимъ Дворомъ, потому что, со времени принятія Императорскаго титула, онъ уже намѣревался развестись съ Жозефиною. Это дѣло устранено подъ благовиднымъ предлогомъ, что въ семейныхъ дѣлахъ должна рѣшать вдовствующая Императрица.

Наполеонъ откровенно объявилъ Императору Александру, что въ Европѣ должны быть двѣ системы: *Сѣверная* и *Западная*. Сѣверъ долженъ принадлежать Императору Александру, а Западъ Наполеону. Между двумя системами, посредничающими державами должны были быть Пруссія и Австрія, до тѣхъ поръ, пока онѣ добровольно не пристанутъ къ той или другой системѣ. Это было почти то же, что Западная и Восточная Имперія въ Средніе Вѣки, т. е. двѣ власти для цѣлаго міра. Мысль была великая, но время и люди были не тѣ, что въ Средніе Вѣки! Тальранъ былъ правъ,

сказавъ, что Наполеонъ, при всей своей гениальности, былъ всегда поэтомъ въ политикѣ.

Не стану описывать царскихъ забавъ на Эрфуртскомъ конгрессѣ. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій разсказывалъ мнѣ много подробностей, весьма занимательныхъ, но уже отчасти описанныхъ. Скажу только то, что лично касается до этого незабвеннаго для Россіи мужа. Однажды, прогуливаясь пѣшкомъ, въ зимнее время, по Петербургу, я встрѣтилъ М. М. Сперанскаго возлѣ Сената. Это было въ пятницу, а онъ тогда, каждую недѣлю, обѣдалъ въ этотъ день на Васильевскомъ Островѣ, у извѣстнаго всѣмъ отставнаго Корнета Яковлева. Я вызвался сопутствовать Михаилу Михайловичу, и какъ было еще часа полтора до обѣда, то мы пошли бродить по Васильевскому Острову. Покойный Михаилъ Михайловичъ (тогда онъ еще не былъ Графомъ) былъ

ко мнѣ всегда чрезвычайно милостивъ, и его правосудію и личному заступленію обязанъ я тѣмъ, что мои родственники выиграли долголѣтній и запутанный процессъ, въ которомъ я принималъ участіе и по чувствамъ, и по матеріальнымъ выгодамъ. Бывшій его довѣреннымъ лицомъ и секретаремъ, находившійся при немъ почти безотлучно, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ К...ма Г.....чъ Р.....кій (нынѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ) засвидѣтельствуетъ (*), какое участіе принималъ во мнѣ по-

(*) Ссылаюсь на этого почтеннаго человѣка потому, что непримиримые и ожесточенные литературные враги мои, употребляя всѣ средства къ униженію меня въ глазахъ публики, печатали, будто я *хвастаю* (!) связями *съ умершими!!!* Я уже отвѣчалъ на это въ предисловіи къ I-й части моихъ Воспоминаній, и потому не повторяю теперь моего опроверженія на *подобныя обвиненія*: по, для улыки моихъ враговъ, буду или ссылаться на живыхъ людей, или прилагать доку-

койный Графъ Сперанскій, и какъ былъ ко мнѣ милостивъ и снисходителенъ. Я всегда говорилъ съ нимъ откровенно о дѣлахъ и лицахъ, говорилъ что думалъ. Во время прогулки, мы встрѣтили купца, который съ необыкновенною радостью бросился къ М. М. Сперанскому и поцѣловалъ его руку, при молвивъ: «Отецъ и благодѣтель нашъ!» — «Это мой Сибирскій знакомецъ», сказалъ Сперанскій. Тутъ рѣчь зашла о Сибири, и наконецъ о причинахъ постигшаго его несчастія. М. М. Сперанскій сказалъ мнѣ: «несчастье мое начинается съ Эрфурта. Наполеонъ былъ чрезвычайно ласковъ со мною и часто обращался ко мнѣ съ вопросами. Одна-

менты. Злоба осѣпляетъ! Ужели враги мои хотятъ, чтобъ я рассказывалъ анекдоты о *живыхъ людяхъ*, и говорилъ о моихъ къ нимъ отношеніяхъ? Безсмысліе—и только!

жды, послѣ обѣда, когда Государь Императоръ изволилъ разговаривать съ Королемъ Саксонскимъ, Наполеонъ подвелъ меня къ окну, и спросилъ, какимъ образомъ можно было устроить сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ (централизацію) въ такой обширной Имперіи. Въ короткихъ словахъ я объяснилъ ему нашу систему управленія и растолковалъ превосходное Учрежденіе о Губерніяхъ Императрицы Екатерины II. А какъ я тогда уже занимался проектомъ новаго Государственнаго учрежденія, то все, существующее у насъ, изученное мною, было у меня въ свѣжей памяти. Наполеонъ былъ очень доволенъ моимъ объясненіемъ, и подведя меня къ Государю Императору, сказалъ, въ шутку: «не угодно ли Вамъ, Государь, промѣнять мнѣ этого человѣка, на какое нибудь королевство?» Это была шутка, но она перешла въ Россію, къ моимъ недоброжелателямъ, и послу-

жила имъ орудіемъ противу меня. Это я знаю навѣрное.» Кажется, мудро было изъ этой шутки составить что нибудь: но зависть изъ паутины въетъ канаты! Это я испыталъ на себѣ.

Другой анекдотъ хотя извѣстенъ, но я не могу умолчать о немъ, потому что онъ мнѣ всегда приходитъ на умъ, когда я вспоминаю о Наполеонѣ. За большимъ обѣдомъ въ Эрфуртѣ, на которомъ присутствовали всѣ владѣтельные особы, зашла рѣчь о знаменитой *золотой буллѣ*, пезабвенномъ памятникѣ Среднихъ Вѣковъ. Хотѣли знать настоящее время, годъ и число этого акта, и Князь Примасъ привелъ ихъ невѣрно. Наполеонъ поправилъ ошибку, и сказалъ точно годъ и число изданія буллы. Всѣ стали изъяслять удивленіе, что Наполеонъ, среди столь важныхъ занятій, помнитъ числа, превозносили всеобъемлющій его гений, а онъ прехладнокровно сказалъ:

«*Когда я былъ подпоручикомъ...*» Всѣ изумились, замолчали и не смѣли поднять глазъ. Наполеонъ, замѣтивъ это, нарочно повторилъ фразу, но уже съ измѣненіемъ: «*Когда я имѣлъ честь быть подпоручикомъ, и стоялъ въ Греноблѣ, я жилъ возлѣ книжной лавки, и прочелъ нѣсколько разъ всѣ книги, которыя въ ней были, а потому и неудивительно, что, имѣя хорошую память, я помню числа.*» Этотъ человекъ, который имѣлъ честь быть подпоручикомъ, и потомъ подчинилъ своей власти народъ, сокрушившій законный престолъ, и наконецъ раздавалъ по своей волѣ престолы, безъ сомнѣнія былъ великій мужъ, что ни говорили бы о немъ его непріатели!

Если бъ меня въ то время спросили, что я думаю о *Байонскихъ событіяхъ*, я отвѣчалъ бы знаменитою фразою Гальрана, произнесенною имъ послѣ казни Герцога Ангенскаго : *c'était plus qu'un*

crime, c'était une faute (т. е. это было болѣе нежели преступленіе: это была ошибка)! Испанія была бы гораздо полезнѣе Наполеону, еслибъ онъ удержалъ на престолѣ покорную ему династію, и ласкалъ самолюбіе народа, а не раздражалъ его. Не будучи Наполеономъ, можно было предвидѣть, что, при первомъ возстаніи народа въ Испаніи, Англичане бросятся туда, со всѣми своими средствами, потому что они до того времени вездѣ искали точки опоры на твердой землѣ, для борьбы съ Наполеономъ. Въ Неаполѣ имъ не удалось; въ Швеціи они не нашли участія въ народѣ къ видамъ Короля, напротивъ склонность къ союзу съ Наполеономъ, и потому оставили и Неаполь и Швецію; въ Испаніи же они нашли именно то, что имъ было необходимо. Что касается до присвоенія другихъ странъ Наполеономъ, раздѣла ихъ, въ противность трактатамъ, то на это от-

вѣтъ во Всемирной Исторіи! Отъ Сезостриза до Наполеона, всѣ сильные пользовались случаемъ къ распространенію своихъ владѣній и увеличенію могущества. Трактаты и народное право тогда тверды, когда ограждены штыками и пушками. Не говорю, что Наполеонъ былъ правъ, заставляя Нѣмцевъ, Голландцевъ и Италіянцевъ быть Французами, противъ ихъ воли. Это почти то же, что желать кошку превратить въ собаку и на оборотъ! Вѣроятно, оцъ надѣялся, что время сдѣлаетъ вездѣ то же, что сдѣлало въ Алзациі: но и тутъ видна *поэзія* Наполеона въ политикѣ. Когда къ Франціи присоединена была Алзация, она была на низшей степени образованности, и не имѣла ни какого понятія о чародности, не имѣла своей исторіи. Во время Наполеона Европа была уже не та, что при Людовикѣ XIV. Геніальный *подпоручикъ* помнилъ числа: но, можетъ

быть мало обращалъ вниманія на общій духъ Исторіи, доказывающей математически, что одинаковыя причины производятъ всегда одинаковыя послѣдствія, и что духъ времени даетъ всему направле- ніе. Не распространяюсь.

Императоръ Александръ все видѣлъ, все зналъ, все постигалъ, но въ это время онъ не могъ ничего предпринять. Надлежало слѣдовать выжидательной системѣ. Быть можетъ, и полученное имъ въ Эрфуртѣ донесеніе Комитета Министровъ о заключеніи перемирія въ Финляндіи, и рапортъ Графа Буксгевдена о трудностяхъ войны, имѣли вліяніе на его уступчивость. Въ Европѣ не знали о трудностяхъ войны въ Финляндіи, и даже не обращали на эту войну вниманія, почитая Финляндію уже завоеванною и дѣло конченнымъ, между тѣмъ, какъ война была въ самомъ разгарѣ. Во всей Европѣ не было тогда прочнаго мира, а толь-

ко перемиріе; общая война могла вспыхнуть съ каждымъ днемъ, и тогда Англичане поддержали бы Шведовъ. Надлежало торопиться покореніемъ Финляндіи. Государь, одобривъ рѣшеніе Комитета Министровъ, возвратился къ первой своей мысли: изгнавъ Шведовъ изъ Финляндіи, принудить Шведскаго Короля къ миру, перенесеніемъ войны въ самую Швецію. Графу Буксгевдену уже нельзя было ни чѣмъ отговариваться, и онъ долженъ былъ начать немедленно военныя дѣйствія наступательно. Такова была воля Государя.

III.

Графъ Буксгевденъ проситъ увольненія отъ званія Главнокомандующаго. — Положеніе обѣихъ армій, предъ началомъ военныхъ дѣйствій. — Графъ Клингспоръ сдаетъ начальство Генералу Клеркеру. — Наступательныя дѣйствія Русскихъ войскъ. — Неудача Генерала Тучкова 1 при штурмѣ Индесальмскихъ дефилей. — Смерть Князя Петра Петровича Долгорукова и его характеристика. — Графъ Каменскій идетъ впередъ. — Знаменитый обходъ Графа Каменскаго при Калаюки. — Ночное нападеніе Сандельса на лагерь Генерала Тучкова 1. — Баронъ Матвій Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ (нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи, а тогда Ротмистръ), спасаетъ нашъ авангардъ отъ истребленія. — Новый блистательный подвигъ Лейбъ-Егерскаго батальона. — Переходъ Графа Каменскаго черезъ рѣку Пигаюки. — Новая конвенція, съ Шведами, при Олькюки, по которой Генералъ Клеркеръ уступаетъ Русскимъ всю Финляндію, до Торнео. — Перечень трудовъ и подвиговъ корпуса Графа Каменскаго. — Отъездъ Графа Ка-

МЕНСКАГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ПРОЩАНИЕ ЕГО СЪ ПОДЧИНЕННЫМИ. — ПЕРЕЧЕНЬ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПЕРЕНЕСЕННЫХЪ ТРУДАХЪ И ПУЖДАХЪ ВЪ ЭТОТЪ ПОХОДЪ. — ОТРАВЛЕНИЕ. — СОЕДИНЕНИЕ СЪ КОРПУСОМЪ ГЕНЕРАЛА ТУЧКОВА 1, ВЪ ЛИННИНГО. — ИЗВѢСТІЕ О СМЕРТИ ЛОПАТИНСКАГО. — ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ УЛЕАБОРГЪ. — ПРИЯТНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ЭТОМЪ ГОРОДѢ, ПОСЛѢ ВОЕННЫХЪ ТРУДОВЪ. — ВОЕННЫЕ АНЕКДОТЫ. — ВОСПОМИНАНИЕ О ХРАБРОМЪ ГОЛШЕВѢ. — СМЕРТЬ ВИЛЬБОА И ШТАКЕЛЬБЕРГА. — *Весь-го.мѣ.* — БЛАГОРОДНОЕ ОБХОЖДЕНИЕ СЪ ПЛѢННЫМИ ВЪ ОБѢИХЪ АРМІЯХЪ. — ДВѢ УЖАСНЫЯ СЦЕНЫ, КОТОРЫХЪ Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ. — КАПИТАНЪ ФУКСЪ И ЕГО САВОЛАКСКІЕ ДРАГУНЫ. — ВОЗВРАТНЫЙ ПОХОДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — ОПАСНОСТЬ, КОТОРОЙ Я ПОДВЕРГАЛСЯ ВЪ НЕЙШЛОТѢ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАФА О. И. Т.ГО, ПРОЗВАННАГО *Американце.мѣ.* — НЕСЧАСТНАЯ ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ А.РА И.ЧА И.НА. — НАШЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1808 ГОДА.

Графъ Буксгевденъ не измѣнилъ, однакожъ, своему неуступчивому характеру. Получивъ повелѣніе разорвать пере-

миріе, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія Главнокомандующаго, а между тѣмъ приказалъ начать военныя дѣйствія, въ исполненіе Высочайшей воли и вопреки своей.

Во время перемирія, Графъ Клигспоръ, получившій чинъ Фельдмаршала за поверхность, одержанную надъ слабымъ отрядомъ Тучкова, а потомъ Раевского, возвратился въ Стокгольмъ, сдавъ начальство надъ войскомъ Генералу Клеркеру, также престарѣлому теоретику. Графъ Клигспоръ намѣревался убѣдить Короля къ заключенію мира, представивъ ему невозможность удержать Финляндію. Хотя въ конвенціи о перемиріи и положено было, что бѣ въ обѣихъ арміяхъ не передвигать войскъ, но обѣ стороны не соблюдали этого условія. Къ Генералу Клеркеру пришло до 3000 человекъ подкрѣпленія, и онъ поддержалъ Сандельса, стоявшаго въ крѣп-

кой позиціи у Индесальми. Изъ нашего корпуса (Графа Каменскаго) пошли на подкрѣпленіе Тучкову, въ Куопію, 3-й Егерскій полкъ, Азовскій мушкетерскій и батальонъ Низовскаго мушкетерскаго полка. Къ Тучкову же посланы батальоны Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, пришедшіе изъ Петербурга, съ Графомъ Строгановымъ. Къ корпусу Графа Каменскаго примкнула бригада Генерала Тучкова 3-го, состоявшая изъ Бресткаго и Вильманстрандскаго мушкетерскихъ полковъ. На берегу, въ тылѣ корпуса Графа Каменскаго, разставили полки: Тульскій въ Ньюкарлеби, Полоцкій въ Вазѣ, Рязанскій въ Христипенштатдѣ. Эти полки, отданные подъ начальство Князя Д. В. Голицына, должны были, въ крайнемъ случаѣ, составлять резервъ Графа Каменскаго. Графъ Буксгевденъ старался, по возможности, заготовить продовольствіемъ: повсюду были

разосланы комиссіонеры покупать у жителей, что только можно было достать, а между тѣмъ сильныя команды фуражировали на большомъ разстояніи, забирая насильно, что можно было взять: скотъ, хлѣбъ, вино и даже огородные овощи, и выдавая росписки, по которымъ обѣщано уплачивать наличными деньгами. Но при этихъ усиленныхъ средствахъ, все же нельзя было собрать столько продовольствія, сколько было нужно, а огромные транспорты, высылаемые изъ Петербурга не доходили къ намъ, за распутицею. Однакожъ, надлежало дѣйствовать, и Графъ Буксгевденъ обратился къ прежнему своему плану, а именно: Графу Каменскому приказалъ тѣснить Графа Клеркера, какъ прежде тѣснилъ онъ Графа Клигспора, а Генералу Тучкову 1-му, въ соединеніи съ Княземъ Долгоруковымъ, начальникомъ Сердобольскаго отряда, принудить Саи-

дельса отступить отъ Линдулакса, для соединенія съ арміею Клеркера, и потомъ дѣйствовать во флангъ Шведамъ, угрожая отрѣзать ихъ отъ Улеаборга.

У Генерала Клеркера было подъ ружьемъ 9000 пѣхоты, 500 человекъ конницы и 37 орудій; у Сандельса, кромѣ вооруженныхъ мужиковъ, до 4000 человекъ. Слѣдовательно, Русскихъ было вдвое болѣе въ Финляндіи; но по невозможности прокормить войско, намъ нельзя было дѣйствовать сильными корпусами въ одномъ мѣстѣ, и притомъ опасно было оставить берега и внутренность обширнаго непріятельскаго края безъ войска. И потому корпусъ Графа Каменскаго, назначенный дѣйствовать послѣ перемирія, состоялъ только изъ 9000 пѣхоты, тысячи съ небольшимъ конницы, при 46 орудіяхъ. У Тучкова 1-го, противу Сандельса, было до 7,000 (съ новопривывшими батальонами, Преображенскимъ

и Измаїловскимъ), до 900 конницы и 57 орудій. Кромѣ артиллеріи, которой у насъ было болѣе, силы были почти равныя, съ тою разницею, что намъ надлежало брать приступомъ каждую непріятельскую позицію, укрѣпленную природою и искусствомъ, и слѣдовать впередъ, въ странѣ, уже опустошенной самими Шведами. Въ этомъ отношеніи Шведы имѣли передъ нами большое преимущество.

Генералу Тучкову 1 приказано было начать военныя дѣйствія прежде Графа Каменскаго, что бѣ принудить Сандельса къ отступленію, и стать по крайней мѣрѣ на одной линіи съ корпусомъ Графа Каменскаго, обезпечивая такимъ образомъ правый его флангъ. Генераль Тучковъ 1 атаковалъ, 25-го Октября, Сандельса въ дефилеяхъ при Индесальми. Нашихъ было числомъ болѣе, но мѣстоположеніе благопріятствовало Шведамъ, а военныя

дарованія Сандельса были важнѣе числительной силы войска. Сандельсъ извлекалъ выгоды изъ малѣйшей ошибки непріятели, и зная мѣстность, умѣлъ ею пользоваться. Наши были отбиты, съ большою потерею. При штурмѣ Индесальмскихъ дефилей убито и пропало безъ вѣсти, въ корпусѣ Тучкова, 764 человекъ, и въ томъ числѣ лишился жизни любимецъ Государя, Генераль-Адъютантъ Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ.

Онъ воспитывался вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ, и съ дѣтства приобрѣлъ привязанность своего Царственнаго Совоспитанника, любившаго его, какъ брата. Князь Долгоруковъ своими рѣдкими качествами умѣлъ стяжать особенное благоволеніе всего Августѣйшаго Семейства. Получивъ основательное образованіе, онъ раздѣлялъ всѣ высокія идеи Государя Императора, и любя пламенно отечество и славу его, обожалъ Госуда-

ря, своего благодѣтеля, читая ежедневно въ душѣ его любовь къ Россіи, которую Онъ стремился возвысить просвѣщеніемъ и мудрыми постановленіями. При возвышенности чувствъ и добротѣ души, Князь Долгоруковъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью, игривостью ума и какимъ-то духомъ рыцарства. Говорили тогда, и тѣ, которые помнятъ прошлое время, вѣрятъ и теперь, что Государь предназначалъ Князю Долгорукову жребій, до котораго не возвышался ни одинъ подданный въ Россіи, со времени Петра Великаго. Князь Долгоруковъ приобрѣлъ извѣстность въ Новой Исторіи Европы Аустерлицкою битвою. Всѣ Историки, описывающіе это знаменитое сраженіе, должны упоминать о немъ, потому что его пастойчивости приписываютъ отверженіе совѣта Кутузова, не давать генеральнаго сраженія до полнаго соединенія всѣхъ силъ. Будучи вы-

сланъ для послѣднихъ переговоровъ съ Наполеономъ, Князь Долгоруковъ оскорбилъ его самолюбіе гордымъ отвѣтомъ и обращеніемъ. Князь пламенно желалъ сраженія, по пылкости своего характера и по ненависти своей къ Наполеону, которой онъ не умѣлъ или не хотѣлъ скрывать. Государь Императоръ, рѣшившись слѣдовать выжидательной системѣ въ сношеніяхъ съ Наполеономъ и согласясь на свиданіе съ нимъ, не могъ взять съ собою въ Эрфуртъ Князя Долгорукова, бывшаго при немъ всегда, безотлучно, и онъ выпросился въ Финляндію. Замѣчательно, что давъ ему Сердобольскій отрядъ, Государь предоставилъ ему дѣйствовать по его благоусмотрѣнію, не слѣдуя ни чьимъ предписаніямъ, и только извѣщать старшихъ генераловъ и Главнокомандующаго о событіяхъ. Чрезъ два дня послѣ его смерти, пришло Высочайшее повелѣніе о назначеніи его кор-

пуснымъ командиромъ, на мѣсто Генерала Тучкова 1.

Князь Долгоруковъ былъ прекрасный мужчина, ловкій во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, храбрый до ослѣпленія. Онъ командовалъ авангардомъ Генерала Тучкова 1, при штурмѣ укрѣпленной позиціи въ Индесальмскихъ дефилеяхъ. Когда 4-й Егерскій полкъ, взявъ сперва Шведскіе шанцы, былъ опрокинутъ штыками, а въ отступленіи увлекъ съ собою Тенгинскій и Навагинскій мушкетерскіе полки, Князь Долгоруковъ бросился впередъ, чтобъ остановить отступающихъ и повести ихъ обратно на Шведовъ. Уже, на голосъ его, отступавшіе начали собираться и строиться, какъ непріятельское ядро поразило его, въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ слѣзть съ лошади и идти на Шведскую батарею, въ главѣ собранныхъ имъ солдатъ.... Не только при Дворѣ, но и въ войскѣ оплакивали

смерть его. Ему было тогда тридцать лѣтъ отъ рожденія, т. е. онъ однимъ годомъ былъ моложе Государя Императора.

Графъ Буксгевденъ, получивъ донесеніе о неудачномъ Индесальмскомъ дѣлѣ, и бывъ въ то же время ложно извѣщенъ о высылкѣ новой помощи Сандельсу Генераломъ Клеркеромъ, велѣлъ Тучкову оставаться въ оборонительномъ положеніи, наблюдая Сандельса, а Графу Каменскому приказалъ выступить впередъ и *угрожать* Клеркеру нападеніемъ, чтобъ принудить его или къ отступленію, или къ возвращенію отрядовъ, высланныхъ на усиленіе Сандельса.

20-го Октября Графъ Каменскій выступилъ изъ Гамлекарлеби. вмѣсто того, чтобъ *стращать* Генерала Клеркера, по предписанію Главкомаандующаго, Графъ Каменскій рѣшился начать военныя дѣйствія съ прежнею энергіею,

надѣясь на своихъ воиновъ, которыхъ мужество и любовь къ себѣ онъ уже испыталъ. «Мы начали бить, мы и добьемъ!» сказала Графъ Каменскій авангарду, остановивъ его на походѣ. — «Рады стараться!» отвѣчали солдаты: «Съ вами въ огонь и воду!» И точно, по его слову, мы шли въ огонь и въ воду, въ настоящемъ значеніи этихъ словъ!

Позиція при Химанго, между озеромъ и моремъ, за рѣкою и болотами, почиталась неприступною. Здѣсь устроены были батареи, правильнѣе сказать сооружена настоящая крѣпость, защищавшая фронтъ позиціи. Кромѣ того, непріятель имѣлъ здѣсь канонирскія лодки, которыми могъ бы дѣлать диверсію и беспокоить нашъ лѣвый флангъ. Графъ Каменскій, не зная намѣреній непріятеля, приготовился къ новому сраженію, подобному Куртанскому и Оровайскому, или, лучше сказать, къ штурму позиціи. 21-го Октября посланы

были отъ авангарда нашего разъѣзды, для открытія непріятеля. Къ удивленію всѣхъ, разъѣзды сообщили извѣстіе, что Шведы оставили свою укрѣпленную позицію при Химанго, и, сжегши пять мостовъ, остановились за рѣкою Калаіюки. Корпусъ Графа Каменскаго двинулся впередъ.

Оставивъ главныя силы свои передъ непріателемъ, Графъ Каменскій съ отрядомъ Генераловъ: Козачковскаго (въ этомъ отрядѣ былъ и нашъ эскадронъ), Тучкова 3-го и Ушакова, пошелъ вправо, въ обходъ непріятельской позиціи, пробираясь непроходимыми болотами, лѣсами и утесами. Большую часть пути мы вели лошадей за поводья, а сами шли пѣшкомъ. Иногда приходилось спускать лошадей съ стремнинъ, и вытаскивать изъ болота. Лошади чуть двигались, люди были утомлены до крайности, но шли безъ ропота за своимъ любимымъ на-

чальникомъ. Пушки переносили на рукахъ чрезъ утесы и топи. Графъ Каменскій шелъ впереди, и подавалъ собою примѣръ, припоминая переходъ чрезъ Альпійскія горы съ Суворовымъ, и рассказывая о немъ окружающимъ. Ручьи мы переходили въ бродъ. Продолжая утомительный походъ около полутора сутокъ, Графъ Каменскій, 27 числа, къ полудню, прибылъ на предположенное мѣсто, преодолевъ величайшія трудности. Тотчасъ устроили двѣ переправы чрезъ рѣку, при Питкайсѣ и Рако, а между тѣмъ Кульневъ приготовлялъ матеріялы для моста, на большой дорогѣ. Это смѣлое движеніе принудило непріятеля къ отступленію, и 28 числа, въ 5 часовъ вечера, наши уже были въ Калаіюкахъ, позиціи, неуступающей Химангской.

При этомъ, такъ сказать, торжественномъ шествіи впередъ Графа Каменскаго, отъ Тучкова снова получено было непріят-

ное извѣстіе. Графъ Буксгевденъ, давъ ему повелѣніе дѣйствовать оборонительно, чрезъ четыре дня послалъ приказаніе начать наступательныя дѣйствія, въ увѣренности, что онъ уже получилъ подкрѣпленіе и продовольствіе. Двѣ недѣли стоялъ Тучковъ въ бездѣйствіи при Индесальми, въ 20-ти верстахъ отъ укрѣпленной позиціи, занимаемой Сандельсомъ, который получилъ отъ Генерала Клеркера предписаніе итти поспѣшно къ Улеаборгу, чтобъ поспѣть туда прежде отрядовъ, посланныхъ Графомъ Каменскимъ, для отрѣзанія ему ретирады и взятія запасовъ въ Улеаборгѣ. Храбрый Сандельсъ, прежде отступленія, вознамѣрился нанести ударъ Тучкову и захватить его авангардъ, стоявшій въ 5-ти верстахъ передъ корпусомъ, расположеннымъ въ землянкахъ, за проливомъ, соединяющимъ озера Иденъ-Ярви и Поровеси. Мостъ на проливѣ защищали 12-ть ору-

дій. Фланги корпуса Тучкова примыкали къ болотамъ и озерамъ. Позиція была неприступная, и только одна тропинка пролегала, чрезъ топкое болото, на нашъ правый флангъ. По этой тропинкѣ положены были мостки. Когда болото начало крѣпнуть отъ морозовъ, адъютантъ Тучкова 1, Баронъ Матвѣй Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ (*) узналъ, что Шведы дѣлають рекогносцировки на нашемъ правомъ флангѣ, и предложилъ своему Генералу поставить двѣ роты пѣхоты въ лѣсу, при входѣ въ болото. Тучковъ согласился, хотя и былъ убѣжденъ, что это лишнее, потому что по донесенію свитскаго офицера, высланнаго для осмо-

(*) Онъ былъ тогда Ротмистромъ, а нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи и Членъ Государственнаго Совѣта, бывшій Генералъ-Губернаторъ Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій, оставившій послѣ себя благословенную память въ этихъ губерніяхъ.

тра болота, его нашли непроходимымъ для войска. Сандельсъ выслалъ партизановъ Мальма и Дункера, по болоту, съ Савалякскими стрѣлками, привыкшими къ подобнымъ дорогамъ, съ тѣмъ, чтобъ подкрасться къ мосту, сжечь его, и отрѣзать нашему авангарду отступление къ главному отряду, намѣреваясь въ это время ударить на авангардъ. Партизаны во все не надѣялись встрѣтить Русскихъ при выходѣ изъ болота, но наткнувшись на двѣ наши роты, поставленныя Барономъ Паіеномъ, бросились на нихъ, принудили къ быстрому отступленію, вмѣстѣ съ ними вбѣжали въ нашъ лагерь, и стали колоть солдатъ въ землянкахъ. Можно себѣ представить суматоху, какая произошла въ лагерьѣ отъ этого печальнаго нападенія, въ темную осеннюю ночь! Офицеры и солдаты полуодѣтые выбѣгали изъ землянокъ, брались за оружіе, но не знали, гдѣ и какъ строиться. Между

тѣмъ Шведскіе партизаны, произведя тревогу въ лагерѣ, бросились къ мосту, чтобъ зажечь его, а наши строились поротно и по-батальонно. И тутъ-то присутствіе духа и предусмотрительность Барона Палена спасли отрядъ. Прежде всѣхъ изготовился къ бою Гвардейскій Егерскій батальонъ. Баронъ Палень, предвидя, какое можетъ быть несчастье, если непріятель разрушитъ мостъ, соединяющій лагерь съ авангардомъ, именемъ Генерала Тучкова повелъ Гвардейскій Егерскій батальонъ къ мосту. Батальонъ ударилъ въ штыки, съ тыла Шведскимъ партизанамъ, которые видя, что имъ нѣтъ спасенія, бросились въ ряды гвардейскихъ егерей, чтобъ пробиться силою. Начался рукопашный бой, въ которомъ Шведскіе партизаны не могли устоять. Не многіе спаслись бѣгствомъ, пользуясь темнотою ночи. Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ начальниковъ парти-

зановъ, Мальмъ, взять въ плѣнъ, и 200 человекъ самыхъ храбрыхъ изъ его Саволакцевъ пали на мѣстѣ. Гвардейскому Егерскому батальону суждено было спасти Куопіоскій корпусъ! Находчивости и вѣрному военному предположенію Барона Палена, и храбрости лейбъегерей принадлежитъ вся честь спасенія авангарда отъ вѣрнаго истребленія. Сандельсъ, послѣ этой неудачи, немедленно отступилъ къ Улеаборгу, слабо преслѣдуемый Генераломъ Тучковымъ, который находилъ на каждомъ шагу препятствія. Сандельсъ сожигая мосты и заваливая и безъ того дурныя дороги, ушелъ изъ вида нашего авангарда.

Генераль Клеркеръ также отступалъ передъ Графомъ Каменскимъ, и также жегъ мосты, дѣлалъ засѣвки, и сражался на каждомъ переходѣ. Наши слѣдовали за нимъ по пятамъ, вытѣсняя его изъ позицій обходами и быстрымъ натискомъ.

Позднее время года, непроходимыя дороги, недостатокъ въ продовольствіи изнуряли войско, которое однакожь весело переносило труды и нужду. Графъ Каменскій умѣлъ въ cadaго перелить свой пламень и свою неутомимость.

Быстрая рѣка Пигаіоки, одна изъ значительнѣйшихъ въ сѣверной Финляндіи, представляла Шведамъ защиту отъ стремительнаго натиска Графа Каменскаго. Но и здѣсь они ошиблись въ расчетѣ. 2-го Ноября рѣка покрылась легкою ледяною корою, и Графъ Каменскій велѣлъ настлатъ соломѣ по льду и положить доски. Наши солдаты бросились бѣгомъ, по одиночкѣ, на этотъ живой мостъ; ледъ хрустѣлъ и дрожалъ подъ ногами, но солдаты шли смѣло и весело. Кавалерія прорубила ледъ, перегнала вплавь лошадей, и перевезла сѣдла на нѣсколькихъ лодкахъ. Вскорѣ отрядъ Козачковскаго, въ которомъ былъ

нашъ эскадронъ, и отрядъ Ушакова появились въ тылъ непріятельскаго фланга, и начали перестрѣлку. Шведы, удивленные этимъ неожиданнымъ появленіемъ Русскихъ, принуждены были оставить эту крѣпкую позицію. Быстрота движеній, неутомимость въ преслѣдованіи и настоятельность Графа Каменскаго, изнуривъ Шведовъ, привели ихъ въ уныніе. Наступили жестокіе морозы. Шведы не могли получать запасовъ моремъ, а во внутренности земли, истощенной войною, и при быстромъ отступленіи, не возможно было собрать достаточнаго количества продовольствія. Замерзаніе рѣкъ, озеръ и болотъ облегчило движеніе Русскихъ, и Шведскія укрѣпленныя позиціи потеряли свою силу. Къ довершенію несчастій, болѣзни открылись въ Шведской арміи, не привыкшей къ военнымъ трудамъ и къ такимъ быстрымъ движеніямъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи Шведскій Гене-

ралъ Клеркеръ, оставивъ городъ Брагештадтъ во власть Русскимъ, отступилъ отъ Пигаіюки къ Сигаіюки, и послалъ снова повелѣніе къ Генералу Сандельсу соединиться съ нимъ при Улеборгѣ. Такимъ образомъ побѣды Графа Каменскаго, искусныя движенія и быстрый натискъ въ береговой части Финляндіи были причиною очищенія и той страны, гдѣ Шведы имѣли преимущество надъ нашими войсками. 4-го Ноября, Генералъ Клеркеръ заключилъ перемиріе на два дня, для размѣна плѣнныхъ и для отдохновенія войскъ, въ чемъ нуждались и Русскіе; Шведскій авангардъ отступилъ въ Олькіюки.

Въ это время вдругъ сдѣлалась оттепель, ввергшая Шведовъ въ бѣольшую еще опасность, нежели морозы. Все, казалось, клонилось къ ихъ бѣдствію. Внезапно ледъ потрескался на быстрой рѣкѣ Сигаіюки, и снесъ мостъ, по которому Шведамъ надлежало отступать. Если бы

Графъ Каменскійі напалъ въ это время на Шведовъ, то вся ихъ армія была бы истреблена, или принуждена сдаться. Но вѣрный чести и данному слову, Графъ Каменскійі не нарушилъ перемирія, и позволилъ Шведамъ построить мость. Наконецъ Генераль Клеркеръ, видя, что войско его, утомленное быстрымъ преслѣдованіемъ Графа Каменскаго, не въ состояніи болѣе противиться пылкой храбрости Русскихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ положено было войти въ переговоры съ Графомъ Каменскимъ. 23-го Ноября заключено условіе въ Олькіюкахъ, по которому Шведы обязались очистить всю Финляндію, и занять зимнія квартиры по берегамъ рѣки Торнео. Шведская главная квартира учреждена въ городѣ сего имени, а Русская въ Улеаборгѣ. Можно смѣло сказать, что побѣды Графа Каменскаго довели Русскихъ до предѣловъ обитаемаго міра, по-

тому, что за Торнео лежитъ уже дикая Лапландія, примыкающая къ Сѣверному Океану.

Такимъ образомъ кончилась кампанія 1808 года, которой вся слава и всѣ успѣхи принадлежатъ, безспорно, Графу Каменскому. До принятія имъ подъ начальство дѣйствующаго корпуса, дѣла наши, какъ было изложено въ началѣ этого обзрѣнія, находились въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Съ равными, а часто и съ меньшими силами, безъ всякаго вспомошествованія въ продовольствіи, Графъ Каменскій одержалъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, двѣ знаменитыя побѣды, взявъ штурмомъ укрѣпленныя непріятельскія позиціи, и сражаясь почти ежедневно, преслѣдовалъ Шведовъ, съ неизмѣрною быстротою, по мѣстамъ непроходимымъ, чрезъ рѣки, болота, утесы, лѣса, часто оспаривая каждый шагъ штыками. Всѣ

распоряженія принадлежатъ Графу Каменскому, который составлялъ свои планы почти всегда на мѣстѣ битвы, сообщаясь съ положеніемъ непріятеля. Въ сраженіяхъ Графъ Каменскій обыкновенно устремлялся въ опаснѣйшія мѣста, зная, что появленіе его одушевляло солдатъ и офицеровъ; въ трудныхъ переходахъ онъ былъ передъ колонною, и подавалъ собою примѣръ. Онъ терпѣлъ нужду наравнѣ съ солдатами, и тогда только былъ доволенъ, когда могъ доставить войску какія нибудь жизненные удобства. Исключая малаго времени, во время перваго перемирія, корпусъ Графа Каменскаго провелъ все время на бивакахъ, въ палящій зной лѣта, въ ненастную осень и въ жестокою зиму, и, не взирая на недостатокъ въ продовольствіи, солдаты были бодры и здоровы. Какой-то веселый духъ, молодечество поддерживали войско и заставляли его все переносить

охотно съ добрымъ начальникомъ. Многіе плакали, когда Графъ Каменскій, по разстроенному здоровью, отказался отъ начальства и отправился въ Петербургъ изъ Улеборга. Казалось, что разставаясь съ нимъ, подчиненные его осиротѣли. Офицеры и солдаты, принадлежавшіе къ корпусу Графа Каменскаго, гордились этимъ, ибо вся армія съ удивленіемъ внимала извѣстіямъ о подвигахъ чудной храбрости, объ опасностяхъ и трудахъ прославившихъ сей корпусъ. «Господа!» сказалъ Графъ Каменскій офицерамъ, прощавшимся съ нимъ: «Мы завоевали Финляндію; сохраните ее. Сожалѣю, что не могу съ вами оставаться!» — Слезы навернулись на глазахъ героя при этихъ словахъ. Суровые воины плакали, какъ дѣти!

Главнокомандующій Финляндскою арміею, Графъ Буксгевденъ, исполненный уваженія къ Графу Каменскому и чув-

ствуя всю важность его заслугъ, написалъ къ нему, при отъѣздѣ, слѣдующее письмо :

«Поставляю себѣ обязанностію засвидѣтельствовать Вашему Сіятельству усерднѣйшую мою благодарность за всѣ труды, мужество и благоразумныя распоряженія по части, вамъ ввѣренной, съ которыми вы, для пользы отечества и къ славѣ оружія Его Императорскаго Величества, содѣйствовали мнѣ, при завоеваніи Великаго Герцогства Финляндскаго, до послѣднихъ рубежей онаго. Вмѣняя себѣ въ пріятнѣйшій долгъ цѣнить заслуги, я не упустилъ и нынѣ не упущу случая засвидѣтельствовать о нихъ Государю Императору, дабы тѣмъ доказать вамъ мою признательность и уваженіе, съ которыми я всегда пребуду. При семъ препровождаю также къ Вашему Сіятельству вѣдомость, изъясняющую десяти-мѣсячныя наши потери и пріобрѣтенія, въ той надеждѣ, что

выгоды, полученные нами въ сію войну, останутся всегдашнимъ памятникомъ для тѣхъ воиновъ, кои въ оной участвовали.»

Такъ говорилъ Главнокомандующій, а что чувствовали, что говорили подчиненные Графа Каменскаго, того нельзя передать словами. Героя давно уже нѣтъ въ живыхъ: лесть не нужна!

Теперь, когда мы имѣемъ полное и прекрасное описаніе Финляндской Войны, составленное Его Превосходительствомъ А. И. Михайловскимъ-Дацилевскимъ, мнѣ излишне было бы распространяться о военныхъ дѣйствіяхъ. Изображалъ я болѣе то, что самъ видѣлъ и испыталъ, и что тѣсно связано было съ дѣйствіями корпуса Графа Каменскаго, и пропускалъ иногда собственныя впечатлѣнія, чтобъ не прерывать и не затемнять повѣствованія. Теперь представлю краткій перечень своихъ воспоминаній, въ общемъ видѣ, объ этой войнѣ. Подобно послѣд-

нимъ лучамъ заходящаго солнца, прошлое скользитъ по моей памяти, освѣщаетъ ее, и оживляетъ въ воображеніи многое изъ забытаго.

Не числомъ войска должно опредѣлять важность сраженій и побѣдъ, но трудностями и послѣдствіями войны, и въ этомъ отношеніи ни одна Европейская война не можетъ сравниться съ войною Финляндскою, и ни одно войско съ корпусомъ Графа Каменскаго. — Справедливо сказалъ Графъ Каменскій въ Улеаборгѣ, прощаясь съ нами: «мы завоевали Финляндію.» Точно мы (т. е. корпусъ Каменскаго), завоевали эту страну, и притомъ въ три мѣсяца! Это подтвердилъ и знаменитый нашъ историкъ А. И. Михайловскій-Данилевскій, разсмотрѣвъ подробно и безпристрастно всѣ событія изслѣдовавъ всѣ офиціальныя извѣстія. Смерть — ничто! Къ ней долженъ быть приготовленъ каждый воинъ, съ той ми-

нуты, какъ надѣлъ мундиръ: но нужда — вотъ что можетъ поколебать мужество въ самомъ неустрашимомъ воинѣ, разрушая его физическія силы. Мы претерпѣвали величайшую нужду! Въ Финляндіи узнали мы тщету золота! Было много такихъ дней, что каждый изъ насъ отдалъ бы всѣ свои деньги за кусокъ хлѣба, за нѣсколько часовъ сна, въ теплой избѣ, на соломѣ! Уже съ Октября настали морозы, а въ Ноябрь зима была во всей своей силѣ, и притомъ, въ этомъ году, жестокая. Сѣверный вѣтеръ жегъ, какъ пламя. Почти у всѣхъ насъ щеки покрыты были струпьями. Нельзя было уберечься, потому что каждое дуновеніе вѣтра обжигало кожу на лицѣ. Я сдѣлалъ всю кампанію безъ шубы, въ шинели на ватѣ, безъ мѣховаго воротника. Галоши, какъ я уже сказалъ однажды, тогда не были еще выдуманы. На бивакахъ, мы, бывало, закроемся отъ страш-

наго сѣвера кучами снѣга, въ родѣ вала, подложимъ подъ ноги пуки сосновыхъ сучьевъ, разведемъ большой огонь, и спимъ покойно, даже переодѣваемся и перемѣняемъ бѣлье. Дежурные должны были обходить кругомъ и будить офицеровъ и солдатъ, когда замѣтятъ слѣды отмораживанія. Тогда мы вскакивали и поспѣшно натирали лице снѣгомъ. Въ 17 градусовъ мороза, мы даже брились на бивакахъ! Самое роскошное кушанье наше—это была тюря, изъ солдатскихъ сухарей, въ которую подливали темного хлѣбпаго вина (если оно было), чтобъ согрѣться. Кто могъ достать оленьихъ шкуръ, тотъ обвязывалъ ими ноги. Иные дѣлали родъ маски изъ оленьей шкуры, чтобъ закрывать ознобленное лице, вымазавъ его сперва жиромъ. На кого мы походили тогда!—Весьма часто нашему эскадрону, какъ я уже говорилъ, приходилось стоять всю ночь на аванпостахъ, безъ

огней, въ жестокую стужу, въ открытомъ мѣстѣ. Тогда мы закрывались отъ сѣвернаго вѣтра срубленными елками, въ видѣ вѣера, и плясали, т. е. перепрыгивали всю ночь съ ноги на ногу, размахивая руками. — Шведы и Финны, мѣстные жители, не устояли, хотя ихъ нужда, въ сравненіи съ нашей, была роскошь, потому что они, отступая, забирали все, что можно было взять у крестьянъ, и имѣли притомъ подводы. Въ Шведской арміи Генерала Клеркера открылись болѣзни, кровавый поносъ и горячки. Послѣ Олькіюкскаго перемирія, бóльшая часть Финновъ начали дезертировать и приходили къ намъ толпами. На каждомъ переходѣ мы поднимали множество большихъ Шведовъ и Финновъ, валявшихся на дорогѣ. Мы пеклись объ нихъ столько же, какъ о своихъ, и наши солдаты раздѣляли съ ними послѣднія крохи своей скудной пищи. Удивительно, что

въ корпусѣ Графа Каменскаго было весьма мало больныхъ. Солдаты шли бодро и весело, и Русская пѣсня часто оглашала пустыни Финляндіи. Бодрость духа, внушенная намъ Графомъ Каменскимъ поддерживала изнуренное пуждою тѣло. Въ Брагештадтѣ, который Шведы уступили намъ безъ боя, мы нѣсколько отдохнули.

Здѣсь я едва не лишился жизни, съ нѣсколькими изъ товарищей. Въ городѣ мы запаслись Французскимъ виномъ (médoc) и всѣмъ, что можно было достать для стола. На другой день, на аванпостахъ, мы купили превосходную рыбу у поселанина, и я предложилъ товарищамъ сварить матлотъ (т. е. рыбу въ красномъ винѣ, съ пряностями и проч.). Моя стряпня поправилась товарищамъ, а потому оставшееся въ кострюлѣ мы сохранили на ужинъ. Послѣ ужина, въ полночь, всѣ мы жестоко заболѣли. По счастью, док-

торъ поспѣлъ во время и открылъ всѣ слѣды отравленія. Зная изъ Шведскихъ газетъ о происходившемъ въ то время въ Испаніи, нѣкоторые изъ насъ подумали, что мы отравлены жителями. и велѣли сохранить, для изслѣдованія, всѣ припасы, купленные нами въ городѣ. Но когда докторъ спросилъ насъ, что мы ѣли въ тотъ день, онъ велѣлъ принести посуду, въ которой варилось кушанье, и тотчасъ узналъ причину нашей болѣзни, увидѣвъ ярь въ кастрюлѣ, образовавшуюся отъ дѣйствія на мѣдъ краснаго вина и пряностей. Я не догадался, что въ кастрюлѣ не было никакой полуды! Намъ поданы были всѣ возможные пособія и, по счастью, вовремя, а если бъ мы не нашли скоро доктора, то къ утру вѣрно всѣ бы отправились на лоно Авраамле. Однакожь, всѣ мы, съ недѣлю, были больны.

Послѣ перемирія или конвенціи, заключенной Графомъ Каменскимъ въ Оль-

кіюки (7 Ноября), съ разрѣшенія Главнокомандующаго, по которой Шведы обязались уступить Русскимъ всю Финляндію, до Торнео, мы шли впередъ уже прогулкою, соблюдая, однакожь, въ авангардѣ предосторожности, чтобъ какой нибудь отчаянный партизанъ, не признававшій конвенціи, не напалъ на насъ печально и не надѣлалъ хлопотъ. Но Шведы, особенно Финны, совершенно упали духомъ и уже не помышляли о войнѣ, поспѣшая выбраться изъ Финляндіи на зимнія квартиры или въ дома. Съ Генераломъ Клеркеромъ перешло черезъ рѣку Кеми не болѣе 3000 Финновъ; всѣ прочіе разошлись по домамъ или отдались намъ добровольно. Въ единственной большой деревнѣ въ Финляндіи, Лиминго (въ 27-ми верстахъ отъ Улеборга), выстроенной по обѣимъ берегамъ рѣки, гдѣ у насъ была дневка, мы соединились съ Куопіоскимъ корпусомъ Генерала

Тучкова 1-го, и свидѣлись со старыми сослуживцами и друзьями. Тутъ мы узнали о смерти добраго нашего товарища, Поручика Лопатинскаго, который посмѣивался въ Куопіо надъ моею осторожностью, во время разѣздовъ и командировокъ. Посланный со взводомъ на рекогносцировку, съ свитскимъ офицеромъ (по нынѣшнему Генеральнаго Штаба), онъ пренебрегъ необходимою осторожностью въ взбунтованномъ краѣ. Партизаны напали на него, на почлегѣ, и какъ онъ не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ, и защищалъ входъ въ избу, то его подняли на штыки. Я описалъ характеръ и смерть его въ особой статьѣ, напечатанной въ полномъ собраніи моихъ сочиненій. — 18-го Ноября, въ сильную стужу, доходившую до 20 градусовъ, мы вступили церемоніальнымъ маршемъ въ Улеборгъ, *предпоследній* городъ обитаемаго міра. За Улеборгомъ, на сѣверѣ,

только одинъ городъ Торнео (въ 151-ой верстѣ), а далѣе Лапландскія юрты, пустыни, до самаго Ледовитаго Моря, и конецъ умственной жизни и растительности. Тамъ уже начинается царство бѣлыхъ медвѣдей! Авангардъ нашъ немедленно выступилъ на рѣку Кеми, и не взирая на жестокою стужу, сталъ биваками; но уланъ пощадили и помѣстили на квартирахъ въ самомъ городѣ. Главнокомандующій, который ѣхалъ въ экипажѣ за нашимъ корпусомъ, въ нѣсколькихъ переходахъ, не мѣшаясь вовсе въ распоряженія Графа Каменскаго, прибылъ въ тотъ же день въ Улеборгъ, гдѣ и назначена была главная квартира Финляндской арміи.

Въ нашемъ эскадронѣ осталось не болѣе пятидесяти лошадей, а около восьмидесяти околѣло отъ голода и немовѣрныхъ трудовъ. Спѣшенные уланы, вооруженные карабинами, примк-

кнули къ пѣхотѣ, къ арріергарду. Сѣдла и пики мы оставляли въ городахъ. Гвардейскій Егерскій батальонъ, пришедшій съ Генераломъ Тучковымъ 1-мъ, былъ также оборванъ и безъ обуви, и Главнокомандующій рѣшился отослать къ Русской границѣ всѣ гвардейскіе батальоны и эскадроны. Намъ позволено было отдохнуть и вѣрно приготовиться къ обратному походу.

Вообразите мое удивленіе, когда, въ 1840 году, въ Гельсингфорсѣ, гдѣ я находился, съ семействомъ, для купанья въ морѣ, явился ко мнѣ старикъ, и спросилъ по-Шведски, помню ли я его. Я не могъ припомнить. Онъ объявилъ мнѣ, что онъ почтмейстеръ изъ Улеборга, бывшій и въ 1808 году въ томъ же званіи, и хозяинъ моей давнишней Улеборгской квартиры. Тогда я примомнилъ его, потому что онъ былъ добрый хозяинъ и угождалъ мнѣ, какъ могъ. Онъ тогда еще записалъ мою

фамилію, и читая мои сочиненія, въ переводѣ на Шведскій языкъ, особенно все, что я писалъ о Финляндіи, всегда вспоминалъ о своемъ старомъ постояльцѣ, съ которымъ разстался дружески. Узнавъ, что я въ Гельсингфорсѣ, куда онъ пріѣхалъ, какъ Финскій патріотъ и старій питомецъ Абовскаго Университета, праздновать трехсотлѣтнее его существованіе, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не повидаться со мною. Мы обнялись дружески, и я повторилъ ему мою благодарность за угощеніе въ Улеборгѣ. Старій почтмейстеръ весьма удивился, что я научился говорить по-Шведски, полагая, что съ тѣхъ поръ, какъ я *лепетаю* на этомъ языкѣ, долженъ говорить на немъ не уступая природному Шведу. «Скажите по совѣсти», спросилъ я стараго моего хозяина: «правду ли сказалъ я тогда, въ вашемъ домѣ, что вамъ будетъ не хуже, послѣ соединенія съ Россією,

какъ было при Шведскомъ правленіи?» Старикъ отвѣчалъ: «Предсказаніе ваше сбылось, и мы совершенно счастливы!»—«Вы этого и стоите!» примолвилъ я, и старикъ пожалъ мнѣ дружески руку.

Улеборгъ небольшой, чистенькій городокъ, застроенный порядочными деревянными домами, почитается въ Финляндіи важнымъ городомъ, лучшимъ послѣ Або и Гельсингфорса. Въ Улеборгѣ строятся (по крайней мѣрѣ строились) купеческія суда, отличной доброты., Надѣля фабричными и мануфактурными товарами, чужеземнаго производства, и колоніальными товарами, всю сѣверную Финляндію (а тогда и сѣверную Швецію), Улеборгъ имѣлъ большіе запасы ихъ къ зимѣ, когда обыкновенно бываютъ вездѣ ярмарки. Не думали и не гадали въ Улеборгѣ, что мы прійдемъ къ нимъ въ гости, на зиму; слѣдовательно мы нашли въ городѣ все, что намъ было нужно.

Хозяева знакомили постояльцевъ въ кругу своихъ родныхъ и пріятелей, и мы приглашаемы были на вечеринки, на которыхъ проводили время чрезвычайно весело, потому что Улеборгскія женщины славятся своею красотою и образованностью; а безъ женщинъ лучшее общество—казарма. Въ городѣ была даже книжная лавка, въ которой находились книги на разныхъ языкахъ, и библіотека для чтенія, выписывавшая Французскія, Нѣмецкія и Англійскія газеты. Словомъ, въ Улеборгѣ Европа отражалась ярко. Жители были раздражены противъ Шведскаго Короля, и исключая нѣсколькихъ упрямыхъ патріотовъ, оставившихъ городъ, всѣ безпрекословно присягнули на вѣрность Императору Александру. Въ Улеборгѣ мы забыли претерпѣнныя нами нужды и не весьма рады были обратному походу, хотя насъ и увѣряли, что мы пойдемъ прямо

въ Петербургъ. Походъ около 800 верстъ, зимою, чрезъ голодную и разоренную страну, не представлялъ намъ много пріятностей, и мы желали бы до весны простоять въ Улеаборгѣ. Мы жили здѣсь, какъ обыкновенно живутъ военные люди въ городахъ, въ военное время, жили шумно и весело. По *тогдашнему обычаю*, если у одного были деньги, то всѣ его пріатели и близкіе товарищи веселились на его счетъ. Нашлись добрые люди между Улеаборгскими купцами, которые давали Русскимъ офицерамъ въ долгъ товары и даже деньги взаймы.

Въ столицѣ Лапландіи (она входила въ составъ Улеаборгской Области, по Шведски Län), мы почти ежедневно лакомились оленьимъ мясомъ, въ разныхъ видахъ, которое привозили Лапландцы на саняхъ, запряженныхъ оленями. Копченые олени языки, настоящее лакомство, *délicatesse!* — Тутъ же многіе изъ

насъ запаслись на дорогу оленьими шубами, съ капишономъ, шерстью вверхъ (парками), и Лапландскою обувью, которая, одна изъ всѣхъ обувей, можетъ противостоятъ сѣвернымъ морозамъ. Это родъ кенегъ, шерстью вверхъ, сшитыхъ чрезвычайно плотно, питками, сдѣланными изъ оленьихъ кишекъ, правильнѣе струнами. Устлавъ эти кенги соломой (лучше сухимъ мохомъ), ихъ надѣваютъ на босыя ноги, вымазанныя сперва жиромъ. Нѣкоторые изъ насъ купили Лапландскія маски, также изъ оленьихъ шкуръ, которыми Лапландцы закрываютъ лице въ самые сильные морозы, когда отправляются на промыслы, въ море.

Повторяю и готовъ повторить сто разъ: славные офицеры были тогда въ арміи! Читайте описаніе Финляндской Войны А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, и вы увидите, что самыя блистательныя сраженія названы *офицерскими дѣ-*

лами. Никогда я не видалъ здѣсь офицера за фронтомъ! Гдѣ была сильнѣе перестрѣлка, гдѣ шли на штыки, гдѣ была рѣзня—тамъ всегда были впереди офицеры. Они вели солдатъ въ самыя опасныя мѣста. Въ Калужскомъ мушкетерскомъ полку былъ Поручикъ Голешевъ, гигантскаго роста и необыкновенной силы. Въ одной рукопашной схваткѣ съ Шведами, они изорвали на немъ шинель, штыками. Голешевъ послѣ этого солдатскую шинель, доходившую ему до коленъ и въ сраженіяхъ бралъ солдатское ружье, работая и штыкомъ и прикладомъ. Когда, во время Куртанскаго сраженія, мы дѣйствовали съ Генераломъ Козачковскимъ, по другую сторону озера, чтобъ зайти непріятелю въ тылъ, къ Сальми, Голешевъ шелъ впереди, съ стрѣлками своего полка, которыхъ подкрѣплялъ нашъ эскадронъ. Шведы засѣли въ кустахъ, за небольшимъ зали-

вомъ, примыкая правымъ флангомъ къ скаламъ. Обходить правый ихъ флангъ было далеко, да и не съ кѣмъ; карабкаться на скалы было невозможно, и Голешевъ, перекрестясь и крикнувъ: «за мною ребята!» бросился въ озеро, и по грудь въ водѣ, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, перешелъ чрезъ заливъ, ударилъ въ штыки на Шведовъ, и прогналъ ихъ. — Солдаты Голешева несли сумы на штыкахъ. Мы перешли въ бродъ, за стрѣлками. «Знаешь ли ты пословицу: «не спросясь броду, не суйся въ воду», сказалъ я Голешеву: «вѣдь ты могъ бы утонуть!» — «Казенное ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ!» отвѣчалъ мнѣ, шутя, Голешевъ. Во время одной перестрѣлки (а онѣ происходили по нѣскольку разъ въ день), Шведы задерживали нашу стрѣлковую цѣпь картечными выстрѣлами изъ фальконета, поставленнаго въ лѣсу, меж-

ду густыми зарослями. Голешевъ , съ двумя своими любимыми солдатами, которые не отходили отъ него ни на шагъ, подкрался ползкомъ къ Шведамъ, и когда они выстрѣлили изъ фальконета, бросился на нихъ, повалилъ человѣкъ двухъ прикладомъ, а потомъ отбросивъ свое ружье, схватилъ обѣими руками фальконетъ и разможилъ голову третьему Шведу, крича своимъ: «сюда ребята! ура!» Изумленные Шведы, которыхъ было тутъ до двадцати человѣкъ, побѣжали въ тылъ, а между тѣмъ наши стрѣлки подоспѣли на помощь. Голешевъ возвратился въ полкъ, неся фальконетъ на плечѣ!

Я упоминалъ о двухъ молодыхъ Лифляндцахъ, Прапорщикахъ 3-го Егерскаго полка, Вильбоа и Штакельбергъ. Земляки и едва ли не родственники, они были неразлучны. Всѣ офицеры любили ихъ за скромность, благородство и необыкновенную храбрость. Въ одномъ авангардѣ

номъ дѣлѣ, Шведы перестрѣливались съ нашими егерями, засѣвъ за камнями. Сражающихся раздѣлялъ не широкій, но быстрый ручей, съ шумомъ и пѣною текущій по острымъ камнямъ. На берегу ручья стояло высокое и толстое дерево. Подъ градомъ пуль Вильбоа и Штакельбергъ, командовавшіе въ этомъ мѣстѣ нашею цѣпью, велѣли срубить дерево, и когда оно перевалилось черезъ ручей, они первые бросились на него, чтобъ перебѣжать на другую сторону. Вильбоа шелъ впереди, и на половинѣ дерева пораженъ былъ пулею въ грудь. Онъ упалъ въ объятія друга своего Штакельберга, и въ ту самую минуту, когда тотъ хотѣлъ отдать драгоцѣнную ношу егерямъ, вторая пуля ударила въ високъ Штакельберга, и оба друга, обнявшись, уже мертвые упали въ воду. Наши егеря, чтобъ отмстить смерть своихъ офицеровъ, безъ начальниковъ бросились, по дереву, на другой

берегъ, ударили отчаянно въ штыки и перекололи всѣхъ, кто не успѣлъ уйти. Тѣла храбрыхъ офицеровъ отнесло теченіемъ за версту. Ихъ похоронили съ честью, и въ безлюдной долинь, между скалами, поставили деревянный крестъ надъ могилою, скрывшею блистательныя надежды!

Во время одной перестрѣлки двѣ роты пѣхоты и полъ-эскадрона уланъ поставлены были въ лощинѣ, чтобъ поддержать нашу стрѣлковую цѣпь, если бь она подалась въ тылъ. Пули перелетали безвредно надъ нашими головами. Капитанъ Верещагинъ (не помню Низовскаго или Азовскаго полка), лихой малый, сѣлъ на камень, поставилъ передъ собою барабанъ, и сказалъ: «господа, я закладываю банкъ—не угодно ли поиграть *передъ смертью?*» Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась съ полчаса, пока выстрѣлы не стали усиливать-

ся. Тогда Верещагинъ попросилъ одного изъ неигравшихъ товарищей донести за него банкъ, и сказавъ: «пойду взглянуть, что наверху дѣлается», взошелъ на возвышенную окраину лощины, взлѣзъ на камень и посмотрѣвъ въ поле, обернулся къ намъ лицомъ, и сказалъ игравшимъ: «конецъ игрѣ»... Шведская пуля не дала ему кончить, и онъ свалился въ лощину. Лекаръ, игравшій также въ банкъ, подошелъ къ нему, осмотрѣлъ рану и сказалъ: «убить сонника!» Пуля раздробила несчастному Верещагину черепъ и зашла въ мозгъ. Игра кончилась, игравшіе разсчитались, и деньги Верещагина взялъ старшій капитанъ, для отдачи полковому казначею на сохраненіе, а между тѣмъ прибѣжалъ унтеръ-офицеръ изъ стрѣлковой пѣши, требуя помощи. Резервъ вступилъ въ дѣло, и Верещагинъ остался на вѣки на мѣстѣ. Ужасно, когда видишь человека здороваго и весе-

лаго, который черезъ минуту уже не существуетъ! Но наконецъ и къ этому при-
выкнешь. Бывало, когда полки и коман-
ды сойдутся на бивакахъ, послѣ сраже-
нія, пріатели ищутъ другъ друга, и по-
лучивъ въ отвѣтъ: «приказалъ долго
жить», безмолвно возвращаются къ свое-
му огню, съ грустью въ сердцѣ, съ мрач-
ною мыслью въ душѣ. Но спустя нѣ-
сколько часовъ все забыто, потому что
подобная участь ожидаетъ cadaго!

Въ корпусъ Графа Каменскаго присла-
ны были изъ Петербурга, Военнымъ Ми-
нистромъ, Графомъ Аракчеевымъ, Пору-
чки Бѣлавинъ и Брозе, не помню какого
пѣхотнаго армейскаго полка. Они общими
силами написали сатирическіе стихи,
подъ заглавіемъ: *Весь-гомъ* (*). Надобно

(*) У меня остался въ памяти одинъ куплетъ,
и по прошествіи сорока лѣтъ можно привести его:

«Пришли къ Фриланду мы мѣстечку.

Туть, къ несчастью и съ стыдомъ,

знать, что прежде командовали: «*весь-кругомъ*», и что это движеніе, фронтомъ въ тылъ, дѣлалось медленно, въ три темпа, съ командою: разъ, два, три, а потомъ стали дѣлать въ два темпа, по командѣ въ два слога: *весь-гомъ*. Эта маловажная перемѣна послужила армейскимъ поэтамъ предметомъ къ критическому обзору Аустерлицкой и Фридландской кампаній. Въ службѣ не допускаются ни сатиры, ни эпиграммы, и молодыхъ поэтовъ наказали справедливо и притомъ воински. Военный Министръ прислалъ ихъ къ Графу Каменскому безъ шнагъ, т. е. подъ арестомъ, предписавъ: «посылать въ тѣ

Побросали пушки въ рѣчку,
Сами сдѣлали *весь-гомъ*».

Господа поэты стояли наказанія, потому что сказали *неправду*. Стыда тутъ не было: по сознанию самаго Наполеона, Русскіе дрались превосходно подъ Фридландомъ. Въ этомъ родѣ были всѣ куплеты, и каждый кончался словомъ: *весь-гомъ*.

мѣста, гдѣ нельзя дѣлать *весь-гомъ*». Эти офицеры были прекрасные, образованные молодые люди. Въ первомъ сраженіи Графъ Каменскій прикомандировалъ ихъ къ передовой стрѣлковой цѣли, однако жъ безъ шпагъ. Поэты отличились, и не смѣя прикоснуться ни къ какому оружію, потому что считались подъ арестомъ, вооружились дубинами и полѣзли первые на Шведскіе шапцы. Графъ Каменскій, послѣ сраженія, возвратилъ имъ шпаги, и написалъ къ Военному Министру, что «стихи ихъ смыты непріятельскою кровью». Графъ Аракчеевъ позволилъ имъ возвратиться въ полкъ, но они не согласились и остались въ корпусѣ Графа Каменскаго до окончанія кампаніи, отличаясь во всѣхъ сраженіяхъ.

Русскіе и Шведы дрались отчаянно, по взаимно уважали другъ друга. Графъ Каменскій узнавъ, что Шведы не грабятъ нашихъ плѣнныхъ, запретилъ на-

шимъ солдатамъ пользоваться военною добычею, и приказаніе его соблюдалось свято и ненарушимо. О плѣнныхъ раненыхъ мы пеклись едвали не болѣе, какъ о своихъ. Съ плѣнными Шведскими офицерами мы обходились, какъ съ товарищами, раздѣляя съ ними послѣднее. Однажды, у плѣннаго Шведскаго офицера пропали часы на бивакахъ. Шведъ промолчалъ, изъ деликатности. Когда стали собираться въ походъ, нашъ уланъ, отыскивая что-то, нашелъ въ пескѣ часы, которые вѣроятно выпали изъ кармана у Шведа, во время безпокойнаго сна, и отдалъ ихъ ротмистру. Онъ, держа часы надъ головою, спросилъ, кому они принадлежатъ. Тогда Шведъ объявилъ, что часы его, признался откровенно, что не смѣлъ объявить о пропажѣ часовъ, и просилъ въ этомъ извиненія. Онъ сознался, что наше съ нимъ обхождение и этотъ случай истребили въ немъ

совершенно невыгодное мнѣніе, внушенное ему съ малолѣтства о Русскихъ, при молвивъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, всегда съ уваженіемъ будетъ отзываться о Русскихъ войнахъ.

Но каждая война сопряжена съ бѣдствіями, которыя оставляютъ глубокіе слѣды въ памяти пострадавшихъ. Я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ ужасныхъ сценъ, которыя до сихъ поръ живо представляются моему воображенію. Мы стояли съ егерями 3-го Егерскаго полка на аванпостахъ. Одинъ изъ передовыхъ пѣхотныхъ часовыхъ стоялъ въ опушкѣ лѣса, на вершинѣ. Внизу протекала рѣчка, а за нею стоялъ Шведскій пикетъ, также укрытый въ лѣсу. Русскій часовой увидѣлъ, шагахъ въ полутора, Шведскаго солдата, который переправлялся на лодкѣ, съ нашей стороны на свою. Это показалось нашему егерю подозрительнымъ; онъ подкрался

между кустами, прицѣлился, выстрѣлилъ, и Шведскіи солдатъ, правившіи лодкою стоя, упалъ въ нее. На выстрѣлъ выбѣжали Шведы изъ лѣсу и нашъ пикетъ сталъ подъ ружье, но съ обѣихъ сторонъ не начинали перестрѣлки, видя, что ни Шведы, ни Русскіе не наступаютъ. Между тѣмъ лодку, оставленную на произволъ воды, прибило теченіемъ къ нашему берегу. Въ ней лежалъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, Шведскіи солдатъ, а возлѣ него сидѣли двое дѣтей, одинъ мальчикъ лѣтъ пяти, другой лѣтъ трехъ. Старшіи плакалъ, а младшіи дергалъ за мундиръ отца, какъ будто желая его разбудить. Пуля пробила черепъ несчастнаго Шведскаго солдата, и онъ, въ страшныхъ мученіяхъ и безпамятствѣ, зажалъ пальцемъ рану; мозгъ съ кровью текъ по рукѣ.... Лице его страшно искривлялось судорогами, глаза выкатились изъ-подъ вѣкъ, на гу-

бахъ застывала пѣна, но онъ еще шевелился.... Ужасное зрѣлище!... Вдругъ изъ лѣса выбѣжала молодая женщина и опрометью кинулась къ умирающему, съ пронзительнымъ воплемъ. Это была жена солдата, мать малютокъ, которые ухватились за нее, съ крикомъ и плачемъ.... Я не могъ выдержать и ускакалъ. Послѣ сказали мнѣ, что Шведскій солдатъ, родомъ Финнъ, находясь по близости своего дома, рѣшился навѣстить семейство, и не смѣя долго оставаться, взялъ съ собою двухъ своихъ малютокъ, чтобъ патѣшиться ими, сказавъ жецѣ, что оставитъ ихъ у пріятеля, котораго домъ находился въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ Шведскаго пикета, по ту сторону рѣки. Жена провожала его до опушки лѣса, и видѣла, какъ онъ упалъ.... Пѣхотный офицеръ, командовавшій нашимъ пикетомъ, велѣлъ отвезть тѣло солдата, на своей верхо-

вой лошади, въ его домъ, находившійся въ верстѣ отъ насъ... Жену его принуждены были связать и несть на носилкахъ, потому что она впала въ бѣшенство, и бросалась на нашихъ солдатъ, съ страшными проклятіями.... Несчастные!...

Послѣ жаркаго авангарднаго дѣла, въ которомъ Шведовъ вытѣснили картечью изъ засѣкъ, я шелъ, со взводомъ, въ головѣ авангарда, постоянно имѣя въ виду отступающаго непріятеля. Возлѣ самой большой дороги стоялъ порядочный крестьянскій домъ. Я поскакалъ впередъ, чтобъ посмотрѣть, не засѣли ли тутъ Шведы, и увидѣлъ на дворѣ Шведскую таратайку, запряженную въ одну лошадь, и верховую лошадь, а при нихъ двухъ Шведскихъ драгунъ, верхомъ. Когда они увидѣли меня, одинъ изъ нихъ, вывѣсивъ бѣлое полотенце на палашѣ, сталъ махать имъ, и кричалъ изо всей силы: «миръ, миръ!» Я далъ знакъ

рукою, чтобъ онъ приблизился, и Саволакскій драгунъ спѣшился, вышелъ безоружный за ворота, и сказалъ мнѣ, что въ домѣ лежитъ раненый Шведскій офицеръ, при которомъ оставили лекаря и двухъ драгунъ для конвоя. Я вошелъ въ избу. На окровавленной кровати лежалъ молодой Шведскій офицеръ, съ закрытыми глазами; возлѣ кровати стояла на колѣняхъ женщина, не сводя глазъ съ больного, а подлѣ нее мальчикъ лѣтъ пяти.... Шведскій лекарь, безъ мундира, съ засученными рукавами рубахи, мылъ и вытиралъ инструменты; ему помогалъ фельдшеръ. Докторъ говорилъ по-Нѣмецки, и сказалъ мнѣ, что этому офицеру раздробило картечью обѣ ноги, что онъ въ эту минуту кончилъ операцію, отрѣзалъ обѣ ноги, и поручаетъ больного человеку колюбію Русскихъ, надѣясь, что его и драгунъ отпустятъ безъ задержанія къ

Шведскому войску. «Офицеръ родомъ Финляндецъ», примолвилъ докторъ: «а это жена его, съ сыномъ; она слѣдовала за своимъ мужемъ»... При этомъ лекаръ сдѣлалъ сомнительный знакъ, показывавшій, что положеніе больнаго весьма плохое. Я подошелъ къ женщинѣ и сказалъ ей, по-Французски, что съ нашей стороны будутъ употреблены всѣ средства къ спасенію ея мужа.... Но она быстро отскочила, страшно взглянула и обѣими руками оттолкнула меня отъ кровати, сказавъ тихо, какимъ-то дикимъ голосомъ: «прочь, прочь отсюда, Русскій! Прочь, или я убью и тебя, и себя!»... Я содрогнулся отъ этого взгляда, и молча вышелъ въ сѣни, расстроганный положеніемъ несчастной. Докторъ вышелъ за мною, и я велѣлъ ему поскорѣе убираться, со своей свитой, приставивъ къ воротамъ коннаго улана, чтобъ извѣстить обо всемъ Кульцева, ко-

гда онъ прибѣдетъ на мѣсто, съ авангардомъ. — Женщина была прекрасная, но страшный взглядъ ея и звукъ ея голоса, въ которыхъ выражались ненависть, жажда мести и отчаянье превращали ее въ какое-то ужасное существо. Такова долженствовала быть Медея, когда готовилась изъ мщенія убить собственныхъ дѣтей!... Но ни Жоржъ, ни Дюшенуа, ни Семенова никогда не вышались до такой страшной природы!

Шведскою кавалеріей, т. е. Саволакскими драгунами, командовалъ Капитанъ Фуксъ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, храбрый воинъ, веселый и откровенный. Онъ подружился съ Кульневымъ, и часто прѣзжалъ къ нему на аванпосты. Неустрашимый, неутомимый Кульневъ былъ по душѣ Фуксу, и если онъ могъ достать курительнаго табаку, рому или другаго аванпостнаго лакомства, то или присылалъ Кульневу чрезъ своего драгуна, или

*

самъ привозилъ на наши пикеты. Саволакскіе драгуны одѣты были въ синія куртки, а голову покрывали *жельзными круглыми шляпами*. Аммуниція у нихъ была желтаго цвѣта. Лошади ихъ были малорослыя, Финской породы, но крѣпкія и быстрыя.—Капитанъ Фуксъ былъ всегда въ сичемъ сюртукѣ и въ круглой пуховой шляпѣ. Наши казаки, Гродненскіе гусары и уланы такъ свыклись съ Саволакскими драгунами, что въ авангардѣ вовсе съ ними не перестрѣливались, безъ крайней нужды, т. е, когда не надлежало дать знакъ къ наступленію. Черезъ часъ, явился ко мнѣ Саволакскій драгунъ, съ письмомъ къ Кульневу, отъ Капитана Фукса, въ которомъ онъ просилъ своего великодушнаго противника приберечь раненаго офицера. Кульневъ похвалилъ меня за то, что я отпустилъ немедленно Шведскаго лекаря и конвойныхъ солдатъ.

Гвардейскіе батальоны и эскадроны пошли разными путями въ Петербургъ. Нашъ эскадронъ пошелъ берегомъ, до Вазы, а оттуда, чрезъ Куопіо и Нейшлотъ, въ Выборгъ. На этомъ пути мы уже находили магазины съ провіантомъ и фуражемъ. Въ Куопіо я навѣстилъ нашу добрую хозяйку. Сыновья ея возвратились въ городъ, вмѣстѣ съ прочими жителями, и въ городѣ былъ порядокъ, какъ въ мирное время. На мое изъявленіе благодарности и на извиненіе, что мы слишкомъ самовластно распоряжались въ ея домѣ, хозяйка и ея сыновья отвѣчали еще бѣльшимъ изъявленіемъ благодарности за наше ласковое съ нею обхожденіе и сбереженіе собственности въ военное время. Фишны думали прежде, что мы идемъ грабить ихъ, какъ бывало во времена древнихъ воиновъ, съ Великимъ Новгородомъ!

Въ Нейшлотѣ жизнь моя подвергалась опасности, не легче, чѣмъ въ самомъ кро-

вопролитномъ сраженіи. Возвращаясь поздно на квартиру, я нашелъ калитку незапертою, и лишь только просунулъ голову, огромный водоносъ свистнулъ передъ моимъ лицомъ, на палецъ разстоянія, такъ что меня обдало вѣтромъ. Поспѣшно вскочилъ я на дворъ, заперъ калитку, и ставъ при ней, началъ скликать уланъ, чтобъ отыскать разбойника. Деньщикъ выбѣжалъ на крыльце, со свѣчею, и въ это самое время послышался робкій голосъ возлѣ забора: «простите, ваше благородіе, виновать, безъ умысла!»—Мы схватили виновнаго. Это былъ сынъ хозяина, Русскаго торговца, парень лѣтъ двадцати двухъ. Онъ бросился мнѣ въ ноги и сталъ умолять о пощадѣ. Я ввелъ его въ мою комнату и сталъ спрашивать о причинѣ покушенія на жизнь мою. Онъ клялся и божился, что вовсе не имѣлъ противу меня злаго умысла и рассказалъ мнѣ свою исторію. Въ домѣ у нихъ жи-

ла вдова, съ дочерью, красавицею, въ которую молодой купчина былъ страстно влюбленъ. Красавица не чуждалась его любви, пока не вмѣшался между ними писарь гарнизоннаго баталіона, которому она отдала преимущество. Мало того, что этотъ писарь похитилъ у него сердце красавицы, онъ еще раза два поколотилъ купчину, когда тотъ не хотѣлъ впускать его въ домъ и донесъ адъютанту о позднихъ отлучкахъ писаря. Мучимый ревностью и злобой, купчина рѣшился *проучить* своего соперника, и подслушавъ, что красавица обѣщала писарю оставить въ эту ночь калитку отпертою, засѣлъ съ водоносомъ у забора, чтобъ *поподчивать* писаря, не зная, что я въ городѣ, а можетъ быть, и не подумавъ обо мнѣ, въ разгарѣ страстей. Писарь не явился, вѣроятно, по какому нибудь необыкновенному случаю, и я едва не получилъ определеннаго ему гостини-

ца. — «Знаешь ли, чему бы ты подвергнулся, если бь убилъ меня или писаря?» спросилъ я купчину. — «Помилуйте, ваше благородіе; я вовсе не хотѣлъ убивать ни васъ, ни писаря; я хотѣлъ только *по-стращать* его!» — Купчина не могъ постигнуть, что ударомъ водоноса, со всего размаха, можно убить человѣка. Я разбудилъ его отца, рассказалъ о случившемся, и совѣтовалъ на другой же день спровадить красавицу со двора, и простилъ купчину, принявъ въ уваженіе, какъ Французскіе присяжные, *облегчительныя обстоятельства* (*circonstances atténuantes*), а именно: любовь, ревность и — глупость соперника.

Гвардейскій отрядъ, соединившись за одинъ переходъ до Петѣрбурга, расположился въ деревняхъ, ожидая новой обмундировки. Ежедневно привозили изъ города мундиры, обувь, аммуницію, примѣряли ее, перешивали и т. п. Это было

въ Мартѣ, 1809 года, слѣдовательно мы почти годъ были въ походѣ. Изъ Петербурга къ намъ пріѣзжали гости, но намъ запрещено было отлучаться отъ командъ. Офицеры часто съѣзжались по вечерамъ и проводили время по военному. Тутъ случилось въ нашемъ отрядѣ трагическое происшествіе, глубоко тронувшее всѣхъ насъ. Кто изъ современниковъ не зналъ Графа *Θ. И. Т****, прозваннаго *Американцемъ*, или кто не слыхалъ объ немъ! Онъ служилъ тогда, Поручикомъ, въ Преображенскомъ полку, въ томъ батальонѣ, который былъ въ Финляндіи. О Графѣ *Θ. И. Т**** можно было бы написать цѣлую книгу, если бъ собрать все, что о немъ рассказывали и рассказываютъ, хотя въ этихъ рассказахъ много несправедливаго, особенно въ томъ, что относится къ его порицанію. Такъ обыкновенно ведется на свѣтѣ: о хорошемъ умалчиваютъ, а къ дурному прибавляютъ вы-

думки, что бѣ сѣрое сдѣлать чернымъ! Графъ Т*** былъ, какъ нынѣ говорятъ, человѣкъ *эксцентрическій*, т. е. имѣлъ особый характеръ, выходившій изъ обыкновенныхъ свѣтскихъ формъ, и во всемъ любилъ однѣ крайности. Все, что дѣлали другіе, онъ дѣлалъ вдесятеро сильнѣе. Тогда было въ модѣ и въ нравахъ, какъ я уже говорилъ, *молодечество*—и Графъ О. И. Т*** довелъ его до *отчаянности*! Онъ поднимался на воздушномъ шарѣ съ Гарнеренемъ, и волею-неволею пустился въ путешествіе вокругъ свѣта, съ Крузенштерномъ. Вмѣшавшись въ споръ Крузенштерна съ Капитаномъ Лисянскимъ, онъ довелъ добраго и скромнаго Крузенштерна до того, что тотъ вынужденъ былъ оставить Графа О. И. Т*** въ нашихъ Американскихъ колоніяхъ, и не взялъ съ собою, на обратномъ пути кораблей *Надежда* и *Нева*, въ Россію. Графъ О. И. Т***

пробыль нѣкоторое время въ Америкѣ, объѣздилъ, отъ скуки, Алеутскіе Острова, посѣтилъ дикія племена Галошей, съ которыми ходилъ на охоту, и возвратился, чрезъ Петропавловскій Портъ, сухимъ путемъ, въ Россію. Съ этихъ поръ его прозвали *Американцемъ*, потому что дома онъ одѣвался по-Алеутски, и стѣны его увѣшаны были оружіемъ и орудіями дикарей, обитающихъ по сосѣдству съ нашими Американскими колоніями. Графъ Т*** много рассказывалъ о своихъ *Американскихъ походахъ*, а между прочимъ и то, будто Галоши предлагали ему быть ихъ царемъ! Страсть его была дуэли! Но онъ былъ опасный соперникъ, потому что стрѣлялъ превосходно изъ пистолетовъ, фехтовалъ не хуже Севербрика (общаго учителя любителей фехтованья того времени), и рубился мастерски на сабляхъ. При этомъ Графъ О. И. Т*** былъ точно храбръ, и, не взирая на пылкость

характера, хладнокровенъ и въ сраженіи и на поединкѣ. Тогда велась повсюду большая карточная игра, особенно въ войскѣ; играли обыкновенно въ азартныя игры, и Графъ *Ө. И. Т**** всегда былъ въ выигрышѣ. Онъ игралъ преимущественно въ тѣ игры, въ которыхъ характеръ игрока даетъ преимущество надъ противникомъ и побѣждаетъ самое счастье. Любимыя игры его были: квинтичъ, гальбе-цвельве и Русская горка, т. е. тѣ игры гдѣ надобно *прикупать* карты. Поигравъ нѣсколько времени съ человекомъ, онъ разгадывалъ его характеръ и игру, по лицу узнавалъ, къ какимъ мастямъ или картамъ онъ прикупаетъ, а самъ былъ тутъ для всѣхъ загадкою, владея физиономіей по произволу. Этими стратагемами онъ разилъ своихъ картежныхъ совмѣстниковъ, выигрывалъ большія суммы, жилъ открыто и роскошно. Не знаю, есть ли подобный

гастрономъ въ Европѣ, какимъ былъ Графъ О. И. Т***. Онъ не предлагалъ большаго числа блюдъ своимъ гостямъ, но каждое его блюдо было верхъ поваренаго искусства. Столовые припасы онъ всегда закупалъ самъ. Нѣсколько разъ онъ бралъ меня съ собою при этомъ, говоря, что первый признакъ образованности — выборъ припасовъ кухонныхъ и что хорошая пища облагораживаетъ животную оболочку человѣка, изъ которой испаряется разумъ. Напримѣръ, онъ покупалъ только ту рыбу въ садкѣ, которая сильно бьется, т. е. въ которой болѣе жизни. Достоинство мяса онъ узнавалъ по его цвѣту, и т. п. Графъ О. И. Т*** былъ небольшого роста, плотенъ и силенъ, имѣлъ круглое, полное, смуглое лице и черные волосы. Черные глаза его блестѣли, какъ раскаленные уголья, и когда онъ бывалъ сердитъ, то страшно было заглянуть ему въ глаза. Онъ былъ прекрасно образованъ,

говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, любилъ музыку, литературу, много читалъ, и охотно сближался съ артистами, литераторами и любителями словесности и искусствъ. Умень онъ былъ какъ демонъ, и удивительно краспорѣчивъ. Онъ любилъ софисмы и парадоксы, и съ нимъ трудно было спорить. Впрочемъ, онъ былъ, какъ говорится, добрый малый; для друга готовъ былъ на все, охотно помогалъ пріятелямъ, но и друзьямъ и пріятелямъ не совѣтовалъ играть съ нимъ въ карты, говоря откровенно, что въ игрѣ, какъ въ сраженіи, онъ не знаетъ ни друга, ни брата, и кто хочетъ перевести его деньги въ свой карманъ, у того и онъ имѣетъ право ихъ выиграть. Графъ **Ө. Ш. Т***** дослужился до полковничьяго чина, но за дуэли и проступки противу субординаціи былъ разжалованъ нѣсколько разъ въ солдаты; находясь въ отставкѣ солдатомъ, пошелъ въ рат-

ники, въ 1812 году, и отчаянною храбростью снова заслужилъ полковничій чинъ и ордена, которыхъ лишень былъ по суду. Съ окончаніемъ войны, Графъ **О. И. Т***** поселился въ Москвѣ, а лѣтомъ проживалъ въ своей подмосковной деревнѣ. Миѣ пришлось съ нимъ свидѣться въ Могилевѣ, въ 1836 году, когда я ѣздилъ въ мою Бѣлорусскую вотчину, а потомъ я часто видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ около года, въ 1840 году, съ своимъ семействомъ. — Слѣдую во всемъ своему оригинальному взгляду на свѣтъ и на дѣла человѣческія, Графъ **О. И. Т*****, поселившись въ Москвѣ, женился на Цыганской пѣвицѣ, и былъ съ нею счастливъ. Теперь Графа **О. И. Т***** нѣтъ уже въ живыхъ, и я вспоминаю объ немъ, какъ о необыкновенномъ явленіи даже въ тогдашнее время, когда люди жили не по календарю, говорили не по диктовку, и ходили не по стрункамъ, т. е.

когда какая-то рыцарская необузданность подчиняли себѣ и этикетъ и образованность.

Преображенскій батальонъ стоялъ въ Большомъ Парголовѣ, и множество офицеровъ собралось къ Графу *Т**** на вечеръ. Разумѣется, что стали играть въ карты. Графъ *Т**** держалъ банкъ въ гальбе-цвелъве. Прапорщикъ Лейбъ-Егерскаго полка *И. А. Н.*, прекрасный собою юноша, скромный, благовоспитанный, образованный, присталъ также къ игрѣ. Въ избѣ было жарко, и многіе гости, по примѣру хозяина, сняли мундиръ. — Покупая карту, *Н**** сказалъ Графу *Т****: «Дай *туза!*» Графъ *Т**** положилъ карты, засучилъ рукава рубашки, и выставя кулаки, возразилъ съ улыбкою: «изволь!» — Это была шутка, но неразборчивая, и *Н**** обидѣлся грубымъ каламбуромъ, бросилъ карты, и сказавъ: «Постой же, я дамъ тебѣ *туза!*» вышелъ

изъ комнаты. Мы употребляли всѣ средства, чтобъ успокоить Н*** и даже убѣдили Графа О.И. Т*** извиниться и письменно объявить, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить его. Но Н*** былъ непреклоненъ и хотѣлъ непременно стрѣляться, говоря, что если бъ другой сказалъ ему это, то онъ первый бы посмѣялся: но отъ извѣстнаго дуэлиста, который привыкъ властвовать надъ другими страхомъ, онъ не стерпитъ никакого неприличнаго слова. Надобно было драться. Когда противники стали на мѣсто, Н*** сказалъ Графу Т***: «Знай, что если ты не попадешь, то я убью тебя, приставивъ пистолеть ко лбу! Пора тебѣ кончить!» — Первый выстрѣлъ принадлежалъ Графу Т***, потому что онъ былъ вызванъ, и онъ вспыхнулъ отъ словъ Н***. — «Когда такъ, такъ вотъ же тебѣ!» отвѣчалъ Графъ Т***, протянулъ руку, выстрѣлилъ, и попалъ въ бокъ Н***.

Рана была смертельная: Н*** умеръ на третій день.

Это происшествіе надѣлало много шуму въ городѣ. Графа Ф. И. Т*** посадили въ крѣпость, и выписали, не помню, въ армію или въ дальній гарнизонъ. Презъ нѣсколько дней мы вступили въ городъ торжественно, какъ побѣдители. Послѣ Аустерлицкой и Фридландской кампаній, гвардія впервые вступала въ столицу съ побѣдою изъ завоеваннаго края.

Вотъ результаты кампаніи 1808 года, какіе сообщилъ Главнокомандующій Графъ Буксгевденъ Дежурному Генералу П. П. Коновницыну, 23-го Декабря того же года. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ завоевана вся Финляндія, состоявшая изъ шести губерній, вмѣщающая въ себѣ около 300,000 квадратныхъ верстъ и болѣе милліона жителей, 6 губернскихъ городовъ, 17 уѣздныхъ и купече-

скихъ, съ 18-ю пригородными портами, въ которыхъ находилось до 200 купеческихъ судовъ, принадлежавшихъ жителямъ. Покорено пять крѣпостей: Свеаборгъ, Швартгольмъ, Кроисбергъ, Абовскій Замокъ и Гангеудъ. Въ это время, кромѣ ежедневныхъ почти перестрѣлокъ и аванпостныхъ дѣлъ, Русское войско дало 34 сухопутныхъ и 6 морскихъ прибрежныхъ сраженій, а изъ этого числа два сраженія были для насъ несчастныя (Вуича, на Аландскихъ Островахъ, и Булатова) и 5 неудачныхъ. Русскіе взяли 61 мѣдную пушку и 3,316 чугунныхъ пушекъ, Шведскихъ знаменъ 14, ружей 17,463; въ плѣнъ взято 12,042 человѣка, а сколько убито, навѣрное неизвѣстно, но полагають до 20,000 человѣкъ (*). Мы лишились двухъ знаменъ (Могилевскаго

(*) Предположеніе Графа Буксгевдена, не основанное, однакожъ, ни на какихъ даныхъ.

мушкетерскаго полка, бывшаго съ Булатовымъ), 4-хъ мѣдныхъ пушекъ и на канонирскихъ лодкахъ 4-хъ чугунныхъ пушекъ и 9-ти фальконетовъ; ружей 6,424. Русскихъ въ плѣнъ взято и безъ вѣсти пропало 3,394 человекъ, убито 1,943, ранено 5,459 человекъ. Взято, сожжено и затоплено Шведскихъ судовъ 199. У насъ потонули въ сраженіи 2 канонирскія лодки и отбита одна яхта. О дѣлахъ морскаго флота, дѣйствовавшаго внѣ Финляндіи, здѣсь не упоминается.

Послѣ этого можно повторить слова Главнокомандующаго, изъ приказа его по арміи, отъ 4-го Декабря 1808 г. въ Улеборгѣ: «Изъявляя мою благодарность *въсѣмъ чинамъ арміи*, отъ Гг. Генераловъ до послѣдняго солдата, за мужество однихъ, за расторопность и рѣшительность другихъ, за храбрость послѣднихъ и ревность къ славіи отечества *въсѣхъ вообще*, повелѣваю по всей арміи, 12-го

числа сего мѣсяца, въ высокаторжественный для Россіи день, Богу нашему, содѣтелю всѣхъ благъ, намъ въ бояхъ благоволившему, принести благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе, и провозгласить въ повоzавоеванной странѣ многолѣтіе Монарху».

IV.

Перемѣны въ Финляндской Арміи. — Заслуги Графа Аракчеева. — Переходъ Баркляя-де-Толли по льду, чрезъ проливъ Кваркенъ, въ Швецію. — (Эпизодъ). — Какія чувства остались во мнѣ къ народамъ, съ которыми мы воевали.

Находясь въ Улеборгѣ, мы не знали, что Государь Императоръ недоволенъ былъ Олькіокскою конвенціею, по которой Генераль Клеркеръ уступилъ намъ Финляндію. Высочайшій рескриптъ Государя къ Графу Буксгевдену по этому предмету напечатанъ въ Описаніи Финляндской Войны А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Весьма справедливо, что если бь Графъ Буксгевденъ усилилъ корпусъ Графа Каменскаго хотя половиною

отряда Князя Голицына, и не согласился на перемирие, а приказалъ дѣйствовать, то все остальное войско Клеркера или положило бы оружіе и сдалось, или было бы истреблено. Можетъ быть, Генераль Сандельсъ, рѣшительный и мужественный воинъ, успѣлъ бы спастись, идя на пробой, съ отчаяннѣйшими изъ Швеновъ: но все же корпусъ Клеркера, состоявшій только изъ 8,000 человѣкъ, былъ бы уничтоженъ. Въ то же время Государь Императоръ приказывалъ перейти немедленно въ Швецію, занять провинцію Вестерботнію и принудить Короля къ миру.

Но Графъ Буксгевденъ упорствовалъ, представляя невозможность исполненія этого предначертанія, и потому на его мѣсто назначенъ былъ Главнокомандующимъ Генераль отъ Инфантеріи Кноррингъ, который, находясь въ Петербургѣ, критиковалъ всѣ планы Графа Буксгевде-

на, а особенно заключенное имъ перемирие, Генераль Кноррингъ пріѣхалъ въ Улеаборгъ во второй половинѣ Декабря 1808 года, съ повелѣніемъ двинуть войска въ Швецію, и съ полною инструкціею, и принялъ армію отъ Графа Буксгевдена.

Составъ Русской арміи былъ тогда слѣдующій: Улеаборгскій корпусъ Генерала Тучкова 1, имѣлъ подъ ружьемъ, всѣхъ чиновъ 11,358 человекъ и 20 орудій; Вазскій корпусъ Князя Голицына, 13,197 человекъ и 22 орудія; Абоскій корпусъ Князя Багратіона, 10,284 человека и 20 орудій; Ниландскій, Графа Витгенштейна, 9,245 человекъ и 25 орудій; Куопіоскій отрядъ состоялъ въ вѣдѣніи Генераль-Губернатора Старой Финляндіи, Генерала Обрѣзкова, и имѣлъ 1,373 человека и 12 орудій; резервной артиллеріи, расположенной въ Тавастгусъ, было 104 человека и 28 орудій; Морскаго Вѣдомства 2,917 человекъ. Всего

48,478 человекъ, въ томъ числѣ 2,730 конницы и 127 орудій.

Графъ Каменскій, какъ я уже упомянулъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ него сказались больными и оставили армію Генералы Тучковъ 1, Князь Голицынъ и Графъ Витгенштейнъ. Всѣ они, основываясь на недостаткѣ продовольствія, и полагая число войска недостаточнымъ для внесенія войны въ самую Швецію, не хотѣли принять на себя отвѣтственности въ столь важномъ дѣлѣ. Намѣсто Тучкова 1, назначенъ корпуснымъ командиромъ Генераль-Адъютантъ Графъ Шуваловъ, Князя Голицына замѣнилъ Барклай-де-Толли, а Графа Витгенштейна Генераль Багговутъ (правильнѣе Баггогевутъ). Главнокомандующій, Генераль Кноррингъ, осмотрѣвшись на мѣстѣ, сталъ повторять то же самое, что прежде критиковалъ въ Графѣ Буксгевденѣ, т. е. отказывался отъ всякаго дѣй-

ствія, требуя для войска отдыха, продовольствія и одежды.

Планъ вторженія въ Швецію, утвержденный Государемъ Императоромъ, былъ слѣдующій. Графъ Шуваловъ съ 5,000 долженъ былъ слѣдовать на Торнео, разбить остатки войска Генерала Клеркера, взять его магазины и итти быстро въ Умео, городъ, лежащій на Шведскомъ берегу, въ прямой линіи противу Гамлекарлеби. Барклай-де-Толли долженствовалъ съ 5,000 челов., перейти, по льду, чрезъ проливъ Кваркенъ, въ Умео, и соединиться съ Графомъ Шуваловымъ. Князю Багратиону, съ 20,000 человѣкъ назначалось выйти изъ Або, и пройдя по льду, на Аландскіе Острова, истребить находившееся тамъ подъ начальствомъ Генерала Дебельна, Шведское войско, обезоружить жителей и итти на Шведскій берегъ. Три корпуса, соединясь на Шведскомъ берегу, должны были быстро про-

пикнуть къ Стокгольму, съечь зимовавшей здѣсь Шведскіи флотъ, и занять такую позицію, въ которой можно было бы держаться и по вскрытіи льда. Корпусныхъ командировъ повелѣно было снабдить деньгами и печатными прокламаціями, на Шведскомъ языкѣ, въ которыхъ было объявлено, что Русскія войска вступили въ Швецію не для покоренія страны, но для завоеванія мира, выгоднаго для обонхъ Государствъ.

Это рѣшительное предпріятіе не могло быть исполнено иначе, какъ зимою, когда ледъ надеженъ; но Главнокомандующій представлялъ Государю Императору различныя къ тому неудобства, изъ которыхъ главнѣйшимъ приводилъ недостатокъ продовольствія, и провелъ въ бездѣйствіи драгоцѣннѣйшее время, а именно половину Декабря 1808 года, весь Январь и начало Февраля слѣдующаго года. Государь

*

требовалъ настоятельно исполненія своей воли; но Кноррингъ рѣшительно отказался и написалъ къ Государю: «Привыкши, какъ добрый и послушный солдатъ, исполнять всѣ повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, я въ долгѣ однако жъ признаться въ недостаткахъ моихъ, и для того, ежели Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, угодно настоятельно требовать исполненія плана, то осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о Всемилостивѣйшемъ моемъ увольненіи отъ службы».

Вотъ второй Главкомандующій оставляетъ службу, почитая себя не въ силахъ исполнить Высочайшую волю! Оба старика, изжившіе свой вѣкъ, они видѣли сдѣлать онасныя предпріятія, не считывая выгоды, и управляли арміей, какъ говорится, по бумагамъ, не входя лично въ изслѣдованіе всѣхъ донесеній. Государь выслалъ Военнаго Министра

съ повелѣніемъ исполнить немедленно Высочайшую волю, двинуть войско въ Швецію и слѣдовать съ нимъ. 20-го Февраля Графъ Аракчеевъ прибылъ въ Або, гдѣ была главная квартира, перенесенная изъ Улеборга.

Главнокомандующій Генераль Кноррингъ, Графъ Шуваловъ и Барклай-де-Толли представили свои возраженія противу удобоисполнимости плана. Графъ Аракчеевъ сбилъ всѣ ихъ доводы, нашелъ и продовольствіе на мѣстѣ, и определенное число людей къ переходу въ Швецію, и приказалъ немедленно дѣйствовать. Замѣчательны слова Графа Аракчеева, въ его опроверженіи возраженій Барклая-де-Толли, который, между прочимъ, жаловался на недостатокъ наставленій отъ Главнокомандующаго. «На счетъ объясненія вашего», писалъ Графъ Аракчеевъ: «что вамъ очень мало получено наставленій отъ Главнокоман-

дующаго, то Генераль съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не имѣеть. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16-му Марта прибудетъ въ Борго, и я увѣренъ, что вы постараетесь доставить къ Нему на Сеймъ Шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ бы быть не Министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо Министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставило одному Барклаю-де-Толли». Воля ваша, а это отзывается древнимъ Римомъ!

На представленіе Главнокомандующаго объ опасности для войска, во время пребыванія на льду, въ жестокой морозъ, въ теченіе *шести сутокъ*, Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «усердіе и твердость Русскихъ войскъ все преодолеютъ».

Графу Шувалову, представлявшему о недостаткѣ продовольствія и о затрудненіяхъ въ Швеціи, гдѣ весна бываетъ позже, Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «Для

5,000 человекъ продовольствіе сыскать нетрудно, и вы, вѣрно, уже имъ запаслись, а о будущихъ затрудненіяхъ беспокоиться не слѣдуетъ заранѣе. Тогда напишите, когда они встрѣтятся на мѣстѣ».

Читая это и изслѣдовавъ дѣйствія Графа Аракчеева, въ это время, въ Финляндіи, нельзя не удивляться твердости его характера, безусловному повиновенію воли Государя и пламенной любви къ славы Русскаго имени! Въ этомъ отношеніи Графъ Аракчеевъ безукоризненъ.

Изъ всѣхъ генераловъ, только ученикъ Суворова и его авангардный Генераль, Князь Багратионъ не представлялъ ни какихъ возраженій. Когда Графъ Аракчеевъ объявилъ ему повелѣніе идти на Аландъ, и спросилъ, что онъ на это скажетъ, Князь Багратионъ отвѣчалъ хладнокровно: «что тутъ разсуждать—прикажете—пойдемъ!» А. И. Михайловскій-Данилевскій справедливо говоритъ, что Графу

Аракчсеву принадлежит слава перенесенія Русскаго оружія въ Швецію. Точно, что безъ его понужденій и рѣшительныхъ мѣръ, переходъ вѣрно бы не состоялся; однако жъ и исполнители этого предначертанія имѣютъ право на славу.

Обратимся теперь къ исполненію самаго затруднительнаго перехода. Повторяю, что я ни у кого не заимствовалъ, и первый въ Россіи напечаталъ о переходѣ } черезъ Кваркенъ, за одиннадцать лѣтъ до } появления въ свѣтъ Описанія Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, Генераль-Лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, написавъ по разсказамъ очевидцевъ, товарищей моихъ въ Финляндской войнѣ, и по офиціальнымъ бумагамъ, которыми я пользовался только для чиселъ. Ушло съ тѣхъ поръ много времени — и я разсказываю этотъ подвигъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Ботнической Заливъ, начинающійся у

города Торнео, расширяясь постепенно въ обѣ стороны при своемъ началѣ, сѣуживается между Финляндскимъ городомъ Вазою и Шведскимъ Умео, и образуетъ родъ пролива, шириною около 100 верстѣ, называемаго Кваркенъ. Между обоими берегами находятся группы острововъ; большая часть ихъ состоитъ изъ голыхъ необитаемыхъ скалъ. Лѣтомъ Кваркенъ опасенъ для мореходцевъ, по множеству отмелей и по неровности дна; зимою онъ замерзаетъ и представляетъ сухопутное сообщеніе между противоположащими берегами. Но этотъ зимній путь всегда опасенъ и затруднителенъ: огромныя полыньи и трещины во льду, прикрываемыя наноснымъ снѣгомъ, на каждомъ шагу угрожаютъ сокрытыми безднами. Часто случается, что внезапныя бури разрушаютъ этотъ ненадежный помостъ суровой зимы, и уносятъ его въ море. Даже въ этомъ году (1809) ледъ

два раза ломался на Кваркенѣ, отъ вихрей и морскаго волненія.

До вступленія Генерала Барклая-де-Толли въ командованіе Вазовскимъ корпусомъ, начальствовавшій имъ Генераль-Лейтенантъ Князь Голицынъ 5 посылалъ чрезъ Кваркенъ Войска Донскаго Старшину Киселева 2, съ 10-ю отборными казаками, для развѣданія о неприятелѣ и собранія свѣдѣній объ этомъ пути. Сей отличный офицеръ, съ величайшею трудностью, спѣшившись, пробрался по льдинамъ къ острову Гадепу, попалъ нечаянно на Шведекій пикетъ (ночью, 15-го Февраля), взялъ всѣхъ въ плѣнъ, возвратился благополучно съ плѣнными, и, между прочими извѣстіями, донесъ, что переходъ сопряженъ съ величайшими трудностями, и долженъ почитаться невозможнымъ для цѣлаго отряда, съ обозами и артиллеріею. Такъ думали сами Шведы и жители Финляндии.

діи. Опытъ доказаль противное, и удостовѣрилъ, что для Русскихъ воиновъ ничего нѣтъ невозможнаго.

Когда Генераль Барклай-де-Толли заступилъ мѣсто Князя Голицына (23 — 24-го Февраля), весь Вазовскій корпусъ составлялъ не болѣе 5,500 человекъ пѣхоты подъ ружьемъ; при немъ находилось 300 человекъ казаковъ и 32 орудія разнаго калибра. Изъ этого числа для перехода чрезъ Кваркенъ нельзя было употребить болѣе 3,000 человекъ. Ожидали подкрѣпленія изъ Улеаборгскаго корпуса, но оно не могло прійти въ надлежащее время, по причинѣ трудностей пути и дальности.

По слухамъ и полученнымъ отъ плѣнныхъ извѣстіямъ, въ Умео непріятельскія силы состояли изъ 4-хъ ротъ регулярныхъ войскъ и 400 человекъ милиціи; но ежедневно ожидали изъ окрестностей Торнео отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ войска,

которое не могло оставаться тамъ, по недостатку продовольствія. Сверхъ того, поселяне могли вооружиться и составить сильные воинственные отряды, чему видѣли уже примѣры въ Саволакскѣ, Карелии и на Аландскихъ Островахъ.

Но Генераль Барклай-де-Толли, котораго предвидѣніе простиралось на дальнѣйшія слѣдствія экспедицій, помышлялъ не о числѣ враговъ, а о средствахъ удержаться въ непріятельской землѣ, въ такомъ случаѣ, если бъ вскрытіе льда на Кваркенѣ отрѣзало его отъ сообщенія съ Вазою. Тогда недостатокъ въ продовольствіи и трудность переправъ чрезъ широкія рѣки въ землѣ непріятельской, при отступленіи отъ Умео для соединенія подъ Торнео съ Графомъ Шуваловымъ, могли бы привести отрядъ въ величайшую опасность. Генераль Барклай-де-Толли, тщательно скрывая отъ своихъ подчиненныхъ всѣ эти опасенія, от-

кровенно изложилъ предъ начальствомъ свои мысли и заключенія на счетъ затруднительнаго положенія, въ которомъ бы онъ находился, если бъ ему надлежало оставаться для дальнѣйшихъ операцій съ столь малыми силами на Шведскомъ берегу, по вскрытіи Кваркена. Но за полученіемъ рѣшительнаго предписанія выступить въ Швецію, Барклаю-де-Толли нельзя было медлить, и онъ приступилъ къ исполненію Высочайшей воли, объявленной Графомъ Аракчеевымъ.

Диспозиція Генерала Барклая-де-Толли была слѣдующая. Отрядъ для перехода чрезъ Кваркенъ раздѣлялся на два отдѣленія: первое, подъ начальствомъ Полковника Филисова, состояло изъ сотни казаковъ, съ Войсковымъ Старшиною Киселевымъ, 2-хъ батальоновъ Полоцкаго мушкетерскаго полка и двухъ орудій артиллеріи; второе отдѣленіе, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Берга, со-

ставляли полки: Лейбъ-Гренадерскій и Тульскій мушкетерскій, двѣ сотни казаковъ и 6 орудій артиллеріи. Всѣмъ этимъ войскамъ надлежало собраться на прилежащіе къ Финскому берегу Кваркенскіе острова, 5-го и 6-го числа Марта.

Въ городѣ Вазѣ оставался Шефъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, Генераль-Маіоръ Лобановъ, съ Пермскимъ мушкетерскимъ полкомъ. Онъ долженъ былъ занять городъ и Кваркенскіе острова, наблюдать за спокойствіемъ жителей, и по прибытіи въ Вазу идущихъ на помощь Навагинскаго и Тенгинскаго мушкетерскихъ, 24-го и 25-го Егерскихъ полковъ, приказать имъ немедленно переходить чрезъ Кваркенъ на Шведскій берегъ, для соединенія съ отрядомъ Генерала Баркляя-де-Толли. Сверхъ того Генераль Лобановъ долженъ былъ содѣйствовать комиссіонерамъ къ успѣшному заготовленію продовольствія для войска, чтобы

при первомъ требованіи немедленно доставить въ Умео, а обо всемъ прочемъ относиться къ Главнокомандующему, въ главную квартиру, городъ Або.

Въ слѣдствіе диспозиціи, отрядъ собрался въ назначенное время на Кваркенскихъ островахъ: одинъ лишній день подлежало промедлить въ ожиданіи подвѣздъ, проводниковъ и продовольствія. Войско провело 7-го Марта на бивакахъ, на необитаемомъ островѣ Вальгрудъ, лежащемъ въ 20-ти верстахъ отъ берега. Взоръ терялся въ необозримыхъ снѣжныхъ степяхъ, и островъ Вальгрудъ, составленный изъ однихъ гранитныхъ скалъ, казался надгробнымъ камнемъ мертвой природы. Здѣсь не было ни какаго признака жизни и прозябенія: ни одно деревцо, ни одинъ кустъ тростника не оживляли этой картины безплодія. Зима царствовала здѣсь со всеми ужасами, истребивъ всѣ средства къ защитѣ

отъ ея могущества. Стужа простиралась до 15-ти градусовъ, и войско оставалось на бивакахъ, безъ огней и шалашей.

За 36 часовъ до выступленія въ походъ всего отряда, выслана была передовая партія изъ 60-ти казаковъ и 50-ти отборныхъ стрѣлковъ Полоцкаго мушкетерскаго полка, на саняхъ, подъ начальствомъ Войсковаго Старшины Киселева 2-го, уже знавшаго путь чрезъ Кваркенъ. Киселеву поручено было сдѣлать нечаянное нападеніе на передовые непріятельскіе посты, расположенные по островамъ, прилежащимъ къ Шведскому берегу, отрѣзать ихъ и захватить въ плѣнъ, и такимъ образомъ скрыть движенія цѣлаго отряда.

8-го Марта въ 5 часовъ утра, весь отрядъ выступилъ съ острова Вальгрунда въ открытое море. Первое отдѣленіе шло впереди, за нимъ второе, при которомъ находился самъ Барлай-де-Толли.

Вся артиллерія слѣдовала за вторымъ отдѣленіемъ. Резервъ состоялъ изъ баталіона Лейбъ-Гренадерскаго полка и 20-ти казаковъ.

Съ перваго шага въ замерзшее море открылись трудности, которыя для всякаго, кромѣ Русскаго войска, показались бы непреоборимыми. Свирѣпствовавшая въ эту зиму жестокая буря, сокрушивъ толстый ледъ на Кваркенѣ, разметала его на всемъ пространствѣ огромными ледяными обломками, которые, подобно дикимъ утесамъ, возвышались въ разныхъ направленіяхъ, то пересѣкая путь, то простираясь вдоль его. Вдали эти гряды льдинъ представляли необыкновенное зрѣлище: казалось, будто волны морскія замерзли мгновенно, въ минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждомъ шагу. Надлежало то карабкаться по льдинамъ, то сворачивать ихъ на сторону, то выби-

вѣться изъ глубокаго снѣга, покрытаго облоемъ. Потъ лился съ чела воиновъ отъ крайняго напряженія силъ, и въ то же время пронзительный и жгучій сѣверный вѣтеръ стѣснялъ дыханіе, мертвилъ тѣло и душу, возбуждая опасеніе, чтобы, превратившись въ ураганъ, не взорвалъ лдяной твердыни. Кругомъ представлялись ужасные слѣды разрушенія, и эти, такъ сказать, *развалны* моря напоминали о возможности новаго переворота.

Артиллерія замедляла движенія отряда. Къ шести орудіямъ, поставленнымъ на полозьяхъ, отрядили 200 человекъ рабочихъ, и наконецъ оставили пушки назадъ, подъ прикрытіемъ резерва. Послѣ этого распоряженія, отрядъ быстро продолжалъ свое шествіе.

Между тѣмъ передовая партія, подъ начальствомъ Войсковаго Старшины Киселева 2-го, уже была въ дѣлѣ. Кисе-

левъ попалъ ночью (3-го Марта) на непріятельскій пикетъ, находившійся на островѣ Гросгрудъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Въ слѣдующую ночь Киселевъ попалъ на другой офицерскій пикетъ, состоявшій изъ 50-ти человекъ Финляндскихъ войскъ. Они защищались отчаянно, и все погибли на мѣстѣ, исключая взятыхъ въ плѣнъ, одного офицера и девяти человекъ солдатъ. Это происшествіе возбудило тревогу въ Шведскомъ отрядѣ, находившемся въ Умео, и показало Русскимъ, что непріятель намѣренъ упорно защищаться. Наши воины пылали желаніемъ сразиться.

Наконецъ, послѣ изнурительнаго перехода, въ продолженіе 12-ти часовъ, отрядъ къ 6-ти часамъ вечера достигъ острововъ, лежащихъ у Шведскаго берега. Первое отдѣленіе расположилось биваками на островѣ Гросгрудъ, второе

на Гаденѣ. Артиллерія едва пришла въ полночь, и примкнула къ первому отдѣленію.

Эти острова такъ же бесплодны, какъ и лежащія у Финскаго берега. Съ трудомъ можно было достать нѣсколько дровъ для согрѣтія воиновъ, усталыхъ и ослабшихъ отъ чрезвычайныхъ трудовъ. Все войско провело ночь безъ огней.

Генераль Барклай-де-Толли вознамѣрился сдѣлать нападеніе на городъ Умео съ двухъ сторонъ. Первому отдѣленію приказано было сдѣдовать прямымъ путемъ на твердую землю, черезъ островъ Гольмо, завязать дѣло съ находившимся тамъ непріателемъ, и не напирать сильно, разсчитывая время такимъ образомъ, чгобы второе отдѣленіе успѣло между тѣмъ прибыть къ устью рѣки Умео. Въ полночь, второе отдѣленіе, при которомъ находился самъ Генераль Барклай-де-Толли, выступило съ острова Гадена.

Всѣ представлявшіяся доселѣ трудности казались забавою въ сравненіи съ этимъ переходомъ: надлежало идти безъ дороги, по цѣльному снѣгу выше колѣна, въ стужу свѣше 15-ти градусовъ, и Русскіе перешли такимъ образомъ 40 верстѣ въ 18 часовъ!!! Достигнувъ устья рѣки Умео, изнуренные войны едва могли двигаться отъ усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду, въ верстѣ отъ непріятеля, находившагося въ деревнѣ Текнесъ. Изъ числа шести кораблей, зазимовавшихъ въ устьѣ, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплотѣ бивачныхъ огней, которые почитались тогда величайшею роскошью. Казаки того же вечера вступили въ дѣло, и послѣ сильной перестрѣлки, отошли въ свой лагерь.

Между тѣмъ первое отдѣленіе, при которомъ оставалась вся артиллерія, нашло

непріятеля, готоваго къ сильной оборонѣ, на островѣ Гольмѣ. Мѣткіе Карельскіе и Саволакскіе стрѣлки и Вазовскій полкъ занимали крѣпкую позицію въ лѣсу, защищаясь окопами, сдѣланными изъ сѣнга. Русскіе напали на нихъ съ фронта (9-го Марта, въ 5 часовъ утра), и встрѣтили отчаянное сопротивленіе. После сильной перестрѣлки, Полковникъ Филисовъ послалъ двѣ роты гренадеръ въ обходъ, чтобы напасть на Шведскую позицію съ тыла. Тогда Шведы начали быстро отступать по дорогѣ къ Умео, теряя множество убитыми и ранеными. Но трудность въ движеніи артиллеріи препятствовала первому отдѣленію быстро преслѣдовать непріятеля, и оно едва успѣло къ вечеру достигнуть селенія Тефте, лежащаго на твердой землѣ, въ 15-ти верстахъ отъ города Умео.

Давъ отдохнуть утружденнымъ воинамъ, Генераль Барклай-де-Толли съ

утра (10-го Марта) повелъ атаку вторымъ отдѣленіемъ на деревню Текнесъ, и послѣ жаркаго дѣла принудилъ Шведовъ къ отступленію. Казаки и стрѣлки, выбившись изъ глубокаго снѣга, съ необыкновенною радостью и быстротою преслѣдовали непріятеля по ровной проселочной дорогѣ. Когда Русскіи авангардъ находился въ верстѣ отъ города Умео, прибылъ парламентеръ отъ Шведскаго Главнокомандующаго, съ объявленіемъ желанія его вступить въ переговоры. Генераль Барклай-де-Толли отвѣчалъ, что войско Русское не можетъ быть удержано въ своихъ успѣхахъ никакими предлогами или колебаніями; но если Шведы желаютъ получить пощаду, то самъ генераль ихъ долженъ немедленно явиться къ нему, и объявить условія. Въ слѣдствіе такого рѣшительнаго отвѣта прибылъ къ Барклаю начальникъ Шведскихъ войскъ, Графъ Кронштедъ,

убѣдительно просилъ его прекратить военныя дѣйствія, увѣряя, что вся Швеція желаетъ мира, что Король Густавъ, упорствовавшій въ войнѣ, лишился престола, и дядя бывшаго Короля, Герцогъ Зюдерманландскій, вступилъ въ управленіе государствомъ. Печатные манифесты, убѣдили Генерала Барклая-де-Толли въ этой истинѣ, и онъ, жертвуя собственнымъ славолюбіемъ общей пользѣ, достигъ цѣли предначертанія своего безъ пролитія крови. Ему легко было одержать блистательную побѣду надъ изумленнымъ непріателемъ, но онъ предпочелъ средства челоѣколюбивыя. По заключенному съ Графомъ Кронштедтомъ условію, городъ Умео и вся Вестерботтія, составляющая почти третью часть всего Шведскаго Королевства, уступлены Русскому оружію. Того же дня (10-го Марта) Русское войско вступило съ торжествомъ въ городъ; въ

стѣпахъ его въ первыйъ разъ развѣвались побѣдоносныя непріятельскія знамена, и впервые разъ слышались звуки Русскаго голоса. Шведы съ удивленіемъ смотрѣли на Русскихъ: каждый воинъ казался имъ героемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, одни только герои могли совершить этотъ подвигъ, единственный въ Военной Исторіи. Русскіе перешли въ двое сутокъ около ста верстъ чрезъ лдяныя громады, глубокіе снѣга, безъ всякаго слѣда, въ жестокую стужу; опрокинули непріятеля при первой встрѣчѣ, и однимъ появленіемъ своимъ покорили цѣлую область.

Графъ Кронштетъ признался чисто-сердечно, что онъ ошибся въ своихъ стратегическихъ расчетахъ, и никогда не полагалъ, чтобы Русскіе могли съ такою быстротою и смѣлостью совершить этотъ переходъ, который онъ почиталъ чудеснымъ.

Нашъ вѣкъ — вѣкъ чудесъ и славы воинской ! Революціонная война Франціи и знаменитая борьба Россіи съ могуществомъ Наполеона отвратили вниманіе удивленной Европы отъ постороннихъ подвиговъ, которые не имѣли особеннаго вліянія на участь большаго Европейскаго семейства. Исторія, Поэзія, Живопись, Ваяніе истожились въ изобрѣтеніи памятниковъ славы и доблести. Но прійдетъ время, что художники обратятъ свое вниманіе и на чудесное покореніе Финляндіи. Тогда вспомнятъ и о Кваркенѣ. Надежныѣе и вѣрныѣ всѣхъ искусственныхъ памятниковъ, самый Кваркенъ сохраняетъ преданіе о неимовѣрной неустрашимости Русскаго воинства. Благородныя потомки не забудутъ славныхъ дѣлъ; они станутъ повторять съ гордостію имена героевъ, прославившихъ Русское оружіе, и съ благодарно-

стію скажуть: *Его предокъ былъ съ Барклаемъ на Кваркенъ (*)!*

Не имѣя намѣренія писать Исторію Финляндской Войны, я умалчиваю о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 1809 года, до заключенія Фридрихсгамскаго мира. Занятіе Аландскихъ Острововъ Княземъ Багратиономъ, подвиги Кульнева, счастливыя дѣйствія Графа Шувалова, принудившаго Шведскаго Генерала Гриппенберга положить оружіе съ 7000 корпусомъ, и наконецъ появленіе снова въ Финляндіи героя этой войны, Графа

(*) Генераль Барклай-де-Толли призналъ отличившимися особенно въ общемъ отличіи: Генераль-Маіора Берга и Полковника Филисова, начальствовавшихъ особыми отдѣленіями; Полковника Лялина (Навагинскаго мушкетерскаго полка), Подполковника Шевнина, Маіоровъ: Албрехта и Воейкова (Лейбъ-Гренадерскаго), Маіора Тюреникова (Тульскаго мушкетерскаго), артиллеріи Маіора Андерса, и болѣе прочихъ Войсковаго Старшину Киселева 2.

Н. М. Каменскаго и блистательные его подвиги въ самой Швеціи, все это прекрасно, вѣрно и занимательно описано А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Я описалъ только то, что самъ видѣлъ и испыталъ, что передано мнѣ друзьями моими и товарищами, и что осталось на всегда запечатлѣннымъ въ моей памяти. Скажу, въ заключеніе о Финляндской войнѣ, что изъ Финляндіи вынесъ я уваженіе и даже болѣе, любовь къ Шведскому и Финскому народамъ, удостовѣрясь въ ихъ храбрости и честности, и до сихъ поръ сохранилъ ненарушимо эти чувствованія. Въ 1838 году, я нарочно ѣздилъ въ Финляндію и Швецію, чтобъ доставить душѣ моей наслажденіе, и лестный пріемъ, оказанный мнѣ почетнѣйшими гражданами, учеными, литераторами и даже военными людьми, еще глубже утвердилъ въ душѣ моей привязанность къ Шведамъ и Финнамъ. Финляндія уже

счастлива — дай Богъ, чтобъ и Швеція
была всегда благополучною, и я увѣренъ
въ этомъ, потому въ обѣихъ этихъ стра-
нахъ укоренены твердо важнѣйшія нача-
ла народнаго благоденствія: Вѣра, прав-
ственность и уваженіе къ законамъ.

V.

ДОСТОПАМЯТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯМИ ГОДЫ 1808, 1809 И 1810. — НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНИЕ. ОСНОВАНІЕ ЕГО ВЪ ГЛАВНОМЪ ПРАВЛЕНІИ УЧИЛИЩЪ. — УНИВЕРСИТЕТЫ, ГИМНАЗИИ И ШКОЛЫ. — ОБЩИЙ ПОРЫВЪ КЪ СОДѢЙСТВІЮ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ВЪ ДѢЛѢ ПРОСВѢЩЕНІЯ НАРОДНАГО. — УНИЧТОЖЕНІЕ ПРЕИМУЩЕСТВЪ ПРИДВОРНЫХЪ ЗВАНІЙ. — УСЛОВІЯ ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ГРАЖДАНСКІЕ ЧИНЫ. — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЬ. — МИНИСТЕРСТВА. — ГЛАВНЫЕ САНОВНИКИ И ЧИНОВНИКИ, ДѢЯТЕЛИ ТОГДАШНЕЙ ЭПОХИ. — ГРАФЪ Н. П. РУМЯНЦОВЪ. — КОМИССІЯ О СОСТАВЛЕНІИ ЗАКОНОВЪ, СЪ ВЫСШИМЪ УЧИЛИЩЕМЪ ПРАВОВѢДЕНІЯ. — КОМИССІЯ ПРОШЕНІЙ. — ПОЧТОВОЕ УПРАВЛЕНІЕ. — ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВЪ СТОЛИЦѢ. — ВАЖНѢЙШИЯ ПОСОЛЬСТВА. — ВЫСОЧАЙШІЙ ДВОРЬ. — ВОЕННЫЙ ДВОРЬ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА. — ОСОБЫ ПРИ ВОСПИТАНІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ, ГОСУДАРЕЙ, ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ. — ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЫ. — ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЫ. — ГВАРДІЯ. — СЛОВЕСНОСТЬ. — ТЕАТРЪ. — ПИСАТЕЛИ. УЧЕННЫЕ. ХУДОЖНИКИ. — ПЕ-

дагогическій Институтъ — Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. — Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. — Окончательное устройство Государственнаго Совета. — Перемены въ Министерствахъ и въ другихъ Высшихъ Правительственныхъ мѣстахъ. — Перемены въ Гвардіи. — Графъ Василій Васильевичъ Орловъ - Денисовъ. — Краткая характеристика тогдашней эпохи. — Биографическій и характеристическій очеркъ М. М. Сперанскаго.

1808 , 1809 и 1810 годы доставятъ будущему историку Россіи весьма важныя матеріалы. Въ эти годы утверждены многія существенныя преобразованія въ Государственномъ управленіи , составлялось предположеніе о новомъ Государственномъ устройствѣ , и дѣлались попытки для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ частей новаго предположенія. Эти три года были также переходнымъ временемъ къ новой системѣ , которая наконецъ измѣнила весьма мно-

гое изъ прежняго, и затерла даже его слѣды.

Императоръ Александръ, воцарившись въ первомъ цвѣтѣ молодости, намѣревался осуществить все, что внушали ему теплое юношеское чувство и свѣтлый умъ, образованный гениальною Екатериною. Желая развить всѣ силы Россіи, распространить ея могущество, создать и упрочить ея благосостояніе, твердымъ государственнымъ закономъ, Императоръ Александръ началъ преобразованіа съ народнаго воспитанія, важнѣйшей части государственнаго управленія, основанія народнаго счастья и богатства, источника славы Престола и Отечества.—Только просвѣщенные народы могутъ понимать, хранить и исполнять законы; только люди, знакомые съ науками, могутъ возвысить промышленность и земледѣліе; только люди образованные, постигающіе цѣну добра, мо-

гутъ чувствовать истинную любовь и преданность за оказываемыя имъ благодѣянія. — Основавъ Министерство Просвѣщенія, Государь учредилъ при немъ Главное Правленіе Училищъ. Теперь не многимъ извѣстно, что это управленіе учреждено на правилахъ, на которыхъ основывалась въ послѣднее время бывшей Польши *Воспитательная Комиссія* (*Kommissya Edukacyjna*). Это было единственное учрежденіе прежней Польши, перешедшее, послѣ ея паденія, въ живое государство. Князь Адамъ Чарторійскій, Графъ Северинъ-Потоцкій и ученый Оадей Чацкій были первыми составителями проекта объ устройствѣ Главнаго Правленія Училищъ. Членами его должны были быть Попечители университетовъ и всѣ извѣстные ученые и педагоги, подъ предсѣдательствомъ Министра Просвѣщенія. Главное Правленіе Училищъ должно было разсматривать

учебныя книги, программы курсовъ, и наблюдать за исполненіемъ всѣхъ предположеній, посредствомъ своихъ визитаторовъ. Для приведенія народнаго воспитанія въ систему и сообщенія ему полноты, единства и постепенности, оно имѣло четыре послѣдовательные отдѣла: школы приходскія, школы уѣздныя, гимназій и университеты. Тогда во всей Россіи былъ только одинъ Московскій Университетъ, и одна высшая школа въ Вильнѣ, носившая названіе Академіи (основанная въ 1599 году) и долгое время управляемая Іезуитами. Императоръ Александръ основалъ университеты въ Харьковѣ, въ Казани, въ Дерптѣ (въ 1804 году), и далъ новое устройство Виленской Академіи (1803 года), переименовавъ ее въ Университетъ. Предполагалось учредить университеты въ Кіевѣ, Устилугѣ и Тобольскѣ; но какъ, при такомъ быстромъ распро-

страненіи народнаго воспитанія, требовалось множество способныхъ людей и педагоговъ, а въ нихъ былъ недостатокъ, то въ то же время учрежденъ въ Петербургѣ (1804 года) Педагогическій Институтъ для образованія Русскихъ профессоровъ и учителей. Между тѣмъ ихъ выписывали изъ Германіи и преимущественно изъ Венгріи и Австрійской Галиціи, изъ племени Карпато-Россовъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждена была гимназія, а въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ уѣздныя училища; при каждой приходской церкви долженствовала быть приходская школа, въ которыхъ обучали Русской грамотѣ, арифметикѣ, религіи и нравственной наукѣ. Умножено число военно-учебныхъ заведеній, и внутри государства учреждены кадетскіе корпуса. Основаны спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: Институтъ Путей Сообщенія, Кораблестрои-

тельные Училища, Коммерческая Гимназія, въ Таганрогѣ, и т. п. Духовныя Академіи получили преобразование. Къ тридцати семи существовавшимъ семинаріямъ прибавлены семьдесятъ три духовныя училища. Всѣ духовныя школы поручены Комиссіи Духовныхъ Училищъ, основанной на тѣхъ же правилахъ, какъ и Главное Правленіе Училищъ. Однимъ словомъ, преобразование и растространеніе народнаго воспитанія шло быстро, сильно и усердно, и только недостатокъ профессоровъ и учителей замедлялъ его ходъ и успѣхи. Къ концу 1810 года всѣ новыя учрежденія были уже въ дѣйствіи.

Этотъ высокій порывъ Государя Императора нашель сочувствіе въ сердцахъ Русскихъ. Графъ Безбородко учредилъ на свой счетъ Высшее Училище въ Иѣжинѣ (нынѣ Лицей), а знаменитый патріотъ Демидовъ, пожертвовавъ сперва 500,000 рублей въ пользу училищъ, пре-

доставилъ еще милліонъ рублей на заведеніе Высшаго Училища въ Ярославлѣ (нынѣ Лицей). Московское купечество основало, на свой счетъ, Коммерческое Училище; дворянство губерній: Кіевской, Подольской и Волынской учредило, на своемъ иждивеніи, Кременецкій Лицей, и кромѣ того, дворянство Кіевской Губерніи пожертвовало, для подобной же цѣли, 500,000 рублей. Дворянство Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской) Губерніи принесло въ жертву 400,000 рублей а купечество ея 300,000 рублей. для Харьковскаго Университета. Тульское дворянство учредило на своемъ иждивеніи, Кадетскій Корпусъ, а Г. Неплюевъ основалъ Военное Училище въ Оренбургѣ. Умалчиваю о меньшихъ пожертвованіяхъ. Давали что могли, и деньги, и книги, и дома подъ училища.

Прежде званіямъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ присвоивался чинокъ 5-го и 4-го

классовъ. Нигдѣ не служа, но получивъ придворное званіе, баловень счастья переступалъ однимъ шагомъ чрезъ самыя трудныя ступени службы. Императоръ Александръ уничтожилъ это указомъ 3-го Января 1809 года, установивъ, чтобъ придворныя званія не давали никакихъ чиновъ и преимуществъ по службѣ государственной, и обязавъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ служить въ ней дѣйствительно, если желаютъ сохранить свои званія при Высочайшемъ Дворѣ. Наконецъ, 6-го Августа, того же года, изданъ былъ знаменитый указъ, воспрещавшій производство въ чинъ коллежскаго ассесора, дававшій потомственное дворянство, и въ статскіе совѣтники чиновниковъ, не имѣвшихъ ученаго званія или невыдержавшихъ экзамена въ наукахъ въ университетѣ. Этотъ указъ былъ то же, что внезапное освѣщеніе мрачной бездны благотворными лучами солнца! Чинов-

ничіи міръ встрепенулся, зашевелился и завопилъ. Просвѣщеніе поднялось, невѣжество поникло головою.

Взглянемъ на тогдашнихъ дѣятелей, на которыхъ опирался Государь, приступивъ къ великимъ преобразованіямъ, и въ числѣ тогдашнихъ молодыхъ людей замѣтимъ тѣхъ, которые послѣдующею своею службою достигли высокихъ степеней. Однимъ словомъ, поднимемъ завѣсу прошлаго, и посмотримъ на тогдашнюю сцену Русскаго міра и его дѣйствующихъ лицъ.

Петръ Великій, преобразовавъ Россію, ввелъ, по совѣту знаменитаго философа Лейбница, коллегіальное управленіе. Для каждой части была особая коллегія, и президентъ коллегіи былъ то же, что министръ. Дѣла обсуживались въ общемъ присутствіи всѣхъ членовъ коллегіи, назначаемыхъ самимъ Государемъ. Президентъ не имѣлъ права удалять чле-

новъ, слѣдовательно, они были независимы при подаваніи голосовъ. Въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшалъ Государь. Этотъ порядокъ государственнаго управленія продолжался до вступленія на престолъ Императора Александра.

Государь учредилъ Министерства, въ 1802 году, но безъ настоящаго опредѣленія отношеній ихъ между собою и къ существовавшему порядку вещей. Коллегіи : Военная , Иностранныхъ дѣлъ, Коммерціи , Юстиць-Коллегія еще существовали, управляемыя Министрами. Только два Министерства: Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ дѣйствовали по особннымъ постановленіямъ. Въ 1810 году дано общее учрежденіе всѣмъ Министерствамъ. Государственный Совѣтъ, издавна существовавшій при Высочайшемъ Дворѣ, не имѣлъ постояннаго назначенія , собирався по призыву Царствующей Особы, и судилъ о дѣлахъ,

какія ему были предлагаем. Императоръ Александръ, учредивъ, въ 1802 году, изъ лицъ, Имъ избранныхъ, опредѣлительный составъ Государственнаго Совѣта, повелѣлъ ему собираться въ извѣстные дни и обсуживать дѣла и проекты, поступающіе на Высочайшее разрѣшеніе. Государственный Совѣтъ устроенъ окончательно въ 1810 году и воспріялъ съ сего времени свое настоящее назначеніе. Комиссія о Составленіи Законовъ также получила новое устройство, и дѣятельно занялась своимъ дѣломъ. Финансовая система совершенно измѣнилась. Словомъ все, что только посѣвалось въ прежніе годы, начало уже приносить плоды въ три послѣдніе года, до начала разрыва съ Франціею и общей Европейской войны. — Я указалъ только на главнѣйшія измѣненія, изъ которыхъ происходили мѣстныя улучшения и преобразованія во всей Имперіи.

Въ 1808 году Государственнымъ Мини-

стромъ Иностранныхъ Дѣлъ былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Онъ тогда былъ 55-ти лѣтъ отъ рожденія (род. 1753 года). Сынъ Кагульского героя, Фельдмаршала Графа Петра Александровича, мужъ высокой образованности, обладавшій огромнымъ состояніемъ, человѣкъ пріятливый, ласковый, пріятный въ обхожденіи, страстный любитель наукъ и художествъ, Графъ Николай Петровичъ, если бъ даже и не занималъ высокаго званія, то имѣлъ бы всегда большое вліяніе на общество. Девятнадцати лѣтъ отъ рожденія онъ былъ камеръ-юнкеромъ, т. е. въ 5-мъ классѣ; но прежде вступленія въ дѣйствительную службу, уѣхалъ за границу, для окончанія своего образованія, пробылъ тамъ пять лѣтъ, свелъ знакомство съ первыми Европейскими учеными, и возвратясь въ Россію, произведенъ въ ка-

мергеры, т. е. получилъ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Слѣдовательно, Графъ Н. П. Румянцевъ, не проходя черезъ низшія ступени службы, не зналъ всего ея механизма, котораго сила сокрыта для неопытнаго глаза, и потому окружавшіе его чиновники, пользовавшіеся его довѣренностью, всегда имѣли большое вліяніе на дѣла, которыя были имъ обдумываемы. Дипломатическое свое поприще Графъ Н. П. Румянцевъ началъ посольствомъ при Германскомъ Сеймѣ (кажется въ 1780 году), во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ 1791 году онъ былъ уже Тайнымъ Совѣтникомъ и находился въ званіи посла въ Кобленцѣ, при братьяхъ несчастнаго Лудовика XVI, Графѣ Прованскомъ (потомъ Лудовикъ XVIII) и Графѣ Артуа (въ послѣдствіи Карль X). При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ Графъ Румянцевъ занималъ званіе Оберъ-Гофмейстера, про-

изведенъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники, былъ нѣкоторое время Главнымъ Попечителемъ вспомоgetельнаго Банка и Сенаторомъ. Императоръ Александръ, при учрежденіи Государственнаго Совѣта, назначилъ Графа Румянцева въ члены его, и при учрежденіи Министерства, въ 1802 году, далъ ему Министерство Коммерціи. Это Министерство сохранилъ Графъ Румянцевъ и въ званіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ, принявъ его въ 1807 году, послѣ Генерала отъ Инфантеріи Барона Будберга. Кромѣ того, Графъ Румянцевъ былъ Главнымъ Директоромъ новоучрежденнаго Департамента Водяныхъ Коммуникацій. — При всемъ своемъ праводушіи и пламенной любви къ общему благу, Графъ Румянцевъ, обремененный множествомъ дѣлъ и не углублявшійся никогда въ канцелярскія тонкости и счетныя дѣла, не могъ прекратить укоренившихся безо-

рядковъ въ управленіи, которымъ воро-
чали прежніе чиновники. На счетъ выс-
шихъ чиновниковъ Коммерцъ - Колле-
гіи не только рассказывались во всей
Россіи, но и печатаемы были за грани-
цею анекдоты, которые показались бы
невѣроятными, если бѣ эти господа чи-
новники не изумляли столицы своею ро-
скошью и даже мотовствомъ. Я зналъ
одного изъ этихъ господъ, который на-
чалъ службу писцомъ въ Могилевскомъ
Магистратѣ (происходя изъ Могилев-
скихъ мѣщанъ) и былъ женатъ на Моги-
левской торговкѣ калачами, а потомъ
имѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ въ
Петербургѣ и нѣсколько тысячъ душъ
въ Бѣлоруссіи! Столовые часы въ гости-
ной его жены, осыпанные крупнымъ
жемчугомъ, стоили 60,000 рублей!!! Но
Господь правосуденъ! Исчезъ съ лица
земли весь родъ и племя этого господи-
на, и сынъ его, пустившись въ подряды,

лишился по залогамъ всего своего достоянія, добытаго отцемъ! При работахъ, по части Водяныхъ Коммуникацій, огромныя суммы также расходились по рукамъ, и строители вмѣстѣ съ подрядчиками богатѣли. Какъ могъ входить въ подробности и мелочи такой вельможа, какъ Графъ Румянцевъ! Онъ смотрѣлъ на дѣла съ высшей точки зрѣнія, распоряжался, приказывалъ исполнять и не могъ наблюдать за исполнителями. Жалобъ не было, а что говорили и писали, это, разумѣется, представляли Графу въ видѣ клеветы и зависти, отъ которыхъ Графъ почиталъ своею обязанностью защищать преданныхъ ему людей, усердныхъ на службѣ. и дѣльцовъ. Графа Румянцева обвиняли въ излишней привязанности къ Наполеону, который чрезвычайно ласкалъ его въ Эрфуртѣ и въ Парижѣ. Обвиненіе вовсе несправедливое. Хотя для Русской торговли и тя-

желъ былъ разрывъ съ Англіею, но послѣ Аустерлицкой и Фридландской кампаніи намъ надлежало жить въ мирѣ съ Наполеономъ, до окончанія дѣлъ съ Турціей, Персіей и Швеціей, до поправленія нашихъ финансовъ, упроченія преобразованіи внутри государства и устройства арміи. Воевать безъ оглядки—было молодечество, похвальный духъ въ народѣ, котораго самолюбіе было оскорблено, но всѣ разумные люди, начиная отъ Государя, были убѣждены, что надобно переждать насильственное возвышеніе могущества Франціи. Графъ Румянцевъ былъ истинный патріотъ и преданъ искренно своему Государю и Отечеству. Имъ не пожертвовалъ бы Графъ Румянцевъ ни для какой посторонней привязанности. Наполеону онъ удивлялся, какъ удивлялись даже явные его враги, потому что это былъ геній. Графъ Румянцевъ былъ правъ, не совѣтуя съ

нимъ воевать наудалую. Вообще Графъ Н. П. Румянцевъ былъ человѣкъ разсудительный и не упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, когда убѣждался въ справедливости предлагаемыхъ ему доводовъ. Нѣтъ спора, что онъ былъ не гений, но былъ человѣкъ умный, начитанный, образованный, дѣйствовавшій въ духѣ своего вѣка. — При всѣхъ своихъ заслугахъ, Графъ Н. П. Румянцевъ не заслужилъ бы безсмертія своею службою, если бъ не былъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ покровителемъ наукъ. — Девизомъ своего герба онъ принялъ Латинскій афоризмъ: «*non solis armis,*» т. е. «не однимъ оружіемъ» — и науки воздвигли ему памятникъ, столь же прочный, какой побѣды соорудили его великому родителю. Никто изъ частныхъ людей не сдѣлалъ болѣе для отечественной Исторіи, какъ Графъ Румянцевъ, и его богатый музей, завѣщанный имъ отечеству, стоящій на-

противъ монумента его отца, чрезъ рѣку, навсегда сохранить память просвѣщеннаго вельможи и благороднаго человѣка.

Помощникомъ Графа Румянцева въ управленіи Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, по нынѣшнему Товарищъ Министра, былъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ, вельможа всѣми уважаемый. Военный Министръ, Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, отличался строгою исполнительностью и взыскательностью по службѣ. Всѣ знаютъ, что въ обращеніи онъ былъ чрезвычайно крутъ, пренебрегая вѣжливостью и разборчивостью въ обхожденіи съ подчиненными. Но, за то, справедливость заставляетъ сказать, у него, какъ говорится, дѣло горѣло въ рукахъ, и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ всегда находилъ скорыя средства къ исполненію Высочайшей воли. Русская артиллерія, почитаемая одною изъ лучшихъ въ мірѣ, обязана Графу Арак-

чееву своимъ усовершенствованіемъ. Онъ завелъ ловкую упряжь, легкіе лафеты, колеса и ящики, довелъ литейную часть до высокой степени совершенства, и привелъ въ порядокъ оружейные и пороховые заводы. Даже и враги отдавали ему въ этомъ справедливость. Какъ военный администраторъ, Графъ Аракчеевъ былъ человѣкъ высокаго достоинства. Друзей онъ не имѣлъ и дѣйствовалъ одинъ въ своемъ управленіи. О личномъ его характерѣ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ. Морской Министръ, Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сдѣлался извѣстенъ въ 1812 году, командованіемъ сухопутными войсками, при переходѣ Наполеона черезъ Березину. П. В. Чичаговъ былъ искусный морякъ и уже отличился на флотѣ. Англоманъ, въ душѣ, онъ ненавидѣлъ Наполеона и Французскую систему. — Министръ Юстиціи Дѣйствительный Тайный Со-

вѣтникъ Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, вельможи старинныхъ боярскихъ родовъ, пріобрѣли опытность и навыкъ къ дѣламъ долговременною службою. Министръ Просвѣщенія Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, родомъ изъ Малороссіи, сынъ небогатыхъ родителей, получилъ основательное и ученое образованіе въ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, въ Польшѣ, вступилъ потомъ въ военную службу, и дослужился до Полковничьяго чина. Фельдмаршалъ Графъ П. А. Румянцевъ употреблялъ его въ арміи по письменнымъ дѣламъ. Императрица Екатерина II, получивъ однажды бумагу отъ Фельдмаршала, желала знать, кто писалъ ее, и приказала Фельдмаршалу прислать сочинителя, при первомъ случаѣ, въ Петербургъ. Это былъ Завадовскій. Императрица приблизила За-

вадовскаго къ своей особѣ, возвысила до первыхъ чиновъ, обогатила, и онъ службою своею вполне оправдалъ ея благодѣянія. Графъ П. В. Завадовскій искренно любилъ науки, былъ усерднымъ поборникомъ просвѣщенія, и въ началѣ учрежденія Министерствъ дѣйствовалъ сильно и умно, при введеніи всѣхъ преобразованій. Ученые и литераторы всегда были ласково принимаемы въ его домѣ и находили у него защиту и покровительство. Человѣкъ онъ былъ добрый, ласковый, вѣжливый, хлѣбосоль, и вообще любимый и уважаемый.—Управлявшій Министерствомъ Финансовъ Государственный Казначей, Тайный Совѣтникъ Федоръ Александровичъ Голубцовъ, принадлежалъ къ числу людей практическихъ, или, какъ говорится, канцелярскихъ. Министромъ Удѣловъ (*) былъ Дѣйствитель-

(*) Министръ Удѣловъ не назывался Государственнымъ Министромъ, какъ всѣ прочіе Министры.

ный Статскій Совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (въ послѣдствіи Графъ), управляя въ то же время Кабинетомъ, а помощникомъ его былъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, добрый, благородный человекъ, любитель наукъ, словесности и художествъ, о которомъ я буду говорить подробно.

Въ Государственномъ Совѣтѣ Предсѣдателя не было. Кромѣ всѣхъ Министровъ, Членами Совѣта были : Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, Генералъ отъ Инфантеріи, пользовавшійся особенною милостью покойнаго Императора Павла Петровича и бывшій въ его царствованіе Генералъ-Прокуроромъ ; Графъ (послѣ Князь) Викторъ Павловичъ Кочубей, дѣйствовавшій въ духѣ нововведеній и преобразованій, человекъ высокаго ума и сильнаго характера; Дѣйствительный

Статскій Совѣтникъ Василій Степановичъ Поповъ, бывшій правителемъ канцеляріи при Свѣтлѣйшемъ Князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, человекъ необыкновеннаго природнаго ума и опытности въ дѣлахъ; Князь Адамъ Адамовичъ Чарторійскій. Неприсутствующими членами были: Фельдмаршалы Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій; Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, Посолъ въ Вѣнѣ; Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, находившійся въ отпуску. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Генералъ отъ Инфантеріи Михаилъ Михайловичъ Философовъ также Члены Совѣта, рѣдко въ немъ присутствовали. Правителемъ Канцеляріи Совѣта былъ Государственный Секретарь Тайный Совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ. — Канцелярія Совѣта раздѣля-

лась на четыре экспедиціи. Первою, по части иностранныхъ дѣлъ и коммерціи, управлялъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Энгель; второю, по части военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, Статскій Совѣтникъ Николай Николаевичъ Лѣсницкій; третьею, по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михайлъ Михайловичъ Сперанскій; четвертою, по части государственнаго хозяйства, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

Было тогда весьма важное званіе: *при особо порученныхъ отъ Его Императорскаго Величества дѣлахъ*, которымъ облеченъ былъ Тайный Совѣтникъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ (въ послѣдствіи Графъ). При немъ состояли: Статскій Совѣтникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ и нынѣшній Министръ Финансовъ, тогда Надворный Совѣтникъ, Ѳедоръ Павловичъ Вронченко.

Комиссіею Прошеній управлялъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Степановичъ Молчановъ, человекъ дѣловой и опытный, а при немъ производителемъ дѣлъ, находился Статскій Совѣтникъ Николай Николаевичъ Анненскій, дѣлецъ, въ полномъ значеніи слова. — Процессъ моей матери еще не былъ конченъ, и я долженъ былъ знать всѣхъ дѣльцовъ....

Комиссія о Составленіи Законовъ обращала тогда на себя общее вниманіе, потому что отъ нея ожидали полного изданія законовъ, со всѣми переменами. Въ Комиссіи присутствовали: Князь Лопухинъ и Н. Н. Новосильцовъ. Секретаремъ присутствія и рефендаріемъ 1-й экспедиціи былъ, извѣстный учеными изысканіями по части Русской Исторіи и древняго законодательства, Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ. Старшими помощниками его были: Надворные Совѣт-

ники Федоръ Павловичъ Вропченко и Александръ Ивановичъ Тургеневъ, о которомъ я буду говорить подробно, когда дойдетъ дѣло до литературы. Редакторскими помощниками были : 8-го класса Григорій Ивановичъ Карташевскій и Иванъ Андреевичъ Старышкевичъ (оба въ послѣдствіи Сенаторы). Второю Экспедиціею управлялъ и былъ Редакторомъ Законовъ 7-го класса Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, бывшій въ то же время Профессоромъ въ Педагогическомъ Институтѣ, недавно къ общему сожалѣнію, скончавшійся, въ чинѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

При Комиссіи о Составленіи Законовъ было *Высшее Училище Правовѣднія*, которымъ управлялъ, въ званіи помощника Директора (Директоромъ былъ А. Н. Оленичъ), Г. А. Розенкампфъ. Право Естественное преподавалъ въ учи-

лицѣ Петръ Дмитріевичъ Лодій, Право Римское Василій Григорьевичъ Кукольникъ (отецъ нынѣшняго поэта), Право Гражданское Григорій Ивановичъ Терлаичъ, всѣ родомъ Карпато-Россы, состоявшіе въ чинѣ 7-го класса и въ званіи профессоровъ Педагогическаго Института. Въ этомъ высшемъ училищѣ началъ свое образованіе двадцатипятилѣтній другъ мой и товарищъ, Николай Ивановичъ Гречъ.

Президентомъ Главнаго Почтоваго Правленія былъ Тайный Совѣтникъ Григорій Павловичъ Кондоиди, а С. Петербургскимъ Почтъ-Директоромъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ивановичъ Калининъ. — Почтовая часть тогда была плохо устроена, и сравнивая ее съ нынѣшнимъ ея состояніемъ, нельзя не удивляться, до какой степени она теперь усовершенствована. Господа жур-

налисты узнали бы цѣну порядка и безкорыстія нынѣшняго почтоваго управленія, е́сли бѣ имѣли дѣло съ прежнимъ! Н. И. Гречъ еще засталъ конецъ старыхъ злоупотребленій.

Военнымъ Генераль-Губернаторомъ въ С. Петербургѣ былъ Генераль отъ Инфантеріи Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, а Оберъ-Полиціимейстеромъ Генераль - Маіоръ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, оба люди строгіе, взыскательные, быстрые исполнители.

Важнѣйшіе посольскіе посты занимали: въ Парижѣ Графъ Петръ Александровичъ Толстой, при которомъ находился Совѣтникомъ посольства, управлявшій всѣми его дѣлами, Дѣйствительный Камергеръ Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде; въ Вѣнѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, и при этомъ посольствѣ находились Камеръ - юнкеръ

Сергій Семеновичъ Уваровъ (нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Графъ и Министръ Просвѣщенія) и покойный С. Петербургскій Почтъ-Директоръ, котораго всѣ любили и уважали, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ; Въ Берлинѣ Графъ Густавъ Оттоновичъ Штакельбергъ; въ Мадридѣ Тайный Совѣтникъ Баронъ (нынѣ Графъ) Григорій Александровичъ Строгановъ, въ Неаполѣ Тайный Совѣтникъ Александръ Александровичъ Бибииковъ. Въ Лондонѣ не было тогда посольства, но при тамошней миссiи считались Надворный Совѣтникъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ (нынѣ Д. Т. Сов.) и Камеръ-юнкеры: Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (братъ покойнаго Графа Александра Христофоровича) и Свѣтлѣйшій Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (нынѣ Адмиралъ и Начальникъ Морскаго Штаба).

Высочайшимъ Дворомъ управлялъ лю-

бимецъ Государя, бывшій при немъ неотлучно, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Николай Александровичъ Толстой. Камергеры и камеръ-юнкеры носили это званіе безъ различія чиновъ и рода службы, и между ими были и военные. Такъ, на примѣръ, Полковникъ Преображенскаго полка, Графъ (нынѣ Князь и Кавказскій Намѣстникъ) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ въ то же время Камергеромъ.

Военный Дворъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича составляли: въ должности Гофмейстера Полковникъ Петръ Ивановичъ Озеровъ; адъютанты: Полковники Конной Гвардіи: Николай Дмитриевичъ Олсуфьевъ, Федоръ Петровичъ Опочининъ, Астраханскаго Гренадерскаго полка Полковникъ Графъ Сергій Христофоровичъ Минихъ, Ротмистръ Конной Гвардіи Александръ Андреевичъ Жандръ, Инспекторскій

Адъютантъ, Ротмистръ того же полка Иванъ Яковлевичъ Шпербергъ и Конной Гвардіи Полковикъ Иванъ Григорьевичъ Лагода, бывшій ремонтеромъ всей гвардейской кавалеріи.

При воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича находились : Главный Начальникъ Генераль-Лейтенантъ Графъ Ламсдорфъ, Кавалеры : Генераль - Маіоръ Николай Исаевичъ Ахвердовъ, Полковники Павелъ Петровичъ Ушаковъ и Павелъ Ивановичъ Арсеньевъ. Наставникомъ былъ Статскій Совѣтникъ Баронъ Пюже.

Генераль-Адъютантовъ было всего восемь, а именно : Федоръ Петровичъ Уваровъ, Генераль-Лейтенантъ и Шефъ Кавалергардскаго полка ; Графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, Генераль-Маіоръ ; Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, Генераль-Маіоръ ; Князь Василій

Юрьевичъ Долгоруковъ 5-й, Генераль-Маіоръ и Шефъ Черниговскаго мушкетерскаго полка; Иларіонъ Васильевичъ Ваеильчиковъ, Генераль-Маіоръ и Шефъ Ахтырскаго Гусарскаго полка; Князь Василій Сергіевичъ Трубецкой, Генераль-Маіоръ и Дѣйствительный Камергеръ; Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, Генераль-Маіоръ и Шефъ Курляндскаго Драгунскаго полка, и Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій. Флигель-Адъютантовъ было девятнадцать. Изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, находится въ живыхъ Фельдмаршалъ Графъ Иванъ Оедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, Князь Варшавскій, бывшій тогда Капитаномъ Преображенскаго полка и имѣвшій Владимірскій орденъ съ бантомъ. Не знаю, живъ ли Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, бывшій тогда Поручикомъ Кавалергардскаго полка. Покойный Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкен-

рорфъ былъ тогда Полковникомъ и Флигель-Адъютантомъ.

Полками Гвардіи командовали : Преображенскимъ , Генераль - Маіоръ Михайла Тимоѳеевичъ Козловскій; Семеновскимъ, по отъѣздѣ за границу Генераль-Маіора Николая Ивановича Вердеревскаго, Полковникъ Карлъ Антоновичъ Криденеръ; Измайловскимъ, послѣ отставки Генераль-Лейтенанта Петра Ѳедоровича Малютина , Генераль - Маіоръ Павелъ Яковлевичъ Башуцкій. Шефомъ Гвардейскаго Егерскаго полка считался Генераль-Лейтенантъ Князь Багратіонъ, а полкомъ командовалъ старшій Полковникъ Графъ Эммануиль Францовичъ Сентъ-Приестъ (правильно Сенъ - При, Saint-Priest). Батальоннымъ командиромъ Гвардейской Артиллеріи считался Графъ Аракчеевъ , командовалъ батальономъ Полковникъ Василій Григорьевичъ Костенецкій, знаменитый своею храбростью и

оригинальностью. Кавалергардскимъ полкомъ командовалъ Генераль-Маіоръ Николай Ивановичъ Депрерадовичъ. Въ этомъ полку служили, въ то время: Ротмистромъ Василій Васильевичъ Левашовъ (нынѣ Графъ, Генераль-Адъютантъ и Генераль отъ Кавалеріи) и Штабъ-Ротмистромъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣ Князь, Генераль-Адъютантъ Генераль отъ Кавалеріи и Военный Министръ). Павелъ Петровичъ фанъ Сухтеленъ (въ послѣдствіи Графъ и Генераль-Губернаторъ Оренбургскій), былъ въ этомъ полку Поручикомъ, а извѣстный писатель Михайла Ѳедоровичъ Орловъ — Корнетомъ. Конной Гвардіей, подъ непосредственнымъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, командовалъ Генераль-Маіоръ Иванъ Ѳедоровичъ Яковичъ. — Поручикомъ въ этомъ полку былъ тогда нынѣшній Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи Владиміръ Карловичъ

Кноррингъ и имѣлъ Анну 3-й степени и золотую шпагу, а нынѣшній Генералъ Лейтенантъ, Инспекторъ запасныхъ гвардейскихъ эскадроновъ, Петръ Ивановичъ Кошкуль, имѣвшій Анну 3-й степени, былъ корнетомъ. Лейбъ-Гусарскимъ полкомъ командовалъ Генералъ — Маіоръ Графъ Петръ Крестьяновичъ Витгенштейнъ. Знаменитый поэтъ-партизанъ Денисъ Ивановичъ Давыдовъ былъ въ этомъ полку Ротмистромъ и имѣлъ Владиміра 4-й степени и Прусскій Пуръле-меритъ, а Алексѣй Оедоровичъ Орловъ (нынѣ Графъ, Генералъ-Адъютантъ и Генералъ отъ Кавалеріи) былъ Поручикомъ и имѣлъ тогда орденъ Анны 3-й степени и золотую саблю. Въ этомъ же полку служилъ тогда Поручикомъ, мой близкій родственникъ и истинный другъ, Графъ Михайлъ Михайловичъ Тимманъ, командовавшій въ Отечественную Войну, съ честью и славою, отличнымъ Изюмскимъ Гусарскимъ пол-

комъ и скончавшійся въ Генераль-Маіорскомъ чинѣ. Это былъ храбрый, умный и благородный человѣкъ, заслужившій общую любовь и уваженіе.

Науки, Словесность и Художества были уважаемы общественнымъ мнѣніемъ. Словесность, хотя не была на такой высокой степени, какъ въ государствахъ, издревле пользующихся просвѣщеніемъ, но можно сказать, что процвѣтала и имѣла достойныхъ представителей.

Театральныхъ труппъ было пять: Русская, Французская, Нѣмецкая, Италіанская и балетная. Дирекціей театровъ управлялъ по прежнему Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Директоромъ музыки былъ О. А. Козловскій. Экономическою частью завѣдывалъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ; репертуарною — Камеръ-юнкеръ Князь Александръ Александровичъ Шаховской, лучшей комикъ

нашъ, послѣ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, которому въ слѣдующемъ году данъ въ помощники авторъ трагедіи: *Царь Эдипъ*, Александръ Николаевичъ Грузищевъ. Переводчикомъ былъ Николай Степановичъ Краснопольскій, котораго имя не сходило съ афишъ. Онъ перевелъ почти всѣ дѣисы Коцебу, любимую въ то время легкую волшебную оперу: *Русалка* (*Donauweibchen*) и множество различныхъ піесъ. Краснопольскій былъ однимъ изъ самыхъ неутомимѣйшихъ литературныхъ работниковъ.

Президентомъ Россійской Академіи, утвержденной Императрицею Екатериною II на честь, славу и пользу Русскаго языка, былъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, отецъ котораго находился нѣкогда при Петрѣ Великомъ, помощникомъ при Его токарномъ станкѣ. Членовъ было пятьдесятъ шесть, въ числѣ ихъ пятнадцать пи-

сателей, и именно: Гавріиль Романовичъ Державинъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, Николай Яковлевичъ Озерецковскій, Василій Васильевичъ Капшистъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, Николай Петровичъ Николевъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, Александръ Семеновичъ Шишковъ, Иванъ Степановичъ Рижскій, Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (знаменитый актеръ), Павелъ Ивановичъ Голицищевъ-Кутузовъ, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, Павелъ Юрьевичъ Львовъ, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ и Александръ Сергіевичъ Никольскій. Любимѣйшіе публикою писатели: Николай Михайловичъ Карамзинъ, Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, Владиславъ Александровичъ Озеровъ, Матвѣй Васильевичъ Крюковской и Князь Але-

ксандръ Александровичъ Шаховской не были Членами Академіи.

Академія Наукъ славилась во всей Европѣ своими учеными членами. Тогда еще жилъ знаменитый Натуралистъ Палласъ (Петръ Семеновичъ), Физикъ Логинъ Юрьевичъ Крафтъ, Математикъ Николай Ивановичъ Фуссъ, Астрономъ Ѳедоръ Ивановичъ Шубертъ, Политическій Экономъ Андрей Карловичъ Шторхъ, Химикъ Александръ Николаевичъ Шереръ, Статистикъ Иванъ Филипповичъ Германъ. Изъ природныхъ Русскихъ пріобрѣли извѣстность; Натуралистъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій, Минералогъ Василій Михайловичъ Севергинъ, химикъ Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ, Физико-математикъ Семень Емельяновичъ Гурьевъ, Анатомъ и Физиологъ Петръ Андреевичъ Загорскій, Математикъ Василій Ивановичъ Висковатовъ и почетные члены: Математикъ Капитаень-Командоръ Пла-

топъ Яковлевичъ Гамалѣя и Гидрографъ,
Капитанъ 2-го ранга Иванъ Ѳедоровичъ
Крузенштергъ.

Университета въ С. Петербургѣ не было, но Попечителемъ Округа и Начальникомъ Педагогическаго Института (*) былъ Н. Н. Новосильцовъ, а при немъ правителемъ дѣлъ Надворный Совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ Вронченко.

Знаменитости Академіи Художествъ были: скульпторъ Иванъ Петровичъ Мартосъ и Доминикъ Рашетъ. По части исторической живописи: Григорій Ивановичъ Угрюмовъ, Василій Кузмичъ Шебуевъ, Алексѣй Егоровичъ Егоровъ; по части ландшафтной живописи: Герардъ Кегельхенъ, Ѳедоръ Михайловичъ Матвѣевъ;

(*) Въ этомъ Институтѣ воспитывались К. И. Арсеньевъ. А. П. Куницынъ, М. Г. Плясовъ, Н. И. Бутырскій, И. К. Кайдановъ, В. Н. Клоковъ и другіе Русскіе профессора, оказавшіе услуги Русскому просвѣщенію.

граверъ Иванъ Васильевичъ Чесскій. По части орпаментной скульптуры Павелъ Ивановичъ Брюлло (отецъ нынѣшнихъ знаменитыхъ художниковъ Александра и Карла Брюлло). Знаменитый архитекторъ былъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, строитель Казанскаго Собора. Литейнаго и чеканнаго дѣла мастеромъ былъ Василій Петровичъ Якимовъ. Президентомъ Академіи былъ Графъ А. С. Строгановъ. Произведенія этихъ знаменитыхъ художниковъ останутся навсегда памятникомъ процвѣтанія художествъ въ Россіи.

Въ 1809 году, Государственному устройству дано сильное движеніе возвышеніемъ двухъ необыкновенныхъ людей въ званія, гдѣ они могли свободнѣе дѣйствовать на пользу общую. М. М. Сперанскій назначенъ былъ товарищемъ Министра Юстиціи, Членомъ Комиссіи о Составленіи Законовъ и Членомъ Комис-

сіи объ управленіи духовныхъ училищъ. Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ назначень былъ Тайный Совѣтникъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. О М. М. Сперанскомъ я буду говорить подробно, а о Козодавлевѣ скажу только, что онъ безспорно заслуживаетъ благодарной памяти всѣхъ Русскихъ патріотовъ. Осипъ Петровичъ былъ потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; управлялъ нѣкоторое время Министерствомъ Просвѣщенія и почтовою частью; засѣдалъ въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, при высокомъ умѣ и основательномъ образованіи, вездѣ отличаясь усердіемъ къ общему благу, необыкновенною дѣятельностью, стремленіемъ къ пресѣченію злоупотребленій, праводушіемъ и правосудіемъ. Страстный поборникъ просвѣщенія, истинный любитель и покровитель отечественной литературы, онъ принималъ у себя и покровительствовалъ писа-

телей. По несчастью, я не имѣю матеріаловъ для полной его біографіи: но такой вельможа заслуживаетъ, чтобъ соотечественники почтили его память. Весьма замѣчательное лице въ будущей исторіи Россіи, въ первой четверти ХІХ вѣка, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ тогда Статскимъ Совѣтникомъ и Начальникомъ Отдѣленія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по части государственнаго благоустройства. Какъ человѣкъ необыкновеннаго ума и способностей, получившій отличное образованіе въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, лучшемъ въ то время учебномъ заведеніи, Магницкій пользовался особеннымъ благорасположеніемъ и покровительствомъ О. П. Козодавлева и М. М. Сперанскаго, употреблявшихъ его въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

По части дипломатической весьма замѣчательнымъ обстоятельствомъ было

назначеніе посла къ новому Вестфальскому Королю, Иерониму Бонапарте: мѣсто это занялъ Генераль-Маіоръ Князь Николай Григорьевичъ Рѣпинъ, между тѣмъ, какъ Князь А. Б. Куракинъ, въ началѣ 1809 года, оставилъ Вѣну, потому что отношенія Россіи и Австріи доходили до разрыва. вмѣсто Куракина, въ Вѣнѣ остался только повѣренный въ дѣлахъ, Статскій Совѣтникъ Баронъ Иванъ Осиповичъ Анстеть.

1810-й годъ былъ обилень перемѣнами. Государственный Совѣтъ получилъ окончательное устройство, съ назначеніемъ Предсѣдателемъ его Графа Н. П. Румянцева, уже возведеннаго въ званіе Государственнаго Канцлера, вскорѣ по заключеніи мира съ Швеціей, въ Фридрихсгамѣ. Совѣтъ раздѣленъ былъ тогда на четыре департамента, съ особымъ предсѣдателемъ въ каждомъ. Въ первомъ департаментѣ, *Законовъ*, назна-

ченъ предсѣдателемъ Графъ П. В. Завадовскій; во второмъ, *Военномъ*, Графъ Аракчевъ; въ третьемъ, *Дѣлъ Гражданскихъ и Духовныхъ*, Князь П. В. Лопухинъ; въ четвертомъ, *Государственной Экономіи*, Н. С. Мордвиновъ, знаменитый патріотъ, ревнитель славы отечества и его просвѣщенія. Въ Министерствахъ также произошла перемѣна. Морскимъ Министромъ назначенъ Адмиралъ Маркизь Иванъ Ивановичъ Траверсе, Министромъ Просвѣщенія Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, Министромъ Финансовъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (тогда еще не Графъ), Военнымъ — Генералъ отъ Инфантеріи М. Б. Барклайде-Толли, Юстиціи — знаменитый писатель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, бывшій тогда въ чинѣ Тайнаго Совѣтника. При Дмитріевѣ былъ секретаремъ сатирической поэты Михайлъ Васильевичъ Милоновъ.—М. М. Сперанскій, уже Тай-

ный Совѣтникъ, назначенъ Государственнымъ Секретаремъ и Директоромъ Комиссіи о Составленіи Законовъ и остался Товарищемъ Министра Юстиціи. Покровительствомъ М. М. Сперанскаго, М. А. Магницкіи произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и переведенъ въ Государственную Канцелярію, съ назначеніемъ Статсъ-Секретаремъ въ Департаментъ Законовъ. — Въ Комиссію Прошеній опредѣленъ Предсѣдателемъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. — Главное Управление Водяныхъ и Сухопутныхъ Сообщеній совершенно преобразовано ; Главнымъ Директоромъ назначенъ Его Императорское Высочество Принцъ Георгій Голштейнъ-Ольденбургскій, супругъ Великой Княгини Екатерины Павловны. Первымъ Членомъ Совѣта Управленія былъ геніальный Инженеръ-Генераль Францъ Павловичъ Де-

волантъ.—Генераль-Маіоръ, получившій званіе Генераль-Адъютанта, А. Д. Балашевъ исправлялъ, въ 1809 и 1810 годахъ. должность С. Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, и Оберъ-Полиціймейстеромъ былъ Генераль-Маіоръ Петръ Аонасьевичъ Папковъ, человекъ весьма замѣчательный, оставившій по себѣ благодарную память своимъ прямодушіемъ, строгій съ блюстителями порядка и снисходительный къ гражданамъ. Онъ оставался не долго на мѣстѣ, и въ 1810 году назначенъ С. Петербургскимъ Оберъ - Полиціймейстеромъ Генераль-Маіоръ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ (въ послѣдствіи Графъ, Генераль-Адъютантъ и Генераль отъ Кавалеріи). Главнокомандующимъ въ Грузіи, на мѣсто Фельдмаршала Графа И. В. Гудовича, назначенъ, въ 1810 году, Генераль отъ Кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ. Это измѣнило судьбу мою, потому что я на-

мѣревался проситься въ Грузію, подъ начальство родителя, благосклоннаго ко мнѣ нашего Полковника, Графа А. И. Гудовича.

Къ замѣчательнымъ измѣненіямъ по военной части принадлежитъ переименованіе Финляндскаго батальона въ Лейбъ - Гвардіи Финляндскій полкъ, котораго командиромъ назначенъ Генераль-Маіоръ Андрей Андревичъ Трошинскій. Генераль-Маіоръ Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, отличившійся личною храбростью и умными распоряженіями въ Финляндскую войну, назначенъ командиромъ Лейбъ-Казачьяго полка (послѣ Генераль-Маіора Чернозубова). Графъ Орловъ - Денисовъ, покрывшійся славою въ войнахъ 1808, 1812, 1813 и 1814 годовъ — человекъ весьма замѣчательный не одними военными подвигами и храбростью: онъ былъ искреннимъ любителемъ просвѣ-

щенія и литературы. Прежде на Дону чуждались школьнаго образованія, и Графъ В. В. Орловъ - Денисовъ, сынъ Войсковаго Атамана Орлова и внукъ знаменитаго Федора Петровича Денисова, возведеннаго Императоромъ Павломъ, за заслуги, въ Графское достоинство, вступивъ въ службу на двѣнадцатомъ году отъ рожденія, не зналъ ничего, кромѣ Русской грамоты. Будучи уже Войсковымъ Старшиною и находясь въ Петербургѣ, Графъ Василій Васильевичъ, получая скудное содержаніе отъ богатыхъ своихъ родителей, началъ учиться въ частномъ пансіонѣ (на Кирочной улицѣ, близъ Аннинской Лютеранской Церкви), вмѣстѣ съ другими воспитанниками, прошелъ весь курсъ школьный и изучилъ языки Французскій и Нѣмецкій. Примѣръ единственный благородной страсти къ образованію! Державинъ любилъ Графа В. В. Орлова-Денисова, и узнавъ, что

онъ не въ состояніи платить учителямъ на дому, присовѣтовалъ ему вступить въ пансіонъ, сказавъ, что *учиться никогда и гдѣ не стыдно*. Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ былъ удивительный красавецъ и притомъ самый добродушный и благородный человекъ. Всѣ любили и уважали его. Память храбраго воина, любителя просвѣщенія — священна! — Графъ Витгенштейнъ произвелъ въ Генераль-Лейтенанты, а полковымъ командиромъ Лейбъ-Гусарскаго полка назначенъ Генераль-Маіоръ Иванъ Егоровичъ Шевичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ назначенъ Командиромъ Лейбъ-Гренадерскаго полка. Командиромъ Лейбъ-Егерскаго полка сдѣланъ Полковникъ (скончавшійся въ чинѣ Генерала отъ Инфантеріи) Карлъ Ивановичъ Бистромъ, прославившійся отчаянною храбростью въ отечественную войну. Онъ также былъ страстнымъ люби-

телемъ литературы, какъ свидѣтельствуетъ біографъ его, Г. Лукьяновичъ. — Нынѣшній Фельдмаршалъ Графъ Эриванскіи и Князь Варшавскіи, Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, произведенъ въ этомъ году въ Полковники, а Графъ (нынѣ Князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ въ Генералъ-Маіоры. О нихъ я буду говорить въ свое время, и докажу ихъ искреннюю любовь къ просвѣщенію и литературѣ. Нынѣшній Директоръ всѣхъ Императорскихъ Театровъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, который такъ усердно и искренно покровительствуетъ Русскую драматургію, былъ въ это время переведенъ изъ Свиты Е-И. В., въ чинъ Подпоручика, въ Кавалергардскіи полкъ. О нѣкоторыхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ, я буду говорить еще въ своемъ мѣстѣ; о другихъ умолчу, подчиняясь Латинской поговоркѣ: «de mortuis aut bene, aut nihil».

Большая часть изчисленных мною лицъ, дѣйствовавшихъ въ это время на военномъ, или гражданскомъ поприщѣ, уже покоится въ могилѣ; нѣкоторые доживаютъ свой вѣкъ, и только не многіе, бывшіе тогда въ молодыхъ лѣтахъ, еще дѣйствуютъ. Многіе изъ людей поваго поколѣнія, которые тогда или вовсе не родились, или были въ дѣтствѣ, или еще не служили и не дѣйствовали, перебирая всѣ выставленныя мною имена, и увлекаясь самолюбіемъ, можетъ быть, спросятъ: что же сдѣлали эти люди? Сдѣлали много, а важнѣйшее изъ дѣлъ ихъ въ томъ, что если вы почитаете нынѣшнюю эпоху лучшею, то люди предшествовавшей эпохи приготовили ее для васъ. Скажу безпристрастно, что какъ прошлая эпоха была приготовительная, то въ ней много было несовершеннаго. Медъ не сладокъ, пока пчелы не окончатъ рабо-

ты.—По гражданской части все преобразовывалось къ лучшему, по новымъ планамъ; но исполненіе надлежало поручать людямъ, привыкшимъ къ прежнему порядку, и хорошихъ, образованныхъ чиновниковъ было не много, до изданія указа 6-го Августа 1809 года, до умноженія университетовъ и вообще до облегченія средствъ къ приобрѣтенію необходимѣйшихъ въ государственной службѣ познаній. Превосходныя учрежденія можно скоро создать, но способныхъ людей создать нельзя. На это надобно много времени. Подъячіе, опытные дѣльцы и ловкіе крючкотворцы, воспитанные въ канцеляріяхъ, по бѣльшей части управляли дѣлами, брали взятки съ праваго и съ виноватаго, и грабили казну, когда только могли. По нашему фамильному процессу я имѣлъ случай въ этомъ удостовѣриться! Поступки провіантскихъ чиновниковъ, того времени, засвидѣтельствованы

Исторіей (*). — Въ таможняхъ, при откупахъ, подрядахъ было еще хуже. Цѣны всѣмъ прибыльнымъ мѣстамъ были извѣстны. Страшно, когда вспомнишь о томъ, что осталось въ памяти, и я могъ бы составить нѣсколько томовъ изъ однихъ анекдотовъ о прежнихъ продѣлкахъ, которыя тогда всѣмъ были извѣстны, потому что дѣлались явно. Въ моемъ *Иванъ Выжигинъ* я изобразилъ только тѣнь прошлаго времени. Не хочу распространяться въ исчисленіи злоупотребленій; скажу только, что между тѣмъ, какъ благонамѣренныя и праводушныя начальники истощали всѣ свои силы и средства для пресѣченія и искорененія злоупотребленій, нѣкоторые смотрѣли на нихъ равнодушно, а другіе даже сами пользовались своимъ положеніемъ и обогащались! Спрашиваю: какими средствами можно нажить на службѣ пять,

(*) См. Описаніе войнъ 1806, 1807, 1809 и 1810, соч. А. И. Михайловскаго-Даннлевскаго.

десять, пятнадцать, двадцать тысяч душъ крестьянъ? Какъ можно скопить милліоны? А примѣровъ много! Не понимаю завѣсы. } И за *Ивана Выжигина* меня чуть не заклевали, и теперь еще иногда щиплютъ—а если бъ я рассказалъ сотую долю того, что знаю, хоть безъ именъ, то пришлось бы или улечься въ могилѣ, или скрыться въ лѣсу! Важнѣйшею защитою злоупотребленій было и есть распространеніе злоупотребителями мнѣнія, что *доносить безчестно!* А развѣ присяга не обязываетъ насъ къ этому? Если не безчестно поймать ночнаго вора и разбойника, то мнѣ кажется, что даже почетно указать, *явно и громко*, на взяточника, похитителя казны или проідоху, извлекающаго свои выгоды изъ дѣлъ общественныхъ. } Но надобно *доказать!* А имѣетъ ли частный человѣкъ средства къ произведенію слѣдствія и подкрѣпленія уликъ свидѣтелями! Во Франціи Генераль-Проку-

рору предоставлено право позвать въ судъ человѣка, если общее мнѣніе указываетъ на него. И у насъ были прокуроры и стряпчіе для той же цѣли, но они были безмолвны. Не даромъ существуетъ пословица: «рука руку моетъ!»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда не было такого множества прекрасныхъ, образованныхъ, честныхъ и безкорыстныхъ чиновниковъ, какъ нынѣ въ Министерствахъ и въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и что теперь несравненно лучше пишутъ въ канцеляріяхъ, чѣмъ писали прежде, и чѣмъ пишутъ въ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ журналахъ. Справедливо и то, что теперь чиновники ведутъ себя скромнѣе, приличнѣе. Но и то правда, что въ тогдашнемъ образованномъ кругѣ, въ молодежи было болѣе жизни, болѣе энергіи, болѣе стремленія къ высокому, болѣе рыцарства, и что патріотизмъ въ юношествахъ окриленъ былъ любовью къ

славѣ и къ умственнымъ успѣхамъ. Всѣ молодые люди, получившіе образованіе, особенно военные, читали, слушали, разсуждали, а видя благое направленіе Правительства, радовались и благословляли его. Направленіе къ лучшему было очевидное, такъ сказать осязаемое, и только загрубѣлое невѣжество и любопытствіе роптали, какъ вопять гады при осушеніи болота. Мы не имѣли Пушкина и Грибоѣдова, но прекрасное дарованіе В. А. Жуковскаго было тогда въ полномъ своемъ развитіи, и мы имѣли Державина, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Князя Шаховскаго, Д. В. Давыдова. Крыловъ началъ въ это время писать свои басни, а Батюшковъ свои изящныя стихотворенія. Никогда не занимались такъ усердно очищеніемъ и воздѣльваніемъ языка, какъ въ это время. Если бъ пынѣшніе литераторы изучали труды Шишкова, Востокова, Соколова,

Борна, Никольскаго, Мерзлякова, то не писали бы такимъ дикимъ слогомъ и такимъ искаженнымъ языкомъ. Какой изъ нынѣшнихъ журналовъ можетъ сравниться съ *Вѣстникомъ Европы*, основаннымъ Карамзинымъ, въ 1802 году, и издаваемымъ, въ 1808, 1809 и 1810, В. А. Жуковскимъ, вмѣстѣ съ М. Т. Каченовскимъ! Литературныя общества, въ которыхъ литераторы читали свои сочиненія, сперва между собою, а потомъ при собраніи публики, распространяли вкусъ и любовь къ литературѣ, и что весьма важно, сближали литераторовъ. Въ обществахъ: *С. Петербургскомъ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ* (основанномъ въ 1803 году) и въ *Бесѣдѣ любителей Россійскаго Слова*, имѣвшей свои засѣданія въ домѣ основателя (въ 1810 году), знаменитаго Державина, встрѣчались литераторы, находили одобреніе или благонамѣренную критику своихъ сочиненій,

а въ публичныхъ собраніяхъ дѣлались извѣстными лучшему обществу столицы. Въ Москвѣ, въ Казани, въ Харьковѣ также были общества Словесности, Исторіи и Наукъ, и дѣятельному уму нельзя было ни дремать, ни совращаться съ истиннаго пути. Благородное соревнованіе одушевляло всѣхъ любителей литературы и возбуждало къ дѣятельности всѣхъ имѣвшихъ призывъ къ ней.

Но кто болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе на гражданскомъ поприщѣ, кто болѣе всѣхъ дѣйствовалъ и произвелъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Императора Александра, въ великомъ подвигѣ преобразованій и усовершенствованій? Это, безъ всякаго сомнѣнія, Михайль Михайловичъ Сперанскій. О немъ тогда вездѣ и всѣ говорили, имъ болѣе всѣхъ занимались. Сообщаю о немъ что знаю, отъ его рожденія до кончины. Теперь можно говорить о немъ откровенно и справе-

дливо. Если на могилѣ заслуженнаго мужа не высказать правды—то ужь лучше отречься отъ нея!

М. М. Сперанскій родился въ 1771 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ былъ сынъ Священника, Владимірской Губерніи и Уѣзда, села Черкутина. Первоначальное образованіе получилъ онъ во Владимірской Семинаріи. Фамилія отца Михаила Михайловича Сперанскаго была *Грамотинъ*, но въ Семинаріи дано ему названіе Сперанскаго (отъ Латинскаго слова *speres*, надежда, *sperans*, надѣящійся), по необыкновеннымъ его успѣхамъ въ наукахъ, по способностямъ и характеру, возбуждавшимъ въ профессорахъ большія надежды насчетъ будущей судьбы ихъ питомца. Они не обманулись въ своихъ надеждахъ. Мы имѣемъ многіе примѣры перемѣны фамиліи въ семинаріяхъ. Образованіе свое М. М. Сперанскій кончилъ въ С. Петербургской Алексан-

дро-Невской Духовной Академіи. Онъ изучилъ основательно въ школахъ языки Латинскій и Греческій, а современнымъ языкамъ Нѣмецкому, Англійскому и Французскому обучался у частныхъ учителей, на собственный счетъ, уже занявъ въ Академіи званіе профессора Словесности, а потомъ и Математики, къ которой онъ имѣлъ непреодолимую склонность. Когда я, однажды, спросилъ М. М. Сперанскаго, почему онъ предпочелъ математику другимъ наукамъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, съ своею обыкновенною, услаждавшею душу улыбкою: «потому, что положительныя истины только въ одной математикѣ». Я никогда не смѣлъ его о томъ спрашивать, какимъ образомъ онъ вошелъ на поприще гражданской службы, и оставилъ ученое званіе. Извѣстно однако жъ, что онъ преподавалъ уроки въ домѣ Князя Алексѣя Борисовича Куракина, занимав-

шаго важную должность при Генераль-Прокурорѣ Князѣ Вяземскомъ. Князь Куракинъ, часто разговаривая съ профессоромъ, былъ очарованъ его глубокими и разнородными познаниями и возвышенными идеями, и предложилъ ему мѣсто частнаго своего секретаря, которое М. М. Сперанскій принялъ охотно. Когда, при восшествіи на престоль Императора Павла Петровича, Князь А. Б. Куракинъ произведенъ былъ въ Генераль-Прокуроры, онъ немедленно предложилъ М. М. Сперанскому перейти въ гражданскую службу (въ 1797 году), подъ его начальство. Сперанскій былъ тогда по двадцать шестому году возраста. Необыкновенныя дарованія, глубокія познанія и ясное, чистое изложеніе трудныхъ дѣлъ, поручаемыхъ Сперанскому, сдѣлали его вскорѣ извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ важныя должности. Онъ занималъ мѣсто секретаря

при трехъ Генераль-Прокурорахъ, Князѣ А. Б. Куракинѣ, Беклешовѣ и Обольяниновѣ, и дослужился въ этомъ званіи до чина Статскаго Совѣтника. Всѣхъ лучше оцѣнилъ его Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей. При восшествіи на престолъ Императора Александра, Сперанскій, въ 1801 году, на тридцатомъ году отъ рожденія, будучи уже Статскимъ Совѣтникомъ, назначенъ Статсъ-Секретаремъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не имѣвшемъ тогда никакого опредѣленнаго устройства. Я слышалъ, что Графъ В. П. Кочубей ходатайствовалъ за Сперанскаго и просилъ о назначеніи его на это мѣсто. Почти всѣ важныя государственныя акты, вышедшіе въ свѣтъ до 1812 года, написаны Сперанскимъ. При образованіи Министерствъ, въ 1802 году, Сперанскому Высочайше поручено было, составить, подъ надзоромъ Графа В. П. Кочубея, перваго Министра Внутреннихъ Дѣлъ,

планъ устройства этого Министерства. Этотъ планъ долженствовалъ служить образцемъ для всѣхъ другихъ Министерствъ. Сперанскій исполнилъ порученіе съ величайшимъ успѣхомъ, и доказалъ свои глубокія познанія въ дѣлѣ Государственнаго управленія. Годовые отчеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, составляемые Сперанскимъ и печатаемые въ *С. Петербургскомъ Журналь*, имъ учрежденномъ, и издававшемся при этомъ Министерствѣ (съ 1804 до конца 1809 года), обратили на себя вниманіе не только всей Россіи, но и всей Европы, въ которой они сдѣлались извѣстными по сочиненію Академика Шторха: *Russland unter Alexander I* (т. е. Россія при Александрѣ I). Кромѣ высокихъ идей и выраженія благаго направленія Правительства, заключающихся въ этихъ отчетахъ, они, равно какъ и всѣ статьи *С. Петербургскаго Журнала*, были и на всегда пребудутъ

образцами канцелярскаго слога, какимъ должны писаться офиціальные бумаги въ Государствѣ просвѣщенномъ. *С. Петербургскій Журналъ* составляетъ эпоху не только въ Русской администраціи, но и въ Русской письменности; онъ произвелъ самое благодѣтельное вліяніе во всѣхъ отрасляхъ управленія. Въ 1803 году, Государь поручилъ Сперанскому, также чрезъ Графа В. П. Кочубея, составленіе плана образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, что исполнено имъ превосходно, хотя нѣкоторыя части плана и не приведены въ исполненіе, въ ожиданіи общаго преобразованія. Узнавъ способности Сперанскаго, Императоръ Александръ назначилъ его Товарищемъ Министра Юстиціи и Директоромъ Комиссіи о составленіи законовъ и приблизилъ его къ Своей Особѣ (въ 1808 году). Государь поручалъ ему обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ по части

высшаго государственнаго управленія, и передавалъ ему всѣ поступавшіе къ Нему проекты по этому предмету. Въ концѣ 1808 года, Сперанскій сталъ уже весьма близкимъ къ Государю лицомъ. Государь Императоръ самъ прилежно занимался дѣлами, и проводилъ цѣлые вечера съ Сперанскимъ, въ своемъ кабинетѣ, въ чтеніи различныхъ сочиненій, относящихся къ государственному устройству и управленію, и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія, по собственнымъ своимъ идеямъ. Планъ былъ составленъ, и Государь, разсмотрѣвъ его подробно, вознамѣрился привести его въ дѣйствіе по частямъ, чтобъ не вдругъ все ниспровергнуть, основываясь на одной теоріи. Изъ этого плана приведены въ исполненіе образованіе Государственнаго Совѣта, устройство Министерствъ и уставъ каждаго изъ нихъ, съ опредѣленіемъ поряд-

ка ихъ сношеній между собою, и въ слѣдствіе этого же плана учреждены два новыя Министерства: Полиціи и Государственнаго Контроля. Преобразование Правительствующаго Сената и другія важныя измѣненія въ управленіи остались неисполненными. Въ Коммисіи о Составленіи Законовъ, Сперанскій составилъ двѣ части гражданскаго уложенія, и внесъ ихъ въ Совѣтъ. Третья часть, заключавшая въ себѣ Коммерческій Уставъ и Уголовное, Право, требовала только отдѣлки. Въ этомъ трудѣ Сперанскій не имѣлъ ни одного помощника, и все составилъ одинъ, не обращая ни какого вниманія на представленныя ему проекты Г. Розенкампомъ и другими. По покореніи Финляндіи, Сперанскому поручено было управленіе этого края и новое его устройство, и въ то же время онъ былъ назначенъ Канцлеромъ Абоскаго Университета (нынѣ Гельсингфорскаго), который

навсегда будетъ помнить заслуги Сперанскаго, исходатайствовавшаго отъ щедротъ Государя Императора умноженіе его доходовъ и другія важныя преимущества. Въ то же время Сперанскому дано порученіе преобразовать всѣ духовныя училища въ Россіи, и устроить прочное ихъ управленіе, что исполнено имъ съ величайшею мудростью. Но важнѣйшій трудъ Сперанскаго—это измѣненіе финансовой системы. Въ концѣ 1809 года, ассигнаціи начали упадать въ курсѣ, и въ смѣтѣ на 1810 годъ представленъ былъ недостатокъ въ 105 милліоновъ рублей. Войны истощили казну, а необходимость быть готовымъ къ новой войнѣ требовала скорой помощи. Положеніе финансовъ безпокоило Государя Императора. Всѣ представленные Государю планы заключались въ умноженіи ассигнацій! Императоръ Александръ поручилъ, наконецъ, Сперанскому составить

*

планъ къ прикрытію издержекъ и возстановленію кредита. Планъ Сперанскаго основывался на четырехъ началахъ. Онъ предложилъ: 1) Прекратить выпускъ ассигнацій, и для убѣжденія въ этомъ народа, сдѣлать эту мѣру гласною. 2) Уменьшить число ассигнацій учрежденіемъ капитала погасительнаго и прочнаго, посредствомъ увеличенія налоговъ. 3) Учредить постоянные доходы для прикрытія государственныхъ расходовъ, опредѣлить съ точностью расходы, сократить и привести въ порядокъ издержки. 4) Подвергнуть всѣ смѣты Министерствъ контролю Государственнаго Совѣта, а всѣ издержки Контролю Государственному. Планъ этотъ хотя былъ одобренъ Государемъ Императоромъ и Государственнымъ Совѣтомъ, но не былъ исполненъ во всѣхъ своихъ частяхъ самими исполнителями. Однакожъ, онъ принесъ величайшую пользу, и приноситъ ее до сихъ

поръ предварительнымъ разсматриваніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ Государственномъ Контролѣ, который былъ страшенъ при покойномъ Баронѣ Бальтазарѣ Бальтазаровичѣ Кампенгаузенѣ (Государственномъ Контролерѣ), человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностью, безпристрастіемъ и правдивостью.

Со вступленія своего на поприще гражданской службы, съ 1797 по 1812 годъ, т. е. въ теченіе пятнадцати лѣтъ Сперанскій достигнулъ до важнаго званія Государственнаго Секретаря, былъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Александровскимъ кавалеромъ, и что всего драгоцѣннѣе, пользовался милостью и довѣренностью Государя Императора. Но между тѣмъ, какъ онъ, по волѣ и по мыслямъ Государя, работалъ неутомимо, подъ нимъ копали пропасть, въ которую наконецъ онъ обрушился.

Всѣмъ извѣстно, что самыя благодѣ-
тельные нововведенія находятъ всегда
и вездѣ множество порицателей, и что
каждое частное лицо, вышедшее изъ
своей сферы въ высшій кругъ своими
личными достоинствами и заслугами,
должно имѣть завистниковъ, слѣдова-
тельно и враговъ. Это ведется вездѣ на
свѣтѣ, съ тѣхъ поръ, какъ люди обра-
зовали гражданское общество. Даже
самый скромный умъ, чуждый всякаго
честолюбія, имѣетъ непримиримыхъ вра-
говъ, если дерзнетъ выглянуть на свѣтъ,
а клевета старается предварительно за-
градить ему путь къ высотѣ. Какъ же
можно было Сперанскому не имѣть вра-
говъ! Всѣ нововведенія и всѣ проекты
приписывались ему. Указъ 6-го Августа
1809 года, воспламенилъ противъ него
ненавистью всѣхъ чиновниковъ, для че-
столюбія которыхъ предѣлъ назначался
только до чина титулярнаго совѣтника.

а для перешедшихъ за эту черту, прежде изданія указа, только до чина коллежскаго совѣтника. Высшее прохожденіе чиновъ назначалось только людямъ, посвященнымъ въ таинства наукъ! — Спрашиваю, чего болѣе въ каждомъ Государствѣ: невѣжества или просвѣщенія? Цѣлыя легіоны чиновниковъ, съ чадами и домочадцами, вопіяли противу Сперанскаго, и обновляли свою злобу при каждомъ производствѣ образованнаго товарища. Мало того, что всѣ вопіяли, были и такіе, которые разсѣвали клеветы, и во всемъ, едва ли не въ дурной погодѣ или повальной болѣзни, обвиняли Сперанскаго. Купцы приписывали ему упадокъ торговли, происшедшій въ слѣдствіе континентальной системы, вѣря мнимой его приверженности къ Наполеону. Учрежденіе Контроля также надѣлало ему непримиримыхъ враговъ, а главная причина самой опасной для Сперанскаго

вражды — это была милость и довѣренность къ нему Государя, передававшего на его обсужденіе многіе представляемые ему бумаги и доклады, и требовавшего часто откровеннаго мнѣнія о дѣлахъ и лицахъ. Собрано было все, чтобъ очернить характеръ Сперанскаго, и представить его человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Его скромность и ласковость называли притворствомъ и лицемеріемъ; искреннюю душевную его вѣжливость и снисходительность именовали умыленною вкрадчивостью; его планы къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго устройства — средствами къ возбужденію негодованія въ народѣ противу Правительства, въ пользу Наполеона, высоко цѣнившаго его достоинства. Набожность Сперанскаго, твердую, потому что она была основана на высшей философіи, называли ханжествомъ. Выводимый часто изъ терпѣнія, Сперан-

скій иногда смѣло и правдиво отзывался о нѣкоторыхъ лицахъ — и это названо было злонамѣренностью, а сужденія его о недостаткахъ прежнихъ формъ въ администраціи, почитаемы были якобинствомъ. Всю эту хитросплетенную клевету, прикрашенную мнимымъ усердіемъ, представляли Государю въ различныхъ формахъ, отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ, въ самое опасное время, при началѣ Отечественной Войны, когда Государю некогда было заняться разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ многосложнаго и ужаснаго доноса, и Государь, полагая, что уступаетъ необходимости, и что удаленіемъ Сперанскаго успокоитъ раздраженные умы народа, рѣшился на устраненіе его отъ дѣлъ. Не было, нѣтъ и не будетъ человѣка, какъ говоритъ Шекспиръ: «отъ жены рожденнаго», котораго бы нельзя было обмануть хотя однажды въ жизни, и не удивительно, что му-

дрий, благодушный, истинно благословенный Императоръ Александръ, если и не повѣрилъ совершенно клеветѣ, то, по крайней мѣрѣ, усомнился въ чловѣкѣ, котораго никто не смѣлъ защищать предъ Нимъ, и притомъ въ такую опасную годину, когда даже нельзя было колебаться между отечествомъ и однимъ подданнымъ!...

Не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они уже всѣ въ могилѣ, тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла! Добрыя и злыя дѣла остаются, и громко возопіютъ въ потомствѣ!

Сперва Сперанскій былъ удаленъ въ Нижній - Новгородъ, въ которомъ онъ прожилъ спокойно шесть мѣсяцевъ. Когда Французы заняли Москву, Сперанскому назначенъ для жительства городъ Пермь, въ 1500 верстахъ отъ Москвы. Эта мѣра огорчила его, потому что она

и некоторымъ образомъ подтверждала подозрѣніе о сношеніяхъ его съ врагомъ отечества, отдаляла отъ малаго числа друзей, оставшихся ему вѣрными въ несчастіѣ, и поставляла въ затрудненіе на счетъ издержекъ, при его ограниченномъ состояніи. Но онъ вскорѣ утѣшился, удостовѣрясь, что Императоръ Александръ, котораго онъ обожалъ, помнитъ о немъ, потому что онъ назначилъ ему значительную пенсію. Въ Пермь Сперанскій провелъ все время Отечественнѣй Войны, а въ Январѣ 1813 г. осмѣлился написать къ Государю письмо, въ которомъ изложилъ вкратцѣ все свои дѣйствія, и опровергая клевету, просилъ изслѣдовать доносы, а между тѣмъ позволить ему провести остатокъ жизни въ забвеніи, въ имѣніи жены (*) его, въ деревнѣ

(*) М. М. Сперанскій женатъ былъ на Англичанкѣ, дѣвицѣ Стюэнсъ (Stewenss), которой мать

Великопольѣ, въ осьми верстахъ отъ
Новагорода. Письмо это Сперанскій по-

была воспитательницею дѣтей Графа Андрея Петровича и Катерины Петровны Шуваловыхъ. Одна изъ питомицъ ея, Графиня Прасковья Андреевна, вышла замужъ за Князя Михаила Андреевича Голицына, а другая, Графиня Александра Андреевна, за Князя Франциска Дитрихштейна. Дѣти Княгини П. А. Голицыной, урожденной Графини Шуваловой, служатъ съ честью въ генеральскихъ чинахъ, пользуются общемою любовью и уваженіемъ. Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ, Генераль-Лейтенантъ, облеченъ нынѣ въ важное званіе Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго Военнаго Губернатора, а Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, Генераль-Маіоръ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Оберъ-Квартирмейстеръ Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Супруга М. М. Сперанскаго, воспитанная въ семействѣ, отличавшемся всѣми похвальными качествами души и ума, была образцемъ кротости, ласковости и всѣхъ Христіанскихъ добродѣтелей, но жила не долго. М. М. Сперанскій никогда не могъ утѣшиться въ этой невозвратной потерѣ, и хотя ему, въ послѣдствіи,

слалъ съ дочерью своею (*), чтобъ оно вѣрно поступило въ руки Государя.

Государь Императоръ дозволилъ ему жить въ имѣньѣ жены своей, обѣщая при первой возможности рассмотреть дѣло и всѣ бумаги, оставшіяся въ кабинетѣ Сперанскаго.

М. М. Сперанскій съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о пребываніи своемъ въ Великопольѣ. «Тамъ нашелъ я наконецъ тихую пристань, послѣ бурнаго плаванія», сказалъ онъ миѣ однажды. «Исполнивъ долгъ мой Государю и Отечеству, по совѣсти и крайнему разумѣнію», продолжалъ онъ: «я наконецъ могъ жить для себя и для моего

предлагали многія выгодныя партіи, онъ, изъ уваженія къ памяти покойной жены и изъ любви къ дочери, остался вдовцемъ.

(*) Елисаветою Михайловною, бывшею въ замужствѣ за Сенаторомъ Тайи. Совѣтн. Александромъ Васильевичемъ Фроловымъ-Багресвымъ.

семейства, быть полнымъ хозяиномъ моего времени, заниматься тѣмъ, что составляло мою радость и услажденіе, не зная ни какого принужденія. Я самъ давалъ уроки моеѣ дочери, кончилъ и пересмотрѣлъ переводъ мой: *О подражаніи Иисусу Христу, сочиненіе Томы Кемпійскаго*, начатый еще въ Перми, и до того начитался Тацита, что почти выучилъ его наизусть. Все изученное, прочитанное и написанное мною въ теченіе всей моеѣ жизни, я, такъ сказать, уложилъ въ порядкѣ въ моеѣ памяти, и составилъ выводы (результаты). Я былъ совершенно спокоенъ, въ убѣжденіи, что Государь помнить обо мнѣ, что истина непременно обнаружится и проникнетъ въ общее мнѣніе, и что оно, наконецъ, перестанетъ быть мнѣ враждебнымъ». Такъ и случилось! Въ 1816 году (въ Августѣ), послѣдовалъ Именной Указъ, въ которомъ Императоръ Александръ, назначая

Сперанскаго Пензинскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, оправдалъ его предъ Россією и Европою, сказавъ въ указѣ, что, получивъ важныя допосы въ то самое время, когда отправлялся въ армію, онъ не могъ рассмотреть ихъ съ надлежащею точностью, и, по важности обвиненій, благоразуміе требовало удалить отъ дѣлъ обвиненнаго; но что по произведенному слѣдствію, обвиненія оказались неосновательными. Этого было довольно, и хотя званіе губернатора не соответствовало занимаемымъ имъ до его удаленія мѣстамъ, Сперанскій принялъ его съ благодарностью, сожалѣя только о своемъ тихомъ убѣжищѣ. Въ то же время Государь пожаловалъ ему 7,000 десятинъ земли. Правосудіемъ, безкорыстіемъ, снисходительностью и ласковостью своею Сперанскій приобрѣлъ безпредѣльную любовь и глубокое уваженіе жителей всѣхъ сословіій Пензинской Гу-

бернии—и управление его названо *златымъ вѣкомъ*. Въ 1819 году, Императоръ Александръ назначилъ Сперанскаго Сибирскимъ Генералъ - Губернаторомъ и Предсѣдателемъ двухъ комиссій. Первая должна была изслѣдовать, законнымъ порядкомъ, всѣ злоупотребленія, которымъ Сибирь подвергалась въ прежнее управление, а вторая комиссія должна была составить планъ для управления этой обширной страны, населенной различными народами. М. М. Сперанскій назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ послѣ Тайнаго Совѣтника Ивана Борисовича Пестеля, и послѣ отрѣшенія отъ должности извѣстнаго Иркутскаго Гражданскаго Губернатора, Николая Ивановича Трескина.

М. М. Сперанскій оставилъ по себѣ незабвенную память въ Сибири. Онъ былъ достойнымъ представителемъ мягкосердія Императора Александра, Его

правосудія и любви къ народу. Пока будетъ существовать Сибирь, до тѣхъ поръ будутъ тамъ вспоминать съ умиленіемъ о Сперанскомъ, какъ объ ангелѣ-хранителѣ, ниспосланномъ самимъ Богомъ, внушившимъ Своего Помазанника. Я самъ видѣлъ, и неоднократно, слезы Сибиряковъ при произнесеніи имени Сперанскаго! Каждый Сибирякъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, ходилъ къ Сперанскому, какъ къ отцу, чтобъ взглянуть на него и услышать звуки его голоса. Это была отрада для cadaго! Представитель правительства, возбуждая къ себѣ общую приверженность и довѣренность при исполненіи своихъ обязанностей, оказываетъ Правительству величайшую услугу, заставляя любить его.

Въ два года Сперанскій изъѣздилъ всю Сибирь, чтобъ узнать нужды и средства края, познакомиться на мѣстѣ съ образомъ жизни, промыслами жителей и управле-

ніемъ, и наконецъ, въ 1821 году, составилъ планъ управленія Сибири, который приведенъ въ дѣйствіе, подъ именемъ *Сибирскаго Уложенія*. Характеристическое достоинство этого уложенія состоитъ въ томъ, что въ немъ не забыты нужды и отношенія всѣхъ сословіи народа, отъ дикихъ инородцевъ, коренныхъ жителей Сибири, до богатыхъ гражданъ и чиновниковъ.

Въ 1821 году, Сперанскій призванъ былъ въ Петербургъ. Въ девять лѣтъ его отсутствія изъ столицы все перемѣнилось! Клевета была забыта, и заслуги Сперанскаго ярко сіяли. Императоръ Александръ принялъ Сперанскаго не только милостиво, но съ чувствомъ, и Михаилъ Михайловичъ, до своей кончины, всегда съ умиленіемъ вспоминалъ объ этомъ свиданіи. «Я хотѣлъ говорить, изъявить благодарность мою Государю», сказалъ мнѣ Сперанскій: «и не могъ... взглянуть

на него... и залился слезами! Государь обнял меня и сказалъ: забудемъ прошлое. — «Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ я, сквозь слезы: я помнилъ всегда и никогда не забуду Вашихъ милостей и Вашей благодати. Вы человѣкъ — слѣдовательно могли ошибиться»... Императоръ Александръ назначилъ Сперанскаго Членомъ Государственнаго Совѣта и членомъ Комиссіи о Составленіи Законовъ, и онъ снова началъ усердно трудиться на пользу общую.

Нынѣ благополучно Царствующій Государь Императоръ Николаіи Павловичъ почтилъ высокія заслуги и достоинства Сперанскаго, поручивъ ему исполненіе величайшаго и безсмертнаго подвига Своего царствованія — составленіе *Свода Законовъ*, и наградилъ истинно по-царски. Сперанскій произведенъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники, получилъ Андреевскую ленту, графскій титулъ, обез-

печеніе состоянія, а въ знакъ своей довѣренности Государь Императоръ предоставилъ Сперанскому преподаваніе законодательства Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу, Наслѣднику Престола.

Всѣми любимый и уважаемый Графъ Михаилъ Михайловичъ окончилъ земное свое поприще въ Январѣ 1839 года, на шестьдесятъ осьмомъ году отъ рожденія. Труды и внутреннія страданія разстроили крѣпкое его здоровье. Онъ могъ бы еще долго жить для пользы отечества. Къ общему сожалѣнію, Сперанскій не оставилъ наслѣдника своего имени, которое будетъ ярко сіять въ умственной части народной Русской Исторіи!

Сперанскій былъ высокаго роста и отлично сложенъ. Прекрасное лице его выражало умъ и кротость. Высокое чело его запечатлѣно было геніяльностью. Звукъ его голоса производилъ какое-то

очарованіе, улыбка проливалась въ сердце усладу; кроткій взглядъ его проникалъ въ душу и возбуждалъ къ нему довѣренность. Ничто не могло противостоятъ его краснорѣчію. Онъ выражалъ свои мысли просто, ясно, кратко, а когда былъ одушевленъ, то озарялъ рѣчь свою лучами поэзіи. Никто не говорилъ по-Русски лучше Сперанскаго, и никто не зналъ такъ основательно письменнаго языка, какъ онъ. Въ каждой его работѣ видѣиъ практическій умъ математика. Все имѣетъ основаніе, постепенность, систему, и потому выводы и заключенія ясны. Не знаю, можетъ ли быть человѣкъ съ лучшимъ сердцемъ, какое было у Сперанскаго. Кто только зналъ его, тотъ его любилъ до обожанія. Никому не сдѣлалъ онъ умышленнаго зла, и великодушно прощалъ своимъ врагамъ. Россію Сперанскій любилъ выше всего въ мірѣ — и только человѣчество ставилъ выше оте-

чества, т. е. онъ не желалъ бы, чтобъ слава его основана была на бѣдствіи человѣческаго рода. Онъ былъ вовсе чуждъ предрасудка, который пораждаетъ ненависть или недоброжелательство къ иноплеменникамъ или чужезычнымъ племенамъ, составляющимъ народонаселеніе Россіи. Религіозность его была высокая, и онъ былъ врагъ ханжества и нетерпимости (*intolérance*), желая чтобъ каждый поклонялся Создателю по своему внутреннему убѣжденію. Сперанскій былъ человекъ истинно Европейскій, который бы въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ могъ занимать первыя государственныя должности. Даже враги его не могли ничего выдумать на счетъ его безкорыстія! Никогда не осквернилъ онъ рукъ своихъ неправымъ стяжаніемъ. Все, что онъ имѣлъ, было даромъ Государей, которымъ онъ служилъ вѣрно и усердно. Не было и не будетъ человека

безкорыстиѣе и честиѣе Сперанскаго. Государственные труды отвлекали его отъ принятія дѣятельнаго участія въ отечественной литературѣ, которую онъ любилъ страстно, читалъ много, и уважалъ и ласкалъ писателей, которыхъ труды почиталъ полезными. Однако жъ, среди государственныхъ трудовъ, онъ успѣлъ написать и издать: 1) Избранныя мѣста изъ разныхъ твореній Оомы Кемпійскаго, переводъ съ Латинскаго. Спб. 1819. 2) О подражаніи Іисусу Христу, Оомы Кемпійскаго, и проч., переводъ съ Латинскаго, 1819, 1821, 1844. 3) Правила высшаго краснорѣчія, напечатано въ 1844 году. 4) Обзорѣніе историческаго свѣдѣнія о Сводѣ Законовъ и проч., 1833 года и 5) Руководство къ познанію законовъ (напечатано въ 1845 г.). Последнее сочиненіе есть перечень уроковъ, которые преподавалъ М. М. Сперанскій Его Высочеству Цесаревичу, такъ сказать его собственная

тетрадь, по которой онъ развивалъ изустно начала, находящіяся въ ней. Вліяніе М. М. Сперанскаго на Русскій Языкъ было сильное и благодѣтельное. Н. И. Гречъ, въ *Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы* (первое изданіе, 1822 года, стр. 253) говоритъ: «Образцами дипломатическаго слога могутъ служить манифесты, указы и другіе важные акты, изданные съ самаго вступленія на престолъ нынѣ Царствующаго Императора (писано при жизни Александра); въ числѣ оныхъ особенно отличаются: манифесты о подтвержденіи правъ дворянства и градскихъ обществъ, о кончинѣ Великой Княгини Александры Павловны, о милиціи 1806 года, и мн. др. Въ нихъ нельзя не узнать пера М. М. Сперанскаго, которому сверхъ того литература и Христіанское правоученіе обязаны превосходнымъ переводомъ творенія Оомы Кемпійскаго: *О подражаніи Иисусу*

Христу. Примѣры чистаго, правильнаго и благороднаго слога можно найти въ С. Петербургскомъ Журналѣ (1804—9), издававшемся при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ». Всѣ статьи этого журнала, какъ извѣстно, были писаны или пересмотрѣны и переправлены Сперацкимъ.

Не только враги, но даже и многіе приверженцы М. М. Сперацкаго упрекали его въ слабости характера. Ложное обвиненіе! Какимъ образомъ человѣкъ, безъ силы душевной, могъ дойти до такого высокаго званія, безъ всякихъ связей, безъ интригъ, одними своими достоинствами? Въ счастіѣ Сперацкій не былъ гордъ, и несчастье претерпѣлъ съ Сократовымъ мужествомъ, никогда не унижаясь и всегда дѣйствуя прямодушно. Развѣ это не сила характера? Многіе требовали, чтобъ онъ рвался, кричалъ, подавалъ планы къ измѣненію того, что

казалось недостаточнымъ, указывалъ на зло, и т. п. Это безпокойство и движеніе нѣкоторые называютъ силою характера. Ложное мнѣніе! Сперанскій, не имѣя на что опереться въ случаѣ неудачи, принялъ за неизмѣнное правило, отъ котораго онъ никогда не отступалъ: говорить тогда только, когда его спросятъ, и писать о томъ, что представлялось его сужденію по его званію, или что ему особенно поручено, не вмѣшиваясь въ чужія дѣла. Это вовсе не означаетъ слабости характера, какъ многимъ кажется, но это истинная мудрость. Полагаю даже, что у насъ и не должно дѣлать иначе, чтобъ не произошло столкновеній, недоразумѣній. Пусть только каждый на своемъ мѣстѣ поступаетъ такъ совѣстно и съ такимъ познаніемъ дѣла, какъ поступалъ Сперанскій — было бы довольно! Сперанскій былъ въ полной мѣрѣ человекъ добродѣтельный и мудрый, въ

жизни общественной и семейной, въ кругу своихъ приверженцевъ, которымъ онъ былъ преданъ душою, и между своими врагами и завистниками, о которыхъ онъ только сожалѣлъ, и никогда даже не помышлялъ о мести. Ни одно пятно не пало на его свѣтлую, тихую, примѣрную жизнь — и о немъ можно сказать то, что сказалъ Тацитъ объ Агриколѣ:

«*Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporam, fama rerum. Nam multos veterum, velut inglorios et ignabiles, oblivio obruet: Agricola, posteritati narratus et traditus, superstes erit.* Т. е. Все что мы любили и чему удивлялись въ Агриколѣ, живетъ и будетъ вѣчно жить въ сердцахъ, вмѣстѣ съ памятью дѣлъ его. Многие изъ пользовавшихся встарину извѣстностью, погибнуть въ пучинѣ забвенія, въ безславіи и ничтожествѣ; Агрикола, перенесенный въ потомство повѣствованіями и преданіями — останется безсмертнымъ».

Я представленъ былъ Сперанскому Александромъ Ивановичемъ Тургене-

вымъ, въ 1823 году, когда я издавалъ *Съверный Архивъ*. М. М. Сперанскій любилъ Отечественную Исторію, прочелъ все, что было о ней писано по-Русски, по-Нѣмецки и по-Французски, и составилъ о многихъ трудныхъ и неразрѣшенныхъ вопросахъ исторіи собственныя свои мнѣнія. — Позволивъ мнѣ навѣщать его, особенно по утрамъ, отъ 7-ми часовъ до 10-ти, когда онъ не принимался еще за дѣла, и вечеромъ отъ 9-ти часовъ, Михайлъ Михайловичъ въ нѣсколько посѣщеній моихъ, такъ сказать, проэкзаменовалъ меня. Потомъ онъ всегда принималъ меня ласково, хотя я и не беспокоилъ его часто. Я ходилъ къ нему, какъ къ оракулу, для разрѣшенія моихъ сомнѣній о разныхъ предметахъ, за совѣтомъ, а иногда за утѣшеніемъ. Взглядъ его и звукъ голоса дѣйствовали на меня магически. Въ тотъ день, когда я видѣлъ Сперанскаго и слышалъ его голосъ — я былъ сча-

стивъ! Опъ одобрялъ меня въ ратованиіи за историческія истины, за чистоту языка и изящное, почиталъ статьи мои о нравахъ полезными — и это придавало мнѣ силу и мужество. Вражда пигмеевъ-гордецовъ, которымъ я не хотѣлъ покориться, казалась мнѣ ничтожною послѣ ласковаго слова Сперанскаго! Мои мысли на счетъ Русской Исторіи, изложенныя въ моемъ сочиненіи: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, были одобрены Сперанскимъ, принимавшимъ живое участіе въ этомъ моемъ трудѣ. Во многомъ я прибѣгалъ къ его совѣтамъ. Искаженіе Русскаго Языка, начавшееся въ журналахъ, и теперь дошедшее до высшей степени безумія, сильно огорчало Сперанскаго. Не хочу повторять его сужденій на счетъ искажителей, чтобъ не приписали его словъ мнѣ.

- Когда фамильный процесъ мой во-

шелъ въ Государственный Совѣтъ на разрѣшеніе, въ 1825 году, М. М. Сперанскій жилъ на дачѣ, въ Парголово, въ домѣ Графовъ Шуваловыхъ, которыхъ онъ былъ попечителемъ. Противу меня была сила. Я явился къ М. М. Сперанскому, и сказалъ только: «защитите!» — «Любезный другъ», отвѣчалъ мнѣ Сперанскій: «если вы правы, я буду защищать васъ всѣми зависящими отъ меня средствами, а если не правы, то искренно пожалѣю о васъ — и буду противу васъ. Я велѣлъ доставить ко мнѣ все дѣло, и нынѣшнимъ лѣтомъ разсмотрю его во всѣхъ подробностяхъ». — К. Г. Р*****скій, бывшій тогда при его особѣ, знаетъ хорошо, какъ занимался моимъ дѣломъ Сперанскій, Онъ разсмотрѣлъ его во всей подробности, повѣрилъ всѣ подлинныя акты, подалъ мнѣніе, съ которымъ согласились почти всѣ господа члены Государственнаго Совѣта — и я выигралъ

тяжбу! Никогда не дерзнулъ я спросить предварительно, что думаетъ Михайль Михайловичъ о моемъ дѣлѣ — и никогда онъ мнѣ не сказалъ ни слова! Когда я сталъ благодарить его, онъ отвѣчалъ: «Радуюсь, что ваше дѣло правое!»

Однажды, во время прогулки (а я ловилъ его на прогулкахъ, боясь беспокоить часто на дому), рѣчь зашла о постигнувшемъ его несчастіи, и я изъявилъ мое удивленіе, что не нашлось защитниковъ истины. — «Еслибъ я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами», сказалъ Сперанскій, «то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца». Эту фразу я ввелъ въ романъ мой: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, и М. М. Сперанскій сказалъ мнѣ послѣ того, въ шутку: «Вы человекъ опасный — печатаете пріятельскія бесѣды!»

Не могу привести здѣсь всего, что говорилъ Сперанскій о Русской Литературѣ, потому что мои *благопріятели* могли бы подвергнуть сомнѣнію вѣрность словъ моихъ.

Сперанскій—это рѣдкое явленіе, которое вѣроятно не повторится въ теченіе долгаго времени! Почитаю себя счастливымъ, что я зналъ его и даже заглядывалъ въ его высокую душу, и что дожилъ до того времени, въ которое отда на ему была полная справедливость. Эта справедливость въ наградѣ Сперанскаго есть неувядающій лавръ въ вѣнцѣ нашего добраго Государя! Дай Богъ Ему за это во всемъ счастья!

Теперь перейдемъ къ общественнымъ событіямъ и моимъ приключеніямъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

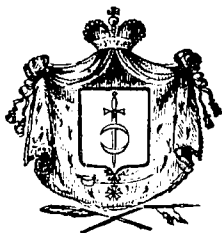
ВОСПОМНАНІЯ ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или
переписалъ или недописалъ, чтите, ис-
правлявая Бога для, не кляните!»

(Послѣсловіе въ древней Лѣтописи).

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 Мая 1849 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

Въ типографіи Карла Крайя.

ВОСПОМИНАНІЯ
ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

Знакомство съ родственниками. — Старинная Польская охота. — Старинный Польскій Магнатъ. — Память о пройдохъ Казановъ. — Я отправляюсь въ Варшаву. — Тогдашнее бѣдственное положеніе Герцогства Варшавскаго. — Варшава въ то время. — Театръ и отличные тогдашніе артисты. — Характеристика князя Юсифа Понятовскаго. — Храбрый воинъ изъ жидовъ, полковникъ Берко. — Смерть его. — Я отправляюсь въ Парижъ. — Тогдашняя Германія. — Духъ народа. — Нравы и обычаи. — Нѣмецкая ученость. — Вліяніе Германскихъ Университетовъ на общее мнѣніе. — Приключеніе въ Лауенбургъ. — Покража. — Встрѣча въ Гамбургъ съ Петербургскою знакомкою. — Исторія Негра. — Воръ отысканъ. — Пріѣздъ въ Парижъ. 162

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

- I. Кронштадтъ за сорокъ лѣтъ предъ симъ. — Наружный видъ. — Женское общество высшее и низшее или правая и лѣвая сторона. — Вечеринки. — Дикій Французъ и свойская его жена. — Старый воинъ времянь Румянцевскихъ, Потемкинскихъ и Суворовскихъ. 1
- II. Нѣчто, въ родѣ сцены изъ страшной мелодрамы. — Звѣрскіе инстинкты одичалаго Француза. — Приглашеніе на Нукагивскую трапезу. — Примиреніе супруговъ. — Переѣмна квартиры. — Оригинальный хозяинъ. — Очеркъ старинныхъ мѣщанскихъ правовъ. — Потѣзка моремъ въ Петербургъ. — Буря: — Судокрушеніе. 31
- III. Нѣжныя чувства стараго воина, моего начальника. — Его особенная ко мнѣ милость. — Польша въ концѣ XVIII вѣка. — Разска-

зы моего начальника о Суворовѣ и о Прагскомъ штурмѣ

IV. Старинное Русское военное хлѣбосоольство.

— Добрый и любезный антиподъ моего начальника. — Я принужденъ быть стихотворцемъ. — Последняя перемѣна квартиры. — Польскія шляхтянки и ихъ характеристика. — Русская торговля и контрабанда, въ слѣдствіе континентальной системы. — Жизнь лѣвой стороны Кронштадтскаго женскаго общества. — Предтеча натуральной школы. — Кронштадтскій ка-торжный дворъ. — Типы старинныхъ разбойниковъ. — Комическая сцена съ дикимъ Французомъ. — Окончательная участь дикаря и его жены. — Лифляндія и Ревель, за сорокъ лѣтъ предъ симъ. — Я оставляю военную службу.

V. Похищеніе жидовки: трагикомедія. — Война съ жидами. — Разбойничій вертепъ. — Хладнокровіе и мужество женщины побѣждаютъ разбойниковъ. — Старинное своево-ліе. — Поѣздка къ роднымъ, въ Гродненскую губернію. — Старинные похвальные нравы и обычаи. — Приключеніе въ Клецкѣ, за которое дорого заплачено по прошествіи сорока лѣтъ. — На чемъ было основано могущество жидовъ въ Польшѣ. —

ВОСПОМНАНІЯ.

I.

Кронштадтъ за сорокъ лѣтъ предъ симъ. — Наружный видъ. — Женское общество высшее и низшее или правая и лѣвая сторона. — Вечеринки. — Дикій французъ и свойская его жена. — Старый воинъ временъ Румянцевскихъ, Потемкинскихъ и Суворовскихъ.

Если бъ жизнь моя протекла, какъ тихій ручей или даже какъ протекаетъ искусственный водопадъ по размѣреннымъ ступенямъ, тогда бы я не вздумалъ печатать *отрывковъ* изъ моихъ *Воспоминаній*. Много испыталъ я въ жизни

горя, но чтобъ, по словамъ Крылова, «гусей не раздражить», умалчиваю о многомъ, и представляю только то, что характеризуетъ эпоху, въ отношеніи правовъ и обычаевъ. Въ сорокъ лѣтъ Россія совершенно измѣнилась — и все сказанное мною перешло въ древнюю исторію.

Едва ли былъ городъ въ цѣломъ мірѣ скучнѣе и бѣднѣе тогдашняго Кронштадта! Ни одинъ городъ въ Европѣ не оставилъ во мнѣ такихъ сильныхъ впечатлѣній, какъ тогдашній Кронштадтъ. Для меня все въ Кронштадтѣ было ощутительнѣе, чѣмъ для другаго, потому что я, какъ аэролитъ упалъ изъ высшей атмосферы общества въ этотъ новый міръ. Въ Кронштадтѣ сосредоточивалась, какъ въ призмѣ, и отражалась полуобразованность чужеземныхъ моряковъ, въ ихъ своевольной жизни.

Въ Кронштадтѣ было только нѣсколь-

ко каменныхъ казенныхъ зданій: казармы, штурманское училище, таможня, дома комендантскій и главнаго командира и нѣсколько частныхъ домовъ близъ купеческой гавани. Деревянныхъ красивыхъ домовъ было также мало. Даже соборъ и гостиный дворъ были деревянные, ветхіе, некрасивые. Половина города состояла изъ лачугъ, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую къ Водянымъ Воротамъ), нельзя было назвать даже деревнею. Близъ этой части находился деревянный каторжный дворъ, гдѣ содержались уголовные преступники, осужденные на вѣчную каторжную работу. На улицахъ было тихо, и каждое утро и вечеръ тишина прерывалась звукомъ цѣпей каторжниковъ, шедшихъ на работу и съ работы, въ военной гавани. Морозъ, благодѣтель Россіи, позволялъ безпрепятственно прогуливаться по ули-

цамъ Кронштадта зимою, по весною и осенью грязь въ Кронштадтской части и во всѣхъ немощеныхъ улицахъ была по колѣна. Видъ замерзшаго моря наводилъ уныніе, а когда поднималась мятель, то и городской валъ не могъ защитить прохожихъ отъ порывовъ морскаго вѣтра и облаковъ снѣга. Въ Кронштадтѣ не было не только книжной лавки или библіотеки для чтенія, но даже во всемъ городѣ нельзя было достать хорошей писчей бумаги. Въ гостиномъ дворѣ продавали только вещи, нужныя для оснастки или починки кораблей, и зимою почти всѣ лавки были закрыты. Магазиновъ, съ предметами роскоши, было, кажется два, но въ нихъ продавали товары гостинодворскіе, втораго разбора. Все доставлялось изъ Петербурга, даже съѣстные припасы хорошаго качества. Городъ былъ бѣденъ до крайности. Купцы, торговавшіе съ чужими краями, никогда

не жили въ Кронштадтѣ, а высылали на лѣто въ Кронштадтъ своихъ прикащиковъ. Кронштадтъ населенъ былъ чиновниками морскаго вѣдомства и таможенными, офицерами флота, двухъ морскихъ полковъ и гарнизона, отставными морскими чиновниками, отставными женатыми матросами, мѣщанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными. Между отставными чиновниками первое мѣсто занимали, по гостепріимству, баронъ Лауницъ и Аванасьевъ (не помню въ какихъ чинахъ). У обоихъ были въ семействѣ молодые сыновья, офицеры, и дочери дѣвицы, а потому въ этихъ домахъ были собранія и танцы. Былъ и клубъ, въ которомъ танцевали въ извѣстные дни. Бахусъ имѣлъ въ Кронштадтѣ усердныхъ и многочисленныхъ поклонниковъ! Пили много и самые крѣпкіе напитки: пуншъ, водку (во всякое время); мадера и пор-

твейнъ уже принадлежали къ разряду высшей роскоши. Послѣ Кронштадта никогда и нигдѣ не видалъ я, чтобъ люди, изъ такъ называемаго порядочнаго круга, поглощали столько спиртныхъ напитковъ! Страшно было не только знакомиться, но даже заговорить съ кѣмъ-нибудь, потому, что при встрѣчѣ, бесѣдѣ и прощаньи надлежало пить или поить другихъ! Разумѣется, что были исключенія, какъ вездѣ и во всемъ. Пили тогда много и въ Петербургѣ, но передъ Кронштадтомъ это было ничто, капля въ морѣ. Удивительно, что при этомъ не бывало ссоръ, и что въ Кронштадтѣ вовсе не знали дуэлей, когда онѣ были тогда въ модѣ и въ гвардіи и въ арміи. Впрочемъ, настоящимъ питухамъ, осушающимъ *штурмовую чашу* (какъ называли въ Кронштадтѣ попойку), некогда было ссориться! Бѣдняги работали — до упада!

Оставшіеся въ живыхъ изъ нашего литературнаго круга *двадцатыхъ* годовъ, помнятъ мои миролюбивые и веселые споры съ однимъ литераторомъ-морякомъ (уже не существующимъ), бывшимъ въ свое время кронштадскимъ *Донъ-Жуаномъ*, споры о кронштадтской жизни, и особенно о обычаяхъ прекраснаго пола въ Кронштадтѣ. Хотя въ началѣ *двадцатыхъ* годовъ (то есть лѣтъ за двадцать пять предъ симъ) многое уже измѣнилось въ Кронштадтѣ, но все же пріятель мой, литераторъ-морякъ, преувеличивалъ свои похвалы, утверждая, что въ Кронштадтскомъ высшемъ обществѣ былъ тотъ же свѣтскій тонъ и тѣ же свѣтскіе пріемы и обычаи, какъ и въ Петербургскомъ высшемъ кругѣ. Тона высшаго круга не возможно перенять — надобно родиться и воспитываться въ немъ. Сущность этого тона: непринужденность и приличіе. Во всемъ

наблюдается средина: ни слова болѣе, ни слова менѣе; ни какихъ порывовъ, ни какихъ восторговъ, ни какихъ театральныхъ жестовъ, ни какихъ гримасъ, ни какого удивленія. Наружность — ледъ, блестящій на солнцѣ. Фамилярность и излишняя почтительность равно не умѣстны. Подражатели высшаго круга всегда впадаютъ въ крайности — и съ перваго слова, съ перваго движенія можно узнать человѣка, который играетъ несвойственную ему роль. Особенно замѣтно это въ женщинахъ. Воспитаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ можетъ сообщить дѣвицѣ прекрасное образованіе, но не тонъ и не манеру, потому что только въ домашней жизни и въ кругѣ своего знакомства приобрѣтается то, что Французы называютъ *la contenance, les manières, le bon ton*, и что заключается въ Русскомъ словѣ *свѣтскость*. Наглядное подража-

ніе порождаетъ жеманство и неловкую принужденность (affectation). Въ цѣломъ мірѣ только Француженки, особенно Парижанки, рожденныя и воспитанныя въ кругу швей и служанокъ, одарены отъ природы высочайшею способностью перенимать тонъ и манеры высшаго общества, и только между Француженками есть прекрасныя актрисы для ролей свѣтскихъ барынь и дѣвицъ высшаго общества. Встарину, наши моряки, принужденные зимовать въ портахъ, въ которыхъ не было ни какого общества, не слишкомъ были разборчивы въ женитьбѣ, и хотя ихъ дочери воспитывались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, знали французскій языкъ, музыку и танцы, но возвратясь въ родительскій домъ, подчинялись окружающему ихъ, сохраняя память школьныхъ наставленій: *tenez-vous droite et parlez français* (то есть держитесь прямо и говорите по-

французски). Слѣдовательно, въ Кронштадтѣ тонъ высшаго круга былъ тогда въ полномъ смыслѣ провинціальный, съ нѣкоторыми особыми оттѣнками, — а гдѣ принужденность и жеманство, тамъ смертная скука.

Вторую половину Кронштадтскаго женскаго общества, лѣвую или либеральную сторону (принимая это слово вовсе не въ политическомъ, а въ шуточномъ смыслѣ) составляли жены гарнизонныхъ офицеровъ, констапельши (*), шкиперши, штурманши и корабельныя комиссарши, съ ихъ дочками, сестрами, невѣстками, племянницами и проч. проч. — Это было нѣчто въ родѣ женскаго народонаселенія острововъ Дружества, преимущественно Отаити, при посѣщеніи его капитаномъ

(*) Въ то время офицеры морской артиллеріи были въ томъ же разрядѣ, что комиссары и шкипера, и почитались ниже флотскихъ офицеровъ.

Кукомъ. Въ этомъ обществѣ было множество красавицъ, какихъ я не видалъ даже въ Петербургѣ. Не знаю, какъ теперь, но тогда городъ Архангельскъ славился красотой женскаго пола, и по всей справедливости: почтенные водители нашихъ кораблей, штурмана и шкипера, и хранители морской корабельной провизіи, комиссары выбирали для себя женъ въ этой русской Цитерѣ. Но вся красота заключалась въ чертахъ лица, и особенно въ его цвѣтѣ (*carnation*) и въ глазахъ. Красота ножекъ и рукъ — *rosa gaга*, величайшая рѣдкость во всей Россіи, и даже въ Остзейскихъ провинціяхъ, но не скажу на всемъ Сѣверѣ, потому что Стокгольмскія красавицы обладаютъ этимъ преимуществомъ. Въ родѣ человѣческомъ есть странныя отличія породъ. Прелестная нога и рука — это принадлежности Франціи, Испаніи, Польши и Швеціи.

Тонъ и обращеніе второстепеннаго Кронштадтскаго общества были мѣщанскіе или, пожалуй, Русскаго иногороднаго купечества, проникнутаго столичною роскошью и не подражающаго дворянству. Собранія въ этой половинѣ Кронштадтскаго общества, называвшіяся *вечеринками*, были чрезвычайно оригинальны, забавны и даже смѣшны, но нравились молодымъ волокитамъ. Красавицы, разряженныя фантастически (то есть съ собственными усовершеніями моды), въ атласъ и тафту, садились обыкновенно полукругомъ, грызли, жеманно, каменные и кедровые орѣхи, кушали миндаль и изюмъ, запивая ликеромъ или наливкою, непремѣнно морщась при поднесеніи рюмки къ губамъ. Молодежь увивалась вокругъ красавицъ, которыя съ лукавымъ взглядомъ бросали иногда орѣховую шелуху въ лицо своихъ любимцевъ, въ знакъ фамилярности, или

легкимъ наклоненіемъ головы давали имъ знать, что пьютъ за ихъ здоровье. Ни одна вечеринка не обошлась безъ того, чтобъ дамы не пѣли хоромъ русскихъ пѣсень и не плясали по-русски, или подъ веселый напѣвъ, или подъ звуки инструмента, называемаго клавикордами, прототипа фортепіанъ и рояля. Иногда танцовали даже англійскій кадрили, но никогда не вальсировали, если не было ни одной Нѣмки на вечеринкѣ. Старухи и пожилыя дамы садились отдѣльно, и занимались своими, то есть чужими дѣлами, по-просту сказать, сплетнями. Въ ихъ кружку можно было навѣрное узнать, кто въ какую влюбленъ, которая измѣнила кому, кто добръ, то есть щедръ, а кто *пустячный* человекъ, то есть скупъ или бѣденъ, и тому подобное. Почтенные отцы семейства, и, какъ сказалъ И. И. Дмитріевъ, «мужья подъ сѣдиною» — бесѣдовали обыкновенно въ

другой комнатѣ, курили табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ, пили пуншъ или грогъ, и играли въ горку, въ три листика, а иногда и въ бостонъ. Вечерики эти 'давались всегда на счетъ обожателя хозяйки дома или ея сестрицы. За двадцать-пять рублей ассигнаціями можно было дать прекрасную вечеринку, которою всѣ были довольны. Въ этомъ обществѣ сосредоточивались отгѣнки правовъ и обычаевъ всѣхъ заштатныхъ городовъ Россіи. Сколько тутъ было богатыхъ матеріаловъ для народнаго водевиля и юмористическаго романа! Вотъ въ какой міръ брошенъ я былъ судьбою, въ первой юности! Надлежало или прилично скучать въ одной половинѣ общества, или неприлично веселиться въ другой половинѣ, чтобъ не попасть въ жрецы Бахуса, потому что отъ юноши невозможно требовать совершеннаго *уединенія*.

Первые изъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился въ Кроиштадтѣ, были мичманъ Селивановъ (помнится Александръ Семеновичъ) и другъ его лейтенантъ Семичевскій, добрые и, какъ говорится, лихія ребята. Селивановъ жилъ открыто, по своему состоянію, и часто приглашалъ пріятелей на солдатскія щи и кашу. У него познакомился я съ *дикимъ Французомъ*, какъ называетъ его знаменитый адмиралъ И. О. Крузенштернъ (въ своемъ Путешествіи вокругъ Свѣта въ 1803 — 1806 годахъ, въ первой части), Жозефомъ Кабри (*). Этотъ *дикій Французъ* говорилъ ломанымъ русско-французскимъ языкомъ, примѣшивая слова дикарей, между которыми жилъ долгое время, и объясняя

(*) Крузенштернъ въ своемъ Путешествіи неправильно называетъ его Кабрить или Лекабрить. Одиличный Французъ назывался Кабри.

знаками, чего не могъ выразить словами. Однако жъ, основаніе его языка было французское, и онъ былъ весьма радъ, когда находилъ человѣка, съ которымъ могъ говорить по-французски, и потому онъ искалъ моего знакомства. Въ этомъ 1809 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ Путешествія вокругъ Свѣта Крузенштерна, и въ этой книгѣ, знаменитый путешественникъ весьма невыгодно отзывается о характерѣ Кабри. Но любопытство превозмогло предубѣжденіе на счетъ его, и я познакомился съ нимъ покороче, чтобъ слушать его рассказы о его пребываніи между дикарями.

Кабри былъ юнгомъ на французскомъ кораблѣ, приставшемъ къ острову Нукагивѣ, который до того времени едва нѣсколько разъ былъ посѣщаемъ Европейцами. Островъ Нукагива одинъ изъ незначительныхъ въ Тихомъ Океанѣ, населенъ жестокими, прожорливыми и сла-

дострастными людоѣдами. Крузенштернъ нашелъ на островѣ двухъ Европейцевъ, Англичанина Робертса и Француза Кабри; они были непримиримые враги между собою. Англичанинъ сказалъ Крузенштерну, что онъ высаженъ на островъ матросами, взбунтовавшимися противу своего капитана, не желая пристать къ ихъ сторонѣ, и что Кабри добровольно остался на островѣ, бывъ часто наказываемъ капитаномъ корабля за свои проказы. По словамъ Крузенштерна, Англичанинъ былъ гораздо умнѣе Француза, и пользовался бѣльшимъ уваженіемъ между дикими, хотя Кабри почитался лучшимъ и искуснѣйшимъ воинномъ между дикарями, даже по сознанію врага его, Робертса, и превосходилъ всѣхъ въ Нукагивской добродѣтели—въ воровствѣ! Оставшись въ весьма молодыхъ лѣтахъ между дикарями, Кабри совершенно одичалъ, принялъ всѣ ихъ обычаи, покло-

нялся ихъ божеству, почиталъ первымъ наслажденіемъ убить непріателя, хотя и утверждалъ явно, что не ѣлъ человѣческаго мяса, но промѣшивалъ тѣла убитыхъ непріателей на свинину. Крузенштернъ говоритъ, что онъ нечаянно или принужденно взялъ съ собою Кабри, который находился на кораблѣ Надеждѣ въ то время, когда внезапный шквалъ угрожалъ кораблю разбитіемъ о камни, и когда подлежало отрубить поспѣшно кабельтовъ и выйти въ море (въ маѣ 1804 года). Но Кабри не вѣрилъ этому, и утверждалъ, что Крузенштернъ сдѣлалъ это по просьбѣ врага его, Англичанина Робертса. Кабри ненавидѣлъ Европейскіе обычаи и образованность, и просилъ Крузенштерна высадить его на какой-нибудь изъ ближнихъ острововъ, обитаемыхъ дикими. Онъ хотѣлъ остаться на островѣ Овейги, но не понявъ языка жителей острова, по разности произно-

шенія съ Нукагивскимъ языкомъ (хотя оба языка одного корня), Кабри упротсилъ Крузенштерна везти его далѣе, на что нашъ знаменитый морякъ согласился, единственно изъ состраданія, не любя дикаго Француза. Такимъ образомъ Кабри привезенъ былъ въ Камчатку, гдѣ и остался вмѣстѣ съ графомъ Федоромъ Ивановичемъ Толстымъ и съ нимъ приѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ.

Кабри былъ небольшого роста, сухощавый, смуглый, неправильнаго очерка лица, изуродованнаго наколотыми узорами (tatoué) темно-синяго цвѣта. Взглядъ его выражалъ врожденную свирѣпость, и онъ имѣлъ всѣ кошачьи ухватки. Когда онъ улыбался, то казалось, что хочетъ укусить человѣка. Умъ его былъ во всѣхъ отношеніяхъ ограниченнѣй, и онъ могъ говорить порядочно только о своемъ любезномъ островѣ Нукагивѣ. Впрочемъ, весь остальной міръ казался ему недо-

стойнымъ вниманія. Удивительнѣе всего, что этотъ одичалый уродъ имѣлъ прелестную жену, Француженку, изъ одного Петербургскаго моднаго магазина! Не знаю, кто досталъ ему мѣсто учителя плаванія въ штурманскомъ училищѣ, но кажется и въ этомъ дѣлѣ помогалъ ему графъ Толстой. Хотя госпожа Кабри была со мною довольно откровенна на счетъ своего мужа, но она не признавалась мнѣ въ томъ, что заставило ее избрать въ мужа *дикаря*. Она всегда отвѣчала мнѣ: «C'était une idée! c'est comme ça!» (то есть: Такъ! не знаю, какъ это случилось! Пришла идея!)

Я почти ежедневно навѣщалъ Кабри, и проводилъ у него вечера. Не знаю, что привлекало меня болѣе въ этотъ домъ: оригинальность ли мужа, или прелестные глаза жены! Столько наслушался я о жизни и обычаяхъ Нукагивцевъ, что мнѣ не нужно было читать описаній Кука,

Ванкувера и Крузенштерна! Прочитавъ, однако жъ, въ Крузенштернѣ, что Кабри слылъ лучшимъ воиномъ на островѣ, я усомнился, судя по слабому его тѣлосложенію, и спросилъ его однажды, какимъ образомъ онъ могъ побѣждать островитянъ, одаренныхъ геркулесовою силою, не имѣя огнестрѣльнаго оружія. «Я бралъ не силою, но ловкостью, отвѣчалъ Кабри: я умѣю ползать на брюхѣ, и прыгать лучше тигра и выдры. Подкравшись, въ травѣ, къ непріятелю, я всырыгивалъ внезапно на него и, сваливъ на землю ударомъ моего каменнаго топора по головѣ, перекусывалъ горло. На бѣгу ни одинъ Нукагивецъ не могъ догнать меня. Даже, бросившись въ толпу непріятелей, я увертывался отъ нихъ какъ угорь, и имѣя по ножу въ обѣихъ рукахъ, поролъ имъ брюхо. Всѣ знали меня и боялись.... Придетъ весна, я покажу вамъ мое искусство!» При име-

ни Крузенштерна, Кабри скрежеталъ страшно зубами, негодуя на то, что онъ, повѣривъ врагу его, Англичанину, увезъ съ блаженнаго острова, и представилъ въ дурномъ видѣ въ своемъ сочиненіи, увѣряя притомъ, что обвиненіе его въ томъ, будто онъ хотѣлъ взбунтовать островитянъ противу Русскихъ, вовсе несправедливо, и что король Нукагивы свалилъ на него вину, по внушенію Англичанина, чтобъ самому оправдаться предъ Крузенштерномъ. Кабри ничего не могъ рассказать ни о вѣрѣ (*), ни о законахъ Нукагивцевъ, утверждая, что кромѣ вѣрованія въ Создателя и въ Злаго Духа, Нукагивцы не знаютъ никакихъ догматовъ, и въ распряхъ своихъ руко-

(*) Иезуиты, бывшіе тогда въ Петербургѣ, обучали Кабри забытой имъ Христіанской Вѣрѣ, но Кабри ничего не понялъ, и сознался мнѣ, что остался при прежнемъ мнѣніи.

водствуются старинными обычаями, повинуюсь одной физической силѣ или проворству. Это чрезвычайно нравилось Кабри. У него остались на Нукагивѣ жена и дѣти, но онъ вспоминалъ объ нихъ безъ всякаго сердечнаго чувства. Хотя между Нукагивскими красавицами господствовалъ величайшій развратъ, въ отношеніяхъ между двумя полами, но мужъ тамъ полновластный господинъ жены; онъ можетъ торговать ею, но если она нарушитъ, безъ его позволенія, супружескую вѣрность, то мужъ имѣетъ право убить жену и съѣсть ее. Этотъ обычай восхищалъ Кабри, и онъ, будучи ревнивѣе всѣхъ Турокъ вмѣстѣ, приходилъ въ восторгъ, когда рассказывалъ объ этомъ Нукагивскомъ обычаѣ, поглядывая притомъ съ улыбкою на свою жену. Можно себѣ представить, какъ это нравилось миловидной Французенкѣ!

Въ Кронштадтѣ комендантомъ и ше-

фомъ гарнизоннаго полка былъ генераль-маіоръ Иванъ Ивановичъ фонъ-Клугенъ, старикъ, лѣтъ подь семьдесятъ, воинъ временъ Румянцевскихъ, Потемкинскихъ и Суворовскихъ. Генераль фонъ-Клугенъ былъ холостъ, казался холоднымъ, проводилъ время въ уединеніи, и почитался вообще человѣкомъ страннымъ, несозданнымъ для общества. Онъ ѣздилъ въ гости только на офиціальные обѣды, и никогда не приглашалъ къ себѣ гостей. Судьба свела меня съ нимъ. Когда я явился къ нему въ первый разъ, онъ, послѣ офиціальнаго пріема, спросилъ меня:

— Не родня ли вамъ Михаилъ Булгаринъ, бывшій посломъ на Сеймѣ 1773 года?

— Это дядя моего отца, отвѣчалъ я.

— А какъ зовутъ по-имени вашего отца?

— Венедиктъ.

— Онъ былъ гражданско-военнымъ комиссаромъ (komissarzem ciwilno-wojskowym) въ Новогрудскомъ воеводствѣ, въ Костюшковскую войну?

— Точно такъ!

— Живы ли они оба?

— Дѣдъ мой живъ, а отецъ скончался.

— Я зналъ ихъ обоихъ, а съ вашимъ Gross-Onskel былъ даже друженъ, сказалъ генераль. Я стоялъ съ полкомъ въ Варшавѣ въ 1773 и 1774 годахъ, и былъ свидѣтелемъ благороднаго поступка вашего дѣда и товарищей его Рейтана, Богусhevскаго и нѣсколькихъ другихъ.... Съ-тѣхъ-поръ ушло тридцать-шесть лѣтъ; я состарѣлся.... мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ; но все же не забылъ того, что меня тронуло до глубины души, въ моей молодости, и привязало къ вашему дѣду. Мы видались съ нимъ послѣ въ Гроднѣ, и я даже гостилъ у него въ его

имѣнн Рудавкѣ. Если будете писать къ нему, напишите, что я помню его, и не пересталъ любить и уважать. Отецъ вашъ былъ также добрый и благородный человѣкъ — но горячка и немного упрямъ.... Кажется, что яблоко не далеко упало отъ яблони, примолвилъ генераль ласково, съ улыбкою. Вы и лицомъ похожи на отца, только поменьше ростомъ. Прошло не болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ мы видѣлись съ нимъ въ Несвижѣ, но съ-тѣхъ-поръ много воды утекло?» Генераль замолчалъ, и сталъ закуривать трубку, которую онъ дома никогда не выпускалъ изъ рукъ. Генераль оставилъ меня у себя къ обѣду. За столомъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, спрашивалъ меня о Финляндской Войнѣ, сказавъ, что и онъ воевалъ въ Финляндіи, при Императрицѣ Екатери-нѣ; рассказалъ намъ нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ, подъ начальствомъ ко-

тораго онъ служилъ въ Польшѣ, и былъ на штурмѣ Праги. Послѣ обѣда онъ пошелъ отдыхать, сказавъ мнѣ, что домъ его долженъ быть для меня то же, что домъ друга его, моего дѣда.

Благодарю моего Создателя, что онъ, хотя и не освободилъ меня отъ многихъ слабостей, свойственныхъ природѣ человеческой, но не далъ мнѣ двухъ несноснѣйшихъ пороковъ: *чванства* и *фанфаронства*, которыми я гнушаюсь. Жалко и больно смотрѣть на человѣка, когда онъ все, что для него ни дѣлаютъ другіе, приписываетъ своимъ достоинствамъ и принимаетъ, какъ должную дань! Скажу разъ навсегда, что пока я не вступилъ на тернистое литературное поприще, я былъ чрезвычайно счастливъ въ людяхъ, и безъ всякой съ моей стороны заслуги, не будучи въ состояніи отплатить добромъ за добро, находилъ въ людяхъ, и любовь, и дружбу, и утѣшеніе, и

состраданіе, и помощь. Безбожно лгутъ тѣ которые изображаютъ родъ человѣческій въ дурномъ видѣ, на каждомъ шагу находятъ злодѣевъ и обманщиковъ, и водворяютъ въ простодушныхъ людяхъ недовѣрчивость и холодность къ своимъ собратіямъ. Утверждаютъ ученые и философы, что старость, влекущая за собою опытность, должна непременно породить въ человѣкѣ эгоизмъ. Испыталъ я много и весьма много въ жизни, но благодаря Бога, не дожилъ до эгоизма, страшась его болѣе, чѣмъ чумы! Есть злые и коварные люди — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но они составляютъ меньшее число (*la minorité*). Зла, кажется, больше нежели добра, оттого что зло, какъ громовой ударъ, сильно раздается и имѣетъ продолжительное эхо, а коварство дѣйствуетъ какъ ядъ, когда, напротивъ, добро во всѣхъ видахъ своихъ не обращаетъ на себя вниманія,

какъ благодѣтельные лучи солнца, какъ прохладный вѣтерокъ. Зло сильнѣе, это правда! Десять человѣкъ злыхъ могутъ погубить десять-тысячъ людей добродушныхъ, и одинъ коварный клеветникъ отравить счастье многихъ семействъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ злыхъ людей было больше, нежели добрыхъ. Немыслящихъ болѣе, нежели мыслящихъ, и безхарактерныхъ болѣе, нежели людей съ характеромъ — въ этомъ я совершенно согласенъ. Оттого-то и всѣ бѣды на свѣтѣ!

Жизнь моя протекала тихо между литературными занятіями и нѣсколькими пріятными знакомствами. Добраго И. И. фонъ-Клугена я посѣщаль почти ежедневно, и полюбилъ его искренно. Вечера проводилъ я часто у Кабри, потому-что бесѣда съ его миловидною, веселою и остроумною женою мнѣ чрезвычайно нравилась. Даже невѣжество ея забавля-

ло меня! Кабри привязался ко мнѣ, и вопреки своему праву, не оказывалъ никакой ревности.

II.

Нѣчто, въ родѣ сцены изъ страшной мелодрамы. —
ЗВѢРСКІЕ ИНСТИНЕТЫ ОДИЧАЛОГО ФРАНЦУЗА. — ПРИ-
ГЛАШЕНІЕ НА НУКАГИВСКУЮ ТРАПЕЗУ. — ПРИМИРЕНІЕ
СУПРУГОВЪ. — ПЕРЕМѢНА КВАРТИРЫ. — ОРИГИНАЛЬНЫЙ
ХОЗЯИНЪ. — ОЧЕРКЪ СТАРИННЫХЪ МѢЩАНСКИХЪ ПРА-
ВОВЪ. — ПОѢЗДКА МОРЕМЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — БУРЯ. —
СУДОКРУШЕНІЕ.

Однажды, ночью, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда уже ледъ начинало ломать въ заливѣ, едва только я заснулъ, стукъ у дверей моеї комнаты разбудилъ меня. Въ моеї трактирной квартирѣ не было передней. Мой крѣпостной мальчикъ спалъ въ хозяйской людской.

— Кто тамъ?

— *Au nom de Dieu ouvrez, ouvrez vite!* (то есть: ради Бога отворите, отворите скорѣе).

• Я узналъ голосъ госпожи Кабри. Можно себѣ представить мое удивленіе. Накинувъ на себя халатъ, я зажегъ свѣчи, и поспѣшилъ отпереть дверь. Госпожа Кабри опрометью вбѣжала въ комнату, и сказала торопливо:

Fermez vite, fermez bien! (то есть: закройте скорѣе, закройте покрѣпче), и, бросившись на стулъ, воскликнула:

— *Oh, mon Dieu, mon Dieu!* (Боже мой, Боже мой), и залилась слезами.

Я стоялъ передъ нею въ ожиданіи развязки.

— Онъ едва не убилъ меня! сказала госпожа Кабри.

— Кто такой?

Кто же другой можетъ покуситься на это, какъ не дикій Кабри!

— По какому случаю?

— Изъ ревности!

— Не думаю, чтобъ вы подали къ тому случай....

— Развѣ я могу отвѣчать за поступки мужчинъ? Вы знаете, что уже нѣсколько мѣсяцевъ NN (это былъ молодой и красивый офицерикъ перваго морскаго полка) волочитя за мной (*me fait la cour*) противу моей воли и желанія; я вамъ жаловалась на это, и просила васъ прекратить это волокитство всѣми зависящими отъ васъ средствами. Сегодня, когда я была на вечерѣ у капитанши Тесницкой, этотъ проклятый NN принесъ въ нашъ домъ письмо, разумѣется любовное объясненіе, и отдалъ его нашей глупой кухаркѣ для отдачи мнѣ, а она отдала письмо Кабри. Не знаю, кто прочелъ письмо, но онъ съ отчаянья напился пьянъ, и когда я возвратилась домой, бросился на меня, какъ бѣшеный, держа въ одной рукѣ топоръ, а въ другой письмо. По счастью, я не потеряла присутствія духа, вырвала у него письмо, и толкнула его изо всѣхъ силъ; онъ упалъ,

а я заперла дверь на ключъ, снаружи, выбѣжала изъ дому.... и окольною дорогою пришла къ вамъ!...

— Чрезвычайно непріятное происшествіе и весьма затруднительное положеніе, сказалъ я, стараясь принять хладнокровный видъ.

— Вы должны спасти и покровительствовать меня, сказала настоятельно г-жа Кабри: потому-что вы другъ мой и что мнѣ не къ кому прибѣгнуть, кромѣ васъ. *Un lâche seulement peut abandonner une femme dans la détresse, quand elle se confie a lui!* (то есть: только подлецъ можетъ оставить безпомощную женщину, прибѣгающую къ нему съ довѣренностью, въ постигшемъ ея бѣдствіи).

— Подобно вамъ, я презираю подлицовъ и трусовъ, сказалъ я: но здѣсь дѣло не въ подлости и не въ трусости, а въ томъ, какимъ образомъ я могу вмѣшаться въ домашнее дѣло между мужемъ

и женою, и какъ могу защищать васъ! Сабли и пистолетовъ здѣсь недостаточно! Тутъ вмѣшаются законы — и что еще страшнѣе, общее мнѣніе....

Госпожа Кабри не дала мнѣ кончить.

— Что бы тутъ ни вмѣшалось, все-равно: вы должны быть моимъ защитникомъ, потому что я избрала васъ! Если угодно, можете убить меня, но я не выйду отсюда....

Удивительныя созданія Француженки! Страсти у нихъ скользятъ по душѣ, какъ облака по небу. Трагическая сцена нечувствительно превратилась въ комическую, и госпожа Кабри, слѣдуя веселому своему характеру, представила мнѣ въ самомъ смѣшномъ видѣ то самое, что испугало ее до смерти. Однако жъ, страхъ лежалъ на днѣ ея сердца, и госпожа Кабри ни за что не хотѣла воротиться домой. Мы провели время въ совѣщаніяхъ и разговорахъ, до пяти часовъ утра, и

наконецъ надлежало на что-нибудь рѣшиться.

— Il faut pourtant sauver les apparences, сказалъ я. Пойду и упрошу мою добрую хозяйку, чтобъ она приняла васъ къ себѣ.

— Это было бы превосходно! отвѣчала госпожа Кабри.

Я разбудилъ хозяина, старшаго Делапорту (*), и упросилъ его убѣдить жену свою принять къ себѣ госпожу Кабри, рассказавъ все дѣло. Хорошая моя хозяйка согласилась и мы разстались съ очаровательною Француженкою. Я бро-

(*) Въ Кронштадтѣ былъ тогда только одинъ порядочный трактиръ, который содержали два брата, Италіянцы, Делапорта. Кромѣ того, они торговали разными мелочными товарами. Старшій братъ былъ женатъ. Это были люди добрые и услужливые.

сился въ постель, и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проснулся я въ десять часовъ утра. Мальчикъ мой, ожидавшій моего пробужденія на лѣстницѣ у дверей, сказалъ мнѣ, что Кабри былъ уже два раза и обѣщаль воротиться. Едва я усѣлся за чай, онъ явился ко мнѣ. На лицѣ его, искаженномъ узорами и рябинами, нельзя было замѣтить ни блѣдности, ни краски, но въ глазахъ его пылало пламя, и онъ улыбался, какъ тигръ на добычу.

Я сидѣлъ за чайнымъ столикомъ. Онъ сѣлъ напротивъ меня; ерошилъ волосы на своей головѣ, вертѣлся на стулѣ, то улыбался, то бросалъ страшные взгляды, и наконецъ сказалъ:

— Я почитаю тебя честнымъ человѣкомъ, и потому требую, чтобъ ты сказалъ мнѣ откровенно: нравится ли тебѣ жена моя!

— Послушай Кабри, сказалъ я, съ

притворнымъ хладнокровіемъ: ты никогда не долженъ предлагать вопросовъ, на которые нельзя отвѣчать. Что значитъ нравиться? Жена твоя молода, не дурна собою, такъ разумѣется, что она не можетъ возбуждать къ себѣ отвращенія въ молодомъ человѣкѣ. Но это не ведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ!...

— Полно! воскликнулъ Кабри. Спрашиваю; нравится или не нравится тебѣ жена моя?...

— Она очень милая особа, но она жена твоя, принадлежитъ тебѣ, и я не имѣлъ и не имѣю ни какихъ видовъ на нее....

— Не въ томъ дѣло! воскликнулъ Кабри. Если жена моя нравится тебѣ, такъ я — *подарю* ее тебѣ, если ты можешь мнѣ въ одномъ дѣлѣ!...

— Ты не имѣешь права подарить жены, сказалъ я.

— Подарю, отдамъ, уступлю, все что

тебѣ угодно, только помоги мнѣ! сказалъ Кабри.

— Въ чемъ же помочь тебѣ?

— Помоги мнѣ убить 'NN! (то есть: офицера, возбудившаго ревность въ Кабри).

— Убить!... Ты сошелъ съ ума, Кабри! Вѣдь мы здѣсь не на островѣ Нукагивѣ. За убійство тебя накажутъ, какъ убійцу — а ты знаешь, какъ у насъ наказываютъ смертоубійць.... Ты видѣлъ каторжный дворъ....

— Но можно сдѣлать такъ, что никто не узнаетъ.... для этого-то я и требую твоей помощи....

— Ты говоришь: никто не узнаетъ! Узнаетъ Богъ — и накажетъ и въ здѣшней и въ будущей жизни!...

— На Нукагивѣ Богъ позволяетъ убивать враговъ!... сказалъ Кабри.

— На Нукагивѣ не знаютъ истиннаго Бога,...

Кабри сталъ возражать, и я видя, что всѣ мои усилія къ отвлеченію его отъ злаго умысла будутъ напрасны, пока бѣшенство его не утихнетъ, вознамѣрился обходиться съ нимъ уклончиво, и обѣщая мою помощь, промедлить исполненіе его замысла, пока не удастся вовсе отклонить его.

— Изъ первыхъ словъ твоихъ догадываюсь, что ты подозрѣваешь жену свою въ связи съ NN, сказалъ я. Убѣдился ли ты въ этомъ?

— Онъ написалъ къ ней любовное письмо, совѣтовалъ бросить меня, обѣщалъ развестъ меня съ нею и жениться на ней....

— Но это писалъ онъ, а не она, такъ чѣмъ же она виновата?

— Какъ бы онъ смѣлъ писать къ ней это, если бъ не былъ обнадеженъ? сказалъ мнѣ Кабри.

— Ты мелешь вздоръ! Молодой че-

ловѣкъ можетъ Богъ вѣсть что написать къ женщинѣ, и это означаетъ только его самолюбіе, фанфаронство и дерзость, а не преступленіе женщины.... Тебѣ кто-нибудь натолковалъ вздоръ.... кому ты показывалъ письмо?...

— NNN, отвѣчалъ Кабри.

— Онъ самъ приволакивался за твоею женою, и гнѣвается за то, что она осмѣяла его.

— Но все же NN. виноватъ, и я долженъ убить его! сказалъ Кабри.

— Это дѣло мы обдумаемъ съ тобою спокойно, на досугѣ, а теперь скажи, что случилось съ женою твоею.

— Она бѣжала изъ дому. У NN ее нѣтъ; можетъ-быть онъ гдѣ-нибудь спряталъ ее. Отыщи ее и возьми себѣ, сказалъ Кабри, прехладнокровно. Не ручаюсь за себя, и могу убить ее, въ припадкѣ гнѣва.

— Жена твоя здѣсь!

Кабри вскочилъ со стула.

— У тебя? спросилъ онъ быстро.

— Какъ можно, чтобъ она была у меня! Но вѣдь здѣсь трактиръ, а ты знаешь, что въ трактирѣ двери для каждаго отперты. Жена твоя у хозяйки, которая сжалилась надъ нею и призрѣла ее.

Кабри заложилъ ногу на ногу, согнулся, подперъ голову руками и задумался. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Пожалуйста, возьми себѣ эту женщину! Ты избавишь меня отъ большихъ хлопотъ!

— Это невозможно, возразилъ я. Какъ я могу взять къ себѣ чужую жену! Это у насъ не позволено и не водится, и я подвергнусь нареканію товарищей и начальства. Да и захочетъ ли жена твоя перейти отъ тебя ко мнѣ? Силою нельзя ее къ тому принудить; да и что скажетъ

твой другъ и покровитель графъ Толстой....

Кабри сталъ бранить и графа и жену.

— Напрасно ты гнѣваешься на жену, любезный Кабри, сказалъ я: она ни въ чемъ не виновата, а виноватъ одинъ NN. Помиришь съ женой, попроси у нея прощенія въ томъ, что ты обидѣлъ ее, а съ NN мы послѣ справимся.

Тутъ я началъ льстить Кабри, припоминая ему, что онъ не Нукагивецъ, но Французъ, что женщины въ его отечествѣ Франціи, пользуются уваженіемъ и снисходительностью мужчинъ, и что только трусы и подлецы обижаютъ бѣдныхъ, беспомощныхъ, слабыхъ женщинъ. Наговорилъ я ему много, давая притомъ чувствовать, что я готовъ помогать въ отмщеніи NN, за нанесенную обиду, и, наконецъ, мнѣ удалось успокоить дикаря, склонить его къ примире-

нію съ женою, и даже возбудить къ ней сожалѣніе и прежнюю привязанность.

— Быть такъ! сказалъ Кабри. Послушаюсь тебя; ты умнѣе меня и лучше знаешь, что здѣсь должно дѣлать. Поидемъ къ женѣ!

— Зачѣмъ намъ свидѣтели! я приведу жену сюда, сказалъ я.

— И это правда! возразилъ Кабри. Вижу, что безъ тебя я надѣлалъ бы много глупостей, и не сдѣлалъ бы главнаго. Ступай за женою!

Госпожа Кабри знала, что мужъ ея у меня, и со страхомъ ожидала развязки этого свиданія. Разумѣется, что мы условились съ госпожею Кабри не говорить мужу, что она заходила ко мнѣ въ комнату, и она пошла со мною, взявъ съ меня слово защищать ее отъ мужа. Лишь только госпожа Кабри переступила черезъ порогъ, дикій Французъ бросился на колѣни, и простирая къ ней ру-

ки, возопилъ «pardon (прости)!» Они примирились. Я велѣлъ подать завтракъ, угостилъ супруговъ, и заставивъ Кабри поклясться, что онъ примирился искренно и не обидитъ жены, отпустилъ ихъ домой.

Кабри, какъ я уже говорилъ, не признавался передъ Иваномъ Федоровичемъ Крузенштерномъ и передъ офицерами корабля *Надежды*, что онъ ѣлъ на островѣ Нукагивѣ человѣческое мясо, но графу И. О. Толстому и мнѣ онъ сказалъ, подъ секретомъ, что онъ участвовалъ въ пиршествахъ людоедовъ, и даже увѣрялъ, что человѣческое мясо чрезвычайно вкусно и походить на бужанину. После трагическаго происшествія съ женою, Кабри сталъ мнѣ часто выхвалять человѣческое мясо и приглашалъ съѣсть вмѣстѣ съ нимъ NN, котораго онъ непременно хотѣлъ убить. Положеніе мое было весьма затруднительное! Видя, что

дѣло идетъ не на шутку, и что мнѣ невозможно отклонить Кабри отъ его намѣренія, я рассказалъ все доброму генералу фонъ-Клугену, прося его уладить дѣло тихо. Генераль рѣшилъ, что одного изъ двухъ соперниковъ надлежало выслать изъ Кронштадта. Кабри былъ нуженъ для обученія плаванію воспитанниковъ штурманскаго училища и для отпиранія подводныхъ шлюзовъ, а безъ одного подпоручика легко можно было обойтись. Я полагалъ, что если вздумаютъ страшать Кабри, то этимъ еще болѣе раздражатъ его, и генераль согласился съ моимъ мнѣніемъ. Онъ поѣхалъ къ инспектору морскихъ полковъ, генералу Ширкову, рассказалъ ему все дѣло, и генераль Ширковъ чрезъ нѣсколько дней выслалъ NN въ Вологду, на смѣну офицера, находившагося тамъ при командѣ для приѣма рекрутъ и обученія ихъ на походѣ военнымъ приѣмамъ и эво-

люціямъ. Такимъ образомъ кончилось это дѣло, которое могло имѣть весьма дурныя послѣдствія.

Море вскрылось. Флотъ выступилъ на рейдъ, морскіе полки вышли въ лагерь, и въ Кронштадтъ прибыли для разъѣздовъ казаки и два эскадрона уланскаго Его Высочества полка. Въ числѣ уланскихъ офицеровъ былъ искренній другъ мой Жеребцовъ и нѣсколько добрыхъ пріятелей. Въ Кронштадтѣ водворилось веселіе. Генералъ Ширковъ, хлѣбосоль въ высшей степени, давалъ обѣды и балы, на которые съѣзжались гости и дамы изъ Петербурга. Его Высочество удостоивалъ иногда своимъ посѣщеніемъ балы Ширкова. Многіе богатые люди останавливались въ единственномъ Кронштадтскомъ трактирѣ братьевъ Делапорта, въ которомъ я жилъ, и чтобъ не стѣснять его, я нанялъ квартиру по близости комендантскаго дома, хотя и въ

другой улицѣ, въ домѣ мѣщанина Голяшкина.

Этотъ мѣщанинъ Голяшкинъ былъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ людей, какихъ мнѣ удалось встрѣтить въ жизни. Онъ остался навсегда въ моей памяти. Голяшкинъ былъ лѣтъ пятидесяти отъ рожденія, сухощавъ, хромъ, пилъ хлѣбное вино, и распѣвалъ пѣсни съ утра до ночи, всегда былъ веселъ, и беспрестанно балагурилъ то съ домашними, то съ прохожими. Если бъ напечатать всѣ пѣсни, сказки, присказки, пословицы и поговорки, которыя Голяшкинъ зналъ наизусть, то вышло бы, навѣрное, двѣнадцать томовъ. Кромѣ-того, онъ зналъ множество текстовъ изъ Священнаго Писанія, и часто вмѣшивалъ ихъ въ свои рѣчи. Нѣкоторые тексты, пословицы, поговорки и пѣсни онъ повторялъ всегда при извѣстныхъ случаяхъ. Такъ на-примѣръ, раскупоривая, съ восхожде-

ніемъ солнца, свой любезный полуштофикъ съ виномъ, Голяшкинъ всегда приговаривалъ: «Не упивайтесь виномъ, бо въ немъ есть блудъ». Потомъ ставилъ чайникъ; и подошедъ къ моему окну, затягивалъ всегда одну и ту же пѣсню, начинающуюся словами:

Сонъ пріятенъ безъ досады,
 На утренней на зорѣ!
 На солнечномъ востодѣ и прочее.

Разбудивъ меня, онъ вносилъ чай и начиналъ балагурить. Но если я поздно ложился спать, то онъ не будилъ меня съ зарею. Часу въ девятомъ, а много въ десятомъ, Голяшкинъ ѣлъ каждый день яичницу, и всегда приносилъ мнѣ половину на тарелкѣ, съ поклонами, ужимками, съ припѣвами и поговорками, начиная всегда священнымъ изрѣченіемъ:

«Спаси Господи люди твоя, и благослови достояніе твое!»

Голяшкинъ полюбилъ меня и даже привязался ко мнѣ, и я, видя доброе его сердце и притомъ находя развлеченіе въ его веселости, позволялъ ему балагурить. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей, дебелыхъ дѣвъ, совершенно въ купеческомъ вкусѣ, то есть, толстыхъ, жирныхъ, бѣлыхъ и румяныхъ. Онѣ жили въ вышкѣ, а мы съ Голяшкинымъ занимали весь нижній этажъ его небольшого, но красиваго дома, при которомъ былъ садикъ и огородъ. Не многіе изъ моихъ читателей знаютъ, что значитъ кокетство въ мѣщанскомъ званіи, особенно такое, какое тогда было въ Кронштадтѣ. Это были нравы времени Петра Великаго, когда онъ быстро и внезапно отперъ двери въ теремахъ, въ которыхъ Русскія женщины были заключены, какъ древнія Гречанки въ своихъ гинекеяхъ. Разница съ прошлымъ временемъ была та, что же-

манство и притворство заступили мѣсто прежней искренней стыдливости и цѣломудрія. Сердце измѣнилось, наружныя формы остались. Дочери Голяшкина, встрѣчаясь со мною, никогда не платили мнѣ поклономъ за поклонъ, но потупляли глаза, отворачивались или закрывались платкомъ, и отвѣчали на всѣ мои вопросы только: *да-съ* или *нѣтъ-съ*, а отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, останавливались, лукаво посматривали и смѣялись вполголоса, подъ платкомъ. Когда я былъ дома, особенно когда у меня были въ гостяхъ товарищи, дебелыя дѣвы, сидя подъ окномъ въ своей свѣтелкѣ, распѣвали нѣжныя пѣсни громкимъ и пронзительнымъ дискантомъ. Иногда старикъ водилъ меня въ ихъ комнаты, и тогда они *сгарали* отъ стыда, склоняли голову, закрываясь своею работою (онѣ непрерывно шили для себя платье и *приданое*), и казалось, готовы были про-

валиться отъ робости сквозь землю. Двѣ комнаты ихъ были содержаны весьма чисто; полъ усыпанъ листьями зори или другой пахучей травы; передъ образами всегда теплилась лампада, и постели ихъ, со множествомъ подушекъ и пуховиковъ, доходили почти до потолка. Но всѣ эти Кронштадтскія тигрицы были дики только до-тѣхъ-поръ, пока ловець бѣгалъ отъ нихъ! Голяшкинъ вовсе не заботился о томъ, что дѣлаютъ его дочери, и былъ счастливъ тѣмъ, что онѣ жирны и веселы. Онъ самъ ходилъ на рынокъ закупать съѣстные припасы, самъ пекся съ кухаркою и работникомъ о стряпнѣ и чистотѣ въ домѣ, о всемъ хозяйствѣ, предоставляя дочерямъ толстѣть, наряжаться и распѣвать пѣсни.

Голяшкинъ не рассказывалъ мнѣ исторіи своей жизни, въ послѣдовательномъ порядкѣ, но изъ его отрывчатыхъ рассказовъ узналъ я, что онъ родомъ Олон-

чанинъ, пришелъ въ Кронштадтъ мальчигомъ-сиротою; былъ сперва золотаремъ, потомъ дрягилемъ (носильщикомъ), грузильщикомъ судовъ, перевозчикомъ, потомъ сталъ торговцемъ корабельныхъ снастей, и, наконецъ, какъ онъ говорилъ, вышелъ въ отставку отъ всѣхъ дѣлъ, и сталъ жить принѣваючи (это было буквально правда), доходами съ небольшого своего капитала. Изъ разсказа его я догадался, что онъ будучи лодочникомъ или перевозчикомъ, занимался контрабандою, какъ почти всѣ тогдашніе Кронштадтскіе жители. Теперь, только для забавы онъ имѣлъ свою собственную англійскую гичку, на которой прогуливался, въ хорошую погоду, и часто возилъ меня на рейдъ или въ конецъ Кронштадтской косы.

Говоря о высшемъ Кронштадтскомъ обществѣ, я не сказалъ, какимъ образомъ я имѣлъ случай узнать его. Глав-

нымъ командиромъ Кронштадтскаго порта былъ вице-адмиралъ Иванъ Михайловичъ Колокольцевъ, котораго жена Варвара Александровна (урожденная графиня Апраксина) была задушевною пріятельницею сестры моей Искрицкой, какъ я уже говорилъ объ этомъ. И. М. Колокольцевъ и въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ жилъ чрезвычайно скромно и уединенно, и Варвара Александровна, добрая и умная женщина (смотри часть V, стр. 261 моихъ Воспоминаній) не любила принимать у себя гостей. Это дѣлала она не изъ скупости, но по характеру. Въ Кронштадтѣ, однако жъ, И. М. Колокольцевъ, по званію своему долженъ былъ давать обѣды и вечера, хотя весьма рѣдко. Добрая Варвара Александровна, которая славилась своею откровенностью и простотою обращенія, говорила правду въ глаза и начальникамъ и подчиненнымъ, и старымъ и моло-

дымъ, обходилась со мною, какъ съ сыномъ. Я заходилъ къ Варварѣ Александровнѣ иногда по утрамъ, но она принудила меня быть у ней на нѣсколькихъ вечерахъ, въ кругу Кронштадтской аристократіи. Я уже сказалъ причину, почему мнѣ было скучно въ этомъ кругу. Кто привыкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, тотъ, при ихъ недостаткѣ, предпочтетъ чистую сивуху подмѣшанному виноградному вину (*vin frêlaté*). Мнѣ казалось лучше *de m'encanailler* (*) чѣмъ томиться скукою и быть послѣднимъ въ жеманномъ обществѣ.

Однажды подъѣхала къ дому Голяшкина коляска главнаго командира и лакей Варвары Александровны вызвалъ меня къ ней.

— Сестра твоя очень больна, сказала

(*) Выраженіе непереводимое, почти то же, что *опростонародиться*.

миѣ она: я сама намѣрена навѣститъ ее, а между-тѣмъ нельзя ли тебѣ отпроситься въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ больною? Ко миѣ пишетъ Александръ Михайловичъ, зять твой, что докторъ Гассе отчаявается въ ея жизни...

Варвара Александровна уѣхала, а я стоялъ на улицѣ, какъ громомъ пораженный. Искренно и душевно привязанъ я былъ къ сестрѣ моей Антоцинѣ, съ которою почти не разлучался отъ самаго дѣтства, и рѣшился во что бы ни стало, навѣститъ ее. Я сказался больнымъ.

Пароходы были еще въ головѣ Фультона. Ни промышленная и умная Англія, ни геніальный Наполеонъ не поiali Фультона. Наполеону казалось невѣроятнымъ, чтобъ можно было плавать по морямъ противу теченія и вѣтровъ, безъ парусовъ и весель, и опыты Фультона на рѣкѣ Сенѣ, впрочемъ не весьма блистательные, не могли убѣдить Француз-

скихъ механиковъ въ важности изобрѣтенія. Идея, возникшая въ головѣ Фультона, была геніальная, но для исполненія ея надобно было снаровки и опыта въ большомъ размѣрѣ. За это не принялись въ Европѣ, и вся слава изобрѣтенія пароходовъ принадлежитъ Сѣверо-Американцамъ. Нью-Йоркскій гражданинъ Броунъ построилъ первый пароходъ, въ 1807 году, и разрѣшилъ задачу Фультона. Покойный Павелъ Петровичъ Свиньинъ (основатель журнала Отечественныя Записки, оправдывавшаго подъ его редакціею свое заглавіе), возвратясь изъ Сѣверной Америки, въ 1813 году, куда онъ, въ званіи чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, посыланъ былъ съ депешами къ генералу Моро, привезъ чертежъ и рисунокъ Броунова парохода, а Англичанинъ Бердъ построилъ первый пароходъ въ Петербургѣ. Никакая заслуга не должна быть

забываема соотечественниками, и П. П. Свиньинъ, кромѣ полезныхъ своихъ литературныхъ трудовъ, пріобрѣлъ право на благодарность потомства за привезеніе чертежа парохода и за внушеніе предприимчивому Берду мысли къ заведенію въ Россіи пароходства. До того времени сообщеніе Петербурга съ Кронштадтомъ происходило на парусныхъ большихъ ботахъ и на двадцати-четыре-хъ-весельныхъ катерахъ. Чтобъ получить мѣсто на нихъ, надлежало подвергнуться многимъ формальностямъ, но я рѣшилъ дѣло иначе.

— Послушай, Голяшкинъ, сказалъ я моему эксцентрическому хозяину: аще еси мужъ доблій (*), свези меня въ Петербургъ на своей гичкѣ.

(*) Ни что такъ не нравилось Голяшкину, какъ церковный языкъ — нѣсколькими фразами славянскими, можно было побудить его ко всему.

— Благо есть! отвѣчалъ онъ.

, — И такъ ѣдемъ завтра!

— Ыдемъ! примолвилъ Голяшкинъ: и это будетъ первая моя поѣздка въ Петербургъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, сказалъ онъ.

Въ пять часовъ утра мы выѣхали изъ Кронштадта. Изъ гавани мы вышли на веслахъ, а когда обогнули Кронштадтъ, то поставили парусъ. Я сидѣлъ на рулѣ, а Голяшкинъ подъ парусомъ. Солнце сильно припекало и на горизонтѣ мелькали черныя пятна, которыя непрерывно сливались въ одну массу. Сѣверозападный вѣтеръ благопріятствовалъ намъ; это былъ, по морскому выраженію, бейдевиндъ, то есть боковой. Голяшкинъ распѣвалъ пѣсенки, и каждую изъ нихъ запивалъ виномъ. Кажется, однако жъ, что въ морѣ забылъ онъ свое правило: «душа мѣру знаетъ», а можетъ-быть и ранній морской воздухъ подѣйствовалъ

на него, но я замѣтилъ, что языкъ его началъ путаться, и что онъ смѣшивалъ и слова и голоса разныхъ пѣсень. Между-тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, и дулъ порывами. Волненіе становилось сильнѣе, и я увидѣлъ явленія, которыхъ прежде не видывалъ. Половина неба покрылаеь черными облаками, а другая половина была свѣтлая, и радуга красовалась не на небѣ, а въ морѣ. Внезапные порывы вѣтра быстро громоздили огромные валы, и вихрь разносилъ брызги длинными полосами, которыя свѣтились, какъ алмазы. Настала буря, а между-тѣмъ Голяшкинъ—опьянѣлъ совершенно. Онъ, однако жъ, имѣлъ столько силы и присутствія духа, что успѣлъ снять парусъ, по сильному моему настоянію. Страшнѣе всего для меня было то, что Голяшкинъ не сидѣлъ смирно, на своемъ мѣстѣ, вскакивалъ, перегибался чрезъ бортъ, и могъ опрокинуть гичку, кото-

рая быстро перепрыгивала съ вала на валъ. Слушая рассказы моряковъ о буряхъ и морскихъ опасностяхъ, я запомнилъ, что въ бурю надобно убирать паруса и плыть поперегъ валовъ, и теперь воспользовался урокомъ. Помнилъ я также хорошо *Всемирнаго Путешественника*, аббата Прево, мою любимую книгу, и зналъ, что когда нѣтъ надежды выдержать штурмъ въ открытомъ морѣ, то лучше разбиться у песчаного берега. Рулемъ я умѣлъ править, то есть, зналъ, какъ поворачивать судно, а потому, вмѣсто того, чтобъ править прямо, я плылъ косою линіею, къ правому (отъ Кронштадта) берегу. Въ это время дождь полился ливня, и стало такъ темно, что едва можно было видѣть за нѣсколько шаговъ. Только по ужасному шуму волнъ, разбивавшихся о камни и о берегъ, догадывался я, что земля близко. Страхъ и сырость выгнали половину вин-

ныхъ паровъ изъ головы Голяшкина. Онъ смотрѣлъ на меня осовѣлыми глазами, ворчалъ что-то про себя, но уже сидѣлъ смирно. Вдругъ раздался трескъ, и гичка наша, сброшенная съ вершины вала на огромный камень,—разбилась.... Мы упали въ море....

Я уже говорилъ, что не выучился плавать. Но, по счастью, это случилось въ виду берега, на мели. Вода была по грудь. Поднявшись на ноги, я сталъ искать глазами Голяшкина.... Онъ стоялъ возлѣ камня, держась за острый его уголь, и подалъ мнѣ одинъ конецъ весла, которое онъ машинально схватилъ въ руки, когда наша гичка разбилась. Оба мы, упавъ въ море нечаянно, хлѣбнули порядочно воды, и это произвело операцію, которая совершенно отрезвила Голяшкина. — Мы стояли за камнемъ, на подвѣтренной его сторонѣ, и волны переливались черезъ насъ. Голяшкинъ

сказалъ мнѣ, чтобъ я пособилъ ему взобраться на камень, чтò я и исполнилъ. Онъ раздѣлся донага, связалъ свое платье въ узелъ, и спрыгнулъ въ море. Бояться ему было нечего, потому-что онъ плавалъ какъ утка. Испытывая глубину весломъ, Голяшкинъ пошелъ впередъ къ берегу, и приказалъ мнѣ держаться за кушакъ, привязанный однимъ концемъ къ его рукѣ, и нести его платье, сказавъ, что если случится глубокое мѣсто, то онъ переплыветъ и перенесетъ меня на себѣ. Не знаю, сдержалъ ли бы онъ свое обѣщаніе, но по счастью въ этомъ не было нужды, и мы дошли, хотя съ величайшимъ трудомъ, до берега. Почти безъ силъ бросились мы на землю.— Мы прошли въ водѣ по грудь и по шею, можетъ-быть съ версту, но еслибъ еще пришлось итти столько, я бы не выдержалъ. Я былъ въ одеждѣ и въ сапогахъ.... Шинель я сбросилъ и тащилъ

за собою въ водѣ. Отдохнувъ нѣсколь-
ко, я снялъ съ себя сапоги, раздѣлся,
и только прикрытый мокрою шинелью,
пошелъ искать убѣжища. Голяшкинъ
тоже пошелъ нагой, прикрывшись каф-
таномъ.

Теперь физіономія всего берега отъ
Петербурга до Ораніенбаума совершенно
измѣнилась. Тогда не было столько дачъ;
иныя деревни стояли на другихъ мѣ-
стахъ, а много чухонскихъ семействъ
жили, по своему древнему обычаю, от-
дѣльно. Мы приобрели въ одну чухон-
скую деревушку, всего въ три двора,
находившуюся по близости моря, на
такъ-называемой *нижней дорогѣ*. Разу-
мѣется, что насъ приняли радушно, за-
топили тотчасъ печь, чтобъ высушить
наше платье и обогрѣть насъ самихъ,
уложили на свѣжей соломѣ, и покрыли
хорошими новыми тулупами. Первый
вопросъ Голяшкина былъ: есть ли по

близости кабака? Къ досадѣ Голяшкина, кабака не было вблизи, и онъ отправилъ парня за виномъ въ двуколесной таратайкѣ. Я далъ денегъ на цѣлое ведро вина и на полсотни калачей, чтобъ угостить всѣхъ жителей этой деревушки, и заснулъ отъ изнеможенія. Голяшкинъ послѣдовалъ моему примѣру.

Голяшкинъ разбудилъ меня часу въ седьмомъ по полудни. Онъ былъ уже одѣтъ и на-веселѣ. Мое платье также высохло. Пока я спалъ, Голяшкинъ успѣлъ, отъ моего имени, угостить всю деревню, всего человѣкъ пятнадцать и съ бабами, и самъ порядкомъ подгулялъ.

— Куда теперь ѣхать, въ Кропштадтъ или въ Петербургъ? спросилъ Голяшкинъ.

— Разумѣется, въ Петербургъ, отвѣчалъ я.

— А мнѣ зачѣмъ туда! возразилъ Го-

ляшкинъ: гичка моя пропала, а вы дождете и безъ меня, сухимъ путемъ. Я вочуюсь въ Кронштадтъ чрезъ Рамбовъ (то есть, Ораніенбаумъ).

— Дѣлай какъ хочешь и какъ знаешь, сказалъ я.

Я нанялъ лошадь съ таратайкой до Петербурга, и простился съ Голяшкинымъ, приказавъ ему никому не говорить о нашемъ приключеніи, и если спросятъ обо мнѣ, отвѣчать всѣмъ, что я поѣхалъ на рейдъ или на косу, къ доктору. Мы разстались.

По счастью, верстахъ въ трехъ отъ деревушки, на большой дорогѣ я нашелъ у харчевни извозничью карету, возвращавшуюся въ Петербургъ безъ сѣдоковъ, и поѣхалъ покойно въ городъ.

Въ Петербургѣ я пробылъ только сутки, не выходя изъ дома моего зятя. Болѣзнь сестры моей, благодаря Бога, приняла благопріятный оборотъ. У нея

былъ нарывъ въ горлѣ, который про-
рвался наканунѣ. Но докторъ, для из-
бѣжанія всякаго волненія, запретилъ мнѣ
видѣться съ сестрою. Я только взгля-
нулъ на нее изъ дверей, во время ея сна,
и отправился въ обратный путь, на га-
ліотѣ съ пенькою.

III.

НѢЖНЫЯ ЧУВСТВА СТАРАГО ВОИНА, МОЕГО НАЧАЛЬНИКА. — ЕГО ОСОБЕННАЯ КО МНѢ МИЛОСТЬ. — ПОЛЬША ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. — РАЗСКАЗЫ МОЕГО НАЧАЛЬНИКА О СУВОРОВѢ И О ПРАГСКОМЪ ШТУРМѢ.

На другое утро явился я къ моему добродушному генералу И. И. фонъ Клугену. Онъ рѣдко улыбался и всегда казался угрюмымъ и серьезнымъ, и надобно было знать его коротко, чтобъ постигнуть всю мягкость и все благородство его души.

— Чѣмъ вы были больны? спросилъ онъ меня.

— Я страдалъ головою болью, отвѣчалъ я.

— Изъ всего я замѣчаю, что вы подвержены частымъ головокруженіямъ, и я совѣтую вамъ серьезно лечиться, потому-

что это можетъ довести васъ до большаго несчастія, возразилъ генераль, отвернувшись, чтобъ скрыть отъ меня улыбку.

Я молчалъ, понявъ намекъ.

— Что-жъ вы дѣлали во время вашей болѣзни? спросилъ генераль, шуточнымъ тономъ.

— Спалъ, отвѣчалъ я.

— А что вамъ снилось? примолвилъ онъ.

— Мнѣ снилось, будто сестра моя была при смерти больна, будто я отправился въ Петербургъ на яликѣ, будто яликъ разбился во время бури, и я едва не утонулъ.

Я рассказалъ генералу мое приключеніе во всей подробности, какъ будто все это было во снѣ.

— Любезный другъ, сказалъ генераль: кто наяву дѣлаетъ глупости, тому снятся страшные сны. Надѣюсь, одна-

ко жъ, что этотъ сонъ, о поѣздкѣ въ Петербургъ, будетъ послѣдній....

Нѣжиѣ и благороднѣе нельзя было поступить, и я далъ слово, что этихъ сновъ больше не будетъ, и сдержалъ мое обѣщаніе.

Съ одной стороны судьба тяготила меня, а съ другой нѣжила. Отецъ родной не могъ бы нѣжиѣе обходиться со мною, какъ обходился мой добрый генераль Иванъ Ивановичъ фонъ Клугенъ!

Внезапно онъ заболѣлъ, отъ простуды, послѣ бала у генерала Ширкова. На старости, каждая болѣзнь сопряжена съ опасностью жизни. Я помѣстился у него и не отходилъ отъ его постели. По счастью, камердинеръ его былъ мнѣ преданъ и позволилъ это. Въ первые дни у генерала были припадки горячки, при совершенномъ упадкѣ силъ. Онъ часто забывался и даже бредилъ. Я самъ давалъ ему лекарство, сидѣлъ при немъ

почи напролетъ, подавалъ питье, и наблюдалъ, чтобъ онъ не раскрывался. Докторъ предписалъ тренія, и я самъ натиралъ его по всему тѣлу. Дней черезъ десять опасность прошла, но я такъ утомился непрерывнымъ бдѣніемъ, и такъ разстроился внутреннимъ потрясеніемъ, что самъ долженъ былъ прибѣгнуть къ совѣтамъ врача. Генералъ чувствовалъ мое самоотверженіе и привязанность, но не сказалъ мнѣ ни одной обычной благодарственной фразы. Когда онъ впервые всталъ съ постели, въ присутствіи врача и нѣсколькихъ изъ своихъ любимыхъ офицеровъ, онъ не хотѣлъ ни чьей помощи, и оперся на меня, пожавъ при этомъ крѣпко мою руку.

— Я не обманулся въ *тебѣ*, прошепталъ онъ.

Съ этихъ поръ онъ началъ называть меня *ты*, а до того всегда употреблялъ *вы*.

Во время выздоравливанія (convalescence), генераль часто проводилъ вечера въ разговорахъ со мною. Какъ всѣ старые воины, онъ любилъ вспоминать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ самъ участвовалъ. Да и можетъ ли быть иначе! Ничего нѣтъ пріятнѣе и сладостнѣе, какъ воспоминаніе минувшихъ трудовъ и опасностей. Кто не терпѣлъ нужды, не рисковалъ жизнью, не бѣдствовалъ, тотъ не можетъ имѣть понятія о счастіи.

Генераль мой, Иванъ Ивановичъ фонъ-Клугенъ, не получилъ основательнаго школьнаго образованія, потому что, по тогдашнему обычаю, вступилъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ въ военную службу. Но онъ надѣленъ былъ отъ природы здравымъ разсудкомъ, котораго нельзя пріобрѣсти ни въ какой школѣ, и находясь при нѣсколькихъ штабахъ, во время своей службы, какъ говорится, по-

патерся, возлѣ людей высшаго образованія. Онъ даже былъ въ пріязни съ знаменитымъ германскимъ писателемъ и единственнымъ практическимъ философомъ, Зейме. Тогда я вовсе не зналъ этого писателя, и слушалъ хладнокровно рассказы генерала объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, бывшемъ сперва воспитателемъ дѣтей у генерала графа Игельстрома, потомъ исправлявшемъ должность его секретаря, въ званіи подпоручика русской службы. Генераль говорилъ мнѣ о великомъ Суворовѣ такія вещи, какихъ я не нашелъ ни въ одной книгѣ, и вѣроятно это мнѣніе сообщено И. И. фонъ Клугену знаменитымъ Зейме.

«Теперь еще рано судить о Суворовѣ,» сказалъ мнѣ однажды генераль. (Это было говорено только девять лѣтъ спустя послѣ смерти героя, скончавшагося 12 мая 1800 года). - «Всѣ ставятъ Напо-

леона выше Суворова, и весьма многіе не только изъ чужеземцевъ, но и изъ своихъ, даже не признають въ Суворовѣ великихъ качествъ полководца, и называютъ его *храбрымъ гренадеромъ*, который побѣждалъ быстрымъ натискомъ и рѣшительностью, не сберегая жизни своихъ храбрыхъ солдатъ. Говорятъ, изъ всѣхъ кампаній Суворова нельзя извлечь ни одного правила для тактики и стратегіи, и что все его искусство ограничивалось: «ура, впередъ, въ штыки!» Въ обвиненіяхъ можетъ быть нѣсколько истины, но обвинители не изслѣдовали причинъ, которыя заставляли Суворова дѣйствовать такъ, а не иначе. Суворовъ только одного Кутузова (Михаила Иларіоновича, въ послѣдствіи фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя) почиталъ Генераломъ способнымъ къ высокимъ стратегическимъ соображеніямъ. Всѣмъ другимъ генераламъ онъ не довѣрялъ. Лю-

бимцевъ своихъ князя Багратиона и генерала Милорадовича, молодыхъ, (*) храбрыхъ, пылкихъ воиновъ, Суворовъ называлъ своими *орлами*, *штыковыми* генералами — но боялся основывать успѣхи на ихъ соображеніяхъ. Онъ уважалъ генераловъ Дерфельдена, Буксгевдена и нѣкоторыхъ другихъ, но довѣрялъ вполне только русской храбрости и побѣждалъ ею, умѣвъ возбудить въ солдатахъ неограниченную къ себѣ довѣренность. — «*Богъ нашъ генералъ!*» повторялъ часто Суворовъ. Но тѣ, которые близко знали Суворова, и съ которыми онъ говорилъ серьезно (а такихъ было весьма немного), утверждаютъ, что Суворовъ не усту-

(*) Въ италіанскую кампанію 1799 года, князю Багратиону было тридцать четыре года отъ рожденія (род. въ 1765 году), а Милорадовичу двадцать девять лѣтъ (род. въ 1770 году).

паль ни одному полководцу въ военномъ искусствѣ, съ тою разницею, что онъ не любилъ раздроблять войско на отдѣльные отряды, но дѣйствовалъ совокупными силами. Хотя Римскій-Корсаковъ и не виноватъ былъ въ претерпѣнномъ пораженіи подъ Цирихомъ, потому-что, вопреки общему плану, оставленъ былъ Австрійцами, но Суворовъ подкрѣплялъ этимъ несчастнымъ событіемъ свою недовѣрчивость къ отдѣльнымъ корпусамъ. — «Германа съѣли въ Голландіи, а Корсакова не доѣли въ Швейцаріи,» сказалъ однажды Суворовъ генералу Дерфельдену, отъ котораго я слышалъ это: а будь онъ при мнѣ съ своимъ корпусомъ — мы бы, чрезъ четыре мѣсяца, воспѣвали вмѣстѣ въ Парижѣ: «Тебе Бога хвалимъ!» — Суворовъ былъ великій мужъ въ полномъ смыслѣ слова, но онъ хотѣлъ дѣйствовать *вездѣ одинъ*, съ своими солдатами, и всѣ свои

побѣды приписывалъ Богу и солдатамъ!» (*)

Это сужденіе о Суворовѣ осталось навсегда въ моей памяти, и когда въ послѣдствіи я сталъ изучать кампаніи этого великаго полководца, то вполне удовольствился въ справедливости сказаннаго генераломъ фонъ-Клугенемъ. Суворовъ точно не любилъ дѣлиться съ другими славою побѣдъ, и дѣйствовалъ болѣе солдатскою храбростію — натискомъ и быстротою, чѣмъ маневрами. Жаль, что Суворову не пришлось сражаться противу Наполеона! Я убѣжденъ, что Суворовъ противу маневрированія Наполеона изобрѣлъ бы противодѣйствіе.

(*) Это доказано теперь собственноручными письмами Суворова къ разнымъ лицамъ, отчасти напечатаннымъ, и свидѣтельствомъ Фукса въ его анекдотахъ о Суворовѣ.

Разсказывая о Финляндской войнѣ, я упомянулъ о происшествіи въ Вазѣ, искаженномъ и преувеличенномъ въ иностран-ныхъ газетахъ. — «Это царапина въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ въ моей жизни!» сказалъ генераль. «Императоръ Александръ заслужилъ на вѣчную славу и на благословеніе потомства за уничтоженіе стариннаго варварства и введеніе человѣколюбія въ войнахъ. Встарину, каждый городъ, взятый штурмомъ, былъ отдаваемъ солдатамъ на ихъ произволь, въ награду за ихъ мужество. Таковъ былъ обычай! А чего можно ожидать отъ разъяреннаго, взбѣшеннаго солдатства! Грабежъ, насилія, убійства оканчивали всегда побѣду. Ты помнишь слова, въ тактикѣ Суворова: «Взялъ городъ, взялъ лагерь — все *твое!*» Признаюсь тебѣ, что я самъ тогда не постигалъ, чтобъ могло быть иначе! Въ жизни моей я былъ два раза въ аду — на штурмѣ

Измаила и на штурмѣ Праги.... Страшно вспомнить!...»

По моей просьбѣ, генераль разсказаль мнѣ нѣкоторыя подробности о штурмѣ Праги и предшествовавшихъ событіяхъ въ Варшавѣ. Сообщая воспоминанія очевидца, я почитаю необходимымъ присокупить нѣкоторыя предварительныя извѣстія о тогдашнихъ польскихъ дѣлахъ, почерпнутыя мною не изъ книгъ, а изъ разсказовъ моего генерала и другихъ наочныхъ свидѣтелей.

Въ политикѣ не имѣютъ мѣста поэзія и чувствительность. Когда идетъ дѣло о пользѣ, спокойствіи, благоденствіи отечества, — хоть плачь, а дѣлай, что нужно. Чудовищное устройство прежней Польши, посреди трехъ самодержавныхъ государствъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, не могло существовать безъ возбужденія въ сосѣдяхъ безпокойства и крайней осторожности. Польское королевство на-

зывалось *Ръчью Посполитою*. Это была эпиграма на республику и на королевство. Король не имѣлъ въ королевствѣ никакой власти, а польскаго народа вовсе не существовало въ республикѣ, потому что средняго сословія изъ туземцевъ вовсе не было, а поселяне были въ угнетеніи и въ рабствѣ. Въ городахъ Нѣмцы и Жиды занимались ремеслами и торговлею, съ весьма малыми исключеніями. Мнимую республику составляло шляхетство, 'то есть дворянство, присвоившее себѣ всю власть, и между шляхетствомъ богатство замѣняло всѣ достоинства. Бѣдное дворянство было подвержено такому же угнетенію, какъ мѣщане и поселяне. Религіозный фанатизмъ, возбужденный Іезуитами, погасившими истинное просвѣщеніе въ Польшѣ, возжегъ взаимную ненависть и раздоры въ дворянскомъ сословіи, которое и явно и тайно вредило общему дѣлу, желая по-

любить личныхъ враговъ своихъ. Всѣ чувствовали недостатки государственнаго устройства, но никто не могъ предпринять улучшеній, потому-что дворянство не хотѣло уступить правъ своихъ, и сеймы не соглашались на увеличеніе податей. Какое же можно предпринять улучшеніе безъ денегъ, безъ войска, безъ повиновенія властямъ? Знаменитый польскій писатель Нарушевичъ, въ своихъ безсмертныхъ сатирахъ вѣрно изобразилъ нравы польскаго шляхетства, въ осемнадцатомъ вѣкѣ.

Всѣ польскіе писатели, даже эмигранты, писавшіе по внушенію страстей о дѣлахъ Польши, единогласно сознаются, что въ осемнадцатомъ вѣкѣ развратъ (corruption) политическій и правительственный (административный) былъ въ Польшѣ на высочайшей степени! Жаловались и жалуется на вмѣшательство иностранныхъ державъ въ дѣла тогдаш-

ней Польши, а кто же приглашалъ къ этому чужеземныя державы, если не самъ Король Польскій и не польскіе паны! Значительнѣйшіе вельможи, изъ корыстныхъ видовъ, предлагали свои услуги иностраннымъ державамъ, противу выгодъ собственнаго отечества; другіе дѣйствовали въ цѣли сверженія съ престола короля Станислава Августа и пріобрѣтенія для себя королевскаго достоинства. Вся Польша была раздѣлена на партіи, безъ единства власти и воли. Обвинять некого — сами Поляки во всемъ виноваты! Не стану повторять уже извѣстнаго и возобновлять упреки, руководствуясь правиломъ умнаго Капфига (Carpesfigue): «le respect du malheur est un des plus nobles instincts de la nature humaine.»

Само по себѣ разумѣется, что и въ тогдашней Польшѣ, какъ и въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, были люди ум-

ные, честные и благомыслящие; но они вездѣ, хотя бы даже составляли большинство, не могутъ противостоятъ буйнымъ порывамъ страстей, возжигаемыхъ въ массѣ народа интригантами, проидо-хами, корыстолюбцами и эгоистами.

Къ стыду человѣчества, благородный Андрей Замойскій, предложившій на Сеймѣ 1780 года уничтоженіе *liberum veto* (pierozwalam) и подтвержденіе правъ для средняго и сельскаго сословія, былъ объявленъ *измѣнникомъ отечества!* И гдѣ же? въ Польшѣ, называвшейся республикою! Французская революція 1789 года вскружила умы воспламенительныхъ Поляковъ, и въ Польшѣ составила сильная партія, подъ вліяніемъ аббата Гугона Коллонтая, для преобразованія всѣхъ государственныхъ учрежденій. Но за дѣло принялись не такъ какъ слѣдовало, и вмѣсто учрежденія сильныхъ монархическихъ началъ, могшихъ успо-

коить сосѣднія государства, принялись распространять якобинскія правила, и учредили политическую пропаганду, которая угрожала сосѣднимъ государствамъ. Свобода книгопечатанія, не зная никакихъ предѣловъ приличія, оскорбляла личность всѣхъ, и даже сосѣднихъ Государей, угрожая всѣмъ престоломъ. Такое положеніе государства не могло быть терпимо тремя сильными сосѣдями, и рѣшено было, по плану, составленному прежде Фридрихомъ-Великимъ, уничтожить гнѣздо раздора и пропаганды въ восточной Европѣ.

Не стану описывать народнаго возстанія, избравшаго въ начальники Костюшку. Добродѣтельный, благородный, но мягкій и добродушный Костюшко былъ не способенъ къ управленію народомъ въ это время. Всю власть присвоили себѣ якобинцы, вопреки общему мнѣнію, предоставляя Костюшкѣ борьбу съ инозем-

ными войсками въ открытомъ полѣ. Боясь лишиться любви народной и его довѣренности (*popularité*), Костюшко хотя неохотно, утверждалъ всѣ дѣйствія временнаго революціоннаго правленія, которое подражало рабски Французскому Національному Конвенту. Непостижимо, какъ умные и степенные люди въ Польшѣ могли подписывать, безъ смѣха, публичные акты, съ заголовками: *вольность, равенство, независимость* (въ подражаніе французскимъ: *liberté, égalité, fraternité*), и какъ порядочные люди могли читать это безъ негодованія! Стоило только оглянуться кругомъ, или вспомнить о Польскихъ селахъ и городишкахъ или мѣстечкахъ, чтобъ убѣдиться, что все это вздоръ и одна болтовня!

Двоюродный дядя мой Станиславъ Булгаринъ, Староста Яловскій, человекъ умный и положительный, отличавшійся въ зрѣлыхъ лѣтахъ искреннею предан-

ностью къ Русскому правленію, и поставившій даже въ обязанность четыремъ своимъ племянникамъ (дѣтямъ двухъ своихъ сестеръ) графу Михаилу Тиману и тремъ Гоувальтамъ (Северину, Жоржу и Христофору) служить въ русской военной службѣ, подь опасеніемъ лишенія наследства, — рассказывая мнѣ многое о послѣднемъ возстаніи, подь начальствомъ Костюшки, сообщилъ между прочимъ слѣдующій анекдотъ: «Не могу вспомнить безъ жалости и безъ смѣха, сказалъ мнѣ дядя: «до какой степени мы, молодые люди тогдашняго времени, были глупы и заблуждены! Я служилъ волонтеромъ въ войскѣ, и находился въ свитѣ Костюшки, при его особѣ. Однажды, когда у Костюшки, стоявшаго лагеремъ возлѣ Воли (близъ Варшавы), было много гостей, за обѣдомъ полученъ пукъ Парижскихъ газетъ, провезенныхъ тайно черезъ Германію. Костюшко

вскрылъ пакетъ и, заглянувъ въ газеты, бросилъ ихъ на полъ, воскликнувъ: «Робеспьеръ погибъ!» Мы вѣрили тогда въ величіе и филантропію этого кроваваго эгоиста, и надѣялись, что онъ, сдѣлавшись диктаторомъ Франціи, вышлетъ намъ на помощь войско! Глупѣе и несбыточнѣе этого ничего не могло быть на свѣтѣ, но мы вѣрили, потому что тогдашніе правители Польши увѣряли насъ въ этомъ! Смерть Робеспьера, котораго я растерзалъ бы теперь собственными руками, до такой степени поразила меня, что я вышелъ изъ-за стола, удалился въ садикъ, примыкавшій къ квартирѣ Костюшки, и заплакалъ навзрыдъ! Самъ по себѣ я былъ *ничто*, но я выражалъ мнѣніе высшаго круга....»
Спрашивается, послѣ этого, какими глазами должны были смотрѣть Россія, Австрія и Пруссія на Польшу, ожидавшую спасенія отъ Робеспьера?

Французская революція до такой степени ослѣпила тогдашнихъ польскихъ политиковъ, что они вообразили, будто Польша можетъ, подобно Франціи, бороться съ тремя державами! Въ подражаніи Франціи недоставало въ Польшѣ только самоуправства черни и кровопролитія — и это сочинили Польскіе якобинцы въ Варшавѣ!

Въ Варшавѣ было около осьми-тысячъ Русскихъ войскъ, введенныхъ по желанію Короля и партіи пановъ, искавшихъ Русскаго покровительства. Русское войско было подъ начальствомъ генерала барона Игельстрема, который въ то же время былъ Русскимъ посломъ при королѣ Станиславѣ Августѣ.

Двуличіе, нерѣшительность и слабодушіе Короля не могли возбудить къ нему уваженія Русскихъ сановниковъ, находившихся при немъ въ разное время, въ званіи пословъ. Князь Рѣпинъ,

графъ Штакельбергъ и баронъ Игельстремъ обходились съ Королемъ не только безъ обиняковъ, но часто весьма круто, не соблюдая ни въ бумагахъ, ни въ словахъ, ни въ поступкахъ, извѣстныхъ дипломатическихъ формъ, отличающихся утонченностью и вѣжливостью, даже въ самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ между Дворами. Польское общество основано было въ то время на интригахъ, и почти каждый Польскій дворянинъ, участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ, по выборамъ или по королевскому назначенію, помышлялъ болѣе о себѣ, чѣмъ объ отечествѣ, стремясь единственно къ пріобрѣтенію староствъ или доходныхъ мѣстъ. Баронъ Игельстремъ, находясь въ тѣсной связи съ одною изъ первыхъ красавицъ того времени, графинею Залусскою (урожденною Піотровичевою), на которой впоследствии женился, увлеченъ былъ въ борьбу партій и вмѣши-

вался въ частныя и въ административныя дѣла Польши, не имѣвшія ни какого отношенія къ политикѣ, дѣйствуя самовластно, то есть, заставляя Короля поступать по желанію графини Залуской. Она господствовала въ Польшѣ, раздавала мѣста, староства, ордена и денежныя награды. Возстала противу этой власти сильная партія, и началась явная борьба.

Европейскіе писатели истожились въ изображеніи характеровъ, и наконецъ должны были прибѣгнуть къ уродливымъ вымысламъ; но есть еще нѣкоторые характеры, ускользнувшіе отъ проницательности авторовъ. Самый любопытный характеръ — это характеръ *дъловой Польки*. Первый Польскій поэтъ Мицкевичъ, въ Литовской балладѣ *Три Будрыса* (Trzeci Budrysow), воспѣвая любезность Полекъ, сравнилъ ихъ съ *молодыми кошечками*. Я принимаю это

сравненіе въ полномъ и настоящемъ его смыслѣ. Всѣ звѣри кошачьей породы, отъ кошки до тигра и леопарда, чрезвычайно красивы и ловки во всѣхъ движеніяхъ—но это самая коварная порода изъ всѣхъ хищныхъ породъ. Кошка укрощена человѣкомъ, и сдѣлалась домашнимъ животнымъ, но она сохранила много инстинктовъ своей породы, особенно коварство; она боится человѣка равнодушнаго къ ней, и царапаетъ только тѣхъ, которые ее любятъ, ласкаютъ и играютъ съ нею. Каждый Самсонъ, пришедшій въ Польшу, нашелъ свою Лейлу, каждый Геркулесъ имѣлъ свою Деяпиру.

Среди интригъ, возбуждаемыхъ корыстью и самолюбіемъ, образовался заговоръ къ всеобщему возстанію въ Польшѣ и къ избавленію ея отъ всякаго чужеземнаго вліянія, то есть предпринято дѣло и нравственно и физически невоз-

можное. Заговорщики вознамѣрились подать примѣръ истребленіемъ Русскихъ войскъ, находившихся въ Варшавѣ. Гугонъ Колонтай, душа заговора, почитается человѣкомъ умнымъ, но гдѣ былъ умъ его, когда онъ выдумалъ это! Уже ли онъ и его сообщники не предвидѣли, какія послѣдствія повлечетъ за собою поступокъ, который ни чѣмъ не могъ быть оправданъ! Заговорщики должны были предвидѣть, что честь Россіи потребуетъ примѣрнаго отмщенія за измѣнническое избіеніе воиновъ, безъ предвѣдомленія о пачати военныхъ дѣйствій, и что слабая Польша должна погибнуть.... Удивительное ослѣпленіе!

Основаніе этого заговора казалось генералу Игельстрему такъ глупо, что онъ сперва вовсе не вѣрилъ предостереженіямъ графини Залусской, полагая, что ее страшатъ, чтобъ заставить его удалиться съ войскомъ изъ Варшавы. Въ

этомъ миѣннн онъ еще болѣе укрѣпился, когда Король посовѣтовалъ ему выступить изъ Варшавы, для предупрежденія кровопролитія. Однако жъ баронъ Игельстремъ приказалъ войску быть осторожнымъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удвоилъ караулы, далъ имъ пушки, и наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ Польскихъ пановъ, приверженцевъ Россіи, рѣшился взять подъ стражу самыя подозрительныя лица. Это долженствовало быть $\frac{6}{18}$ апрѣля (1794 года).

Бунтъ въ Варшавѣ вспыхнулъ наканунѣ, $\frac{5}{17}$ апрѣля, въ три часа утра. Польскія регулярныя войска, вмѣстѣ съ взбунтованными гражданами напали внезапно на Русскіе караулы, овладѣли арсеналомъ и пороховымъ магазиномъ, роздали оружіе и боевые патроны народу, и сраженіе сдѣлалось общимъ. Генераль Игельстремъ не предвидѣлъ такой скорой развязки. Русское войско было

раздроблено на малые отряды, между которыми пресѣчено было всякое сообщеніе. Это именно способствовало успѣху возстанія. Домъ, который занималъ генералъ Игельстремъ, былъ атакованъ и защищаемъ съ величайшимъ съ обѣихъ сторонъ упорствомъ, и наконецъ взятъ бунтовщиками. Генерала Игельстрема спасла графиня Залусская и нереодѣтаго вывезла изъ Варшавы. Русскіе, пробиваясь штыками чрезъ толпы мятежниковъ, должны были выступить изъ Варшавы. По отступающимъ Русскимъ стрѣляли изъ оконъ и съ крышъ домовъ, бросали на нихъ бревна и все, что можетъ причинить вредъ, и изъ 8000 Русскихъ погибло 2,200 человекъ, а въ плѣнъ взято 260, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ дамъ и дипломатическихъ чиновниковъ. Нѣсколькими днями позже, то же самое повторилось въ Вильнѣ, гдѣ было Русскихъ до 3,000 человекъ, подъ началь-

ствомъ генерала Арсеньева, который былъ убитъ во время мятежа.

Поляки, бывшіе въ Варшавѣ во время бунта, говорятъ, что если бъ Русскій отрядъ былъ сосредоточенъ, имѣлъ при себѣ всю свою артиллерію, и если бъ арсеналь и пороховой магазинъ были во власти Русскихъ, что было весьма легко, то возстаніе было бы усмирено при самомъ его началѣ.

Революціонеры не довольствовались событіями $5/17$ и $6/18$ апрѣля; имъ надобно было повторить Парижскія сцены *времени ужаса* (*temps de la terreur*) во всей ихъ красѣ — и это сбылось, $16/28$ іюня. Взбунтованная клубистами Варшавская чернь потребовала наказанія Польскихъ пановъ, взятыхъ подъ стражу $5/17$ и $6/18$ апрѣля, по подозрѣнію въ преданности Русскому правительству и въ слѣдствіе сношеній съ Русскимъ посольствомъ, что обнаружилось по пересмотрѣ бумагъ,

найденныхъ въ домѣ генерала Игель-стрема. Когда революціонное правленіе отказалось наказывать безъ слѣдствія и суда, чернь, предводительствуемая клубистами, ворвалась въ тюрьму и повѣсила, всенародно, до двѣнадцати Польскихъ пановъ. Въ Вильнѣ повторилось то же. Тамъ не пощадили даже Епископа, изъ значительной Литовской фамиліи. Едва ли не первый примѣръ въ Католическомъ государствѣ, что Епископъ предавъ былъ всенародно позорной казни!

Къ чести Костюшки должно сказать, что онъ не только не одобрилъ этого звѣрскаго самоуправства революціонеровъ, но даже приказалъ повѣсить въ Варшавѣ семерыхъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, и обезоружить Варшавскихъ гражданъ, а тайнымъ предписаніемъ временному правленію велѣлъ составить отрядъ національной гвардіи изъ самыхъ отчаянныхъ забіякъ и помѣ-

ститъ на опаснѣйшихъ пунктахъ Прагскихъ укрѣпленій. Въ прокламаціяхъ къ народу Костюшко изобразилъ рѣзко всю гнусность поступка черни и ея поджигателей, и угрожалъ беспощаднымъ наказаніемъ за всякое самоуправство, равно какъ и за оскорбленіе плѣнныхъ.

Но три сосѣднія державы уже рѣшили участь Польши. Костюшко разбитый сперва подъ Щекотинами, Пруссакими, а потомъ подъ Мацѣвицами, генераломъ барономъ (потомъ графомъ) Ферзенемъ, взятъ въ плѣнъ. Краковъ находился уже во власти Пруссаковъ, а Суворову поручено было кончить дѣло, разъ навсегда.

Разбивъ отдѣльные отряды въ Литвѣ, Суворовъ быстро подступилъ къ Прагѣ, гдѣ собрано было лучшее Польское войско и находились всѣ самые пламенные патріоты, рѣшившіеся побѣдить или умереть. Начальникомъ народа, вмѣсто Ко-

стюшки, былъ избранъ Тома (Thomas) Ваврежцкій, также Литовець родомъ.

У Суворова было отъ 22,000 до 25,000 всего войска и 80 орудій. Защитники Праги ни какъ не полагали, чтобъ съ этими силами Суворовъ рѣшился на приступъ укрѣплений, защищаемыхъ 200 пушками и до 30,000 храбрыхъ воиновъ и охотниковъ. Думали, что Суворовъ ограничится осадою или блокадою Праги — и не унывали, надѣясь, что всеобщее возстаніе народа и дипломатическое вмѣшательство Франціи дастъ другой оборотъ дѣлу. И вдругъ (²²/₃ октябръ ноябръ) Русское войско неожиданно появилось подъ стѣнами Праги, и стало лагеремъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣплений.

Теперь приведу разсказъ очевидца, генерала фонъ Клугена, въ такомъ видѣ, какъ это повѣствованіе осталось въ моей памяти.

«Когда мы остановились въ виду укрѣ-

пленій, Поляки выстрѣлили въ насъ залпомъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Это былъ сигналъ, чтобъ всѣ Варшавскіе охотники и народная гвардія собрались въ Прагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ показать намъ свою силу. На земляномъ валѣ чернѣлись толпы народа, блестя оружіе, и раздавались громкіе клики. Нѣсколько сотъ наѣздниковъ выѣхали изъ Праги, и стали фланкировать съ нашими казаками и легкоконцами. Тѣмъ дѣло и кончилось въ тотъ день. Въ сумерки отданъ былъ приказъ готовиться къ штурму и вязать фашины. Всю ночь провели мы не смыкая глазъ. Все наше войско раздѣлено было на семь деташементовъ, или, какъ теперь говорятъ, колоннъ. Наша артиллерія выстроилась впереди. Въ пять часовъ утра, когда было еще темно, въ воздухѣ взвилась сигнальная ракета и войско двинулось впередъ. Передъ каждымъ деташе-

ментомъ шла рота отличныхъ застрѣльщиковъ и двѣ роты несли лѣстницы и фашины. На разстояніи картечнаго выстрѣла наша артиллерія дала залпъ и потомъ начала стрѣлять черезъ пушку. Съ укрѣпленій также отвѣчали ядрами. Когда мракъ прояснился, мы увидѣли, что Прагскія укрѣпленія во многихъ мѣстахъ разсыпались отъ нашихъ ядеръ. Вокругъ Праги грунтъ песчаный, и не смотря на то, что укрѣпленія обложены были дерномъ и фашинами, они были не прочны.

Вдругъ въ средней колоннѣ раздался крикъ: впередъ! ура! Все войско повторило это восклицаніе, и бросилось въ ровъ и на укрѣпленія. Ружейный огонь запылалъ на всей линіи, и свистъ пуль слился въ одинъ вой. Мы пробирались по тѣламъ убитыхъ и не останавливаясь ни на минуту взобрались на окопы. Тутъ началась рѣзня. Дрались штыками, при-

кладами, саблями, кинжалами, ножами — даже грызлись! Лишь только мы взлѣзли на окопы, бывшіе противу насъ Поляки, давъ залпъ изъ ружей, бросились въ наши ряды. Одинъ Польскій дюжій монахъ, весь облитый кровью, схватилъ въ охапку капитана моего баталіона, и вырвалъ у него зубами часть щеки. Я успѣлъ въ пору свалить монаха, вонзивъ ему въ бокъ шпагу, по эфесъ. Человѣкъ двадцать охотниковъ бросились на насъ съ топорами, и пока ихъ подняли на штыки, они изрубили много нашихъ. Мало сказать, что дрались съ ожесточеніемъ, нѣтъ — дрались съ остервенѣніемъ и безъ всякой пощады. Намъ невозможно было сохранить порядокъ, и мы держались плотными толпами. Въ нѣкоторыхъ бастіонахъ Поляки заперлись, окруживъ себя пушками. Мнѣ велѣно было атаковать одинъ изъ этихъ бастіоновъ. Выдержавъ картечный огонь

изъ четырехъ орудій, мой баталіонъ бросился въ штыки на пушки и на засѣвшихъ въ бастіонѣ Поляковъ. Горестное зрѣлище поразило меня при первомъ шагѣ! Польскій генераль Ясинскій, храбрый и умный, поэтъ и мечтатель, котораго я встрѣчалъ въ Варшавскихъ обществахъ и любилъ, — лежалъ окровавленный на пушкѣ. Онъ не хотѣлъ просить пощады, и выстрѣлилъ изъ пистолета въ моихъ гренадеръ, которымъ я велѣлъ поднять его.... Его закололи на пушкѣ. Ни одна живая душа не осталась въ бастіонѣ — всѣхъ Поляковъ перекололи....

«Та же участь постигла всѣхъ, оставшихся въ укрѣпленіяхъ, и мы, построившись, пошли за бѣгущими на главную площадь. Въ насъ стрѣляли изъ оконъ домовъ и съ крышъ, и наши солдаты, врываясь въ дома, умерщвляли всѣхъ, кто имъ ни попадался.... Оже-

сточеніе и жажда мести дошли до высочайшей степени.... офицеры были уже не въ силахъ прекратить кровопролитіе.... Жители Праги, старики, женщины, дѣти бѣжали толпами передъ нами къ мосту, куда стремились также и спасшіеся отъ нашихъ штыковъ защитники укрѣпленій — и вдругъ раздались страшные вопли въ бѣгущихъ толпахъ, потомъ взвился дымъ и показалось пламя... Одинъ изъ нашихъ отрядовъ, посланный по берегу Вислы, ворвался въ окопы, зажегъ мостъ на Вислѣ, и отрѣзалъ бѣгущимъ отступленіе.... Въ ту же самую минуту раздался ужасный трескъ, земля поколебалась, и дневный свѣтъ померкъ отъ дыма и пыли.... пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ.... Прагу подожгли съ четырехъ концовъ, и пламя быстро разлилось по деревяннымъ строеніямъ. Вокругъ насъ были трупы, кровь и огонь....

«У моста настала снова рѣзня. Наши солдаты стрѣляли въ толпы, не разбирая никого — и пронзительный крикъ женщинъ, вопли дѣтей наводили ужасъ на душу. Справедливо говорятъ, что пролитая человѣческая кровь возбуждаетъ родъ опьяненія. Ожесточенные наши солдаты въ каждомъ живомъ существѣ видѣли губителя нашихъ, во время возстанія въ Варшавѣ. «Нѣтъ никому пардона!» кричали наши солдаты — и умерщвляли всѣхъ, не различая ни лѣтъ ни пола....

«Нѣсколько сотъ Поляковъ успѣли спастись по мосту. Тысячи двѣ утонуло, бросившись въ Вислу, чтобъ переплыть. Взято въ плѣнъ до полуторы тысячи человекъ, между которыми было множество офицеровъ, нѣсколько генераловъ и полковниковъ. Большаго труда стоило Русскимъ офицерамъ спасти этихъ несчастныхъ отъ мщенія нашихъ солдатъ.

«Въ пять часовъ утра мы пошли на штурмъ, а въ девять часовъ уже не было ни Польскаго войска, защищавшаго Прагу, ни самой Праги, ни ея жителей.... Въ четыре часа времени совершилась ужасная мечь за избіеніе нашихъ въ Варшавѣ!

«Мы тогда не знали ни своей, ни не-пріятельской потери. Послѣ уже прочли мы въ донесеніяхъ главнокомандующаго, что въ Прагѣ погибло болѣе тринадцати-тысячъ Поляковъ, и что у насъ убито восемь офицеровъ и шестьсотъ рядовыхъ; ранено двадцать—три офицера и до тысячи человѣкъ. Двѣстѣ пушекъ, гаубиць, мортиръ, бывшихъ на укрѣпленіяхъ и множество знаменъ составляли нашу военную добычу. Такого пораженія и такой потери Польша никогда еще не испытала.... Это былъ послѣдній ударъ, кончившій ея политическое существованіе....»

Добрый генераль, рассказывая миѣ о Прагскомъ штурмѣ, былъ въ сильномъ волненіи, и даже нѣсколько разъ утиралъ слезы.—«Адъ, сущій адъ!» повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Вы, любезные мои читатели, безъ сомнѣнія, не разъ слышали шуточную поговорку: «Русскому здорово, Нѣмцу смерть!» Генераль фонъ-Клугенъ увѣрялъ меня, что эта поговорка родилась на Прагскомъ штурмѣ. Наши солдаты, разбивъ аптеку, уже объятую пламенемъ, вынесли на улицу бутылъ, попробовали, что въ ней находится, и стали распивать, похвалявая: славное, славное вино! Въ это время проходилъ мимо коноваль нашей артиллеріи, родомъ изъ Нѣмцевъ. Думая, что солдаты пьютъ обыкновенную водку, коноваль взялъ чарку, выпилъ душкомъ—и тутъ же свалился, а черезъ нѣсколько времени и умеръ. Это былъ спиртъ!

Когда Суворову донесли объ этомъ происшествіи, онъ сказалъ: «Вольно же Нѣмцу тягаться съ Русскими! Русскому здорово, а Нѣмцу смерть!» Эти слова составили поговорку.

Повторилъ ли Суворовъ старое и забытое, или изобрѣлъ новую поговорку, за это не ручаюсь; но говорю что слышалъ.

IV.

Старинное Русское военное хлѣбосоольство. — Дов-
рый и любезный антиподъ моего начальника. —
Я принужденъ быть стихотворцемъ. — Последняя
перемѣна квартиры. — Польскія шляхтянки и ихъ
характеристика. — Русская торговля и контра-
банда, въ слѣдствіе континентальной системы. —
Жизнь лѣвой стороны Кронштадтскаго жен-
скаго общества. — Предтеча натуральной
школы. — Кронштадтскій каторжный дворъ. —
Типы старинныхъ разбойниковъ. — Комическая
сцена съ дикимъ французомъ. — Окончательная
участь дикаря и его жены. — Лифляндія и Ревель,
за сорокъ лѣтъ предъ симъ. — Я оставляю воен-
ную службу.

Совершенную противоположность съ
тихостью, скромностью и уединеніемъ
генерала фонъ-Клугена составлялъ ха-
рактеръ инспектора первыхъ трехъ мор-
скихъ полковъ и шефа перваго морскаго

полка генераль-маіора Павла Семеновича Ширкова. Генераль Ширковъ былъ образецъ (типъ) русскихъ генераловъ и полковыхъ командировъ прошлаго столѣтія. Нынѣшнее поколѣніе не можетъ имѣть понятія о томъ, что значила стоянка полка въ провинціальномъ городѣ и его окрестностяхъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй. Полки, особенно кавалерійскіе и артиллерія приносили большіе доходы полковникамъ и генераламъ — а каждый Русскій дворянинъ почиталъ своею обязанностью проживать всѣ свои доходы. Исключенія изъ этого правила были чрезвычайно рѣдки, и относились болѣе къ Нѣмцамъ. Гдѣ стоялъ полкъ, тамъ непрерывно бывали балы, обѣды, вечеринки, продолжавшіеся ночи напролетъ. Музыка и пѣсенники ежедневно забавляли городскихъ жителей или помѣщиковъ. На пирахъ было разливное море!

Такъ жилъ и генераль Ширковъ въ Кронштадтѣ. По странному случаю я сблизился съ нимъ. Замысливъ дать пиръ, съ баломъ, фейерверкомъ и всѣми возможными сюрпризами одному важному лицу, Ширкову понадобилсь стихи. Ему сказали, что я *сочинитель!* Въ Уланскомъ полку прослылъ я поэтомъ за пустые стишки, которые писалъ иногда для забавы нашего офицерскаго общества. Это были большею частію посланія къ друзьямъ. Эти стихи не могли бы выдержать печати — но пріятелямъ моимъ они нравились, а что всего удивительнѣе, многіе изъ товарищей моихъ удержали въ памяти, до своей старости, нѣкоторые изъ моихъ стиховъ, и при встрѣчѣ припоминаютъ ихъ мнѣ! Къ этому разряду стиховъ принадлежитъ посланіе, начинающееся стихомъ:

«Трепещетъ Стрѣльна вся» и прочее.

Ширковъ пригласилъ меня къ себѣ,

принялъ чрезвычайно ласково, и объявилъ о своемъ желаніи. На другой же день я принесъ ему пѣсню, которая немедленно положена была на музыку и разучена пѣсенниками. Пѣсня (*) имѣла большой успѣхъ, и нѣсколько разъ была повторена предъ знаменитымъ гостемъ. Я не былъ на этомъ пиршествѣ, хотя и былъ приглашенъ генераломъ

(*) Я удержалъ въ памяти нѣсколько куплетовъ, и не изъ авторскаго самолюбія, но чтобъ показать духъ тогдашняго времени, сообщаю здѣсь начало пѣсни:

«Сильный вѣрой и присягой,
Добрый Русскій нашъ народъ,
Кровь свою прольетъ съ отвагой
За священный Царскій родъ.

Жизнь солдата въ Царской волѣ,
Всѣ умремъ мы за Царя!
Рады драться въ чистомъ полѣ,
И не страшны намъ моря!» и прочее.

Ширковымъ, но на третій день явился къ нему къ обѣду, по приглашенію. Генераль Ширковъ разцѣловалъ, расхвалилъ меня, предложилъ даже тостъ за мое здоровье, а послѣ обѣда повелъ въ свой кабинетъ, и обѣщалъ мнѣ свое ходатайство и покровительство, что и исполнилъ. Искренно сожалѣлъ я объ немъ, когда въ послѣдствіи узналъ о постигнувшемъ его несчастіи, слѣдствіи непреоборимой его страсти къ гостепріимству, увлекшей его за предѣлы долга. Онъ кончилъ жизнь въ уединеніи, у своихъ родственниковъ. Ширковъ истратилъ казенныя суммы, въ надеждѣ пополнить ихъ изъ наслѣдства, которое приходилось ему послѣ престарѣлаго родственника. Но родственникъ отказалъ нажитыя имъ деньги другому — и Ширковъ попалъ въ бѣду. Всѣ сожалѣли о Ширковѣ, но помочь было ему невозможно. Законы выше всѣхъ частно-

стей — и чѣмъ выше человѣкъ поставленъ въ свѣтѣ, тѣмъ примѣръ спусхожденія пагубнѣе.

Мнѣ, наконецъ, наскучило жить у Голяшкина, и я переѣхалъ къ земляку моему, таможенному чиновнику. Онъ занималъ весьма порядочный домъ, и уступилъ мнѣ двѣ комнаты. За квартиру, съ мебелью, съ кушаньемъ, и притомъ отличнымъ, съ мытьемъ моего бѣлья, я платилъ въ мѣсяць *пятьдесятъ* рублей ассигнаціями. И это въ то время почиталось не дешево! Никогда я не жилъ такъ покойно и даже такъ роскошно, какъ въ это время, у земляка моего Магусевича. Родственница его, Польская хозяйка, въ полномъ смыслѣ слова, Марія Петровна Бржезинская (*), вдова,

(*) Замѣчательно, что Марія Петровна была нѣсколько лѣтъ домоправительницею или хозяйкою у Ивана Андреевича Крылова, до его всемірной

всю славу свою поставляла въ пригото-
вленіи вкусныхъ блюдъ, и столъ ея
былъ истинно превосходный. Скажу ми-
моходомъ, что въ двадцатыхъ годахъ,
я встрѣтилъ въ Петербургѣ свою Крон-
штадскую хозяйку, которая по смерти
своего родственника содержала столъ
для чиновниковъ, за весьма умѣренную
цѣну, и по смерти была оплакана своими
пенсіонерами. Во время пребыванія мое-
го въ Кронштадтѣ, у Маріи Петровны
была дочь, красавица, которая жила то-
гда въ Петербургѣ, и пріѣзжала доволь-
но часто въ гости къ матери. Эта дочь

извѣстности и знаменитости, то есть, до того вре-
мени, какъ онъ началъ писать басни. Марія Пе-
тровна даже не подозрѣвала, что Крыловъ чело-
вѣкъ гениальный и называла его просто *чиновни-
комъ* и *созинителемъ*. Когда я, въ наше знаком-
ство съ Крыловымъ, вспомнилъ о Марьѣ Петровнѣ,
онъ сказалъ: «Славная женщина! она раскормила
меня!»

вышла потомъ замужъ за артиллерійскаго полковника Ч—ва. Упоминаю объ этомъ. чтобъ сказать, что дочь Маріи Петровны была *образцовая полька*, ловкая, милая, веселая. Безъ всякаго школьнаго воспитанія, она могла занять умнаго человѣка и быть душею общества. Можно сказать, что я изучалъ природу Польской женщины надъ характерами этихъ двухъ Полекъ, пожилой женщины и молодой дѣвушки. Женщины высшаго сословія во всей Европѣ, особенно въ восточной ея части, приняли всѣ манеры Француженокъ, и Польскія политическія дамы, о которыхъ я говорилъ выше, по наружности тѣ же Француженки. Но истинный, природный характеръ Польской женщины сохранился только между небогатою шляхтою. Первою обязанностью своею, отъ которой ни одна Польшка не позволяетъ себѣ уклоняться, почитаютъ онѣ стараніе нравиться

всѣмъ окружающимъ ихъ, а второю обязанностью — умѣть занять каждаго и каждую, съ которыми должно водиться, примѣняясь къ каждому возрасту, къ каждому характеру, къ каждому вкусу. Я никакъ не постигаю, какимъ образомъ я находилъ удовольствіе, бесѣдуя, по нѣскольку часовъ сряду, съ дочерью Марьи Петровны о ея канарейкахъ, нарядахъ и тому подобномъ. Ловкая Полька, зная какъ пріятно воину вспоминать о сраженіяхъ, заставляла меня рассказывать про битвы и ужасы войны, и казалась не только внимательною къ моему повѣтствованію, но даже тронутую.... Разумѣется, что это льстило моему самолюбію, и я восхищался умомъ и чувствомъ моеѣ слушательницы. Есть много примѣровъ, что бѣдныя Польскія шляхтянки, не получивъ вовсе свѣтскаго воспитанія, вошедъ чрезъ замужество въ высшій кругъ общества, инстинктомъ

своимъ постигли всѣ его тайныя пружины, и заняли въ немъ блистательное мѣсто, исполнивъ необходимое и непреложное условіе, то есть: выучившись говорить по-Французски. Въ это время дочь Маріи Петровны училась по-Французски, зная уже хорошо Русскій языкъ. Если бъ ей суждено было занять мѣсто въ высшемъ кругѣ, она, безъ всякаго сомнѣнія, обратила бы на себя общее вниманіе.

Школа моя была — свѣтъ, и большую часть того, что я знаю, я изучилъ на практикѣ, прежде чѣмъ прикоснулся къ теоріи. Въ каждомъ кругу, въ который судьба бросала меня, я наблюдалъ, изучалъ, спрашивалъ, и потомъ искалъ въ книгахъ основанія и правилъ. Живя у таможеннаго чиновника, я часто бесѣдовалъ съ нимъ и съ его товарищами о тогдашнемъ состояніи торговли. Всѣ жаловались на ея упадокъ, а таможен-

ные чиновники жили припѣваючи! Когда трава выгоритъ отъ засухи и овцы ищутъ корма врозь — волкамъ привольное житье!

Наполеонъ, убѣдившись, что нѣтъ никакихъ средствъ принудить Англію къ заключенію мира съ Франціею, на основаніи его системы, рѣшился употребить крайнія мѣры и уничтожить ея торговлю. Для этого онъ выдумалъ континентальную систему и завелъ дружескія связи съ Персіею, чтобъ оттуда напасть на Англійскія Остъ-индскія владѣнія. По Тильзитскому миру Россія пристала къ континентальной системѣ, заключавшейся въ томъ, чтобъ прекратить всѣ торговыя сношенія твердой земли (continent) съ Англіею, запретить гавани не только для ея кораблей, но даже не дозволять ввоза Англійскихъ товаровъ и произведеній Англійскихъ колоній на корабляхъ дружескихъ дер-

жавъ. Эти мѣры были отяготительны для всей Европы, а болѣе всего ощутельны были для Россіи. Въ то время Русская фабричная и мануфактурная промышленность была въ самомъ плохомъ состояніи, такъ сказать, въ колыбели. Въ Россіи изготовлялись только издѣлія для употребленія простаго народа. Помѣстное дворянство, чиновники и достаточные купцы употребляли товары Англійскіе и отчасти Французскіе. Ни одинъ порядочный человѣкъ не носилъ платья изъ Русскаго сукна, и ни одна женщина изъ образованнаго сословія не могла, хотя бы и желала, употребить Русскія издѣлія для своихъ нарядовъ. Русское издѣліе и дурное издѣліе были синонимы, и притомъ по всей справедливости. Всѣ издѣлія Англійскихъ фабрикъ и мануфактуръ были чрезвычайно дешевы, гораздо дешевле и лучше даже нынѣшнихъ Русскихъ издѣлій, которыя

мы хвалимъ теперь, отчасти потому что нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій точно хороши, а болѣе восхваляемъ изъ патріотисма. Главный недостатокъ Русской фабричной промышленности былъ, есть и будетъ тотъ, что фабрики наши, по мелочному разсчету, пускаютъ въ продажу бракъ, (*) вмѣстѣ съ хорошимъ товаромъ, когда, напротивъ, въ Англіи всѣ произведенія одной фабрики равнаго достоинства. Правило, что фабричная и мануфактурная промышленность обогащаютъ народъ, можетъ быть примѣнена только къ малоземельному государству, пзобилующему народонаселеніемъ, прилегающему къ морю и имѣющему собственныя колоніи близъ экватора, т. е. страны, производящія, такъ называе-

(*) Для этого въ Русскомъ торговомъ языкѣ существуетъ особое названіе: *кустарныя произведенія*. Это тоже, что *дюжинная работа*.

мые, колониальные товары. Англія создана самою природою для фабричной промышленности и заморской торговли. Для Россіи это правило вовсе не примѣнимо, ложно и даже вредно. Никогда не было въ Россіи столько общаго довольства, какъ до континентальной системы, то есть до тѣхъ поръ, пока у насъ не вздумали выдѣлывать всѣ издѣлія, которыя мы получали прежде изъ чужихъ краевъ, въ обмѣнъ за нашъ хлѣбъ и за нашъ сырой Русскій товаръ, то есть сало, пеньку, льняное сѣмя, поташъ, лѣсъ, деготь, смолу, и тому подобное. — Теперь деньги сосредоточиваются въ коммерческомъ сословіи, а тогда разливались по сословію многочисленному, то есть земледѣльческому. Англія тогда вовсе не помышляла о томъ, чтобъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ. Земледѣліе въ Англіи было въ пренебреженіи, и она довольствовалась хлѣбомъ изъ Бал-

тійскихъ портовъ, въ которые ввозила свои фабричныя и мануфактурныя издѣлія. Англійское усовершенствованное земледѣліе возникло со времени континентальной системы, и теперь, когда Англія только въ случаѣ неурожаевъ должна прибѣгать къ помощи земледѣльческихъ государствъ, она отдаетъ всегда преимущество Сѣверной Америкѣ, съ которою состоитъ въ прямыхъ коммерческихъ отношеніяхъ. Съ упадкомъ Русской хлѣбной торговли, наше земледѣльческое сословіе потеряло весьма много! Одесса, возникшая съ тѣхъ поръ, процвѣтаетъ хлѣбною торговлею, но имѣетъ свои счастливые торговые годы, по мѣрѣ урожаевъ или неурожаевъ въ Западной Европѣ. Вѣрнаго ничего нѣтъ! Постоянная Русская хлѣбная торговля, обогащавшая непрерывно Балтійскіе и Черноморскіе порты—исчезла невозвратно.

До принятія континентальной системы Россіею, въ Ригу и Петербургъ иностранные корабли приходили тысячами. Въ 1807 году изъ портовъ Балтійскаго Моря вывезено товаровъ на 43,027,294 рубля ассигнаціями, ввезено въ Балтійскіе порты товаровъ на 27,394,978 рублей ассигнаціями. Въ 1808 году въ Кронштадтъ пришло кораблей всего шестьдесятъ пять, въ Петербургъ осемь, а вышло изъ обоихъ портовъ девяносто шесть кораблей. Въ Ригу пришло всего двѣсти тридцать два корабля, вышло двѣсти тридцать четыре. Въ 1809 году всѣхъ товаровъ вывезено изъ Петербурга на 15,055,465 рублей ассигнаціями; ввезено на 2,236,023 рубля ассигнаціями. Въ 1810 году вывезено изъ Петербурга на 23,055,465 рублей ассигнаціями; ввезено на 8,040,107 рублей ассигнаціями (*).

(*). Цифры взяты изъ современныхъ официальныхъ извѣстій.

Но изъ этихъ обнародованныхъ чиселъ вѣрны были только числа приходившихъ и отходившихъ кораблей. Привезено было товаровъ, по-крайней-мѣрѣ, вчетверо болѣе. Англичане крейсировали не только въ Балтійскомъ Морѣ, но заходили даже въ Финскій Заливъ, приближались къ Красной Горкѣ и къ Толбухиному маяку, забирали Русскіе и иностранныя купеческіе корабли, принадлежавшіе странамъ, состоявшимъ подъ властью или вліяніемъ Франціи, и Русскіе транспорты и ластовыя суда, отправляемыя изъ Кронштадта въ Финляндію. Флотъ нашъ стоялъ на рейдѣ, и даже выходилъ въ море и дрался съ Англичанами, но это ни сколько не помогало торговлѣ, которая производилась только скрыто, контрабандою. По правиламъ континентальной системы, нѣкоторымъ кораблямъ можно было давать позволеніе (franchise) на ввозъ аптекарскихъ ма-

теріяловъ. Подъ этимъ предлогомъ привозили дорогія Англійскія фабричныя и мануфактурныя издѣлія, которыя быстро расходились въ Петербургѣ. Кроме того, Англичане, находясь въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми коммерческими домами въ Петербургѣ, отправляли къ нимъ корабли Ганзеатическихъ городовъ съ Англійскими товарами, и Англійскій флотъ пропускалъ ихъ, а на выгрузку товаровъ у насъ смотрѣли сквозь пальцы. Потребности высшаго сословія были удовлетворяемы, хотя и по высокой цѣнѣ; но отъ этой торговли обогащались только нѣкоторыя частныя лица. Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгихъ мѣръ для прекращенія торговли Англійскими товарами, безъ которыхъ тогда весьма трудно было обойтись, но въ случаѣ явнаго протеста со стороны таможни, долженствовало принять рѣши-

тельные мѣры, и потому торгующее съ Англіею купечество было обязано имѣть на своей сторонѣ таможи. Возникли колоссальныя имущества въ купеческомъ и чиновничьемъ сословіи. Купцы дѣлали свое дѣло, пользовались счастливыми обстоятельствами, не нарушая воли высшаго правительства, слѣдовательно они не могутъ подвергаться ни какому порицанію; напротивъ, заслуживаютъ похвалу за искусное и ловкое веденіе своего дѣла для общей пользы. Къ числу самыхъ рѣдкихъ случаевъ тогдашняго быстрого обогащенія принадлежатъ торговые дома Таля и Классена, которыхъ основатели, Лифляндскіе уроженцы, изъ бѣднаго сословія, умѣли, въ это трудное время, умомъ и дѣятельностью нажить милліоны. Покойному барону Штиглицу также посчастливилось тогда нѣкоторыя торговыя спекуляціи. О чиновникахъ, пріобрѣтавшихъ въ то время боль-

шія суммы, не могу отозваться съ похвалою, а потому и долженъ умолчать объ нихъ, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ и множество любопытныхъ и забавныхъ объ нихъ анекдотовъ напечатаны на Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ, въ сочиненіяхъ о тогдашнемъ состояніи Россіи. Объ одномъ изъ такихъ чиновниковъ я упомянулъ (безъ имени) въ III томѣ, на стр. 326 моихъ Воспоминаній. Иностранные писатели, писавшіе со словъ Петербургскихъ купцевъ, обнародовали рѣдкій примѣръ неслыханной роскоши тогдашнихъ чиновниковъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ торговли. Я уже говорилъ, въ прежнихъ частяхъ, о чиновникѣ, который послалъ любимой имъ женщинѣ (*à la dame de ses pensées*) полные столовый и чайный сервизы, въ нѣсколько дюжинъ, обвернувъ посуду въ сторублевая ассигнаціи!!! Подобныхъ примѣровъ было тогда много, хотя въ разныхъ ви-

дахъ. Эта безвкусная роскошь, оскорбляющая высокое чувство и приличія, роскошь, пахнувшая татарщиной, была тогда въ модѣ, между чиновниками и купцами?

Второстепенные чиновники, къ числу которыхъ принадлежалъ мой хозяинъ, разумѣется не имѣли такихъ большихъ выгодъ, какъ чиновники высшіе, но жили хорошо, даже роскошно, а благоразумные изъ нихъ могли даже сберечь копѣйку на черный день. Если бъ я былъ охотникъ до рома и крѣпкихъ винъ, то могъ бы не только купаться въ нихъ, но плавать! Такъ называемый *красный товаръ* можно было также получать гораздо дешевле, чѣмъ въ лавкахъ; и кто могъ и хотѣлъ, тотъ пользовался случаемъ.

Я уже познакомилъ моихъ читателей съ *львою стороною* Кронштадтскаго женскаго общества. Для него отплытіе фло-

та и даже выступленіе на рейдъ было почти то же, что вакаціи для школьни-ковъ. Въ то время, когда почтенные мужья занимались исправнымъ веденіемъ корабельнаго журнала или расчетли-вымъ распредѣленіемъ съѣстныхъ при-пасовъ на корабль, — нѣжныя *супруж-ницы* веселились на пропалую, съ со-страдательными людьми, принявшими на себя хотя пріятную, но довольно скользкую обязанность утѣшать этихъ Пенелопъ. На нихъ красовались лучшіе товары контрабанды. Къ числу забавъ принадлежали поѣздки въ Ораніенбаумъ и въ Петергофъ. Это были пикники, составляемые *угодниками* (*) красавицъ. Эти поѣздки на катерахъ, съ пѣсен-никами, а иногда съ музыкою, въ кру-гу весельчаковъ и ласковыхъ краса-

(*) То же, что въ Италіи: *cavaliere servente*.

вицъ, начинавшіяся на берегу уединенными прогулками и кончавшіяся пиршествами, могли бы соблазнить даже и степеннаго человѣка! Громко, дружно, весело молодые люди распѣвали пѣсню, которая начиналась двумя куплетами И. И. Дмитріева, и окончивалась двумя куплетами Кронштадтскаго барда Кропотова:

«Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

..

Младость дважды не бываетъ,
Счастливъ тотъ, который въ ней
Путь цвѣтами усыпаетъ,
Не предвидя грозныхъ дней!» (*)

Куплетовъ Кропотова не привожу; они хотя не черные, но *спренскіе!* Ориги-

(*) Изъ стансовъ къ Н. М. Карамзину.

нальный человекъ былъ этотъ Кропотъ (Андрей Фроловичъ)! Не долго служилъ онъ во флотѣ, и вышедъ въ отставку, посвятилъ себя служенію Бахусу и десятой, безъимянной музѣ. Это былъ предтеча нынѣшней, такъ-называемой, *натуральной школы*, съ тою разницею, что у Кропотова въ миллионъ разъ было болѣе таланта, чѣмъ у всѣхъ нынѣшнихъ писакъ. Стихи Кропотова къ бывшему главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, адмиралу Ханькову, чрезвычайно остроумны. Жаль, что не могу помѣстить ихъ здѣсь! Кропотому не доставало науки и изящнаго вкуса, именно того, чего нѣтъ также и у писателей, такъ-называемой, *натуральной школы*, снискавшихъ громкую извѣстность въ Россіи, разумѣется, у людей, которымъ грубая карриатура понятнѣе, слѣдовательно, болѣе нравится, нежели тонкая, остроумная иронія. Кропотовъ пробо-

валъ издавать журналъ въ 1815 (*) году, подъ заглавіемъ: *Демокритъ*, который однако жъ упалъ, отчасти по неточности самого издателя. Я видывалъ Кропотова въ Кронштадтѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ гости къ прежнимъ товарищамъ и пріятелямъ, но небылъ съ нимъ коротко знакомъ. Излишняя, отчасти циническая его фамиліярность и грубые пріемы пугали меня и я держался въ сторонѣ; но иногда я отъ души смѣялся его рассказамъ о самомъ себѣ? Образъ его жизни, характеръ и поэзія изображены достаточно въ трехъ слѣдующихъ его стихахъ:

«О fortuna!... Но ни слова!...

Съ чердака моего (то есть, моего) пустова (то есть,
пустаго)

Фигу я тебѣ кажу!...»

Тогда только смѣялись надъ этими

(*) А. Ф. Кропотковъ скончался въ 1817 году.

стихами, а въ нынѣшнее время восхваляютъ въ журналахъ гораздо худшіе стихи, настоящую грязь! Но довольно объ этомъ.

Въ Кронштадтѣ было тогда учрежденіе страшное, но любопытное для философа, для наблюдателя человѣчества — это каторжный дворъ (*). Тогда не было арестантскихъ ротъ, и преступниковъ ссылали или на Сибирскіе казенные заводы и въ рудники, или на каторжные дворы, находившіеся въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ Имперіи, особенно приморскихъ, для употребленія въ тяжелыхъ

(*) Любопытно было бы и слѣдовать, съ котораго времени слово «каторга» вошло въ Русскій языкъ. Въ Новогреческомъ языкѣ *катергонъ* означаетъ *галеру*. На древнемъ Греческомъ языкѣ «ката» значитъ предлогъ *въ, по* (*selon, suivant*), а *эргонъ* означаетъ трудъ. По-турецки *кадирга* означаетъ галеру. Отъ Турковъ или Грековъ заимствовали мы это?

работахъ въ гаваняхъ или при крѣпостныхъ постройкахъ. Кронштадтскіи ка-торжнѣй дворъ, какъ я уже сказалъ, былъ деревянный. Это было обширное четверугольное зданіе въ одно жилье, окнами на дворъ, съ галереей вокругъ, на которую выходили двери, въ такъ-называемыя палаты. Для входа и выхода были одни только ворота. Въ оконечности зданія, при воротахъ была караульня, двѣ комнаты для караульнаго офицера и небольшая комнатка для писаря. Карауль содержалъ Кронштадтскіи гарнизонный полкъ и высылалъ ежедневно полъ-роты. У воротъ и кругомъ по галереѣ, равно какъ и снаружи, по угламъ зданія разставлены были часовые, а кромѣ того часть караула отряжалась въ конвой, для сопровожденія заключенныхъ на работу въ гавань и для наблюденія за ними во время работы. Всѣ заключенные, высылаемые на рабо-

ту, были закованы въ кандалахъ, не по два вмѣстѣ, какъ во Франціи, но по одиначкѣ. Нѣкоторые старики и отличившіеся хорошимъ поведеніемъ были безъ кандаловъ, по тѣмъ уже не выходили за предѣлы каторжнаго двора. Служба караульнаго и дежурнаго офицеровъ была тяжелая, безпокойная и чрезвычайно отвѣтственная. Надлежало, по требованію, высылать заключенныхъ на работу, осматривать ихъ, повѣрять, потомъ принимать возвращавшихся съ работы, наблюдать за порядкомъ, тишиною и занятіями арестантовъ. Для внутренняго управленія былъ особый комиссаръ, съ помощниками и канцеляріей. Вообще на каторжномъ дворѣ господствовали примѣрный порядокъ и строгая субординація, и съ заключенными обходились человѣколюбиво. Милосердіе и состраданность—главныя и блистательныя черты Русскаго характера. Народная по-

говорка: «лежачаго не быють», глубоко начертана въ Русскомъ сердцѣ. Въ Сибири ссыльныхъ не называютъ иначе, какъ *несчастные*, и самое это наименованіе уже вызываетъ изъ сердца состраданіе. Въ Крошгадтѣ заключенныхъ также называли *несчастными*, и ихъ охотно снабжали подаяніемъ, когда они проходили по улицамъ, на работу. Въ то время, когда въ гавани не имѣли нужды въ большомъ числѣ рабочихъ, позволялось частнымъ людямъ брать съ каторжнаго двора работниковъ. Ихъ употребляли обыкновенно для очистки домовъ, для передвижанія тяжестей при постройкахъ и для воздѣлыванія земли въ огородахъ. Цѣна за работу назначается была комиссаромъ, а деньги поступали въ артель. Заключенные получали хорошую пищу, Русскія щи и кашу, пили хорошіи квасъ, и одѣты были сообразно климату и временамъ года. Едва ли въ тѣхъ го-

сударствахъ, въ которыхъ много пишутъ и толкуютъ о филантропіи, заключенные содержатся лучше какъ содержались въ Кронштадтѣ. Впослѣдствіи я имѣлъ случай видѣть каторжные дворы (bagnes) во Франціи, но они гораздо хуже бывшаго Кронштадтскаго каторжнаго двора.

Однако жъ, заключенные въ Кронштадтѣ, были не овечки! У дежурнаго офицера былъ одинъ формулярный списокъ заключенныхъ, съ краткимъ указаніемъ за что каждый наказанъ и заключенъ, а у комиссара былъ другой, пространнѣй формулярный списокъ, съ подробнымъ объясненіемъ преступленій каждаго, то есть, перечнемъ изъ приговора уголовного суда. Страшно было заглянуть въ этотъ второй формулярный списокъ! Все же въ ряду этихъ преступленій не было такихъ, которыя обнаруживаютъ крайнюю степень душевнаго разврата, утонченность злодѣянія, словомъ,

преступлений, какія представляютъ намъ уголовные процессы во Франціи и подражающіе имъ модные романы. Въ Русскихъ преступникахъ сильно отражалась скотская сторона человѣчества, грубая, дикая натура, свирѣпость и звѣрство, не смягченныя ни Вѣрою, ни образованностью; но эти несчастные чужды были утонченности (*raffinement*), расчетливости порока и злобы. На Кронштадскомъ каторжномъ дворѣ не было ни одного преступника, получившаго какое-нибудь школьное образованіе. Почти всѣ они были изъ чернаго, грубаго народа. Замѣтилъ я, сверхъ-того, что бóльшая часть преступниковъ, почти *всѣ*, были или круглыя сироты, или дѣти бѣдныхъ мѣщанъ (вѣроятно, развратныхъ). Изъ двухъ-сотъ пятидесяти человѣкъ едва десять человѣкъ знали грамоту!

Начитавшись романовъ госпожи Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, и тому подоб-

ныхъ, я чрезвычайно любопытствовалъ видѣть собственными глазами разбойниковъ, думая найти между ними Рожера (въ романѣ Дюкре-Дюмениля: Викторъ, или дитя въ лѣсу), Ринальдо-Ринальдини (въ романѣ подъ этимъ заглавіемъ) и даже Карла Моора (въ Разбойникахъ Шиллера). Нарочно для этого познакомился я съ комиссаромъ, и какъ въ то время дозволялось павѣщать караульныхъ офицеровъ, то я всегда пользовался случаемъ, когда знакомый мнѣ офицеръ былъ въ караулѣ на каторжномъ дворѣ. Заключение было смиренны, молчаливы и боязливы, когда съ ними обходились серьезно; но когда отъ нихъ требовали разговорчивости и отвѣтовъ на вопросы, когда ободряли рюмкой водки и обѣщали денежное награжденіе за откровенность, тогда они охотно выказывали свою прежнюю удаль. Стаканъ водки пробуждалъ звѣрскіе ин-

стикты. Лице, обезображенное отмѣткою палача, въ знакъ исключенія злодѣя изъ человѣческаго общества, принимало страшное выраженіе, при воспоминаніи о прежней вольной жизни. Въ разсказахъ этихъ несчастныхъ вырывались слова и выраженія, приводившія въ содроганіе слушателя!

Теперь вы можете проѣхать безопасно всю Россію вдоль и поперегъ. Бываютъ, хотя весьма рѣдко, отдѣльные случаи, грабежи, производимые бѣглецами, — но этого даже нельзя поставить въ счетъ. Но встарину были цѣлыя разбойничьи шайки, имѣвшія свои сношенія съ поселянами и даже жителями городовъ. Войска тогда было немного, и оно, по бѣльшей части, было или на границахъ Имперіи, или за границею. Внутреннее управленіе не имѣло ни той силы, ни той быстроты, какъ теперь, и злодѣи могли укрываться въ лѣсахъ и степяхъ.

Теперь разбойники существуют только въ романахъ и повѣстяхъ. Но я видѣлъ еще *въ натурѣ* настоящихъ Русскихъ разбойниковъ и Пугачевскихъ сподвижниковъ!!! И вспомнить страшно! Что за фигуры, что за ухватки, что за языкъ! Самый ужасный между этими злодѣями былъ одинъ высокій, сильный мужикъ, который долженствовалъ быть красивымъ прежде, чѣмъ клещи палача и печать безчестія прикоснулись къ его лицу. Онъ былъ *эсауломъ*, то есть, помощникомъ атамана разбойничьей шайки, на Волжскихъ берегахъ, и разбойничалъ лѣтъ десять, до поимки и уничтоженія всего скопища. Званіе его въ шайкахъ обратилось ему въ прозваніе, и всѣ не называли его иначе, какъ *эсауломъ*. Эсауль свистѣлъ такъ громко и такъ пронзительно, что сердце замирало! Воображаю, какой эффектъ производилъ этотъ свистъ на путешественника! Ника-

кой свистокъ не произведетъ такихъ сильныхъ и страшныхъ звуковъ, какіе исходили изъ-подъ языка этого разбойника. При свистѣ было еще *гарканье*, для наведенія ужаса на несчастную жертву. Ревъ дикаго звѣря и шипѣнье или свистъ тропической змѣи не такъ страшны — да и никакой звѣрь такъ не золь и не опасенъ, какъ человѣкъ, отвергнувшій человѣчество. — «Ты что за человѣкъ?» спросилъ я, когда впервые увидѣлъ *эсаула*. — Мастеровой, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, походившею на облизываніе тигра, когда онъ смотритъ на добычу, которую не можетъ схватить. — «Какое же твое ремесло?» — Не цѣховое, сударь! отвѣчалъ разбойникъ. — «Что же ты дѣлалъ?» — Шапки съ волосами сдиралъ, на большихъ дорогахъ!.... примолвилъ онъ, бросая вокругъ самодовольные взгляды. — «А ты что за человѣкъ?» спросилъ я другаго заключенна-

го.—Рыбакъ, сударь. По чужимъ клѣт-
ямъ сѣти закидывалъ и *багрить* (*) хо-
зяевъ!» отвѣчалъ разбойникъ. Очевидно,
что въ душу этихъ закоренѣлыхъ зло-
дѣевъ не проникло раскаянье. Циниче-
скія ихъ шутки насчетъ прежняго ре-
месла, явно доказывали ихъ загрубѣ-
лость въ порокахъ и злодѣянїяхъ.

На Кронштадтскомъ каторжномъ дво-
рѣ было нѣсколько человѣкъ изъ шайки
Пугачева, людей уже состарѣвшихся, и,
можно сказать, покаявшихся. Съ нихъ
сняты были оковы, и они не высыла-
лись на работу. Между ними былъ чело-
вѣкъ замѣчательный, племянникъ казака
Шелудякова, у котораго, какъ писано
было въ то время, Пугачевъ, пришедъ
на Уралъ, былъ работникомъ на хуторѣ.

(*) *Багрить* рыбу, значитъ на Уралѣ бить подъ
льдомъ баграми, чрезъ проруби.

Этотъ племянникъ одного изъ первыхъ заговорщиковъ и зачинщиковъ бунта обучался, въ первой своей юности, грамотѣ у приходскаго священника, а во время мятежа находился въ канцеляріи Пугачева, часто его видалъ, и пользовался его особенною милостію. Въ это время (въ 1809 году) племяннику Шелудякова было лѣтъ шестьдесятъ отъ рожденія; онъ былъ сѣдъ какъ лунь, но здоровъ и бодръ. Съ утра до ночи онъ занимался чтеніемъ священныхъ книгъ и молитвою передъ образомъ Спасителя, въ своей каморкѣ, въ которой онъ помещался одинъ, въ удаленіи отъ всякаго сообщества съ каторжными.

Бывшій секретарь Пугачевской канцеляріи не пилъ водки, не курилъ и не нюхалъ табаку, слѣдовательно его трудно было соблазнить. Иногда я давалъ ему деньги на свѣчи, потомъ подарилъ нѣсколько священныхъ книгъ, оставался

иногда по часу въ его каморкѣ, слушая его толкованія Ветхаго Завѣта, и наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣлъ его довѣренность. Мало по малу я сталъ заводить съ нимъ разговоръ о Пугачевскомъ бунтѣ, и онъ, какъ мнѣ кажется, говорилъ со мною откровенно.

Не могу умолчать о комическомъ и послѣднемъ моемъ столкновеніи съ полудикимъ Кабри. Онъ вызванъ былъ начальствомъ Морскаго Кадетскаго Корпуса въ Петербургъ, на нѣкоторое время. Утромъ, часовъ въ восемь, Кабри прислалъ ко мнѣ свою служанку, съ просьбою прійти къ нему по весьма важному дѣлу. Я немедленно отправился. Когда я вошелъ въ комнату онъ сидѣлъ въ одномъ углу софы, въ задумчивости, сложивъ руки крестомъ на груди, а въ другомъ углу сидѣла жена его. «Я сейчасъ ѣду въ Петербургъ, и хочу дать тебѣ доказательство моей дружбы,» ска-

залъ Кабри, вставъ съ мѣста и взявъ меня за руку: «по обычаю моего любезнаго острова Нукагивы, мужъ, отправляясь въ дальній путь и оставляя жену дома, поручаетъ ее другу, передавая ему всѣ свои права, даже власть надъ ея жизнью и смертию. Я передаю тебѣ всѣ мои права!» Сказавъ это, Кабри поспѣшно обнялъ меня, потомъ жену, и не давъ намъ опомниться, схватилъ свой узелокъ, хлопнулъ дверью и побѣжалъ опрометью къ пристани.

Я стоялъ передъ госпожею Кабри, смотря на нее съ улыбкою и не говоря ни слова. Она также молчала нѣкоторое время и смотрѣла на меня, но весьма серьезно — и вдругъ захохотала изъ всѣхъ силъ и бросилась на софу. Я также расхохотался, и наша веселость продолжалась съ полчаса, такъ, что мы никакъ не могли остановить нашего хохота!... «Видѣли ли вы когда-либо по-

добное сумасшествіе!» сказала наконецъ госпожа Кабри. — «Напротивъ, я нахожу, что это вовсе не глупо», возразилъ я, иронически — и мы опять принялись хохотать. Наконецъ, когда мы успокоились и переговорили о положеніи госпожи Кабри, оказалось, что нѣжный мужъ оставилъ ей только одинъ рубль серебромъ на житье! Разумѣется, чтобъ оправдать довѣренность мужа, я долженъ былъ изъ небольшой моей казны удѣлить несчастной Аріаднѣ на содержаніе дома.

Наконецъ я оставилъ Кронштадтъ, въ которомъ прожилъ не безъ пользы около полутора года. Во-первыхъ я узналъ поближе человѣчество, въ разныхъ его видахъ, присмотрѣлся къ практическому ходу дѣлъ, что было для меня до тѣхъ поръ чуждо; а во-вторыхъ, я прочелъ весьма много, и имѣлъ время обдумать прочитанное. Но приобрѣтеніе нѣкоторой

опытности и распространение области мышления все же не имѣли сильнаго вліянія на измѣненіе моего характера. При сангвиническомъ темпераментѣ и пагубной воспламенительности, мудрою юношѣ, на двадцать второмъ году отъ рожденія, какъ-бы онъ уменъ ни былъ, управлять собою. Что шагъ, то искушеніе; на каждомъ крутомъ поворотѣ — пропасть! Другаго такого руководителя, какъ генераль фонъ Клугенъ, я уже не нашелъ, и безпомощный устремился по скользкому пути жизни.... Съ нимъ однимъ простился я со слезами!

Генераль фонъ Клугенъ самъ былъ тронутъ. Добрый старикъ разставался со мною, какъ съ сыномъ, и подарилъ мнѣ на память свои пистолеты, бывшіе съ нимъ во всѣхъ его походахъ, и золотую печать съ гербомъ Польскаго генерала Ясинскаго, убитаго въ Прагѣ. Эту печать генераль фонъ Клугенъ купилъ

вмѣстѣ съ часами, за два червонца, у гренадера, получившаго ихъ въ добычу.

Собраніе красавиць сравниваютъ обыкновенно съ цвѣтникомъ. Не знаю, понималъ ли тотъ, кто первый выдумалъ это сравненіе, что онъ, вмѣсто мадригала, состряпалъ жестокою эпиграмму! Цвѣты прельщаютъ взоръ, но вѣдь цвѣтокъ, при всей своей красотѣ, растеніе холодное и скоропреходящее. Только бездушную кокетку можно сравнивать съ пышнымъ, красивымъ цвѣткомъ. То, что привязываетъ душу благороднаго человѣка къ женщинѣ — не выразиимо человѣческимъ языкомъ! Нѣжность чувствованій (*délicatesse*), высокіе помыслы, раждающіеся, такъ сказать, безотчетно въ головѣ женщины, и наконецъ душевная доброта и скромность, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ одно качество, которому нѣтъ имени! Женщину, обладающую этимъ качествомъ, мы обы-

кновенно называемъ высшимъ существомъ: земнымъ ангеломъ.— Не касаюсь высшаго Кронштадтскаго круга общества, но въ томъ женскомъ кругѣ, который я назвалъ, въ шутку, *либеральнымъ*, — были прелестные цвѣты, хотя не было ни одного земнаго ангела. Изъ всѣхъ моихъ прекрасныхъ знакомокъ я простился только съ Г-жею Кабри, такъ сказать, по обязанности. Это было послѣднее прощаніе и послѣднее свиданіе. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Кронштадта, Кабри отправился съ женою во Францію, надѣясь найти какое-либо мѣсто въ отечествѣ. Но во Франціи и безъ него довольно было искусныхъ пловцевъ, нырковъ и всякихъ фокусниковъ, и Кабри, не получивъ ни какого казеннаго мѣста, доведенъ былъ до крайности, и какъ я послѣ узналъ, показывалъ себя за деньги, въ балаганѣ, на ярмаркахъ, подъ названіемъ *дикаго Камча-*

дала. Онъ умеръ до моего приѣзда во Францію, а жена его поступила въ буфетчицы или конторщицы (*dame du comptoir*) къ содержателю кофейнаго дома, въ Миланѣ.

Почти годъ прожилъ я въ Лифляндіи и Эстляндіи. Кто зналъ эти губерніи за сорокъ лѣтъ предъ симъ, тотъ согласится со мною, что они теперь чрезвычайно перемѣнились. Нравы, обычаи, образъ жизни, сельское хозяйство, торговля, промышленность, все приняло другой видъ и другія формы. Многое преобразовалось къ лучшему, и въ этомъ разрядѣ первое мѣсто занимаетъ земледѣліе; а иное измѣнилось къ худшему. Извѣстно, что Остзейскія губерніи пользуются особенными правами, и управляются своими собственными законами, или смѣсью привилегій, данныхъ дворянству и городамъ епископами, гермейстерами, Польскимъ королемъ Сигизмун-

домъ Вторымъ и Шведскими королями. На основаніи этихъ привилегій, исключая исполнительной и политической части, все внутреннее управленіе края предоставлено дворянству, а городовъ— бургомистрамъ и выборнымъ членамъ магистрата. Здѣсь не мѣсто ни хвалить, ни критиковать различныя обветшалыя учрежденія, принадлежащія къ феодальнымъ временамъ и сокрушившіяся отъ древности во всей Европѣ. Но какъ распредѣленіе земскихъ повинностей и всѣ распоряженія относительно внутренняго управленія края подлежатъ ландтагамъ, или дворянскимъ собраніямъ, то много полезнаго или вреднаго зависитъ отъ этихъ ландтаговъ, на которыхъ всѣ дворяне, даже безпомѣстные, но вписанные въ матрикуль или дворянскій списокъ губерніи, имѣютъ голосъ, могутъ предлагать и отвергать разныя мѣры. Въ старину, и въ то время, когда я былъ въ

первый разъ въ Лифляндіи, дѣла общественныя зависѣли отъ мнѣнія людей почтенныхъ, всѣми уважаемыхъ, пожилыхъ, опытныхъ, давшихъ неоспоримыя доказательства своего разума, познаній и безпристрастія. Тогда въ Лифляндіи жили многіе старики, занимавшіе важныя должности въ Государствѣ, находившіеся при блистательномъ Дворѣ Императрицы Екатерины Второй, отличившіеся усердіемъ и познаніемъ дѣла въ службѣ военной и гражданской. Были и почтенные старики, прошедшіе жизнь на службѣ по дворянскимъ выборамъ, облеченные общею довѣренностью и уваженіемъ. Почти всѣ они образовались въ Германскихъ Университетахъ, пользовавшихся въ то время заслуженною славою. Такъ называемой *юной* Германіи тогда не существовало, а была Германія честная, трудолюбивая, богобоязненная, покорная властямъ и законамъ. Изъ этой

Германіи пересаживались благое просвѣщеніе и полезныя примѣры въ Остзейскія губерніи. Этотъ почтенный ареопагъ, то есть ландтаги, предводимые практическими мудрецами, составили нынѣшнее положеніе о крестьянскомъ сословіи, предположили основать Дерптскій Университетъ на счетъ дворянства (который потомъ поступилъ на иждивеніе казны), основали разныя ученныя общества, для пользы края, и ввели рациональное Германское хозяйство. Все, что есть добраго и полезнаго въ краѣ, учреждено и обдуманно людьми той эпохи, о которой я теперь говорю. Молодые люди не выѣзжали тогда въ чужіе края праздничать изъ города въ городъ, изъ трактира въ трактиръ; не дерзали составлять партій на ландтагахъ и дворянскихъ выборахъ противу людей заслуженныхъ, почтенныхъ и опытныхъ; не хвастались приверженностью къ чу-

жеземному, не оскорбляли старшихъ себя своимъ высокоомѣремъ, но были послушны умнымъ старикамъ, правдивымъ коноводамъ дворянства, и уважали общее мнѣніе. Остзейское дворянство во всѣхъ отношеніяхъ было примѣрное, имѣя достойныхъ представителей въ государственной службѣ, предъ лицомъ Монарха. — Гостепріимство въ Остзейскихъ губерніяхъ не было такого рода, какое укоренено въ нашемъ Славянскомъ племени. Остзейскіе Нѣмцы не заимствовали ни отъ Поляковъ ихъ народной пословицы: «Гость въ домѣ, Богъ въ домѣ (gosć w domu, Bóg w domu)», ни отъ Русскихъ извѣстныхъ поговорокъ: «Что въ печи, все на столъ мечи,» и: «Не красна изба углами, красна пирогами,» и тому подобныхъ. Но все же въ то время въ Лифляндіи и въ Эстляндіи были старинныя фамиліи, которыя зимою проживали въ городахъ и принимали гостей

Тонъ въ этихъ обществахъ былъ столичный, водворенный почтенными мужами и дамами, проведенными молодья лѣта при дворѣ Императрицы Екатерины Второй. Музыка, танцы, пріятная бесѣда одушевляли эти собранія, и молодые люди приобрѣтали въ нихъ ту полировку, которая отличаетъ благовоспитаннаго человѣка отъ грубой народной массы. Не взирая на упадокъ торговли, по причинѣ войны съ Англіей, въ Остзейскихъ губерніяхъ было тогда много денегъ, и недвижимыя имѣнія приносили большіе доходы. По всему берегу производилась сильная контрабандная торговля хлѣбнымъ виномъ, которое перевозили въ Финляндію и Швецію, а оттуда доставляли соль и сельди. Положеніе крестьянъ не было однако жъ такъ хорошо, какъ теперь, при полномъ развитіи благодѣтельнаго положенія о крестьянахъ, дарованнаго Императоромъ Александромъ

Первымъ, Теперь въ Остзейскихъ городахъ тихо, какъ въ монастыряхъ, а въ то время въ Ригѣ и Ревелѣ жили шумно и весело. Тутъ была публичная жизнь, какъ въ иностранныхъ городахъ. Съ пріятностью вспоминаю о проведенномъ мною времени зимою, 1810 года, въ Ревелѣ. Еще есть товарищъ моихъ юношескихъ наслажденій въ Ревелѣ, Александръ Карловичъ Гирсъ (нынѣ полковникъ въ Пограничной Стражѣ), бывшій тогда подпоручикомъ въ Финляндскомъ драгунскомъ полку. Мы жили вмѣстѣ съ нимъ на Петербургскомъ форштатѣ, въ трактирѣ Энгеля, и по утрамъ составляли планы, какъ провести пріятно день и вечеръ. Въ клубахъ ежедневно бывали публичные обѣды, а вечеромъ въ клубѣ, называемомъ Einigkeit (Согласіе), метали банкъ, потому-что публичныя азартныя игры тогда не были запрещены. Въ театрѣ каждую недѣлю бывали

маскарады. Русскихъ офицеровъ, особенно морскихъ, было множество въ Ревелѣ, и въ танцовщикахъ не было недостатка. Карточная игра разсыпала деньги по рукамъ, но какъ водится, молодые люди не считали проигрыша, а выигрышъ почитали обязанностью прожить съ пріятелями, и отъ этого всё веселились, не чувствуя недостатка въ деньгахъ. Жизнь быстро летѣла по ясному горизонту — и вдругъ, безъ бури, меня поразилъ громъ!... Судьба моя совершенно измѣнилась, жизнь приняла другой оборотъ и другое направленіе. Я долженъ былъ оставить военную службу.

Оправдывая себя, надобно невольно обвинить кого-нибудь. Этого я не могу сдѣлать, а если бъ и могъ, то не сдѣлалъ бы, потому что человѣкъ, на котораго я имѣлъ право жаловаться, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того сознался въ томъ, что онъ былъ не правъ. Я отъ

души простилъ ему, прижалъ его къ сердцу, слѣдовательно все кончено! Этотъ человѣкъ кончилъ жизнь свою самымъ печальнымъ и ужаснымъ образомъ! Насъ поссорила *страсть*, а страсти ослѣпляютъ и мудрецовъ. Мои лѣта (двадцать-одинъ годъ) предпочтены были сорока пяти тяжелымъ годамъ, и я долженъ былъ заплатить дорого за мое безразсудство. Многіе изъ товарищей моихъ живы, и ни одинъ изъ нихъ не скажетъ, чтобъ я измѣнилъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, чести и обязанностямъ офицерскаго званія, или чтобъ запятналъ, хотя бы сомнительнымъ поступкомъ, достославный Русскій военный мундиръ. Сверхъ авангардныхъ и арріергардныхъ стычекъ и аванпостныхъ перестрѣлокъ, я былъ, въ теченіе моей службы, въ *шестнадцати* сраженіяхъ, удостоился знака отличія между храбрыми товарищами, и могу сказать,

былъ любимъ ими, можетъ быть болѣе, нежели того заслуживалъ. Смѣло смотрю я въ глаза каждому старому товарищу и сослуживцу, и радостно встрѣчаю ихъ, въ убѣжденіи, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлаетъ мнѣ ни какого упрека. Но какъ твердитъ Русская пословица: «грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ!» Глупцемъ не могу назваться, и умишкомъ моимъ не чванюсь. Однако жъ, гораздо было бы для меня полезнѣе, еслибъ природа дала мнѣ менѣе ума и болѣе хладнокровія. Терпѣнію выучился я уже въ послѣдствіи!... Впрочемъ, въ упованіи на Бога и Святой Его Промыселъ, я вѣрю, что все на свѣтѣ къ лучшему, и что несчастье такъ же нужно для укрѣпленія души, какъ иная болѣзнь для возобновленія силъ тѣлесныхъ.

Пусть враги мои говорятъ что угодно. Клевета можетъ дѣйствовать только при жизни—а я пишу для дѣтей моихъ, и

смѣло скажу: оставляю имъ безукоризненное имя!

Изъ Вендена отправился я въ Ригу, и проживъ уединенно недѣли двѣ въ этомъ городѣ, отправился къ моей матери, въ Маковищи (Минской губерніи, Бобруйскаго уѣзда), чрезъ Митаву, на Вильно и Минскъ. На пути я былъ свидѣтелемъ и невольнымъ участникомъ комико-трагическаго происшествія.

V.

Похищеніе жидовки: трагикомедія. — Война съ жидами. — Разбойничій вертепъ. — Хладнокровіе и мужество женщины побѣждаютъ разбойниковъ. — Старинное своеволие. — Побѣзка къ роднымъ, въ Гродненскую губернію. — Старинные похвальные нравы и обычаи. — Приключеніе въ Клецкъ, за которое дорого заплачено по прошествіи сорока лѣтъ. — На чемъ было основано могущество жидовъ въ Польшѣ. — Знакомство съ родственниками. — Старинная Польская охота. — Старинный Польскій Магнатъ. — Память о пройдохѣ Казановѣ. — Я отправляюсь въ Варшаву. — Тогдашнее бѣдственное положеніе Герцогства Варшавскаго. — Варшава въ то время. — Театръ и отличные тогдашніе артисты. — Характеристика князя Юсіфа Понятовскаго. — Храбрый воинъ изъ жидовъ, полковникъ Берко. — Смерть его. — Я отправляюсь въ Парижъ. — Тогдашняя Германія. — Духъ народа. Нравы и обычаи. Нѣмецкая ученость. — Вліяніе Германскихъ Университетовъ на общее мнѣніе.

Въ Шавляхъ, въ трактирѣ, въ которомъ я остановился на ночь, познако-

мился я съ капитаномъ втораго гусарскаго (такъ называемаго *серебряннаго*) полка Герцогства Варшавскаго, графомъ О. Онъ давно уже слегъ въ могилу, и я не оскорблю его памяти, сказавъ, что онъ былъ порядочный шалунъ въ своей молодости. Онъ прїѣзжалъ въ Вильну и въ Шавли по денежнымъ дѣламъ, и возвращаясь въ Варшаву чрезъ Ковно, уговорилъ меня своротить съ дороги и проводить его до Ковно, предложивъ мѣсто въ своей бричкѣ.

На пути между Шавлями и Ковно, мы остановились въ одномъ городишкѣ (мѣстечкѣ), чтобъ пообѣдать въ жидовской корчмѣ, носившей названіе трактира, или какъ говорятъ Поляки, въ *обержи* (*auberge*), потому что тутъ былъ билліардъ. Извѣстно, что у жидовъ не соблюдается въ бракахъ ни какой соразмѣрности въ лѣтахъ, относительно къ мужескому полу, и что двад-

цатилѣтнихъ дѣвушекъ выдають замужъ за двѣнадцати или тринадцати-лѣтнихъ мальчиковъ, по фамилнымъ или денежнымъ расчетамъ. Сынъ содержателя корчмы, въ которой мы остановились, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, хилый и чахлый, былъ женатъ на красавицѣ, лѣтъ двадцати двухъ, проворной, ловкой жидовкѣ, которая помогала въ хозяйствѣ своей тещѣ. Мой спутникъ былъ также молодецъ собою, красавецъ, говорунъ, и умѣлъ, какъ говорится, выказать копѣйку ребромъ. Онъ нашелъ средство переговорить съ красавицею, и объявилъ мнѣ, что остается на нѣсколь-ко дней въ этомъ мѣстечкѣ, убѣждая меня, не оставлять его. Не имѣя необходимости торопиться, я согласился, намѣреваясь воспользоваться случаемъ, чтобъ осмотрѣть католическій монастырь, въ которомъ была старинная библіотека и школа. Въ это время я за-

нимался исторіей водворенія лютеранисма въ Польшѣ, и мнѣ хотѣлось переговорить съ какимъ нибудь изъ ученыхъ монаховъ, потому что въ этомъ монастырѣ была главная оппозиція противу водворенія въ мѣстечкѣ Кейданахъ Княземъ Радзивилломъ Шотландскихъ выходцевъ — протестантовъ, оставившихъ отечество при Англійскомъ королѣ Яковѣ Первомъ, во время религіозныхъ смуть, въ началѣ семнадцатаго вѣка. На другой день я пошелъ въ монастырь, былъ весьма ласково принятъ настоятелемъ, и послѣ осмотра классовъ и библіотеки, приглашенъ имъ къ обѣду. Пока я занимался историческими распросами, товарищъ мой выдумалъ исторію другаго рода. Когда я возвратился въ корчму, онъ сталъ просить и заклинать меня отправиться немедленно, на перекладныхъ, на первую станцію (это было около семи часовъ вечера) и ждать

его, убѣждая при томъ не распрашивать о причинѣ, которую я узнаю при свиданіи, на станціи. Я согласился, послалъ за почтовыми лошадьми, уѣхалъ, и прибывъ на первую станцію, легъ спать. Часа въ три утра слуга моего товарища разбудилъ меня и сказалъ, что баринъ ждетъ меня въ экипажѣ. Я вышелъ. Бричка была наглухо закрыта, какъ во время сильной бури, хотя погода была прекрасная. Я заглянулъ внутрь брички — и отступилъ съ удивленіемъ! Рядомъ съ моимъ спутникомъ сидѣла красавица-жидовка, сноха трактирщика. Вѣтряница была весела, и будто закрываясь отъ меня платкомъ, лукаво улыбалась.—«Въ своемъ ли ты умѣ», сказалъ я по-Французски товарищу: «и подумалъ ли о послѣдствіяхъ?»—«Какія тутъ размышленія», возразилъ онъ, смѣясь: «только бы добраться до Ковна, а тамъ перепрыгнемъ

за границу—и все кончено!»—«Но что же ты сдѣлаешь съ этою несчастною?» сказалъ я.—«Какое тутъ несчастье; вѣдь я не насильно взялъ ее, а добровольно, и хорошенькая бабенка нигдѣ не пропадетъ.... Садись», примолвилъ онъ: «мѣста довольно для троихъ». Я велѣлъ моему мальчику ѣхать за нами, на перекладныхъ, а самъ сѣлъ въ бричку, и мы поскакали. Три станціи гнали мы во весь опоръ, расточая деньги, угрозы и побои, а на четвертой станціи остановились, чтобъ подмазать оси, которыя два раза загорались, и подкрѣпить наши силы пищею. Станцію содержалъ жидъ, и все семейство завопило, когда увидѣло прекрасную Рифку въ нашей компаніи. Рифка не растерялась, вошла въ комнату съ гордымъ видомъ, нѣсколько театралью, и сказала знакомымъ ей хозяину и хозяйкѣ, что она уже христіанка. Мы велѣли подать все, что есть съѣст-

наго и сѣли за столъ. Рифка ѣла все, не разбирая, что *трефъ*, а что *кошеръ*, и въ это время слуга моего товарища извѣстиль насъ, что бричка требуетъ небольшой починки. Дѣлать было нечего. Вдругъ часа черезъ два послѣ нашего приѣзда, когда уже стали впрягать лошадей въ нашъ экипажъ, подъѣхали къ крыльцу три брики съ жидами. Ихъ было до двадцати человѣкъ. Товарищъ мой оставилъ меня съ Рифкою въ комнатѣ, и побѣжалъ къ бричкѣ за нашими саблями и пистолетами. Настала кутерьма, которую не можно изобразить! Жиды кричали, вопили, рвались въ бой, чтобъ силою отнять красавицу, но ничего не могли сдѣлать. Слуга моего товарища съ охотничьимъ штуцеромъ и мой мальчикъ съ пистолетомъ оставались при бричкѣ для ея охраненія, а мы, съ тремя пистолетами и парою сабель, находились въ ком-

натѣ, въ которой было всего два окна. Дверь заперта была снутри задвижкой. Товарищъ мой объявилъ осаждающимъ, что при первомъ насильственномъ ихъ движеніи, мы станемъ стрѣлять и рубить на смерть. Жидаы хотѣли склонить ямщиковъ деньгами на свою сторону, но не успѣли въ этомъ. Ненависть къ жидамъ въ Литовскомъ крестьянинѣ сильнѣе всѣхъ другихъ страстей, и напротивъ, ямщики объявили, что они не позволяютъ обижать пановъ. Толпа ямщиковъ стала возлѣ брички, на помощь нашимъ людямъ. Пошло на переговоры. Жидаы объявили, что Рифка взяла съ собою весь свой жемчугъ, на значительную сумму, преувеличенную жидами до ста тысячъ рублей, и деньги, бывшія въ кассѣ трактирной. Мой товарищъ отвѣчалъ, что это до него вовсе не касается, и что онъ согласенъ, чтобъ Рифка возвратила деньги и жем-

чугъ. Но Рифка на это не согласилась, утверждая, что жемчужныя повязки, серьги и прочее составляютъ ея собственность, и что денегъ она не брала изъ кассы. Раввинъ произнесъ подъ окномъ трогательную рѣчь, но Рифка пребыла непоколебимою. Тестъ Рифки объявилъ, что онъ уступаетъ намъ весь жемчугъ Рифки, съ тѣмъ, чтобъ мы отдали ее, и за это товарищъ мой швырнулъ въ него костью отъ съѣденнаго нами телячьяго жаркаго, и подбилъ ему глазъ. Наконецъ, лошади были впряжены въ нашу бричку, и мы прошли чрезъ толпу жидовъ, разступившихся передъ грознымъ дуломъ нашихъ пистолетовъ, сѣли въ экипажъ — и поскакали. Жиды слѣдовали за нами, въ нѣсколькихъ верстахъ. Болѣе всего мы удивлялись тому, что жиды не заѣзжали вмѣстѣ съ нами на станціи, но останавливались въ виду, и тогда уже

приближались къ воротамъ, когда мы трогались съ мѣста. Очевидно было, что они рѣшились ѣхать за нами до Ковна, и это безпокоило меня, потому что я предвидѣлъ послѣдствія, но, изъ ложнаго стыда, не могъ оставить товарища въ опасности, хотя мнѣ весьма легко было бы отстать отъ него и ѣхать по моей подорожной.

Мы приѣхали въ Ковно ночью. На заставѣ насъ остановили. Тутъ насъ уже ожидалъ засѣдатель нижняго земскаго суда и офицеръ городской полиціи, съ толпою понятыхъ и полицейскихъ служителей.

При первой нашей встрѣчѣ съ жидами, они выслали двухъ своихъ впередъ, которые, прибывъ въ Ковно за нѣсколько часовъ передъ нами, успѣли принести жалобу и исходатайствовать покровительство. Засѣдатель объявилъ, что имѣеть приказаніе проводить насъ на почтовую

станцію и не выпускать изъ города, пока капитанъ-исправникъ не разрѣшитъ дѣла по жалобѣ жидовъ, а полицейскій офицеръ сказалъ, что долженъ насъ караулить. Шагомъ поѣхали мы на станцію, и какъ бы ничего не бывало, поужинали и легли спать. На другой день, утромъ явились городничій и капитанъ-исправникъ, съ отцемъ Рифки и раввиномъ. Толпа жидовъ стояла у воротъ. Начались вопросы и распросы. Я съ перваго слова объявилъ, что все это дѣло до меня вовсе не касается, что я ѣду по своей подорожной и вовсе не причастенъ къ похищенію красавицы. Товарищъ мой и жида подтвердили это, и меня оставили въ сторонѣ. Я немедленно пошелъ къ земскому судѣ Хлопицкому (родному брату знаменитаго генерала, бывшаго тогда въ Испаніи, въ чинѣ полковника), и рассказавъ ему о походахъ моего товарища, про-

силъ выпутать его изъ бѣды. Хлопицкій зналъ моихъ родныхъ, принялъ меня весьма ласково, и охотно согласился помочь Польскому офицеру. Мы пошли съ нимъ немедленно на станцію. Передъ домомъ стояла уже толпа народа, и какъ окна во второмъ этажѣ были отперты, то шумъ и крикъ раздавались на улицѣ. Мы вошли въ комнату. Капитанъ-исправникъ и городничій хотѣли кончить дѣло миролюбиво, обѣщали моему товарищу путешествія взять подписку отъ тестя Рифки и раввина, что ей не будетъ сдѣлано ни какого наказанія за побѣгъ, и усовѣщивали похитителя не противиться и отдать жидовку, которая въ это время стояла въ углу, за своимъ возлюбленнымъ, защищавшимъ ее собою. Похититель поддавался, но Рифка вопила, что перерѣжетъ себѣ горло, если ее отдадутъ жидамъ, увѣряя, что она хочетъ быть христіанкою. Послѣ долгихъ

споровъ, Хлопицкому наконецъ удалось кончить дѣло. Онъ послалъ за своимъ экипажемъ и взялся проводить Рифку въ католическій женскій монастырь, а похитителя убѣдилъ немедленно выѣхать за границу. Товарищъ мой сталъ перешептываться съ Рифкою, вѣроятно обѣщая пріѣхать за ней, когда она приметъ Христіанскую Вѣру, и она согласилась отправиться въ монастырь. Между тѣмъ запрягли лошадей для Польскаго офицера, и онъ немедленно уѣхалъ, въ сопровожденіи засѣдателя, слѣдовавшаго за нимъ въ почтовой телѣжкѣ. Тѣмъ кончилось это происшествіе, и жида напрасно проѣздили до Ковно.

Я остался на сутки въ Ковно, потому что Хлопицкій пригласилъ меня къ обѣду, и я не хотѣлъ отказать ему. Онъ рассказалъ мнѣ много о членахъ моей фамиліи, которой я вовсе не зналъ, и возбудилъ во мнѣ охоту познакомиться

съ родственниками. Но я поѣхалъ прежде къ моей матери.

Дѣла моей матери, послѣ самаго счастливаго и блистательнаго окончанія процесса въ Петербургѣ, вмѣсто того, чтобъ принять благопріятный оборотъ, пришли въ совершенное разстройство, обогативъ ея повѣренныхъ. Этотъ процессъ настоящій романъ, но я не стану говорить о немъ, потому что безъ собственныхъ именъ онъ лишился бы всей своей занимательности. Скажу только, что лицо нотариуса Феррана въ романѣ Евгенія Сю: «Парижскія Тайны,» повторилось въ натурѣ въ нашемъ семейномъ процесѣ, только безъ смертоубійствъ. Огромное состояніе исчезло въ рукахъ повѣренныхъ, какъ шарикъ въ рукахъ фигляра Боско! Во время моего пребыванія у матери, она рассказывала мнѣ приключеніе, случившееся

съ нею въ то время, когда я былъ въ Финляндіи.

Во время Финляндскаго похода, мать моя прїѣзжала въ Петербургъ. Она прожила нѣсколько времени въ Бѣлоруссіи, гдѣ у нея были два брата Бучинскіе, одинъ крайчій (то есть кравчій) Литовскій, другой предсѣдатель главнаго Витебскаго суда, люди богатые и холостые. Въ Оршѣ жилъ, съ семействомъ своимъ, родственникъ ея, каммергеръ бывшаго Польскаго двора Валицкій, братъ богатаго графа (Австрійской Имперіи) Валицкаго, находившагося тогда въ Петербургѣ. Братья моей матери никогда не отпускали ее въ Петербургъ безъ провожатаго, и всегда снабжали ее деньгами. На этотъ разъ взялся сопутствовать моей матери бывшій каммергеръ Валицкій, который, просватавъ старшую дочь свою, хотѣлъ лично объявить объ этомъ своему богатому брату.

Проживъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, мать моя отправилась въ обратный путь, съ тѣмъ же Польскимъ камергеромъ Валицкимъ. Богатый и щедрый братъ далъ ему значительную сумму денегъ въ приданое своей племянницѣ, и кромѣ того нѣсколько Турецкихъ шалей, множество кружевъ, шелковыхъ матерій и два полные алмазные прибора (какъ тогда называли склаважа). — Карета была нагружена внутри и снаружи дорогими вещами.

Не помню, съ первой или со второй станціи не доѣзжая до Витебска, Валицкому должно было поѣхать въ сторону, къ пріятелю, который поручилъ ему какія-то денежныя дѣла въ Петербургѣ. Имѣнье пріятеля Валицкаго находилось верстахъ въ двадцати пяти отъ станціи; Валицкій нанялъ тройку лошадей у жида, содержателя станціи, и отпра-

вился передъ полуднемъ, обѣщая возвратиться къ утру другаго дня.

При матери моей находились польская камеръ-юнгфера (то есть панна) и извѣстный уже читателямъ старый слуга моего отца, Семень. Когда смерклось, мать моя и панна легли спать на другой половинѣ корчмы, въ комнатѣ, которую обыкновенно называютъ гостиною, а Семену приказала не отлучаться отъ кареты, стоявшей передъ корчмой, подъ окнами. Мать моя, слабаго сложенія и нервическаго темперамента, имѣла весьма легкій сонъ и пробуждалась при малѣйшемъ шумѣ, а при томъ не могла спать безъ огня въ комнатѣ. Ложась отдыхать, она приказала засвѣтить ночникъ, который поставили въ каминѣ. Постель для моей матери послана была на большомъ столѣ, а для панны на полу, на соломѣ, потому что мать моя не рѣшилась бы даже прибли-

зиться къ жидовской кровати. Около полуночи шумъ въ сосѣдней комнатѣ разбудилъ мою мать. Она взглянула на дверь, которая быда заперта, когда она ложилась спать, и увидѣла, что дверь легонько отворилась, и высунулась жидовская голова. «Чего вамъ надо? спросила моя мать». — «Ничего!» отвѣчалъ жидъ, сердито: «зачѣмъ у васъ огонь: вы сожжете корчму» — «Пустое — оставь меня въ покоѣ.» Дверь затворилась и настала тишина. Мать моя не могла уже заснуть. Черезъ полчаса дверь снова полу-отворилась — и та же жидовская голова выглянула изъ другой комнаты. — «Оставьте ли вы меня въ покоѣ!» сказала мать моя. — «Какой тутъ покой!» возразилъ дерзко жидъ: «погасите огонь и спите!... Намъ нельзя позволить, чтобъ у васъ горѣла лампада при соломѣ.» — «Если вы не оставите меня въ покоѣ, я велю сейчасъ же за-

прягать лошадей, поѣду въ Витебскъ и пожалуюсь губернатору,» сказала матушка. Жидъ проворчалъ что-то, хлопнулъ дверью и мать моя услышала въ другой комнатѣ шепотъ, изъ котораго прорывались слова, громче сказанныя. Очевидно было, что въ другой комнатѣ нѣсколько жидовъ спорили между собою, понизивъ голосъ, и что нѣкоторые изъ нихъ не могли воздержаться въ своей запальчивости.

Мать моя легла почивать не раздѣваясь; она поспѣшно встала съ постели, разбудила панну и выбѣжала изъ корямы на большую дорогу. Вообразите ея положеніе! Всѣ сундуки и ящики съ кареты были сняты, дверцы отперты настежь, а Семень лежалъ—подъ каретой. Выбѣжавшая вслѣдъ за матерью моею панна стала будить Семена—но онъ былъ какъ мертвый.—Ужасъ овладѣлъ моею матерью при воспомина-

ни о сценѣ въ корчмѣ.... но врожденное мужество, пробужденное опасностью, возстановило въ ней обыкновенное присутствие духа. Въ дормезѣ, Варшавской работы, въ стѣнкахъ, по обѣимъ сторонамъ сидѣнья были два потайные ящика, и въ каждомъ ящикѣ было по парѣ заряженныхъ пистолетовъ. По счастью воры, выбирая вещи изъ кареты, не нашли этихъ ящиковъ. Мать моя добыла пистолеты, дала пару паннѣ и вмѣстѣ съ нею помѣстилась въ заломѣ стѣны, образующей уголь, чтобъ обезпечить себя отъ нападенія съ трехъ сторонъ. Едва онѣ заняли эту *крѣпкую* позицію, жида выбѣжали гурьбою изъ корчмы.... Четыре пистолетныя дула, направленные въ толпу, остановили жидовъ. «Вы можете убить насъ,» сказала мать моя, твердымъ голосомъ: «Но четверо изъ васъ должны непременно погибнуть, если вздумаете напасть на

насъ».... Изъ толпы выступилъ ораторъ.... «Помилуйте, сударыня, какъ вы можете думать, что мы хотимъ убить васъ.» сказалъ онъ. «Увидѣвъ изъ окна, что вашъ экипажъ ограбленъ, я разбудилъ родныхъ и пріятелей, съѣхавшихся ко мнѣ на шабашъ, чтобъ изслѣдовать дѣло.... Вѣрно воры притаились съ вечера въ лѣсу.... мы пойдёмъ и поищемъ, не сложили ли они гдѣ-нибудь вещей, а вы не опасайтесь ничего, войдите въ корчму и успокойтесь». Мать моя рѣшительно отказалась слѣдовать совѣтамъ жида, и повторила угрозу.... Жиды совѣщались между собою.... Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находились двѣ женщины!

Конюшня и изба, въ которой жили ямщики изъ христіанъ, находились шагахъ въ пятидесяти отъ корчмы. Мать моя не довѣряла ямщикамъ, хотя панна, прежде чѣмъ жиды выбѣжали изъ корч-

мы, совѣтовала бѣжать въ ямщичью избу. Но страхъ превозмогъ въ паннѣ повиновеніе, и она начала во все горло кричать: разбой, разбой, помогите! Пронзительный голосъ панны, раздававшійся далеко, разбудилъ дремавшаго караульнаго ямщика. Онъ выбѣжалъ за ворота, и увидѣвъ толпу жидовъ возлѣ кареты, догадался, что тутъ что-то не ладно, и разбудилъ ямщиковъ. Нѣсколько изъ нихъ изъ любопытства пришли на мѣсто дѣйствія. Мать моя въ нѣсколькихъ словахъ объяснила имъ дѣло, и смиренные Бѣлорусскіе парни, ненавидящіе вообще жидовъ, остановились въ безмолвіи на сторонѣ.... Къ нимъ подошли другіе ямщики, и жидаы возвратились въ корчму. Начало свѣтать — и вдругъ примчалась тройка. Возвратился Валицкій. Ямщика не было—онъ самъ правилъ лошадьми....

Увидѣвъ матушку и панну съ писто-

летами въ рукахъ, карету безъ сундуковъ, Семена—лежащаго подъ каретою, Валицкій, по соображенію съ случившимся съ нимъ—догадался въ чемъ дѣло. Онъ разсказалъ моей матери ужасное свое приключеніе. На возвратномъ пути, ямщикъ его, дюжій паренъ изъ раскольниковъ Филиппоновъ, завезъ его въ лѣсъ, едва проѣзжею тропинкою, опрокинулъ, и не найдя топора, выпавшаго изъ телѣги, бросился на него и сталъ его душить. Валицкій былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, но сильный и здоровый. Опасность удвоила его силы. Въ то время, когда телѣга опрокинулась и ямщикъ напалъ на него, онъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку, и такъ сильно ударилъ ею въ високъ ямщика, что тотъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Валицкій поднялъ телѣгу, поворотилъ лошадей, выбрался кое-какъ изъ лѣсу и выѣхавъ на большую дорогу, пустился во всю

конскую прыть. Существованіе заговора на смертоубійство и грабежъ были очевидны. Валицкій былъ человекъ рѣшительный и мужественный. Онъ вооружился парюю пистолетовъ, добылъ порохъ и пули изъ каретнаго ящика, и объяснивъ дѣло ямщикамъ, — убѣдилъ ихъ принять его сторону. Семена стали отливать водою и привели въ чувство; но онъ былъ безъ силъ и не могъ держаться на ногахъ. Онъ сказалъ, что его напоили до пьяна жидаы, подчивая даромъ, различными водками. Между тѣмъ Валицкій расхаживалъ по большой дорогѣ и стрѣлялъ изъ пистолетовъ холостыми зарядами; жидаы не показывались изъ корчмы.

Взошло солнце. Это былъ воскресный день, и вскорѣ большая дорога оживилась. Изъ ближняго шляхетскаго селенія (по польски *Околицы*, *Okolicy*) начали съѣзжаться шляхтичи, (нынѣшніе од-

подворцы) съ своими женами и дѣтьми, по пути въ церковь, находившуюся верстахъ въ семи за станціей. Валицкій останавливалъ проѣзжающихъ и рассказывалъ имъ о происшествіи, прося помощи. Набралось шляхтичей и крестьянъ до полусотни. Содержатель станціи не могъ отказать въ лошадяхъ—и нѣсколько шляхтичей взялись провожать мать мою до Витебска.

Мать моя остановилась въ Витебскѣ у брата своего, предсѣдателя, который съ Валицкимъ отправился къ губернатору и донесъ о случившемся. Немедленно выслана была на станцію городская полицейская команда, съ нѣсколькими офицерами и особымъ чиновникомъ; туда же поскакалъ капитанъ-исправникъ съ отрядомъ гарнизонныхъ солдатъ, и на другой день привезли въ городъ нѣсколько связанныхъ жидовъ - и всѣ ограбленные вещи. Жиды не имѣли даже време-

ни разбить сундуки и ящики; ихъ нашли въ анбарѣ, въ закромѣ, гдѣ хранился овесъ.

По слѣдствію оказалось, что содержатель почтовой станціи, жидъ, былъ увѣдомленъ изъ Петербурга, пріятелями своими, (а жида, по мнѣнію Поляковъ, все знаютъ,) что Валицкій везетъ огромныя сокровища, и составили заговоръ, чтобъ убить путешественниковъ, присвоить вещи и деньги, и отвезя карету въ лѣсъ, находящійся въ сотнѣ шаговъ отъ корчмы, сжечь ее. Тогда въ окрестностяхъ бродили дезертиры и укрывающіеся отъ службы рекруты, и нападали даже на дома и на путешественниковъ. Жидъ думалъ своротить на нихъ этотъ разбой. Ямщиковъ онъ перепоилъ съ вечера, увѣряя, что празднуетъ день своего рожденія; спойлъ Семена, подговорилъ одного сорванца, какъ послѣ оказалось, бѣглаго раскольника,

убить Валицкаго, намѣревался зарѣзать мать мою и панну, но все это не удалось отъ трусости и нерѣшительности сообщниковъ содержателя станціи и отъ мужества и присутствія духа матери моеи и Валицкаго.

Такимъ происшествіямъ теперь и повѣрить трудно! Но я уже сказалъ, что ничего нынѣшняго никакъ нельзя сравнивать съ тѣмъ, что было за полвѣка и за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Не все же прежнее было дурно: много, очень много было хорошаго — но полицейское управленіе внутри государства было весьма слабо. Между помѣщиками во всей Россіи было много страшныхъ забіякъ, которые самоуправствовали въ своемъ околоткѣ, какъ старинные феодалыные бароны, и приводили въ трепетъ земскую полицію. Кромѣ того были настоящіе разбойники, нападавшіе на помѣщичьи дома и на путешественни-

ковъ. Я видѣлъ въ Могилевской губерніи одного начальника разбойничьей шайки, чиновнаго дворянина, съ одной ногой, который былъ ужасомъ части Могилевской и Минской губерній. Этотъ господинъ С—скій (Бѣлорусскій уроженецъ) ограбилъ двѣ знакомые мнѣ фамиліи: Оскирко и Покрошинскихъ, напавъ на ихъ мызы. Онъ не скрывался, но жилъ роскошно и повелѣвая тайно шайками, рѣдко выѣзжалъ самъ на промыселъ. Пойманныхъ своихъ сообщниковъ, онъ отравлялъ въ тюрьмѣ, чтобъ на него не показывали. Всѣ боялись его и не смѣли даже предлагать ему вопросовъ пунктовъ! Наконецъ и его скрутили, уличили и отправили въ ссылку. Былъ еще въ Бѣлоруссіи, хотя не разбойникъ, но забіяка, который все свое наслажденіе поставлялъ въ дракахъ съ земскою полиціею и съ каждымъ, кто ему не покорялся при первой встрѣ-

чѣ. Двадцать разъ онъ былъ подъ судомъ, сидѣлъ даже въ острогѣ—но всегда оправдывался. Онъ самъ сочинилъ про себя пѣсню, на Бѣлорусскомъ нарѣчїи, которую распѣвалъ и въ горѣ и въ радости. Пѣсня начиналась:

«Отколь вѣтеръ не повѣетъ,

Семень Фроловъ не робѣетъ», и проч.

Остальные слова пѣсни не помню, но помню колоссальную фигуру Семена Фроловича С—на, и его страшные усы. Онъ прїѣзжалъ иногда въ гости къ дядѣ моему Кукевичу (въ имѣніе Высокое, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи), бралъ меня на руки и пѣлъ мнѣ пѣсенки, когда мнѣ было лѣтъ семь отъ рожденія. Семень Фроловичъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, и кончилъ также жизнь свою въ Сибири! Русское купечество, торговавшее на бывшей Макарьевской ярмаркѣ

(перенесенной въ Нижній Новгородъ), вѣрно помнитъ еще помѣщика села Лыскова, покоящагося теперь въ могилѣ!— Повторяю, въ началѣ нынѣшняго столѣтія было еще весьма много такого, чему теперь трудно повѣрить, и потому, со времени вступленія моего на литературное поприще, при всякомъ случаѣ припоминаю, что основаніемъ всякаго воспитанія должны быть преданность Вѣрѣ и уваженіе отечественныхъ законовъ, уваженіе безпредѣльное, какое внушено въ Англіи всѣмъ сословіямъ. Это должно быть, такъ сказать, въ крови народа.

Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ членами моей фамиліи. Въ нашемъ родѣ нѣтъ однофамильцевъ; всѣ Булгарины (первоначально Скандербегі) происходятъ отъ двухъ братьевъ-выходцевъ изъ Албаніи, въ концѣ XV вѣка, и имѣютъ одинъ гербъ. До смерти дяди отца мо-

его (пріятеля генерала фонъ Клугена) Михаила Булгарина, въ нашей фамиліи всегда признавали старшаго въ родѣ главою всѣхъ Булгариновъ, и всѣ ему повиновались безусловно, какъ патріарху. Почти во всѣхъ старинныхъ Польскихъ фамиліяхъ было то же, какъ я уже говорилъ, и это было необходимо въ бывшемъ правленіи Польши, въ которой все основано было на дворянскихъ выборахъ и все дѣлалось политическими партіями. Я уже говорилъ, въ первой части моихъ Воспоминаній (см. примѣчаніе первое и одиннадцатое, стр. 307, 325 и 326), что тогда родовое наше гнѣздо (гдѣ оно и теперь) было въ Гродненской губерніи, въ Волковыскомъ уѣздѣ, и что тогда главою рода былъ Михаилъ Булгаринъ. Я отправился къ нему.

Все, что я буду теперь описывать—изчезло на вѣки! Изчезли и люди, и обычаи, и даже воспоминанія о прежнемъ;

изчезло и прежнее дурное и прежнее хорошее! А было и хорошее въ семейномъ твердомъ союзѣ и въ повиновеніи старшимъ въ родѣ; было хорошее и въ рыцарскихъ нравахъ стариннаго дворянства! Не взирая на изданіе закона, по которому всѣ заемныя письма признавались недѣйствительными, если были писаны на простой, а не на гербовой бумагѣ, въ такъ называемой Литвѣ требованіе подписи на гербовой бумагѣ почиталось оскорбленіемъ, а подписываніе униженіемъ своего достоинства. Разорялись на честное слово (на *słowo honoгу*)! Князь Доминикъ Радзивиль, взявъ иногда игральную карту, коптилъ ее на свѣчѣ и писалъ кончикомъ щипцовъ, на закопченомъ мѣстѣ: «Выдать (такому-то, въ такой-то срокъ) тысячу (болѣе или менѣе) червонцевъ: X. D. R.»—и повѣренный князя не смѣлъ даже поморщиться, а выплачивалъ немедленно.

Я видѣлъ одно такое заемное письмо, то есть карту, покрытую вишневымъ кле-
емъ, чтобъ драгоцѣнная копотъ на ней
не стерлась. Не помню ни одного слу-
чая, чтобъ кто нибудь осмѣлился отка-
заться отъ платежа по заемному письму
за своею подписью, потому только, что
оно не формальное. На честное слово
можно было повѣрить жизнь, честь и
имѣнье. *Verbum nobile debet esse stabile*,
составляло главную заповѣдь дворянина.
Это то же, что старинное Русское: «Не
далъ слова — грѣпись, а далъ слово —
держись» — и древне-новгородское: «А
кто не сдержитъ слова, тому да будетъ
стыдно». Въ нашемъ Славянскомъ пле-
мени стыдъ (то есть безчестіе) былъ ве-
личайшимъ наказаніемъ, и *честное слово*
Тверже всѣхъ залоговъ и подписей. Я
засталъ это на дѣлѣ, и подъ кля твою
передаю моимъ дѣтямъ. Иностранные
проидохи, набѣгающіе на Россію со вре-

мень Петра Великаго, научили насъ многому, чему не худо было бы разучиться! Коммисіонерная торговля, то есть торговля безъ капиталовъ, и подложное банкротство — это *оригинальныя сочиненія* чужеземныхъ прошлецовъ. — Добродушные Славяне, наши предки, не знали этого прежде.

Я нанялъ фурмана, жида, и отправился въ путь въ половинѣ августа. На пути случилось со мною довольно забавное происшествіе. Приѣхавъ въ Радзивилловское мѣстечко Клецкъ, лежащее только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ древне-родоваго имѣнія моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ Грицевичъ, я остановился на площади, и вышелъ изъ брички, чтобъ купить курительнаго табаку. Купецъ, разумѣется жидъ, отвѣсилъ мнѣ фунтъ лучшаго табаку, и завернулъ въ бумагу. Въ эту минуту я отвернулся, чтобъ взглянуть на площадь, и внезапно оборотясь

къ жиду, поймалъ его въ плутовствѣ, а именно, что подмѣнялъ мою пачку другою, точно такъ же свернутою. Я развернулъ бумагу и увидѣлъ, что въ подмѣненной пачкѣ былъ табакъ послѣдняго разбора, а я заплатилъ за лучшій. Признаюсь, я не могъ воздержаться, и изо всей силы «задѣлъ его въ лице, не говоря ни слова». Жидъ завизжалъ и завопилъ во все горло: Гвалтъ! бьютъ, рѣжутъ!—и изъ сосѣднихъ лавокъ сбѣжались жида, и также стали визжать и кричать. Одинъ изъ толпы побѣжалъ къ моему фурману, чтобъ узнать, кто я—и когда жида услышали мою фамилію, одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, подошелъ ко мнѣ, устремилъ на меня глаза, и закричалъ во все горло: «О вей миръ! Бульхаринъ, *саленаго* Бульхарина (*) сынъ!»—«Поддай саблю!» за-

(*) Такъ Жида произносили мою фамилію. Ша-

кричалъ я моему слугѣ, а жидаы пустились бѣжать, крича изъ всѣхъ силъ: «О вей, о вей, *саленаго* Бульхарина сынъ!» Старикъ жидъ, по необыкновенному моему сходству въ лицѣ съ отцемъ и по мѣсту откуда я ѣхалъ, узналъ что я сынъ того, котораго они боялись какъ смерти и называли бѣшенымъ. Я преспокойно сѣлъ въ бричку, и выѣхалъ изъ Клецка.

Сообщаю этотъ пустой анекдотъ по довольно важной причинѣ, а именно, чтобъ сказать при этомъ случаѣ, что жидаы въ Польшѣ, особенно въ Литвѣ, находясь *повидимому* въ крайнемъ униженіи, смѣло скажу господствовали надъ всѣми сословіями. Если бъ кто либо вздумалъ собирать біографическія свѣдѣнія о дворянскихъ Литовскихъ фа-

лѣный (по-польски Szalony), но по жидовскому произношенію *салёный*.

миліяхъ, то могъ бы получить отъ жи-
довъ самыя мелкія подробности о жизни
каждаго дворянскаго семейства, отъ
прадѣда до правнука и правнучки, и
полную характеристику cadaго лица.
На этомъ познаніи права, умственныхъ
способностей, страстей и потребностей
каждаго лица основывалось жидовское
могущество. Мелкихъ слугъ мужескаго
пола привлекали жидки питейнымъ ме-
домъ, пивомъ и водочкою; слугъ высша-
го разряда, то есть экономовъ, коммиса-
ровъ и тому подобныхъ, ссудою денегъ,
а женскую прислугу, отъ панны до гар-
деробной дѣвушки, подарками кофе и
сахару или туалетными бездѣлками.
Жиды были общими тайными повѣрен-
ными и барина и его жены, и сыновей
и дочерей. Каждый и каждая отдѣльно
забирали въ долгъ у жидовъ и употре-
бляли ихъ агентами въ своихъ дѣлахъ,
гражданскихъ и частныхъ, и въ любов-

ныхъ интригахъ. Не многіе дворяне были избавлены отъ этого дѣвольскаго навожденія. Отецъ мой по наружности казался страшнымъ гонителемъ жидовъ, и колотилъ ихъ немилосердо при всякомъ удобномъ случаѣ; а между тѣмъ они лестью и покорностью выманивали у него все, что имъ только было отъ него надобно. Выдержавъ первую вспышку гнѣва моего отца, можно было у него взять послѣднюю рубашку!—Жидамъ страшенъ былъ не вспыльчивый (или какъ они называли бѣшеный) человѣкъ, но хладнокровный, бережливый и недоверчивый. — Отецъ дорого заплатился Жидамъ, которые пресмыкались предъ нимъ, а сынъ, за пощечину, данную жидамъ въ Клецкѣ въ 1810 году, заплатилъ дорого въ 1848 и 1849 годахъ, доверивъ жидамъ на слово, и надѣясь на его благодарность, за оказанное ему добро! — Спросятъ: есть ли честные жида? Безъ

сомнѣнія есть. Какъ не быть! Въ землѣ, на которой построенъ Петербургъ, не рождаются алмазы и золото, однако жъ и золото и алмазы находятъ иногда на улицахъ, у подъѣздовъ, возлѣ театровъ или дворянскаго собранія. И я нашелъ алмазъ: жида Юсселя, о которомъ говорилъ въ первой части моихъ Воспоминаній!

Лѣто было жаркое, и жары продолжались даже въ августѣ. Я ѣхалъ ночью, а днемъ отдыхалъ на бивакахъ, чтобъ избѣгнуть грязныхъ жидовскихъ корчемъ. Наконецъ, въ четыре часа утра, пріѣхалъ я въ мѣстечко графа Тышкевича, Свислочь, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Рудавки, мѣстопробыванія дяди отца моего, Михаила Булгарина. Я не хотѣлъ останавливаться въ мѣстечкѣ, а поѣхалъ прямо въ Рудавку, намѣреваясь остановиться у эконома или управителя, и тамъ переодѣться и подо-

ждать, пока дѣдъ мой проснется и приметъ меня. Признаюсь, къ этому побуждалъ меня ложный стыдъ. Мнѣ не хотѣлось подъѣхать къ крыльцу въ жидовской бричкѣ!

Едва начинало свѣтать, и я удивился, услышавъ лай множества собакъ — а подъѣхавъ къ дому, увидѣлъ на дворѣ множество людей, осѣдланныхъ лошадей, нѣсколько запряженныхъ экипажей и до двадцати своръ охотничьихъ гончихъ собакъ, которыхъ кормили въ разныхъ мѣстахъ. Собирались на охоту. Я долженъ былъ оставить бричку у воротъ, и пошелъ пѣшкомъ черезъ дворъ, поручивъ одному изъ охотниковъ доложить обо мнѣ хозяину дома. Когда я вошелъ въ переднюю, слуга отперъ обѣ половины дверей (что означало торжественный пріемъ). Я вошелъ въ залу. По срединѣ былъ большой столъ, на которомъ стоялъ завтракъ—но всѣ собесѣд-

ники встали съ мѣстъ своихъ прежде моего появленія, и стояли позади главы фамиліи. Я подошелъ къ нему, произнесъ мое имя, и по тогдашнему обычаю, поцѣловалъ дѣда въ руку. Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ въ лице, и указывая на присутствующихъ, сказалъ: «Ты здѣсь дома — вотъ тебѣ тридцать человѣкъ друзей и братьевъ, Булгариновъ, одного рода, одной крови и одного герба, или кровныхъ нашихъ *по кудели* (*). Ты съ ними познакомишься послѣ, а теперь садись и завтракай съ нами!»

Михаиль Булгаринъ былъ человѣкъ высокаго роста, на второй половинѣ

(*) По польски родство *по мѣту* значитъ *по мужескому колыну*, а родство *по кудели* (по *kądziali*) родство *по женскому колыну*. Очевидно, что въ древности жены и дочери дворянъ въ Польшѣ, какъ и вездѣ, занимались пряжею, и отъ этого названіе *родство по кудели* осталось въ языкѣ и въ законахъ.

седьмаго десятка, но здоровый, румяный, не слишкомъ сухощавъ, но и не толстъ—и весьма пріятной наружности. Всѣ прочіе Булгарины и родные ихъ по женскому колѣну были одѣты одинаково, въ охотничьи зеленаго цвѣта казакины. Дѣдъ былъ въ длинномъ Польскомъ жупанѣ, но при этомъ Польскомъ нарядѣ, былъ безъ усовъ. На столъ поданы были кофе, грѣтое бѣлое вино съ яичными желтками (*winna poliówka*) и грѣтое пиво съ домашнимъ сыромъ, разныя булки, крендели и сухари. Собесѣдники продолжали, а я началъ завтракать.

— Какъ дворянинъ и какъ человекъ нашей крови, ты вѣрно любишь охоту, сказалъ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ.

— Полюблю, дѣдушка, потому что до сихъ поръ не имѣлъ случая охотиться, отвѣчалъ я.

— Но если ты не охотился за звѣрь-

ми, то довольно поохотился за людьми, и вѣрно выучился стрѣлять....

— Изъ пистолетовъ, а изъ ружья еще не пробоваль стрѣлять въ живое существо.

— И такъ, ты начнешь охотиться подъ моимъ руководствомъ. Желаю, чтобъ ты былъ такой же стрѣлокъ, какимъ я былъ въ твои лѣта!

Дѣдъ кликнулъ своего камердинера, и велѣлъ снарядить меня на охоту, то есть дать ружье, патронташъ, порохъ, дробь, пули и прочее. Потомъ дѣдъ спросилъ, какъ я хочу ѣхать: съ нимъ ли, въ экипажѣ, или верхомъ, съ молодежью. Разумѣется, что я предпочелъ коня экипажу.

Наконецъ мы выступили въ походъ. Поѣздъ нашъ имѣлъ видъ воинственный. Человѣкъ до пятидесяти верхомъ, въ одноцвѣтныхъ казакинахъ и фуражкахъ одной формы (слуги отличались только

басонами по воротнику и на фуражкѣ), съ ружьемъ за плечами, съ кортиками, образовали порядочный эскадронъ, и ѣхали въ порядкѣ, по два въ рядъ. Впереди ѣхалъ общій нашъ дѣдъ и глава (всѣ мы называли его *дѣдушкою*), въ коляскѣ. Шествіе замыкали псары, съ стаею собакъ, а за ними тянулись коляски и брички. Предположено было охотиться въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ Яловскому староству, данному дѣду на пятьдесятъ лѣтъ, на послѣднемъ сеймѣ. Мѣстечко Яловка (*) находится верстахъ въ пятнадцати отъ Рудавки, но мы не заѣзжали на господскій дворъ, куда отправились экипажи и псары съ собаками, а поѣхали прямо къ лѣсу, верстахъ въ пяти отъ двора. Подъ лѣсомъ мы нашли бивакъ. Тутъ ожидалъ насъ пер-

(*) О староствѣ Яловскомъ говорено было въ прежнихъ частяхъ «Воспоминаній».

вый доѣзжачій (пикеръ) и главноуправляющій охотою, старый слуга моего дѣда, Варѳоломей, котораго уменьшительно, по Литовскому произношенію, называли *Баутрукомъ*. При немъ было нѣсколько псарей и также до двадцати своръ гончихъ собакъ. Собаки, приведенные съ нами, назначены были на смѣну. Баутрукъ донесъ дѣдушкѣ (который изъ коляски пересѣлъ въ маленькую повозку, коломажку), что обойдено (охотничье выраженіе) стадо дикихъ козъ, и что облава уже обступила ту часть лѣса, гдѣ будетъ охота. По распоряженію Баутрука, пѣшіе охотники оставили лошадей возлѣ бивака, разумѣется, подъ надзоромъ нѣсколькихъ крестьянъ, и пошли въ лѣсъ съ ружьями, на назначенныя имъ мѣста. Конные охотники съ борзыми собаками стали въ полѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣса. Мнѣ, пѣшему охотнику, назначено

было мѣсто на опушкѣ лѣса, откуда начиналось небольшое болото, поросшее камышемъ. Когда Баутрукъ рассчиталъ, что всѣ стрѣлки дошли до своихъ мѣстъ, онъ подалъ сигналъ на охотничьемъ рожкѣ. Стрѣлки отвѣчали также на рожкахъ, и за этимъ поднялась кутерьма, какой я отъ роду не видывалъ. Болѣе пяти-сотъ мужиковъ, бабъ и мальчишекъ, окружавшихъ лѣсъ, захопали бичами и заревѣли во все горло. Вскорѣ съ этимъ шумомъ смѣшался лай собакъ, и время отъ времени раздавались звуки рожка и охотничьи возгласы Баутрука, ободрявшаго собакъ. То въ одной, то въ другой сторонѣ трубили охотники въ знакъ, что видятъ звѣря. Вскорѣ слышались выстрѣлы. Эхо разносило по лѣсу эти звуки. Я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи.... По моему мнѣнію, кавалерійское дѣло (то есть сраженіе) и охота, въ большомъ видѣ —

высшія наслажденія въ мірѣ. Что значитъ въ сравненіи съ ними опера балетъ, драма, балы, рауты! Это свѣчи въ сравненіи съ солнцемъ. Сердце сильно бьется, мускулы и чувства (то есть зрѣніе и слухъ) въ напряженіи, человѣкъ будто въ лихорадкѣ, производящей не болѣзненные, но пріятныя ощущенія.... И что сравнивается съ радостью, которую доставляетъ побѣда или успѣхъ! Городскіе нѣженки не поймутъ меня.

Я простоялъ около часа на своемъ мѣстѣ, и какъ всѣ сильныя ощущенія, всѣ восторги бывають непродолжительны, то наконецъ, не видя звѣря, оставаясь въ бездѣйствіи, и такъ сказать, усталъ духомъ. Лай собакъ то умолкалъ, то снова раздавался, но все въ дали отъ меня. Я сѣлъ на пнѣ, приставилъ ружье къ дереву и закурилъ трубку. Вдругъ лай собакъ слышался въ близи, и притомъ лай самый жаркій, какой бываетъ,

когда собаки гонятъ звѣря на глазъ (охотничье выраженіе, означающее, что собаки гонятъ не чутьемъ, но завидя звѣря). Едва я успѣлъ схватить ружье, огромный дикій козелъ выскочилъ изъ кустовъ прямо противъ меня, шагахъ въ пятнадцати, поднялъ голову, осмотрѣлся и повернулъ въ тылъ. Въ торопяхъ, я не успѣлъ прицѣлиться, и выстрѣлилъ въ догонку. Козель свалился. Я бросился къ нему, но онъ вскочилъ и прыгнулъ.... Я перебилъ ему заднія ноги, ниже коленъ, но козелъ съ горяча прыгалъ, и я насилу догналъ его. У меня было одноствольное ружье; заряжать было нѣкогда, и я принялся колотить козла ружьемъ по головѣ.... Но удары мои были ему ни почемъ, и онъ продолжалъ прыгать, приближаясь къ болоту. Въ это время налетѣли собаки, и съ лаемъ и визгомъ напали на мою добычу. Я сталъ разгонять собакъ ружьемъ, и нѣсколь-

ко разъ задѣлъ имъ о пни и деревья. По счастью, явился вскорѣ Баутрукъ, на своемъ лихомъ конѣ, соскочилъ съ него и кортикомъ зарѣзалъ измученнаго звѣря, отогнавъ собакъ арапникомъ. Я былъ въ восхищеніи! Передо мною лежалъ огромный козелъ, первая жертва моей охоты.... Я осматривалъ его и гладилъ по лоснящейся шерсти — но вскорѣ восторгъ мой прошелъ, когда Баутрукъ сказалъ: «Посмотрите-ка, баринъ, на ваше ружье!» Я взглянулъ и ужаснулся. Ложа, сандаловаго дерева, была разбита въ дребезги, прикладъ разщепленъ, курокъ превосходной отдѣлки, изломанъ... «А это любимое ружье вашего дѣдушки!» сказалъ печально Баутрукъ, осматривая ружье. По счастью, дуло съ золотою насѣчкою было цѣло. — «Да вы бы ударили, баринъ, прикладомъ по переносью», примолвилъ Баутрукъ: «вѣдь черепа не разобьешь и обухомъ!» —

А мнѣ почемъ знать! — «Теперь будете знать», сказалъ Баутрукъ важно: «всякому дѣлу надобно учиться».

Баутрукъ призвалъ мужиковъ изъ цѣпи, окружавшей лѣсъ, и они отнесли мою добычу, на жердяхъ, на сборное мѣсто. Часовъ въ шесть по полудни поданъ былъ сигналъ, что охота кончилась. Я побрелъ тихонько на сборное мѣсто, и пришелъ послѣдній. Мнѣ стыдно было показаться на глаза дѣду, съ изломаннымъ ружьемъ, Баутрукъ предупредилъ уже всѣхъ о моемъ несчастномъ торжествѣ. Меня встрѣтили съ поздравленіями, и я не замѣтилъ ни малѣйшей досады въ рѣчахъ дѣдушки, и изъ всего общества онъ одинъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ моею схваткою съ козломъ. «Ты принялъ его за непріятельскаго гренадера, и поступилъ съ нимъ какъ безпардонный гусарь», сказалъ дѣдушка. Но еслибъ за cadaго убитаго

непріятеля надлежало платить ружьемъ, то война обошлась бы дорого!» Я молчалъ и досадовалъ на себя, но родственники старались меня ободрить и развеселить, въ чемъ скоро и успѣли.

Мы поѣхали къ ужину и на ночлегъ въ Яловку. Охота въ этотъ первый день была неудачная, потому что началась поздно. Стадо дикихъ козъ пробилось чрезъ облаву и всего застрѣлено двѣ штуки, вѣроятно отставшія отъ стада. За ужиномъ я былъ принятъ единогласнымъ рѣшеніемъ въ званіе охотниковъ, при провозглашеніи заздравнаго въ честь мою тоста и игра-ніи на рогахъ. Ужинъ былъ веселый и хозяинъ любезенъ со всѣми, а со мною въ особенности. Въ полночь мы улеглись спать. Для пожилыхъ людей постланы были постели въ особыхъ комнатахъ, а молодежь улеглась

на соломѣ, въ большой залѣ, всѣ въ рядѣ (*).

Настоящая охота началась на другой день, и продолжалась пять дней сряду. Мы ночевали въ лѣсу, въ шалашахъ, завтракали, обѣдали и ужинали подъ открытымъ небомъ, и возвратились въ Рудавку съ нѣсколькими возами разной дичи, которая немедленно была разослана къ друзьямъ и сосѣдямъ. Я поправилъ мою охотничью репутацію, и убилъ лося на поваль, на всемъ его бѣгу, въ виду всѣхъ, и даже заслужилъ рукоплесканія.

Охота составляла любимую забаву помещиковъ западныхъ губерній, и они

(*) Въ Польскихъ домахъ, когда много гостей, то не только молодые люди, но даже женщины спятъ на соломѣ, постланной на полу, разумѣется, въ особыхъ отдѣленіяхъ дома. Настлается солома, покрывается коврами и простынями, кладутся подушки, и всѣ ложатся въ рядѣ, какъ солдаты въ палаткахъ. Это называется по-польски: *spać rokotem*.

умѣли охотиться. Никогда мнѣ не случилось видѣть въ другихъ странахъ Европы ни такого порядка на охотѣ, ни такихъ искусныхъ стрѣлковъ, ни такого множества дичи, ни такого веселья и пированья на охотѣ, какъ въ Литвѣ. Достаточные помѣщики содержали множество стрѣлковъ, лошадей, стаи собакъ, и имѣли цѣлые арсеналы дорогихъ ружей. Часто и дамы сопутствовали мужьямъ и братьямъ на охоту, и тогда было еще веселѣе. Всего этого нѣтъ теперь въ Польшѣ. Это уже древняя исторія!

Замѣчательнѣйшій человекъ изъ всѣхъ сосѣдей дѣдушки, съ которыми я познакомился въ это время, былъ графъ Тышкевичъ, референдарій бывшаго Великаго Княжества Литовскаго, женатый на племянницѣ бывшаго Польскаго Короля Станислава - Августа Понятовскаго. Графъ Тышкевичъ былъ человекъ оригинальный въ полномъ смыслѣ слова,

умомъ, наружностью, образомъ жизни и поступками своими. Онъ былъ тогда лѣтъ шестидесяти и непомерно толстъ, такъ что едва могъ передвигать ноги. Одѣвался онъ весьма странно, въ цвѣтное платье сочиненнаго имъ самимъ ,покроя. Это было нѣчто въ родѣ кафтана среднихъ вѣковъ, доходящаго почти до пятъ и застегнутаго отъ шеи до самаго низа маленькими пуговками. Воротникъ былъ въ палецъ шириной, потому что у графа Тышкевича шеи не было вовсе и подбородокъ висѣлъ почти на груди. Онъ никогда не снималъ шапочки, точно такой, какою старые католическіе и лютеранскіе пасторы въ Германіи обыкновенно покрываютъ голову въ церкви, въ зимнее время. Графъ Тышкевичъ былъ гастрономъ и обжора, что рѣдко бываетъ въ одномъ человѣкѣ, ѣлъ хорошо и много, и въ этомъ имѣлъ усерднаго товарища и помощника въ старомъ другѣ свой

юности, дядѣ моемъ Станиславѣ Булгаринѣ. Съ необыкновеннымъ природнымъ умомъ графъ Тышкевичъ соединялъ разнородныя познанія, свѣтскую опытность и удивительную память. Мнѣ кажется, что невозможно быть добрѣе, честнѣе и благороднѣе, какъ былъ графъ Тышкевичъ. Вѣрно онъ не оскорбилъ ни одной души въ жизни, а добра дѣлалъ столько, сколько могъ. Точность его во всемъ доходила до педантства. Онъ страстно любилъ науки и охотно жертвовалъ большія суммы для распространенія просвѣщенія. Его мѣстечко Свислочь — было первое и единственное во всей Польшѣ по чистотѣ и порядку. Почти всѣ дома, прекрасной наружности, хотя деревянные, выстроены были на его счетъ. Гостиный дворъ былъ каменный. Онъ выстроилъ на свой счетъ прекрасныя зданія для классовъ гимназій и для помѣщенія директора и учителей, и пода-

рилъ Виленскому университету. Въ мѣстечкѣ былъ докторъ, на его жалованьѣ, и аптека. На годовую ярмарку въ Свислочь съѣзжались помѣщики изъ всей Литвы, и тогда графъ Тышкевичъ давалъ балы и обѣды для всѣхъ и про всѣхъ. На театрѣ, также имъ выстроенномъ, пріѣзжіе актеры давали представленія, и онъ платилъ почти за всѣ мѣста, рассылая билеты сосѣдямъ и знакомымъ. Словомъ, это былъ настоящій магнатъ, панъ Польскій въ старинномъ смыслѣ слова, по щедрости и гостепріимству, безъ всякой притомъ гордости, скромный, вѣжливый и добродушный. Другаго Тышкевича не встрѣтилъ я въ жизни—да въ нынѣшній, такъ называемый, промышленый вѣкъ—и быть не можетъ такого человѣка....

Дядя мой Станиславъ Булгаринъ повезъ меня къ нему, и я былъ такъ счастливъ, что понравился графу Тышкеви-

чу; онъ оставлялъ меня у себя иногда на нѣсколько дней. Хотя у него былъ обширный домъ въ Свислочи, но онъ жилъ всегда въ имѣнїи своемъ Симфанахъ, верстахъ въ двадцати отъ мѣстечка. Самъ хозяинъ помѣщался въ деревянномъ флигелѣ, безъ всякой архитектуры, а каменный домъ въ Италіянскомъ вкусѣ стоялъ пустой. Мебель въ комнатахъ, занимаемыхъ хозяиномъ, была самая обыкновенная, мало того что простая, но бѣдная, а въ каменномъ домѣ вездѣ были мраморъ, порфиръ, бронза, мозаика, Венеціанскія зеркала, драгоцѣнное дерево, шелкъ, бархатъ и парча. Комнаты не только были убраны богато, но со вкусомъ — и содержались въ порядкѣ и чистотѣ, будто ожидая хозяевъ. Съ этимъ домомъ сопряжена была таинственность. Графъ Тышкевичъ не жилъ съ своею женою, но находился съ нею въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ сноше-

ніяхъ, оказывалъ уваженіе и никогда не противился не только ея волѣ, но даже капризамъ. Послѣ послѣдняго раздѣла Польши между тремя державами, графиня Тышкевичева уѣхала въ Парижъ, и осталась тамъ на всю жизнь. Она прожила лѣтъ тридцать въ Парижѣ, была принимаема въ высшемъ обществѣ, сама принимала гостей въ назначенные дни, и сохранила навсегда аристократическій тонъ. Всѣ путешественники, бывшіе въ Парижѣ и посѣщавшіе общества, помнятъ графиню. Она была крива и недостающій ей природный глазъ замѣняла искусственнымъ, стекляннымъ, весьма ловко скрывая этотъ недостатокъ. Одѣвалась она всегда щегольски, по послѣдней модѣ, даже въ старости, которой никакъ не хотѣла поддаться. Читатели мои, занимающіеся иностранною словесностью, вѣроятно знаютъ *Записки Казановы* (*Mémoires de Casanova*), Италианца,

который объѣхалъ всю Европу безъ всякаго дѣла, ища приключеній и любовныхъ интригъ, былъ принятъ во всѣхъ высшихъ обществахъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, игралъ въ карты и обѣигрывалъ простаковъ, дрался на дуэляхъ и наконецъ кончилъ жизнь, въ пожилыхъ лѣтахъ, въ замкѣ одного Венгерскаго магната, принявшаго его ради Христа. Записки Казановы слишкомъ *вольныя* (grivois), нѣчто въ родѣ романа Луве (Louvet): Chevalier de Faublas, прочтены почти всѣми любителями забавнаго и веселаго чтенія. Этотъ Казанова, находясь въ Варшавѣ, вошелъ въ милость графини Тышкевичевой, и отправился съ нею въ Свислочь. Тутъ пришла графинѣ мысль выстроить Италіянскую виллу— и Казанова взялся за это дѣло. Добрый мужъ на все согласился, и въ одинъ годъ домъ былъ выстроенъ и убранъ, съ величайшими издержками. На память

согласія между мужемъ, женою и ея прислужникомъ, то есть Казановою, ви-ла получила названіе: Симфонію, иска-женное послѣ въ Симфаны. Избрано Гре-ческое слово для того, чтобъ настоящій смыслъ сохранялся въ тайнѣ (*). Такихъ мужей производитъ одна Польша! Это *мьстное* произведеніе.

Я провелъ время чрезвычайно весело, до половины октября. Кто бывалъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ лѣтъ за двадцать предъ симъ, тотъ сознается, что нигдѣ не жили такъ весело и безза-ботно, какъ въ Польшѣ. Гостепріимство было баснословное! Польскія женщи-ны — волшебницы, образцы Тассовой

(*) По-Гречески symphoneo значить assorti, по-добравный, приличный, тоже что convenant. Сло-во symphoneo происходитъ отъ Греческаго же слова: symphoneo, pacte, союзъ, contentement, удовольствіе, consentement, согласіе.

Армиды. Псовая охота, танцевальные вечера, кавалькады — смѣнялись каждый день, и вольность въ обхожденіи женскаго пола придавала всему необыкновенную прелесть. Противу Русскихъ ворчали про себя, а пріѣзжали Русскіе любезные и ловкіе офицеры — все забывалось — и тосты: *wiwat, kochaemy się* (то есть: вивать, станемъ любить другъ друга)! порождали общее братство!

Наступилъ рѣшительный переломъ въ моей жизни. Старшины нашей фамиліи рѣшили, что мнѣ не должно оставаться въ бездѣйствіи, и велѣно мнѣ отправиться въ Герцогство Варшавское, и вступить въ военную службу, въ которой уже находилось нѣсколько нашихъ родственниковъ. Здѣсь я долженъ пояснить дѣло, которое въ нынѣшнее время кажется загадочнымъ.

Россія была тогда въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Франціею. По Тильзитскому

трактату Герцогство Варшавское было признано государствомъ втораго разряда, принадлежащимъ къ Рейнскому Союзу, вмѣстѣ съ Королевствомъ Саксонскимъ. Король Саксонскій, какъ извѣстно, назначенъ былъ Наполеономъ Герцогомъ Варшавскимъ. Сообщение между Россіею и Герцогствомъ Варшавскимъ было свободное. Каждому помѣщику и свободному человѣку западныхъ и южныхъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши по послѣднему раздѣлу, гражданскіе и военные губернаторы выдавали безпрепятственно паспорта въ Варшаву. Множество дворянъ, богатыхъ и бѣдныхъ, служили въ Польскомъ войскѣ Герцогства Варшавскаго, и едва ли не третья часть офицеровъ были изъ Русскихъ провинцій. Нѣкоторые богатые люди приводили съ собою по нѣскольку сотъ человѣкъ шляхты, обмундировывали и вооружали ихъ на свой счетъ, формировали роты, эска-

дроны, баталіоны и даже цѣлые полки. На все это смотрѣли равнодушно, и ни позволенія, ни запрещенія не было. Если политики и предвидѣли скорый разрывъ Россіи съ Франціею, то этого не показывали.

При моемъ пылкомъ воображеніи и умѣ, жадномъ къ новостямъ, при страсти къ военной службѣ, правильнѣе къ войнѣ, я обрадовался предложенію моихъ родственниковъ. Зная, что Наполеонъ помыкаетъ Польскимъ войскомъ по всей Европѣ, я надѣялся побывать въ Испаніи, въ Италиі, а можетъ быть и за предѣлами Европы.... Вотъ что меня манило за границу! Ни одной политической идеи не было у меня въ головѣ: мнѣ хотѣлось драться и странствовать. Съ равнымъ жаромъ вступилъ бы я тогда въ Турецкую или Американскую службу!...

Дѣдушка Михайлъ Булгаринъ, дядя Станиславъ Булгаринъ и графъ Тышке-

вичъ, причитавшійся также къ нашей роднѣ, не знаю въ какой степени, снабдили меня червонцами, а кромѣ того графъ Тышкевичъ подарилъ богатые пистолеты и саблю. Мнѣ дали цѣлый пукъ рекомендательныхъ писемъ, и между прочимъ отъ графа Тышкевича къ родственнику его князю Юсифу Понятовскому, главнокомандовавшему Польскимъ войскомъ. Изъ Гродна, чрезъ повѣреннаго, присланъ паспортъ — и я, простясь съ родными, поѣхалъ въ Варшаву.

Передъ отъѣздомъ я отослалъ къ матери моей крѣпостнаго человѣка съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ о моемъ намѣреніи и написалъ письмо въ Петербургъ, къ сестрѣ Антонинѣ и зятю А. М. Искрицкому, прося его отвѣчать мнѣ, адресуя письмо на имя дѣда, Михаила Булгарина. Едва я успѣлъ осмотрѣться въ Варшавѣ, недѣли чрезъ двѣ я получилъ отвѣтъ отъ зятя. Одно мудрое

правило, изложенное въ его письмѣ, осталось навсегда въ моей памяти, и я радъ, что могу теперь передать его въ печати. А. М. Искрицкій, человекъ въ полномъ смыслѣ положительный, писалъ ко мнѣ, между прочимъ: «Твое намѣреніе исполнено, слѣдовательно и говорить объ этомъ нечего. Помни, однако жъ, что въ Испаніи и Италіи, при палящемъ солнцѣ — для бѣдныхъ чужеземцевъ — весьма холодно, когда напротивъ, въ нашей холодной Россіи иностранцамъ — тепло!» — Величайшая истина, которую я испыталъ!

Я и ровестники мои были свидѣтелями основанія и паденія многихъ государствъ въ Европѣ. Зрѣлище любопытное и поучительное. Взглянемъ на Герцогство Варшавское, котораго часть присоединена, съ 1815 года, на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи, подъ названіемъ Царства Польскаго.

Я уже сказалъ, впрочемъ всѣмъ извѣстное, что Тильзитскимъ миромъ утверждено существованіе Герцогства Варшавскаго, составленнаго изъ областей Мазовіи, Великой и Малой Польши, которыя принадлежали Пруссіи по послѣднему раздѣлу Польскаго королевства-республики. Когда Польское войско было распущено, генералы Мадалинскій, Князевичъ и Домбровскій вывели нѣсколько тысячъ солдатъ, съ офицерами, въ Саксонію, а оттуда пробрались въ Верхнюю Италію и на Рейнъ. Тогдашняя Французская республика не могла принять ихъ въ службу, потому что закономъ воспрещено было содержать иностранныя войска на жалованьѣ Франціи. Въ Верхней Италиі основана была Лигурійская республика и Французское Правительство изъ всѣхъ Польскихъ выходцевъ сформировало Польско-Италійскій легіонъ, въ службѣ Лигурійской

республики, но находившійся во Французской арміи, въ качествѣ вспомогательнаго войска. Этотъ легіонъ, комплектуемый изъ Австрійскихъ плѣнныхъ и дезертировъ, уроженцевъ Галиціи и Славонскихъ округовъ, составлялъ полную дивизію и имѣлъ свою артиллерію. Начальствовалъ дивизіей генераль Домбровскій. Франція заставляла этотъ легіонъ дорого платить за свое содержаніе. Въ Италянскую войну, противу Италянскихъ государей, потомъ противу Австрійцевъ и Русскихъ, этотъ легіонъ всегда находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, всегда въ первомъ и жестокомъ огнѣ. Потомъ часть его была послана на островъ Санъ-Доминго, въ экспедиціонномъ отрядѣ генерала Леклерка, а остальная часть вела кровопролитную войну въ Калабрії, противу защитниковъ Италянской независимости. Легіонъ въ началѣ Италянской кампаніи

имѣлъ до пятнадцати тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, но лишился на полѣ битвѣ и отъ разрушительнаго климата Санъ-Доминго почти двухъ третей, и съ величайшими усиліями комплектовался новыми выходцами.

Хотя по обширности и народонаселенію Герцогство Варшавское не уступало другимъ государствамъ Рейнскаго Союза втораго разряда, но оно было истощено и слабо въ высшей степени. Польша не имѣла тогда тѣхъ фабрикъ и мануфактуръ, которыя возникли въ ней съ тѣхъ поръ, какъ часть бывшаго герцогства присоединена къ Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго. Все богатство герцогства состояло въ земледѣліи, которое не могло доставить столько денегъ, сколько нужно было на содержаніе войска, администраціи и постройку крѣпостей. Прусская золотая и серебряная монета исчезла изъ обращенія. Надле-

жало употреблять чрезвычайныя, насильственные мѣры для поддержанія необыкновеннаго, неестественнаго теченія дѣлъ. Собирали натурою продовольствіе для войска, выдавая квитанціи или *боны*, которые со временемъ обѣщали выплатить. Пустили въ ходъ ассигнаціи, которыхъ кредитъ подорвало само же правительство, объявивъ, что вымѣниваетъ ассигнаціи на звонкую монету, взимая четыре мѣдные гроша за талеръ за промѣнъ (ажіо или лажъ). Наполеонъ прислалъ въ Польскую кассу на нѣсколько милліоновъ злотыхъ старой Сардинской монеты (мѣдной-посеребренной), которая долженствовала имѣть курсъ Польскаго полузлотаго, то есть семи копѣекъ съ половиною серебромъ. Казна выплачивала этою монетою, но ее не принимали въ торговлѣ по показанной цѣнѣ. Жиды пользовались обстоятельствами, скупали за безцѣнокъ ассигнаціи и Сардинскую

монету, и заставляли нуждающихся въ какихъ бы то ни было деньгахъ брать въ долгъ ассигнаціи и дурную монету по объявленной казною цѣнѣ (*). Положеніе финансовъ было отчаянное, и землевладельцы были совершенно разстроены въ своихъ доходахъ. Безпрерывно формировали новые полки и набирали команды для подкрѣпленія полковъ, находившихся за границею. Конскрипція, или наборъ рекрутъ по Французской системѣ, становился весьма тягостнымъ для сельскаго народонаселенія, лишая его лучшихъ работниковъ. По мѣрѣ уменьшенія рабочихъ рукъ, поднималась цѣна на сѣстные припасы. Положеніе Герцогства Варшавскаго было болѣзненное. Усилія его походили на лихорадочные

(*) Пущено было въ оборотъ: 700,000 билетовъ по талеру, 250,000 билетовъ въ два талера, 60,000 билетовъ по пяти талероу.

припадки. Энтузіасмъ — былъ лихорадочный жаръ; движенія — судороги, а между тѣмъ тѣло истощалось и по мѣрѣ упадка силъ физическихъ — упадалъ духъ. Помѣщики, поселяне и порядочные торговцы, не ростовщики — чувствовали вполнѣ бѣдственное положеніе страны.

Народонаселеніе Варшавы въ то время составляло около 75,000 жителей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, кромѣ войска, чиновниковъ и пріѣзжихъ. Тѣ, которые не видали прежней Варшавы, не могутъ составить себѣ о ней ни какого понятія. Городъ былъ порядочно грязенъ, плохо вымощенъ, во многихъ мѣстахъ вовсе не вымощенъ, весьма дурно освѣщенъ по ночамъ, и находился подъ весьма слабымъ полицейскимъ надзоромъ. Теперь лучшая улица, правильнѣе площадь, называемая *Краковское предместье*, простирается внутрь стараго города

(stare miasto), а тогда между ими былъ рядъ домовъ, и съ *Краковскаго предместья* въ *старый городъ* входили и въѣзжали черезъ узкія ворота. За этими воротами возвышалось огромное четырехугольное зданіе: *городская ратуша*, а вокругъ ея были узкія, сырыя, грязныя улицы, лишенныя круглый годъ солнечныхъ лучей, потому что высокія зданія препятствовали имъ проникнуть до земли. Возлѣ такъ называемыхъ *Мировскихъ казармъ*, наемный мой экипажъ засѣлъ однажды въ грязи по оси, и меня вынесъ извозчикъ на мощеное мѣсто на своихъ плечахъ. Вечеромъ нельзя было выйти на улицу безъ фонаря, и у подъѣзда театра, трактировъ и всѣхъ публичныхъ мѣстъ стояла всегда толпа мальчиковъ съ фонарями, для провожденія посѣтителей до дому. Нечистота въ жидовскомъ кварталѣ, на Орлиной улицѣ, была нестерпимая! Трактиры, кофейни и шинки бы-

ли отперты всю ночь. Полицейскіе комиссары (то же что наши частные пристава) были избираемы гражданами, и разумѣется, должныствовали быть весьма снисходительными. Жили въ Варшавѣ, какъ говорится, спустя рукава, почти безъ всякаго надзора, кто какъ могъ и какъ хотѣлъ. Хотя городъ былъ и не щегольской, но обращалъ на себя вниманіе великолѣпіемъ и прекрасною архитектурою древнихъ католическихъ церквей и монастырей и нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ зданій или палатъ (по-Италіянски: Palazzo, по-Польски: Pałac). Королевскій дворецъ или замокъ, на высокомъ берегу Вислы, со стороны города былъ закрытъ строе-ніями, но со стороны рѣки представлялъ великолѣпный видъ. Для прогулокъ внутри города служили садъ палатъ Красинскаго, гдѣ были присутственныя мѣста, и садъ палатъ Саксонскихъ, гдѣ

въ послѣдствіи жилъ Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Кромѣ того при многихъ домахъ были садики, а въ домахъ трактиры и кофейни. Садики эти по вечерамъ были иллюминированы и всегда наполнены посѣтителями. Въ трактирахъ и кофейняхъ (исключая нѣсколькихъ Французскихъ ресторановъ, между которыми отличались ресторанъ Шаво, подъ колоннами (*pod filarami*) на Наполеоновской (Медовой) улицѣ, и Пуаро, на Длинной (*Długiey*) улицы), прислуживали дѣвушки, красивыя, ловкія, болтливыя и даже остроумныя — и это привлекало посѣтителей. Вообще въ Варшавѣ публичная жизнь была въ полномъ развитіи, и только семейные люди, старики обѣдали и ужинали дома. Окрестности Варшавы очаровательныя. Вездѣ множество трактировъ, и вездѣ было множество посѣтителей. Жизнь была дешевая, до

невѣроятности! За червонецъ можно было провести препрiятно день: обѣдать въ хорошемъ трактирѣ, пить кофе у молодой кофейницы, посѣтить театръ, поужинать и прокатиться въ кабриолетѣ на четырехъ колесахъ (dżózki), запряженномъ парюю хорошихъ лошадей. Гастрономы ѣздили къ Нѣмцу Шуху лакомиться *кормлеными раками*, къ Нѣмцу Шиллеру, ѣсть жаренаго каплуна, начиненнаго сардинками, пить превосходный кофе, съ отличными сливками, въ кофейнѣ, называемой *сельскою* (Wiejska kawa). Лучшій обѣдъ (за рубль серебромъ) былъ у Розенгорта, въ улицѣ Лешно (Leszno). Все лучшее было у Нѣмцевъ, какъ водится, то есть изготовляли все туземцы, а продавали и брали барыши — Нѣмцы.

Въ Варшавѣ былъ одинъ только Польскій театръ, противу палатъ Красинскаго, на которомъ играли трагедіи, дра-

мы, комедіи, водевили и малыя оперетки. Балетной труппы не было, хотя театр имѣлъ театральную школу. Актеры и актрисы были превосходные. Лучшихъ я не видалъ, а видѣлъ, можетъ быть, равныхъ имъ. Первый трагикъ былъ Веровскій, высокій, складный мужчина, съ прекрасною, открытою фізіономіею и удивительнымъ органомъ. Жесты его, движенія, игра фізіономіи, интонаціи совершенно соотвѣтствовали и доказывали, что онъ глубоко изучилъ свое искусство и возвышался чувствомъ и разумомъ до тѣхъ характеровъ, которые изображалъ. Особенно онъ хорошъ былъ въ высокой драмѣ, въ *Макбетъ*, въ *Отелло* Шекспира, въ роляхъ, созданныхъ Шекспиромъ и въ нѣкоторыхъ національныхъ трагедіяхъ и драмахъ. Веровскій исторгалъ слезы и приводилъ въ содроганіе. Игра его была умная и спокойная, и въ сценахъ сильныхъ стра-

стей, онъ самъ пылалъ и воспаменялъ зрителей, но не кричалъ, не рѣвѣлъ и не топалъ ногами, сохраняя всегда благородство позъ и достоинство героя. Веровскій, уроженецъ западныхъ губерній, говорилъ прекрасно по-Русски и даже игралъ въ Кіевѣ и въ Витебскѣ, въ труппѣ странствующихъ Русскихъ актеровъ. Его приглашали въ Петербургъ, но онъ, зная любовь публики къ знаменитому тогда трагическому актеру Яковлеву, боялся его соперничества. Первая трагическая актриса Ледуховская (графиня), поступившая на сцену по непреодолимой страсти къ драматическому искусству, была, по моему мнѣнію, гораздо выше знаменитыхъ Французскихъ актрисъ Жоржъ и Дюшенуа. Прекрасный ростъ, правильныя, выразительныя черты лица, трогательный, доходившій до сердца голосъ, благородство пріемовъ, удивительный, необъяснимый взглядъ, проникав-

пій въ душу зрителя, способствовали тѣмъ волшебнымъ эффектамъ, которые Ледуховская производила своею чудною игрою. Ледуховская была превосходная актриса во всѣхъ трагическихъ роляхъ, но въ *Макбетъ*, въ сценѣ лунатизма — она была выше всего, что можно себѣ представить въ воображеніи. Шекспиръ никогда вѣроятно не думалъ, чтобъ изобрѣтенная имъ сцена производила такое впечатлѣніе. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что женщины въ ложахъ падали въ обморокъ, когда Ледуховская разыгрывала эту сцену. Дмушевскій прекрасный актеръ въ драмѣ и особенно въ благородной комедіи, былъ въ то же время и отличнымъ литераторомъ. Онъ основалъ газету *Курьеръ Варшавскій* (*Kurierek Warszawski*), которая и понынѣ существуетъ. Жулковскій — комикъ, по моему мнѣнію, выше тогдашнихъ Французскихъ комиковъ Брюне и Потіе, былъ

также остроумнымъ литераторомъ, и по бѣльшей части самъ сочинялъ или составлялъ пѣсы для своего бенефиса. Лишь только онъ выходилъ на сцену, въ залѣ раздавался хохотъ. Остроты и эпиграммы Жуковскаго заключали въ себѣ глубокой смыслъ, смѣшили, и въ то же время давали пищу разуму. Онъ издавалъ въ неопредѣленное время листки, подъ заглавиемъ: *Момусъ*, заключавшіе въ себѣ собраніе острыхъ словъ и эпиграммъ. Кромѣ того служитель Жуковскаго, по имени Новицкій, разносилъ по трактирамъ и кофейнямъ писанные листы *Момуса*, читалъ ихъ въ слухъ, и получалъ за это добровольныя приношенія отъ слушателей. Этими листами Жуковскій платилъ Новицкому за службу. Писанный *Момусъ* состоялъ по бѣльшей части изъ эпиграммъ на извѣстныя чѣмъ бы то ни было лица въ Варшавѣ — но эти эпиграммы и были въ такомъ родѣ,

что никто ими не обижался. Жулковскій шутилъ также надъ собою и надъ ревностью своей жены, выдумывалъ презабавные анекдоты на разныя лица — и все это было такъ смѣшно, такъ остро, что самый серьезный человекъ не могъ удержаться отъ смѣха. Лишь только Новицкій появлялся въ залѣ — наступала тишина и всѣ окружали чтеца, а если сидѣли за общимъ столомъ, то прекращали обѣдъ или ужинъ, чтобъ слушать чтеніе. Госпожа Ашпергеръ, Польшка, за мужемъ за Нѣмцемъ, прекрасно играла въ опереткахъ и въ водевиляхъ и сама была прелестная. Я видѣлъ два раза на сценѣ старика Богуславскаго, создателя польскаго театра при послѣднемъ королѣ Станиславѣ Августѣ Понятовскомъ. Богуславскій былъ и драматическій народный писатель и актеръ — истинный геній и въ литературѣ и на сценѣ. Драматическія его сочиненія и переводы

напечатаны въ нѣсколькихъ томахъ. Народная піеса его: *Краковяки и горцы* (Krakowiaki i górale), съ танцами и пѣснями, на народные напѣвы никогда не состарѣется. Эту піесу польскіе актеры давали разъ двадцать въ Петербургѣ, съ величайшимъ успѣхомъ. Богуславскій былъ уже очень старъ, когда я видѣлъ его на сценѣ, но игра его произвела удивительный эффектъ.

Бѣдность и нужда были внутри края, но въ Варшавѣ веселились. Кромѣ публичныхъ забавъ во всѣхъ частныхъ домахъ давали обѣды, вечера, балы, на которыхъ, разумѣется, первыя роли играли офицеры, потому что вся молодежь была въ военной службѣ. Для меня открыты были двери во всѣ первые дома — и, признаюсь, это было райское время для меня. Но у меня былъ въ Варшавѣ менторъ, аббатъ Швейковскій, угрюмый, серіозный, богатый и скупой

старикъ, который по праву родства не давалъ миѣ покоя, упрекалъ въ бездѣйствіи, охуждалъ пристрастіе мое къ свѣтской жизни и наставлялъ, чтобъ я вступилъ на какое нибудь поприще дѣятельности. Надобно было повиноваться.

Въ Варшавѣ я нашелъ двухъ старыхъ товарищей, бывшаго ротмистра въ уланскомъ Его Высочества полку Боржемскаго и бывшаго корнета того же полка Дембовскаго, уроженцевъ вольнской губерніи. Оба они служили подполковниками въ гусарскихъ полкахъ, которыхъ было два въ войскѣ герцогства Варшавскаго, одинъ *серебряный*, другой *золотой*. Отыскалъ я также и похитителя прекрасной жидовки, капитана, и нѣсколькихъ родственниковъ. Посредствомъ ихъ познакомился я со многими офицерами полковъ, стоявшихъ въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ—и, по совѣту старыхъ товарищей и новыхъ пріятелей,

наконецъ явился съ письмомъ графа Тышкевича къ князю Юсифу Понятовскому, главнокомандующему польскимъ войскомъ и военному министру. Въ первый разъ явился я къ нему въ пріемный день. Въ залѣ было множество офицеровъ и разныхъ просителей, въ томъ числѣ и нѣсколько женщинъ. Князь сперва подошелъ къ женщинамъ, выслушалъ каждую, принялъ бумаги и обѣщалъ скорый отвѣтъ. Потомъ обошелъ по очереди всѣхъ бывшихъ въ залѣ. Вручивъ ему письмо и записку о себѣ, я сказалъ только: отъ референдарія литовскаго графа Тышкевича. Князь прочелъ письмо, сказалъ мнѣ нѣсколько вѣжливостей, спросилъ о здоровьи графа и пригласилъ на другой день къ обѣду, примолвивъ, что подумаетъ, что можно будетъ для меня сдѣлать.

Князю Понятовскому было тогда сорокъ семь лѣтъ отъ рожденія (родился

въ 1763 году); но на видъ онъ казался моложе, потому что онъ чернилъ волосы. Онъ былъ красавецъ и молодецъ, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ—прекрасный, ловкій, статный мужчина. Лице его выражало необыкновенную доброту душевную и въ глазахъ было что-то привлекающее. Онъ уже далъ блистательныя доказательства личной храбрости и познаній военнаго искусства въ войнахъ до раздѣленія Польши и въ 1809 году. Онъ началъ свое военное поприще въ австрійскомъ войскѣ и на двадцать шестомъ году отъ рожденія уже былъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ (тоже что у насъ генералъ-лейтенантъ). При началѣ первой французской революціи, въ 1789 году, онъ призванъ былъ дядею своимъ, королемъ Станиславомъ-Августомъ въ Польшу и былъ главнокомандующимъ польскаго войска въ войнѣ 1792 года, но находя сопротивленіе въ безтолковомъ

сеймѣ, онъ оставилъ службу и удалился изъ отечества. Въ 1794 году онъ возвратился въ Польшу и командовалъ дивизією подъ главнымъ начальствомъ Костюшки. Послѣ уничтоженія политическаго существованія Польши, князь Юсифъ Понятовскій снова удалился изъ отечества, съ другими членами бывшей королевской фамиліи. Братъ его, князь Станиславъ поселился на всегда во Флоренціи, и въ послѣдствіи вступилъ въ подданство герцогства Тосканскаго, а князь Юсифъ путешествовалъ по Европѣ и отказался отъ вступленія во французскую службу, хотя ему и предлагали чинъ генерала дивизіи (тоже что генераль-лейтенантъ). Когда же Наполеонъ занялъ Прусскую Польшу и устроилъ въ ней временное правленіе, въ 1806 году, князь Юсифъ Понятовскій возвратился въ отечество, принялъ званіе высшаго министра и сформировалъ войско, надъ

которымъ ему ввѣрено главное начальство. Князь Понятовскій былъ человѣкъ умный, образованный и притомъ искусный полководецъ. Доброта его и щедрость были безпредѣльныя. Можно сказать, что онъ былъ идоломъ Польши, войска и народа. Во всей Западной Европѣ его называли польскимъ Баярдомъ: рыцаремъ безъ страха и упрека (*sans peur et sans reproche*). Онъ имѣлъ одну, впрочемъ рыцарскую слабость, свойственную многимъ героямъ, а именно: онъ былъ страстный любитель прекраснаго пола, и притомъ разборчивъ только въ красотѣ, а не въ званіи женщинъ. Нѣсколько разъ князю Іосифу Понятовскому предлагали блистательныя партіи, и онъ могъ бы породниться съ владѣтельными фамиліями, но онъ всегда отвѣчалъ одно: что чувствуетъ себя не въ силахъ сохранить супружескую вѣрность и потому отказывается отъ же-

нитьбы, зная по опыту, что всѣ женщины болѣе или менѣе ревнивы. На основаніи этого правила онъ всю жизнь остался холостякомъ и волокитою. Князь Іосифъ имѣлъ богатая помѣстья, но огромные доходы его были недостаточны для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, изъ которыхъ главную составляла *благотворительность*. Бѣднымъ, истинно нуждающимся, онъ отдавалъ послѣднее и потому часто бывалъ безъ денегъ и принужденъ былъ занимать. Онъ зналъ и любилъ службу, и при всемъ своемъ добродушіи, строго соблюдалъ ее.

Въ пять часовъ по полудни, явился я къ обѣду. За столомъ было нѣсколько генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ высшаго министерства и два министра, Матушевичъ и Выбицкій. Всего было человѣкъ двадцать. Князь по старинному обычаю представилъ меня каждому гостю и назвалъ мнѣ каж-

даго гостя. Это означало, что всё мы были знакомые между собою *по дому князя Полятовскаго*. За столомъ князь спрашивалъ меня о Финляндской войнѣ и съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушалъ рассказъ мой о подвигахъ графа К. М. Каменскаго и о переходѣ Баркляя-де Толли по льду, чрезъ проливъ Кваркенъ, въ Швецію. Я старался сокращать рассказъ, но князь спрашивалъ о подробностяхъ и мы отъ того просидѣли лишній часъ за столомъ. Другіе собесѣдники, какъ мнѣ казалось, также слушали меня со вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, похожимъ на недовѣрчивость, хотя я говорилъ сущую правду. Князь превозносилъ храбрость, стойкость, терпѣнье русскаго солдата и превосходную дисциплину русскаго войска и повторилъ слова Наполеона, сказанныя послѣ сраженія подъ Фридландомъ, что: «Русскихъ можно

перебить (или разгромить), но побѣдить нельзя».

Послѣ обѣда всѣ мы перешли, въ такъ называемую, турецкую комнату или диванную, гдѣ охотникамъ подали трубки. Я почелъ неприличнымъ курить, находясь въ первый разъ въ гостяхъ у такого вельможи. Курили только старики. Зашла рѣчь о жидкахъ. Князь Юсифъ Понятовскій защищалъ ихъ, и старый генералъ Заіончекъ, замѣтилъ съ улыбкою, что гораздо легче защищать *жидовокъ*, нежели *жидовъ*. Князь понялъ намекъ и засмѣялся, сказавъ, что вѣрно генералъ Заіончекъ вспомнилъ о польскомъ королѣ Казимірѣ Великомъ, который изъ любви къ жидовкѣ Эстеркѣ, покровительствовалъ жидовъ. Когда дошло до военно-служащихъ изъ жидовъ, генералъ Заіончекъ сказалъ, что даже лучшіе офицеры изъ жидовъ не могутъ отстать отъ торгашества и отъ привыч-

ки отдавать деньги въ ростъ. Въ примѣръ противнаго, князь называлъ подполковника Берко или Берковича, сказавъ, что это былъ истинный герой. Я спросилъ у одного изъ офицеровъ, кто этотъ іерусалимскій герой и узналъ, что это былъ жидъ, который формировалъ жидовскій легіонъ, въ Варшавѣ, въ 1794 году; потомъ служилъ въ италіянско-польскомъ легіонѣ и во французской службѣ, дослужился до капитанскаго чина, былъ произведенъ въ подполковники въ конно-егерскомъ полку, когда сформировано польское войско, въ 1807 году; отличился въ кампанію 1809 года, противу Австрійцевъ и убитъ въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ родился, въ Коцкѣ, на рѣкѣ Вепрѣ. Онъ расположился на ночлегъ съ двумя эскадронами, созвалъ всѣхъ своихъ родныхъ и задалъ имъ пиръ, не предвидя никакой опасности. Нѣсколько эскадроновъ вен-

герскихъ гусаръ перешли въ плавь чрезъ рѣку, обогнули мѣстечко (то есть городишко) и напали ночью, въ распахъ, на безпечныхъ Поляковъ. Полковникъ Берко успѣлъ собрать съ сотню своихъ егерей и пошелъ на пробой. Дрались съ обѣихъ сторонъ отчаянно и Берку изрубили, какъ говорится, въ куски. Жиды похоронили его за городомъ съ великими почестями и надъ его могилою насыпали высокій курганъ, который вѣроятно и до-сихъ-поръ существуетъ. 3)

Берко, какъ я могъ заключить изъ всѣхъ разказовъ объ немъ, принадлежалъ къ весьма рѣдкимъ явленіямъ въ еврейскомъ мірѣ. Съ необыкновенною храбростью, Берко соединялъ въ себѣ рѣдкое чистосердечіе, безкорыстіе и добродушіе. Храбры были и древніе Евреи во время войнъ Веспасіана и Тита, но чистосердечіемъ и безкорыстіемъ они никогда не отличались. Берко не получилъ

школьнаго образованія, но имѣя природный умъ, какъ говорится, понатерся между людьми, и въ обществахъ былъ какъ и всѣ другіе. Офицеры и солдаты уважали и любили его. Онъ твердо придерживался Моисеева закона, касательно главныхъ пунктовъ вѣры, но ѣлъ все, не разбирая что *трефъ*, что *кошеръ*, не употребляя, однакожъ, въ пищу мяса животныхъ, запрещеннаго Моисеемъ.

Князь Понятовскій сказалъ мнѣ, чтобъ на счетъ службы я отнесся къ полковнику Раутенштрауху, управлявшему, кажется, всѣми письменными дѣлами и всѣмъ механизмомъ военнаго министерства, примолвивъ, что ему даны уже на этотъ счетъ приказанія. Прощаясь со мною князь пригласилъ меня къ себѣ, на воскресенье, въ концертъ; — помню что въ первый разъ обѣдалъ я у князя въ четвергъ.

На другой день я явился въ канцеля-

рію, къ полковнику Раутенштрауху. Онъ извѣстенъ былъ точною по службѣ, знаніемъ дѣла и холодною въ обращеніи. Онъ принялъ меня сухо и сказалъ, что въ концѣ будущей недѣли дастъ мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

Въ концертѣ у князя Понятовскаго собранъ былъ весь *большой свѣтъ* Варшавы и можно сказать всей Польши, потому что всѣ богатая фамиліи и почти вся старинная аристократія проживала въ Варшавѣ, отъ конца осени до весны. Красавиць было множество. Тогда введено было въ моду говорить въ обществахъ не иначе, какъ природнымъ языкомъ. По-французски говорили только съ Французами. Всѣ комнаты наполнены были гостями и въ большой залѣ играли кантату, композиціи, помнится, капельмейстера Эльснера, на слова Нѣмцевича. По другимъ комнатамъ составились группы. Я присталъ къ одной группѣ, въ

которой одинъ офицеръ, прибывшій на укомплектованіе полковъ, находившихся въ Испаніи, рассказывалъ о кровавыхъ битвахъ, нравахъ Испанцевъ, красотѣ Испанокъ и тому подобное. Меня это воспаменяло.

Когда я явился къ Раутенштрауху, онъ сказалъ мнѣ, что при всемъ своемъ желаніи исполнить приказаніе князя, онъ не можетъ отыскать для меня мѣста. «Послѣ кампаніи 1809 года, сказалъ онъ мнѣ: болѣе пяти сотъ человекъ унтеръ-офицеровъ, дворянъ, имѣютъ первое право на занятіе офицерскихъ ваканцій, и всѣ сражавшіеся въ рядахъ польскихъ ждутъ производства въ высшій чинъ, по очереди. Еслибъ вы прибыли къ намъ до кампаніи, когда мы нуждались въ опытныхъ офицерахъ, бывшихъ уже въ огнѣ, то васъ бы немедленно приняли высшимъ чиномъ. Товарищъ вашъ Дембовскій принять прямо капита-

номъ и заслужилъ чинъ подполковника на полѣ сраженія. Кромѣ того, изъ полковъ, находящихся въ Испаніи, и изъ польской гвардіи Наполеона намъ безпрестанно присылають списки кандидатовъ на офицерскія мѣста. Ваканцій вовсе нѣтъ. Подождите! Предполагается, съ января будущаго года, сформировать два новые полка пѣхоты и я надѣюсь сбересть для васъ мѣсто подпоручика» (*).

«Покорно благодарю! отвѣчалъ я: по для пѣхотной службы я не созданъ и беспокоить ни князя, ни васъ больше не намѣренъ» — я раскланялся и вышелъ, раздосадованный обманутою надеждою.

Однакожъ Раутенштраухъ говорилъ правду. Кандидатовъ въ офицеры было

(*) Ни въ польской, ни во французской службѣ не было чина прапорщика — и первый чинъ былъ подпоручика.

на армію въ 300,000 человѣкъ, а въ наборѣ солдатъ было большое затрудненіе. Бывшіе въ кампаніи 1809 года противъ Австрійцевъ офицеры, какъ мнѣ казалось, слишкомъ высоко оцѣнивали свои заслуги, и я, безъ всякой причины, нажилъ бы себѣ враговъ, еслибъ *стль* многимъ *на голову*, какъ говорится по военному, то есть, еслибъ занялъ высшее мѣсто. Раздумавъ хорошенько, я успокоился.

Многіе устаютъ отъ дѣятельности, а я всегда изнемогаю отъ бездѣйствія. Мнѣ скоро надоѣла эта разсѣянная жизнь въ Варшавѣ. Ни съ кѣмъ не посоветовавшись и ни съ кѣмъ не простясь, я взялъ паспортъ и отправился въ Парижъ! — Съ этой минуты начинаются мои странствованія.

Въ Польшѣ вовсе не знали тогда почтовыхъ каретъ и дилижансовъ. Даже въ просвѣщенной Германіи дилижансы хо-

дили только по военнымъ дорогамъ, между французскою границею и нѣмецкими крѣпостями, занимаемыми Французами или ихъ союзниками. Почтовые нѣмецкія коляски, не на рессорахъ, а на пассахъ, экипажи предпотопной формы, тяжестью своею изображали характеристику народа. Кромѣ того ѣзда на почтовыхъ была весьма дорога. Содержатель гостиницы и трактира въ Варшавѣ, Г. Розенгартенъ нашелъ для меня мѣсто въ нѣмецкой огромной бричкѣ, нанятой нѣмецкимъ семействомъ до Бреслава, и познакомилъ меня, немедленно, съ господиномъ, который согласился дать мнѣ мѣсто въ экипажѣ. Это былъ прусскій чиновникъ, занимавшій какую-то значительную должность въ Варшавѣ, во время Пруссаго правительства; и имѣвшій даже собственный каменный домъ, который онъ продалъ, чтобъ избавиться отъ тяжкихъ податей. Этотъ

прусскій чиновникъ былъ женатъ на милостивой Польшкѣ и имѣлъ пятилѣтняго сына. Известно, что какъ только Польшка сама не служанка, то не можетъ обойтись безъ служанки, а потому и при госпожѣ прусской чиновницѣ была дѣвушка, родомъ изъ Бреславля. Я долженъ былъ заплатить четвертую часть всей цѣны за мѣсто впереди, рядомъ съ служанкою. Фурманъ былъ Силезецъ родомъ, и имѣлъ превосходную четверку огромныхъ лошадей мекленбургской породы. Запасшись съѣстнымъ на дорогу, мы отправились въ путь на Ловичъ, Калишъ и переѣхали границу тогдашняго герцогства Варшавскаго въ Равѣ.—Мы ѣхали вездѣ ровною рысцею и дѣлали верстъ по пятидесяти и по шестидесяти въ сутки.

Въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго спутникъ мой былъ молчаливъ, и если говорилъ, то о предметахъ вовсе не-

значительныхъ. Но когда мы въѣхали въ Силезію, то на первомъ ночлегѣ онъ, какъ говорится, отвелъ душу, бранью противу Наполеона и всѣхъ народовъ, подвласныхъ ему или союзныхъ съ нимъ, превознося только Англичанъ и Испанцевъ, заклятыхъ его враговъ. Спутникъ мой имѣлъ весьма основательныя причины къ гнѣву, какъ Пруссакъ и какъ чиновникъ, лишившійся выгоднаго мѣста, и я рѣшился не входить съ нимъ въ споръ. Но какъ бранныя рѣчи его продолжались непрерывно и постепенно становились колкими, вѣроятно отъ моего терпѣнья, то я на третій день замѣтилъ ему, что онъ поступаетъ со мною весьма не деликатно, заставляя меня выслушивать его сужденія, не справившись пріятно ли мнѣ это или досадно, примолвивъ, что онъ, господинъ прусскій чиновникъ, проживъ девять лѣтъ въ Польшѣ, составивъ въ ней порядочное состо-

яніе, какъ миѣ говорено было въ Варшавѣ, и удостоивъ Польскую націю чести избраніемъ въ ней супруги, долженъ быть снисходительнѣе къ другимъ народамъ. Нѣмецъ взбѣсился, и можетъ быть между нами дошло бы до неприятностей, если бъ ловкая Польшка, жена моего противника, нѣжными взглядами и сахарными словами не потушила моего гнѣва. Я ограничился тѣмъ, что, въ глазахъ Нѣмца, осмотрѣлъ мои пистолеты, и перемѣнилъ порохъ на полкахъ, сказавъ Нѣмцу: «вотъ неопровержимая логика!» Съ этой поры Нѣмецъ замолчалъ и до самаго Бреславля не промолвилъ со мной слова.

Простой народъ въ Силезіи, какъ известно, говоритъ по-славянски; на востокѣ польскимъ нарѣчіемъ, на западѣ лужицкимъ, или какъ Нѣмцы называютъ Вендскимъ. Городскіе жители онѣмчали, но у мѣщанъ-туземцевъ со-

хранилась въ душѣ привязанность къ славянскимъ племенамъ. Замѣчательно что въ городахъ силезскихъ весьма много скорняковъ, и что на ихъ бивѣскахъ вездѣ намалеванъ человекъ въ старопольскомъ контушѣ, въ мѣховой шапкѣ и эпанчѣ на мѣху, а подписи на вивѣскѣ по-нѣмецки и по-польски. Лучшія дворянскія фамиліи славянскаго происхожденія, хотя переродились въ Нѣмцевъ. Множество фамилій имѣютъ окончаніе на *ій*, *овъ* и *ичъ*. Нашъ Забалканскій герой, русскій графъ Дибичъ, принадлежитъ также къ древнему славянскому дворянству, въ Силезіи. Извѣстный писатель Князь Пюклеръ-Мускау происходитъ изъ лузацкихъ славянскихъ князей. Силезское славянское дворянство дало Пруссіи и Австріи много отличныхъ генераловъ, государственныхъ мужей, ученыхъ и писателей. Множество знатныхъ фамилій и даже владѣтельныхъ

домовъ во всей Германіи или происходятъ отъ силезскихъ удѣльныхъ князей или находились съ ними въ родствѣ. Силезское дворянство весьма древнее, заслуженное и блистательное въ исторіи.

Силезію въ древности населяли германскія племена. Въ концѣ переселенія народовъ, въ VI вѣкѣ по Р. Х., этою страню овладѣли Славяне-Кроаты или Хробаты (*) и основали сильное государство, подъ именемъ королевства Моравскаго, въ составъ котораго входили: Велико-Польша, Моравія и Богемія. Въ X-мъ вѣкѣ Венгры или Мадьяры, вмѣстѣ съ Нѣмцами, разрушили это государство, въ которомъ польскій герцогъ Мечиславъ ввелъ Христіанство.

(*) Названіе Кроатовъ и Хробатовъ безъ всякаго сомнѣнія происходитъ отъ названія Карпатскихъ горъ или Кремпаковъ (Krempakow), т. е. твердыхъ, крѣпкихъ.

Силезія не называлась тогда нынѣшнимъ своимъ именемъ. Населявшіе ее Славяне имѣли мѣстныя названія: *Слазаны*, въ окрестностяхъ Бреслава, Бригга, до рѣки Одера; *Кроаты*, въ Верхней Силезіи; *Бобораны*, въ окрестностяхъ Бобра; *Требованы*, въ лѣсахъ, въ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Примко, Клича (Klitschdorf) и Коченау (Коченовъ); *Дидизяны*, между городомъ Глогау (Глогова) и Лузаціей.—Имя Силезіи, появляется въ лѣтописяхъ впервые въ 1000-мъ году. По разрушеніи Моравскаго царства, Силезія досталась Польшѣ. Съ 1136-го года начались въ Силезіи удѣлы для князей изъ царствовавшего въ Польшѣ рода Піастовъ, а въ 1525-мъ году Силезія присягнула на подданство Фердинанду 1-му, эрцъ-герцогу австрійскому, избранному королю Богеміи и Венгріи.—Ненависть Славянъ къ Венграмъ весьма древняя. Поддаваясь Австрій, Силезцы положили условіемъ,

чтобъ ихъ страна никогда не была соединена съ Венгріею но составляла одно цѣлое съ родственною Богеміею. Въ 1742-мъ году лучшая часть Силезіи досталась Пруссіи, послѣ Семилѣтней войны.—Взаимная ненависть католиковъ и протестантовъ была главною причиною всегдашнихъ раздоровъ между жителями Силезіи и споспѣшествовала Фридриху Великому при завоеваніи страны.

Земли въ Силезіи хорошо обработаны, мызы красивыя, города небольшіе (исключая Бреславля), но чистые и хорошо застроенные. Крестьяне тогда были крѣпостные въ Силезіи, какъ въ Даніи, Венгріи и во многихъ странахъ Германіи. Если между Славянами и Нѣмцами не было явной ненависти, то съ обѣихъ сторонъ господствовало недоброхотство. Нѣмцы, даже мелкіе ремесленники и слуги, почитали себя выше Славянъ, и Славяне, повинувась силѣ и власти, ни-

какъ не хотѣли признать въ Нѣмцахъ нравственнаго превосходства. Желая приобрѣсть довѣренность и дружеское расположеніе силезскаго крестьянина, надлежало говорить съ нимъ его языкомъ. Большая часть славянскихъ жителей Силезіи, особенно женщины, во все даже тогда не понимали по-нѣмецки, хотя и должны были слушать нѣмецкія проповѣди въ протестантскихъ церквахъ. Псалмы пѣли они на своемъ языкѣ.—Въ деревенскихъ школахъ, въ нѣкоторыхъ господскихъ и во всѣхъ казенныхъ имѣніяхъ обучали крестьянскихъ дѣтей нѣмецкому языку, и давали даже преміи лучшимъ ученикамъ, но все же не могли заставить забыть языка природнаго.—Съ весьма малыми исключеніями чиновники въ славянскихъ странахъ, покоренныхъ Австріею и Пруссіею, были Нѣмцы, потому что нѣмецкій языкъ былъ оффиціальній, и всѣ

дѣла производились на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдовательно и чиновники должны были быть Нѣмцы. Но вообще они не отличались безкорыстіемъ, напротивъ, искали всѣхъ случаевъ къ своему обогащенію на счетъ жителей. До сихъ поръ существуетъ въ Польшѣ, въ Силезіи, Моравіи и Богеміи множество поговорокъ и пѣсень на счетъ корыстолюбія нѣмецкихъ чиновниковъ. Разумѣется, что они ѣхали на чужбину съ единственною цѣлью обогащенія, чтобъ прожить пріятно остатокъ жизни на родинѣ. Но вліаніе Нѣмцевъ издавна поселившихся между славянскими племенами, было благотѣтельно для сихъ послѣднихъ. Въ этомъ мы должны сознаться изъ уваженія къ истинѣ. Наше Славянское племя имѣетъ столько похвальныхъ качествъ, что намъ не стыдно сознаваться въ нашихъ недостаткахъ. О всѣхъ славянскихъ племенахъ вообще (разу-

вѣтся исключая нѣкоторыя семейства изъ высшаго сословія), населяющихъ пространства отъ Балтійскаго Моря до Адриатическаго и отъ Камчатки до рѣки Эльбы и горъ Тирольскихъ, можно сказать то же, что сказалъ Грибоѣдовъ въ шутку (въ Горе отъ ума) о Москвичахъ:

«Отъ головы до пятокъ

На всѣхъ *Славянахъ* есть особый отпечатокъ».

Добродушные, щедрые, гостепріимные, великодушные, (*) весельчаки и краснобаи, Славяне мало заботятся о будущемъ, ведутъ всѣ свои дѣла и исполняютъ всѣ работы на удачу (на авось), легковѣрны и воспламенятельны (особенно южные и западные Славяне), любятъ болѣе блескъ и пышность, нежели чистоту, при недостаткѣ терпятъ нужду съ стоическою твердостью, но во всемъ

(*) Поговорка: «Лежачаго не бьютъ.»

утруждающемъ мысль, требующемъ точности, — нетерпѣливы до крайности. Славянская стихія—война!

Во всей южной и западной Славянщинѣ города, по большей части, населяютъ Нѣмцы, или правильнѣе сказать Лѣмцы устроили въ славянскихъ земляхъ порядочные города, и подали собою примѣры точности въ дѣлахъ и работахъ, бережливости, воздержанія, чистоты и порядка. Торговая промышленность и ремесла введены Нѣмцами между южными и западными Славянами. Несправедливо было бы упрекать Нѣмцевъ за то, что они пользуясь своими преимуществами, обогащаются, живя между Славянами. Жиды живутъ обманами, а Нѣмцы честнымъ трудомъ, и не мѣшаютъ Славянамъ наживаться тѣмъ же путемъ. Что сказано было о нѣмецкихъ чиновникахъ, того никакъ не должно примѣнять къ промышленному нѣмецкому сословію.

Но за то Нѣмцы или Германцы были тогда совершенно другой народъ, на всемъ пространствѣ Германіи. Въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, Нѣмцы совершенно переродились, т. е. новое поколѣніе отдалилось на столько же отъ дѣдовъ своихъ, на сколько дѣды были далеки отъ той эпохи, которую описывалъ Тацитъ. *Viderkeit, Redlichkeit* — это коренныя германскія добродѣтели, выродившіяся въ крови народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ коренныя *непереводимыя* нѣмецкія слова. У насъ оба эти слова переводятся однимъ словомъ: *честность*. Французы переводятъ эти слова: *l'honnêteté* (честность), *l'intégrité* (праводушіе), *la probité* (тожъ), *sincérité* (искренность), *droiture* (прямодушіе), *bonne foi* (тожъ).

Можно смѣло сказать, что три четверти всего германскаго народонаселенія обладали тогда этими добродѣтелями, были набожны, трудолюбивы въ выс-

шей степени, бережливы, воздержны и скромны. Святость присяги и вѣрность своему Государю были непоколебимы въ сердце Германца, и въ то же время просвѣщеніе и образованность были сильно развиты повсюду, особенно въ средней Германіи. Благосостояніе и достатокъ были разлиты повсюду. Огромныя богатства были рѣдки, но за то не было нигдѣ нищеты. Благословеніе Божіе поддерживало добрый Германскій народъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Нашествіе Французовъ поколебало нѣсколько чистоту германскихъ нравовъ. По старинному обычаю, Нѣмцы средняго сословія проводятъ вечера въ своихъ клубахъ, въ родѣ нашихъ биргерклубовъ, и пивныхъ шинкахъ (Bierschenke), оставляя дома женъ и дѣтей. Ни въ какой странѣ въ мірѣ женщины не читаютъ столько романовъ, какъ въ Герма-

ніи. Въ каждомъ городишкѣ есть непременно бібліотека, изъ которой, за весьма низкую цѣну, получаютъ для прочтенія всѣ новыя книги. Нѣмки изъ средняго сословія днемъ занимались домашнимъ хозяйствомъ, а вечеромъ сходились по очереди у одной изъ пріятельницъ, и одна изъ нихъ читала, а прочія слушали, занимаясь своимъ рукодѣліемъ, ахали и утирали слезы. Каждый колпакъ, связанный женою для мужа, вѣрно былъ нѣсколько разъ орошенъ слезами чувствительности! Голова Нѣмокъ набита была романическими идеями, и у каждой изъ нихъ вѣрно былъ идеальный герой, котораго искало разпѣженное сердце и разогрѣтое воображеніе. Нахлынули Французы, веселые, блистательные, ловкіе, ласковые — воображеніе вспыхнуло и сердца Нѣмокъ растаяли. Начались романы въ натурѣ! Между нѣмецкими женщинами Шар-

лоттъ было множество, но между французскими офицерами не нашлось ни одного Вертера!

Въ народѣ не было ни одной политической идеи, до 1807 года, т. е. до униженія Пруссіи Наполеономъ. Совѣтуемъ всѣмъ любознательнымъ людямъ прочесть краткое, но глубокомысленное сочиненіе Графа Сергія Семеновича Уварова: «Штейнъ и Поццо-ди-Борго» *. Читатель увидитъ, что первая идея о единствѣ Германіи возникла въ головѣ прусскаго министра Барона Штейна, намѣревавшагося соединенными силами всего Германскаго народа испровергнуть власть Наполеона, возвратитъ

(*) Сочиненіе написано по-французски, переведено на русскій языкъ Профессоромъ Русской Словесности въ Дерптскомъ Университетѣ М. П. Розбергомъ, напечатано въ Дерптѣ въ 1807 году, и потомъ перепечатано въ журналахъ.

Пруссіи ея самостоятельность и дать ей новыя силы, поставивъ въ главѣ всѣхъ протестантскихъ Германскихъ государствъ. Для распространенія своихъ идей въ народѣ, Штейнъ поддерживалъ сильно тайное общество Tugend-Bund, т. е. Добродѣтельный Союзъ, учредившійся въ Германіи для противодѣйствія Наполеону и для возбужденія въ низшихъ сословіяхъ народа Германскаго патріотисма, и старался притомъ объ уравненіи въ правахъ съ дворянами средняго сословія, изданіемъ закона, по которому всѣмъ жителямъ Государства открыты были пути къ службѣ и всѣ мѣста, по выдержаніи экзамена каждымъ искателемъ мѣста, для доказательства способностей и образованности. Эти избранные люди изъ средняго сословія долженствовали въ немъ распространять идеи, порожденныя Штейномъ о единствѣ Германіи и освобожденіи ея отъ

чужеземнаго вліянiя. Но главными дви-
жителями новой пропаганды Штейнъ
избралъ германскіе университеты, ко-
торые издревле были въ Германіи то же,
что сердце и мозгъ въ человѣкѣ. Уни-
верситетамъ, состоявшимъ въ тѣсной
связи съ писателями, книгопродавцами
и всѣмъ, что только принадлежитъ или
прикасается къ просвѣщенію, поручено
было посѣять и возрастить въ народѣ
ненависть не только къ чужеземному
владычеству, но даже къ вліянію, и ра-
спространить мысль о единствѣ Герма-
ніи. Всѣ Германскія правительства при-
стали къ этому плану Штейна, и если
явно не покровительствовали Тугендъ-
бунда, то терпѣли его и помогали его
членамъ укрываться отъ французской
полиціи. Даже осторожная и благоразум-
ная Австрія, по убѣжденію тогдашняго
министра Графа Стадіона (давно уже

умершаго) дозволяла Тугендъ-бунду дѣйствовать противу общаго врага.

Важную политическую ошибку сдѣлалъ умный Штейнъ, поручивъ частнымъ людямъ всѣхъ сословій, въ общемъ составѣ тайнаго общества, пещись всѣми зависящими отъ нихъ средствами о преобразованіи Германіи, давъ силу этому тайному обществу, и представивъ въ будущемъ неудобоисполнимые и даже невозможные планы! Профессоры, докторъ-поръ извѣстные только въ ученомъ кругу, каковы напримѣръ Янъ и Герресь, превратились въ самыхъ горячихъ демагоговъ. Писатели и поэты принялись провозглашать новыя германскія идеи, въ различныхъ видахъ. Самый остроумный и самый пламенный глашатай новыхъ идей былъ Арндтъ и самые пламенные поэты Тугендъ-бунда были Ульманъ и Кернеръ. Въ самое скорое время идеи Штейна укоренились и раз-

цвѣли въ Германіи, и все новое поколеніе, такъ сказать, всосало въ кровь свою новыя правила. Все заговорило о политикѣ, о народности, о будущей блистательной судьбѣ Германіи — а къ чему привело это перевоспитаніе Нѣмцевъ и соблазнившія ихъ льстивыя обѣщанія, это показалъ 1848 годъ!

Тайное общество Тугендъ-бундъ не принесло ни какой существенной пользы, какъ не можетъ быть полезнымъ ни какое общество, дѣйствующее во мракѣ. Если Тугендъ-бундъ доставилъ нѣсколько тысячъ молодыхъ людей германскимъ войскамъ, въ 1813 и 1814 годахъ, то это не великая помощь. Помогла Германіи къ освобожденію отъ власти Наполеона Русская армія, и при содѣйствіи Россіи вовсе не нужно было этого школьнаго энтузіасма. Поселяне и граждане нѣмецкіе и безъ патріотическихъ пѣсень и высокопарныхъ возгласовъ пошли бы на

брань, по призыву своихъ правительствъ. Напротивъ, толпы охотниковъ и студентовъ, взявшихся за оружіе, болѣе повредили войскамъ, ослабленіемъ въ нихъ военной дисциплины и распространеніемъ демагогическихъ правилъ, нежели помогли своею храбростью въ бояхъ. Пруссаки столь же хорошо дрались, при Фридрихѣ Великомъ, подъ звуки Дессаускаго марша (*), какъ при пѣньи патриотическихъ пѣсень Кернера. Что внушали юношеству тогдашніе его коноводы, это можно видѣть теперь, по духу главнаго изъ нихъ, бывшаго профессора Яна (Jahn), который въ престарѣлыхъ лѣтахъ вылѣзъ изъ норы своей, въ проп-

(*) Въ Семилѣтнюю Войну, во всей Прусской арміи играли Дессаускій маршъ, сочиненный, какъ гласитъ преданіе, Герцогинею Дессаускою. Этотъ маршъ играли и въ Русской арміи, при Петрѣ III и при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

ломъ году, и въ Франкфуртскомъ собраніи нѣмецкихъ депутатовъ горлашиль, провозглашая тѣ же разрушительныя правила, которыя распѣвалъ за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Повторяю: крайне ошиблись тогдашніе политики, давъ учебнымъ и ученымъ заведеніямъ политическое направленіе. Даже науки и общественность сильно пострадали отъ этого политическаго направленія. Въ университетахъ и высшихъ училищахъ терпѣли лѣнивцевъ, негодяевъ, развратниковъ, провозглашавшихъ себя ревностными германскими патриотами, и имѣвшихъ вліяніе на юношество. Главы тайнаго общества заботились болѣе объ умноженіи числа своихъ адептовъ, нежели о ихъ умѣ и нравственности, и буйство принимали за мужество!!! Послѣ низверженія Наполеона и освобожденія Германіи отъ всякаго чужеземнаго вліянія, правительства увидѣли опасность и стара-

лись возстановить прежнее спокойствіе въ Германскомъ народѣ, но уже не могли усмирить взволнованныхъ умовъ и разъяренныхъ страстей. Съ Вѣнскаго конгресса пламя тайлось подъ пепломъ, но демагогическая пропаганда непрерывно раздувала пламя — и наконецъ, при первомъ случаѣ, пожаръ вспыхнулъ. Возстали въ Германіи враги, вреднѣе и опаснѣе Наполеона!...

Наполеонъ, усмирившій революцію во Франціи и заставившій самый буйный народъ повиноваться своей волѣ, часто повторялъ: «*tout pour le peuple, rien par le peuple*» (*). Теперь всѣ благомы-

(*) Этой фразы нельзя перевести буквально. Она означаетъ, что все должно дѣлать для блага народа, но не должно допускать, чтобъ народъ самъ, противу воли Правительства, дѣйствовалъ въ той же цѣли, потому что онъ всегда будетъ обманутъ хитрецами и прощодами, и вмѣсто добра, найдетъ зло. Теперь это ясно доказано.

слящіе люди воспоминають о Наполеонѣ!

Кромѣ тайнаго политическаго общества, т. е. Тугендъ-бунда, Германию отравили религіозный мистицизмъ, и, такъ называемая, трансцендентальная нѣмецкая философія. Мистицизмъ, произвольнымъ и ложнымъ толкованіемъ священнаго писанія, приготовилъ слабые умы къ коммунизму и породилъ раздоры между людьми, исповѣдующими одну вѣру, а трансцендентальная философія, которой представителями были Шеллингъ и Гегель, водворили безвѣріе. Шеллингъ, человекъ добродушный, увлеченный умствованіями за предѣлы, назначенные разуму, наконецъ раскаялся и съ каѳедры сталъ провозглашать ученье, ниспровергающее прежнія его идеи; но Гегель, хитрый, вкрадчивый и уклончивый, до конца жизни своей умѣлъ прикрывать свое ученіе покровомъ благона-

мѣренности и даже пользовался особенною милостью покойнаго Короля Прускаго, истиннаго христіанина. Дошло до того въ Пруссіи, что ни одинъ ученый не могъ занять мѣста профессора или старшаго учителя, если не былъ Гегелистомъ, т. е. приверженцемъ системы Гегеля, а эта система ничѣмъ неотличается отъ системы Спинозы, какъ только умышленною запутанностью изложенія. Гегель возобновилъ забытую секту пантеисма, столь же противную деисму, какъ и христіанству. Философическая система Шеллинга вела къ сомнѣнію, а система Гегеля уничтожала самобытность отдѣльныхъ существъ и частей Вселенной, сливая все въ одно цѣлое! По счастью, въ самой Германіи не многіе понимали существо и тайную цѣль философіи Гегеля, хотя волею, неволею каждый прославлялъ систему. Въ Германіи превозносили Гегеля и Шеллинга

изъ тщеславія и фанфаронства, чтобъ прослыть учеными, и люди, которые не знали на столько нѣмецкаго языка, чтобъ понимать нѣмецкій водевиль, толковали печатно и изустно о нѣмецкой философіи по нѣскольکو тетрадкамъ (compendium), вывозимымъ изъ Германіи! Но въ Германіи были толкователи, изучившіе основательно эти философскія системы, подъ руководствомъ самыхъ основателей, и эти-то толкователи, заглушая въ ушахъ и сердцахъ всѣ преданія, всѣ прежнія связи съ гражданскимъ обществомъ, посѣяли и развили въ новомъ поколѣніи духъ безвѣрія и дикой независимости, породившіи правила, проповѣдываемыя нынѣ, такъ называемою, *красною республикою*.

Характеръ настоящаго Француза веселость, легкомысліе, остроуміе и легкое фанфаронство, иногда даже пріятное, когда соединено съ умомъ. Изъ

фанфаронства Французъ бросится на пушки и отдастъ послѣднія деньги. Характеръ истиннаго Германца постепенность и скромность. Ничего нѣтъ несноснѣе, обременительнѣе, и притомъ ничего нѣтъ рѣже, какъ глупый, тяжелый Французъ, а во сто разъ хуже, скажу омерзительнѣе, какъ нѣмецкій фанфаронъ, подражающій французской легкости и остроумію. Этотъ новый нѣмецкій характеръ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтенышей въ Берлинъ, въ которомъ, съ 1806 года, былъ центръ французскихъ войскъ, наводившихъ Германію. Берлинская молодежь, военные и статскіе, дворяне и биргеры подражали Французамъ и корчили какихъ-то театральныхъ героевъ! Въ Берлинѣ не было тогда университета. Въ германскихъ университетахъ, напротивъ, господствовалъ какой-то мрачный, злобный духъ, выраждавшій политическо-мистическихъ

фанатиковъ, каковы: Штабсъ (Stabs), посягнувшій на жизнь Наполеона, въ Шенбрюннѣ, въ 1809 году, и Зандъ, умертвившій знаменитаго Коцебу, дѣйствовавшаго противу тайныхъ обществъ, въ духѣ примиренія съ волею Германскихъ правительствъ. Казни патріота Гофера, начальника Тирольскихъ инсургентовъ, Пальма, книгопродавца, одиннадцати офицеровъ изъ отряда волонтеровъ прусскаго маіора Шилля, несчастный Пресбургскій миръ и проч., питали духъ мести и злобы въ Германіи. Фанфароны кричали за угломъ, хвастали и бодрились, а питомцы тайныхъ обществъ угрюмо ждали поры, умножали число своихъ членовъ, укореня въ нихъ фанатическую любовь къ идеальной *Тевтоніи*, т. е. соединенной и свободной Германіи! Въ послѣдствіи я расскажу, какимъ образомъ я узналъ тогда же о духѣ, распространяемомъ Тугендбундомъ, а теперь ска-

жу только, что въ тогдашнее время весьма опасно было чужеземцу путешествовать одному по Германіи, если онъ не провозгласилъ себя заклятымъ врагомъ Наполеона и приверженцемъ идеальной Тевтоніи. Все, что я говорю теперь о тогдашней Германіи есть выводъ всѣхъ моихъ соображеній въ послѣдствіи времени, а не результатъ перваго взгляда.

Въ Бреславлѣ я остановился въ трактирѣ, намѣреваясь прожить нѣсколько дней въ этомъ городѣ. На четвертый день послѣ моего прибытія въ этотъ городъ, я получилъ записку отъ моей спутницы, Польки, на польскомъ языкѣ, которая назначила мнѣ тайное свиданіе въ самой пустой части города. Рѣдкій молодой человѣкъ не увлекается тщеславіемъ! Я вообразилъ себѣ, что мнѣ назначаютъ rendez-vous, т. е. любовное свиданіе, и принарядившись, явился въ назначенный часъ (9 часовъ вечера) въ

назначенное мѣсто, на углу какого-то узкаго переулка.

Я простоялъ съ полчаса и въ нетерпѣніи хотѣлъ уже возвратиться на квартиру, какъ подошелъ ко мнѣ человекъ, плохо одѣтый, и спросилъ по-польски: я ли тотъ прїѣзжій изъ Варшавы, котораго письмомъ пригласили явиться на этомъ мѣстѣ. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ просилъ меня слѣдовать за нимъ, повернулъ въ другой переулокъ и ввелъ въ домъ. Въ третьемъ этажѣ, въ первой комнатѣ, безъ передней, я увидѣлъ мою миловидную спутницу, жену бывшаго прусскаго чиновника въ Варшавѣ и при ней хозяйку квартиры. Признаюсь, я не нашелся и не зналъ, какъ начать разговоръ. Миловидная моя спутница вывела меня изъ затруднительнаго положенія, хотя не весьма прїятнымъ образомъ. Съ свободою, свойственною Польшкѣ, она сказала мнѣ, улыбаясь:

«Вы услышите отъ меня *признаніе въ любви*».... Тутъ она остановилась, и послѣ короткой паузы, примолвила: къ нашему народу! Уѣзжайте отсюда скорѣе! Мужъ мой, врагъ всего не-нѣмецкаго, вѣроятно за исключеніемъ женщинъ, потому что женился на мнѣ, вообразилъ себѣ, что вы предприняли путешествіе по Германіи, съ какою нибудь политическою цѣлью. Эту мысль возбудилъ въ немъ разсказъ нашего варшавскаго хозяина квартиры, Розенгартена, что вы были приняты у Князя Юсифа Понятовскаго. Здѣшніе Нѣмцы не довѣряютъ славянскому народонаселенію Силезіи, и вѣрятъ, что къ нимъ подсылаютъ тайныхъ агентовъ. Какъ вы человѣкъ неслужащій, то съ вами могутъ сыграть здѣсь плохую шутку, не боясь никакой отвѣтственности предъ Французскимъ правительствомъ, которое одно здѣсь странно. Совѣтую вамъ и прошу васъ уѣхать

поскорѣе отсюда, для избѣжанія непріятностей, а можетъ быть и опасности. Здѣшніе студенты дерзки и притомъ политическіе фанатики; Прусскіе офицеры также довольно буйны, а полиція не защититъ васъ»....

Военная кровь во мнѣ взволновалась и вспыхнула, и я прервалъ рѣчь моею доброжелательницы словами, которыя не хочу повторять, чтобъ не показаться хвастуномъ. Дѣло кончилось, однако жъ, тѣмъ, что она убѣдила меня выѣхать немедленно изъ Бреславля и не обѣдать, до выѣзда, за общимъ столомъ въ трактирѣ. Взявъ съ меня слово, что исполню обѣщанное, добрая моя землячка простилась со мною, приказавъ хозяину квартиры (столярному подмастерью у нѣмецкаго мастера) проводить меня домой. Искренно и душевно поблагодарилъ я мою землячку за безкорыстное попеченіе обо мнѣ.

На другое утро я взялъ мой паспортъ изъ полиціи и поручилъ трактирному слугѣ найти мнѣ мѣсто въ какомъ бы то ни было экипажѣ, отправляющемся внутрь Германіи, по пути къ Рейну, преимущественно же въ Дрезденъ. На третій день я уже былъ на пути въ Дрезденъ, въ огромной фурѣ, въ которой находилось двѣнадцать человѣкъ путешественниковъ.

Въ Дрезденѣ въ то время проживало много Поляковъ, не только изъ герцогства Варшавскаго, но даже и изъ Россіи. Они были въ Дрезденѣ, какъ дома. Въ Дрезденскомъ кадетскомъ корпусѣ воспитывались дѣти многихъ помѣщиковъ герцогства Варшавскаго. Въ Hôtel de Pologne, гдѣ я остановился, я нашелъ одного знакомаго мнѣ помѣщика, изъ Минской губерніи, пріѣхавшаго въ Дрезденъ наканунѣ, по дѣламъ князя Доминика Радзивилла. Этотъ радзивиллов-

скій агентъ или повѣренный сказалъ мнѣ, что одинъ изъ моихъ родственниковъ, также занимавшійся дѣлами князя Доминика Радзивилла находится теперь въ Гамбургѣ, для ликвидаціи долга, оставшагося послѣ несостоятельнаго варшавскаго банкира (не помню его названія). Это возбудило во мнѣ желаніе ѣхать въ Гамбургъ, занимаемый тогда французскимъ гарнизономъ, и оттуда уже отправиться въ Парижъ. Но какъ мнѣ надлежало быть весьма бережливымъ, я сталъ справляться, какъ можно самымъ дешевымъ образомъ добраться до Гамбурга. Хозяинъ трактира сказалъ мнѣ, что чрезъ два дня отправляется по Эльбѣ небольшое судно въ Гамбургъ, съ издѣліями чулочной фабрики, и что я могу, за весьма дешевую цѣну, получить мѣсто на этой баркѣ. Въ тотъ же день я осмотрѣлъ барку и нашелъ для себя весьма покойный уголокъ въ досчатой каютѣ,

и такъ заплативъ всего семь талеровъ, я занялъ мѣсто.

Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, явился ко мнѣ молодой человекъ, родомъ изъ Берлина, съ просьбою взять его съ собою во Францію. Онъ объявилъ мнѣ, что не требуетъ никакого жалованья, и будетъ служить мнѣ вѣрно и усердно за то только, чтобъ я его кормилъ и платилъ за переѣздъ. Военные люди вообще избалованы на счетъ прислуги, имѣя всегда добрыхъ и усердныхъ людей, готовыхъ имъ услуживать, и мнѣ весьма было тяжело путешествовать безъ служителя. Онъ имѣлъ правильный паспортъ и хорошее свидѣтельство отъ цеха портныхъ, къ которому принадлежалъ. Робертъ (его имя) сказалъ мнѣ напрямикъ, что чувствуетъ непреодолимую склонность къ военной службѣ, обожаетъ Наполеона и хочетъ опредѣлиться во французскую армію. Я не

имѣлъ никакой причины невѣрить ему или сомнѣваться въ его поведеніи. Тогда я не зналъ еще, что никогда не должно вѣрить нѣмецкому *свидѣтельству*, потому что нѣмецкіе хозяева и мастера выдаютъ лучшіе аттестаты самымъ дурнымъ слугамъ и ремесленникамъ, чтобъ надежнѣе сбыть ихъ съ рукъ и избѣгнуть мщенія негодяевъ.

Барка была не большая, какъ я уже сказалъ, и хотя нагружена была порядочно, но по особому устройству днища, погружалась не глубоко въ воду, такъ что мы почти вездѣ плыли удобно, по теченію, на двухъ большихъ веслахъ, а при попутномъ вѣтрѣ ставили парусъ, къ обѣду и на ночлеги мы причаливали къ берегу, въ городахъ или деревняхъ, которыми усѣяны берега Эльбы. Иногда приходилось тянуть барку бечевою, и тогда я шелъ пѣшкомъ. Въ Лауенбургѣ (въ Гольштиніи) хозяинъ товара дол-

женъ былъ сдать его, ожидавшему его въ этомъ мѣстѣ прикащику гамбургскаго купца, для пересылки сухимъ путемъ, не помню куда. Я переселился съ барки въ трактиръ, и хозяинъ барки, честный Нѣмецъ, возвратилъ мнѣ три талера, потому что онъ не довезъ меня, по условію, до Гамбурга. Я вознамѣрился отдохнуть день или два въ Лауенбургѣ.

Погулявъ по городу, я поужиналъ и легъ спать. Просыпаюсь съ жестокою головою болью, думаю, что еще очень рано, хочу взглянуть на часы—и не нахожу на столикѣ, на которомъ положилъ ихъ съ вечера. Встаю, шатаюсь, какъ будто въ хмѣлю, выхожу на лѣстницу и кличу моего служителя, Роберта. Является служанка трактира и говоритъ мнѣ, что онъ съ утра понесъ бѣлье къ прачкѣ и не возвращался.—Который часъ? спрашиваю я. — Шестъ часовъ по-полудни, отвѣчаетъ мнѣ служанка. Послѣ объяс-

ненія, оказывается, что я проспалъ съ 10-ти часовъ вечера до 6-ти часовъ пополуни другаго дня, т. е. *двадцать* часовъ сряду, безъ просыпа! Отсутствіе Роберта и исчезнувшіе со стола часы возбудили во мнѣ подозрѣніе. Деньги, въ золотѣ, носилъ я въ чересѣ, и на ночь положилъ чересѣ подъ подушки. Въ сильномъ безпокойствіи возвращаюсь въ комнату, поднимаю подушки—нѣтъ денегъ! Открываю ящикъ въ столѣ, гдѣ были мои бумаги, паспортъ и пр. и кошелекъ съ расходными деньгами—все исчезло! Смотрю въ чемоданъ нѣтъ ни бѣлья, ни платья! Нѣтъ большесомнѣнія, я ограбленъ, и можетъ быть—отравленъ!

Я попросилъ къ себѣ хозяина и рассказалъ ему все, прибавивъ, что я чувствую себя нездоровымъ, какъ будто съ хмѣля, хотя ничего не пилъ, кромѣ двухъ небольшихъ рюмокъ слабаго вина. Хозяинъ трактира, добрый человекъ,

какіе *въ то время* встрѣчались на каждомъ шагу въ Германіи, принялъ искреннее участіе въ моемъ положеніи, послалъ немедленно за докторомъ и извѣстилъ бургомистра о случившемся. Между тѣмъ прошло два часа, и мой импровизированный слуга, Робертъ, вышедшій изъ трактира съ узломъ, будто бы къ прачкѣ, не возвращался. Нельзя было сомнѣваться, что онъ, а не кто другой обокралъ меня.

Явился докторъ. Осмотрѣвъ меня и пораспросивъ, онъ сказалъ, что во мнѣ нѣтъ никакихъ признаковъ болѣзни, но видны слѣды опьяненія, и какъ я не пилъ ничего, кромѣ двухъ рюмокъ слабого вина, то очевидно, что мое положеніе есть слѣдствіе какого нибудь наркотическаго вещества, которое, по счастью, я проглотилъ не въ сильномъ приемѣ. Докторъ прописалъ мнѣ прохладительное лекарство, холодныя ванны, сма-

чиваніе головы холодною водою, и обнадѣжилъ, что на другой день я совершенно выздоровѣю. Бургомистръ города также явился въ трактиръ за справками, въ сопровожденіи своего секретаря. Еслибъ я находился тогда въ другомъ положеніи, то похотѣлъ бы отъ сердца надъ комическою важностью начальника города Лауенбурга. Слухъ о случившемся со мною, съ возможными преувеличеніями, распространился по всему городу, и на другой день трактирщикъ имѣлъ порядочный доходъ отъ посѣтителей, желавшихъ видѣть меня. Изъ меня сдѣлали интересное романическое лице, выдумали какую-то запутанную интригу и представляли меня жертвою какого-то преслѣдованія. Дамы проходили мимо моихъ оконъ, чтобъ взглянуть на меня, мнѣмаго героя выдуманной досужими языками мелодрамы. Кто знаетъ жизнь нѣмецкихъ второстепенныхъ городовъ,

въ которыхъ ждуть съ такимъ же нетерпѣніемъ новостей, какъ земледѣлецъ дожда въ засуху, кто понимаетъ что такое сплетни (Klatsch) въ нѣмецкихъ городахъ, тотъ легко постигнетъ, какой интересъ долженъ былъ возбудить въ тихомъ Лауенбургѣ молодой путешественникъ, проспавшій двадцать часовъ въ трактирѣ, въ слѣдствіе отравленія!

Между тѣмъ никто не подумалъ о томъ, что этотъ герой сочиненнаго лауенбургскими сплетниками романа остался безъ гроша, и что ему нечего было ѣсть. Бургомистръ выслалъ по всемъ дорогамъ извѣщенія (Steckbriefe) о случившемся, съ примѣтами вора и исчисленіемъ всего похищеннаго у меня, и на основаніи свидѣтельства хозяина барки, на которой я прибылъ въ Лауенбургъ, выдалъ мнѣ пропускной видъ, нѣчто въ родѣ паспорта. При этомъ я долженъ замѣтить, что переселясь въ трактиръ,

я не успѣлъ отдать моего паспорта хозяину, намѣреваясь исполнить это на другой день, и мой слуга похитилъ его вмѣстѣ съ портфелемъ, гдѣ были всѣ мои бумаги.

Если никто не заикнулся о помощи, за то меня забросали совѣтами. Иные совѣтовали мнѣ возвратиться въ Дрезденъ, другіе въ Берлинь, и всѣ отговаривали ѣхать въ Гамбургъ, полагая, что воръ, зная эту цѣль моего путешествія, не могъ туда отправиться, тѣмъ болѣе, что тамъ строгая французская полиція. Напротивъ того, я рѣшился отправиться въ Гамбургъ, надѣясь тамъ найти моего родственника, а у него помощь въ моемъ положеніи. У меня ничего не осталось отъ моего имущества, какъ платье, которое было на мнѣ и гербовый перстень. Я выломалъ камень, на которомъ былъ вырѣзанъ гербъ, продалъ золото за двѣнадцать талеровъ, купилъ

себѣ крѣпкіе башмаки, подкованные гвоздями (Wanderer-Schuhe), попросилъ хозяйку купить для меня пару рубахъ и нѣсколько паръ чулковъ, выкроилъ изъ куска клеенки родъ коротенькаго плащика, на случай дождя, и котомку, и рѣшился на другой день пуститься въ путь *пъшкомъ*. Утромъ хозяйка принесла мнѣ небольшой узелокъ съ бѣльемъ, и когда я спросилъ, что это стоитъ, она отвѣчала: *ничего*, и весьма ласково попросила принять это отъ нея на память. Отказываться было бы не кстати. Хозяинъ отказался отъ всякой платы за мои издержки въ трактирѣ, и поподчивалъ меня на прощаньи кофеемъ, и я весело вышелъ за городскія ворота, распѣвая извѣстную и тогда любимую въ Германіи пѣсню: «Freud euch des Lebens!»—Драгоценная молодость.

Дорога между Лауенбургомъ и Бергсдорфомъ поворачиваетъ вправо и проле-

гаетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Эльбы. Страна населена во всѣхъ направленіяхъ. Не привыкнувъ къ пѣшеходству, я шелъ медленно и часто отдыхалъ. На четвертый день подъ вечеръ застигъ меня на дорогѣ проливной дождь, и я крайне обрадовался, увидѣвъ при дорогѣ большое строеніе. Это была канатная фабрика. Отсюда было не болѣе мили до Гамбурга. Я вошелъ въ домъ и нашелъ въ нижнемъ этажѣ нѣсколько чело-вѣкъ, которые жарко между собою разговаривали. На просьбу мою о позволеніи переночевать, одинъ изъ собесѣдниковъ, разумѣется хозяинъ, отвѣчалъ, что у него нѣтъ мѣста. Я настаивалъ, сказавъ, что готовъ переночевать въ сараѣ. Хозяинъ, послѣ долгихъ распросовъ, кто я, откуда и куда иду, разсмотрѣвъ мое свидѣтельство, данное лауенбургскимъ бургомистромъ, и удостовѣрясь, что я не Французъ, наконецъ согласился, хотя

не охотно. Мнѣ дали поужинать и отвели коморку подъ крышею.

Ночью дождь усилился и крѣпко стучалъ въ черепичную кровлю, отъ которой отдѣляли меня доски, составлявшія потолокъ моей коморки. Я никакъ не могъ уснуть. Наконецъ дождь пересталъ итти и вѣтеръ погналъ быстро тучи. Я всталъ съ моего соломенника и подошелъ къ окну, чтобъ взглянуть на небо. Луна проглянула въ это время — и мнѣ представилось.... ужасное зрѣлище.

На дворѣ стояла телѣга, запряженная парюю лошадей. Четыре человѣка вытаскивали изъ сарая три мертвыя человѣчeskія тѣла, положили на телѣгу, привязали къ ней веревками, и потомъ стали накладывать на телѣгу сѣно. Я присѣлъ, чтобъ меня не увидѣли со двора, и когда телѣга двинулась съ мѣста, добрался ползкомъ до моего соломенника и прилегъ. Страшныя мысли обуревали меня.

Тутъ я понялъ, почему хозяинъ не хотѣлъ принять меня на ночлегъ, а по его распросамъ догадался, что мертвые должны быть Французы, потому что онъ настаивалъ, чтобъ я сознался, не Французъ ли я. Изъ корысти или изъ народной ненависти и мщенія покусились эти люди на убійство? Кто рѣшился на убійство трехъ человѣкъ, для того четвертое убійство ничего не значитъ. Не вздумаютъ ли эти злодѣи посягнуть на мою жизнь? Я не зналъ на что рѣшиться: бѣжать или остаться въ домѣ.... Въ обоихъ случаяхъ представлялась опасность.... Наконецъ я рѣшился остаться. Къ утру, однако жъ, натура взяла свое, и я заснулъ богатырскимъ сномъ.

Я проснулся около полудня и сошелъ въ общую комнату, въ которой вчера засталъ хозяина, съ нѣсколькими изъ его товарищей. Меня встрѣтила хозяйка и предложила кофе и завтракъ, сказавъ,

что хозяинъ выѣхалъ со двора, по дѣламъ. Денегъ съ меня за ночлегъ и пищу хозяйка не хотѣла взять, и я, поблагодаривъ ее за гостепріимство, отправился въ путь.

Дорогою я размышлялъ о случившемся со мною. Тогда я не имѣлъ еще постоянныхъ правилъ на счетъ обязанностей гражданина и человѣка, и судилъ о многомъ по-кадетски, т. е. какъ школьникъ! Долженъ ли я донести правительству о видѣнномъ мною или нѣтъ? Этого вопроса я никакъ не могъ разрѣшить! Мнѣ казалось постыднымъ заплатить за гостепріимство доносомъ! Да и самое слово доносъ мнѣ весьма не нравилось. Для разрѣшенія, моего недоумѣнія, по прибытіи въ Гамбургъ, я отправился немедленно къ католическому пастору, за совѣтомъ, что мнѣ должно дѣлать въ этомъ случаѣ, для очищенія моей совѣсти.

Какъ я разскалъ о видѣнномъ мною не на исповѣди, а только по довѣренности къ священническому званію, и требуя совѣта, то пасторъ взялъ на себя извѣстить правительство о случившемся, сказавъ мнѣ, что никакія отношенія не должны препятствовать къ открытію такого ужаснаго преступленія, какъ чело-вѣкоубійство и кто скрываетъ его, тотъ дѣлается участникомъ преступленія. Словомъ, пасторъ убѣдилъ меня совершенно, что это дѣло должно быть доведено до свѣдѣнія правительства. При этомъ случаѣ онъ взялся содѣйствовать мнѣ къ открытію обокравшаго меня вора.

Не стану утруждать моихъ читателей мелочными подробностями, скажу только, что по слѣдствію открылось, что убитые люди были французскіе таможенные (*douaniers*), а убійца — извѣстный контрабандистъ, хозяинъ канатной фабрики. Таможенные стражи, из-

вѣстясь, что ночью повезутъ чрезъ поле въ домъ контрабанду, засѣли въ кустахъ, Контрабандисты знали это, предупредили засаду засадою же, убили таможенныхъ стражей и притащили тѣла въ домъ, чтобъ на другую ночь свезть въ отдаленное мѣсто и зарыть въ землю. Хозяина дома, главнаго контрабандиста не поймали; другіе сознались. Двухъ главныхъ убійцъ разстрѣляли, а прочіе были отосланы во Францію, на каторгу. Во время производства дѣла я былъ въ сторонѣ, потому что захваченные сообщники контрабандиста немедленно сознались во всемъ, слѣдовательно свидѣтелей вовсе было не нужно.

Родственника моего я не засталъ уже въ Гамбургѣ. Онъ уѣхалъ въ Польшу, за нѣсколько дней до моего прибытія. Положеніе мое было самое жалкое. Безъ денегъ, безъ документовъ, доказывающихъ мое званіе, я ничего не могъ пред-

принять. Добрый пасторъ утѣшалъ меня, приглашалъ меня ежедневно обѣдать и ужинать у него, и хлопоталъ за меня въ полиціи. Между тѣмъ время летѣло, и я оставался въ бездѣйствіи.

Я нанялъ, не скажу комнату, но капуру въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ харчевень и только спалъ дома, а дни проводилъ у пастора и на прогулкахъ по городу. Прошло двѣ недѣли. Не взирая на исправность французской полиціи, особенно въ приморскихъ городахъ, занимаемыхъ французскими войсками, полиція не могла попасть на слѣды обокравшаго меня негодяя. Отчаяніе начало вкрадываться въ мою душу!

Однажды, когда я сидѣлъ, въ задумчивости, на скамьѣ, въ Юнгферштихѣ (такъ называется гульбище посреди города) и машинально смотрѣлъ на гуляющихъ, одна хорошо одѣтая и весьма молодая женщина, проходя мимо, взгля-

нула на меня, остановилась будто невольно, покраснѣла — и пошла далѣе. Пройдя нѣсколько шаговъ, она оборотилась и снова быстро взглянула на меня. Лице этой молодой и прекрасной женщины было мнѣ знакомо, но въ эту минуту я не могъ вспомнить, гдѣ я видѣлъ ее. И вдругъ я будто проснулся и вспомнилъ.... Я пошелъ въ слѣдъ, и нагнавъ остановилъ и заговорилъ съ нею по-русски. Я не ошибся — это она!

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе для объясненія дѣла, которое, безъ всякаго сомнѣнія, могло бы послужить завязкою для романа, еслибъ прикрасить истину вымыслами.

По возвращеніи изъ прусскаго похода въ Петербургъ, я провелъ однажды всю ночь, до утра, за игорнымъ столомъ, въ Кафе-дю-нордъ, о которомъ я уже упоминалъ во 2 части моихъ Воспоминаній. Я сказалъ уже, что / не хочу казаться

лучшимъ, чѣмъ я былъ и чѣмъ остался, и сознаюсь, что въ молодости моей я игралъ часто въ банкъ и притомъ довольно счастливо. Да и кто тогда не игралъ? Я всегда понтировалъ. Игралъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, и когда фортуна мнѣ не благопріятствовала, то цѣлую ночь просиживалъ, ставя по одной картѣ въ талию, обыкновеннымъ кушемъ, а когда фортуна оборачивалась ко мнѣ лицомъ, тогда, какъ говорятъ игроки, самъ садился на карту, и въ нѣсколько ставокъ возвращалъ проигранное, а часто прибавлялъ къ проигрышу выигрышъ. При счастья, я шелъ штурмомъ, на проломъ! Пріятели показали мнѣ всѣ банкирскія уловки, употребляемыя фальшивыми игроками, и обмануть меня было почти невозможно, а потому я почитался страшнымъ понтеромъ для банкировъ, и они, иногда, предлагали мнѣ

часть въ банкѣ, чтобъ я не поитировалъ. Въ эту ночь, о которой я говорю теперь, счастье мнѣ повезло. Банкъ начался въ 11 часовъ ночи и кончился въ 9 часовъ утра: его сорвали, и мнѣ досталась порядочная частица. Напившись кофе, я велѣлъ призвать парикмахера, причесался, напудрился и побрелъ пѣшкомъ къ пріятелю, у котораго я остановился на квартирѣ, въ домѣ Зацфтлибена, на углу Садовой, противу Михайловскаго манежа. Пройдя Полицейскій мостъ, я увидѣлъ возлѣ магазина Г-жи Ролянъ (*), прелестную дѣвушку, лѣтъ тринадцати или четырнадцати, которая боязливо подошла ко мнѣ и съ трепетомъ, заикаясь отъ страха, просила меня купить у нея бусы, двѣ пары ма-

(*) Гдѣ нынѣ огромное зданіе, принадлежащее Голландской церкви.

ленькихъ золотыхъ серегъ и еще кое-какія бездѣлки. Выигранныя мною деньги были завязаны въ платкѣ и лежали въ карманѣ шинели, потому что въ уланскихъ мундирахъ не было кармановъ. Я долженъ былъ войти въ сѣни дома, занимаемаго магазиномъ, чтобъ вынуть узелъ, запустилъ въ него руку и далъ столько червонцевъ и серебряныхъ рублей бѣдной дѣвушкѣ, сколько захватилъ въ горсть. Она бросилась мнѣ въ ноги и заплакала. На распросы мои, она отвѣчала, что мать ея вдова обанкротившагося содержателя нѣмецкаго трактира, иностранца, и разбита параличемъ, что она т. е. дѣвушка, вмѣстѣ съ теткою, сестрою матери, содержатъ семейство женскимъ рукодѣліемъ и преимущественно мытьемъ кружевъ, но что наконецъ тетка также заболѣла, и она, дѣвушка, ухаживая за больными, не можетъ поспѣть съ работою, и что

больныя, доведенныя до крайности, безъ пищи и лекарства, выслали ее съ послѣднимъ имуществомъ, чтобъ продать его. Слезы милой дѣвушки и простота и искренность ея разказа тронули меня до глубины души. Я подозвалъ двухъ извощиковъ: на однѣ дрожки сѣлъ самъ, на другія велѣлъ сѣсть дѣвушкѣ и ѣхать домой. Бѣдныя женщины занимали квартиру въ Подъяческой. Все, что сказала дѣвушка, оказалось справедливымъ. Записавъ адресъ, я на другой день поручилъ этихъ несчастныхъ доброй сестрѣ моею Антонинѣ, которая, при помощи своихъ пріятельницъ, устроила судьбу этого бѣднаго семейства. Нѣсколько дамъ согласились давать несчастнымъ ежемѣсячный пенсіонъ.

Я пошелъ въ финляндскіи походъ, и забылъ объ этомъ происшествіи. И вотъ эту дѣвочку встрѣчаю я въ Гамбургѣ,

въ щегольскомъ нарядѣ, доказывающемъ, что она весьма далека отъ бѣдности!...

На Юнгферштихѣ было весьма мало народа. Мы сѣли въ концѣ аллеи, на скамьѣ, и стали рассказывать другъ другу наши приключенія. Сперва я рассказалъ ей, что со мною случилось, потомъ она начала рассказывать о себѣ.

«Мнѣ предлагали нѣсколько выгодныхъ мѣстъ, въ богатыхъ домахъ, но я не могла рѣшиться оставить матушку, которая не двигалась въ постели; ни матушка не хотѣла разстаться со мною. Въ числѣ нашихъ благодѣтельницъ, которыхъ число весьма умножилось, была жена банкира М. Она приглашала меня часто приходить къ ней, помогать дочерямъ ея вышивать, и матушка позволяла мнѣ, для моего разсѣянiя павѣщать это доброе семейство, гдѣ меня принимали ласково, дарили мнѣ разныя вещи, награждали деньгами. Въ этомъ домѣ уви-

дѣлъ меня иностранецъ, весьма богатый купецъ, родомъ изъ Америки и предложилъ мнѣ выйти за него замужъ. Чтобъ доставить матушкѣ содержаніе и не быть никому въ тягость, я, скрѣпя сердце, вышла замужъ, три мѣсяца тому назадъ.... Мужъ мой (тутъ она залилась слезами).... негръ!»

— Негръ! негръ! мужъ вашъ негръ! воскликнулъ я, невольно вскочивъ съ мѣста.

«Добрѣйшій, честнѣйшій, благороднѣйшій человекъ!» сказала она, сквозь слезы.

Я снова сѣлъ на скамью и молчалъ. Она поплакала и наконецъ успокоилась. — «Я разсказала моему мужу всѣ малѣйшія подробности моей жизни, въ которой вы играете важнѣйшую роль, потому что безъ васъ, не знаю, чтобъ было съ нами!... Сдѣлайте одолженіе приходите къ намъ завтра, часу въ двѣнадцатомъ. Увѣ-

рюю васъ, что мужъ мой будетъ радъ вамъ!»

У Юнгферштиха ее ожидалъ наемный экипажъ; она оставила мнѣ свой адресъ и уѣхала, а я остался раздумывать объ этой удивительной встрѣчѣ.

На другой день, въ назначенный часъ, явился я, по адресу, въ трактиръ. Мнѣ указали лучшее отдѣленіе въ домѣ. Негръ, высокаго роста, среднихъ лѣтъ (лѣтъ пѣть сорокъ), котораго можно было бы назвать негритянскимъ Аполлономъ (если бѣ негры обожали красиваго бога свѣта) встрѣтилъ меня въ передней, съ распростертыми объятіями и прижалъ къ сердцу, какъ роднаго брата, съ которымъ давно не видался. Негръ говорилъ по-французски, какъ природный, хорошо воспитанный Французъ. Введя меня въ гостиную и посадивъ рядомъ съ собою на софѣ, онъ сказалъ: «Никогда я не предполагалъ встрѣтить васъ,

выѣхавъ изъ Россіи, и тѣмъ болѣе не думалъ, что буду въ состояніи доказать чувства моею благодарности за оказанное вами добро женѣ моею, въ самую тягостную минуту ея жизни. Знаю ваше несчастье, и прошу располагать мною, по мѣрѣ вашей нужды. Не затрудняйтесь (*ne vous gênez pas*)! Я богатъ — и нѣсколько тысячъ франковъ не сдѣлаютъ мнѣ никакой разницы.» Я не могъ вымолвить слова отъ удивленія, замѣшательства и скопившихся въ сердцѣ моемъ ощущеній — и только пожималъ руку благороднаго человѣка и старался удерживать слезы, которыя невольно катились изъ глазъ моихъ. Вошла въ комнату моя петербургская знакомка — и кончилось тѣмъ, что мы всѣ расплакались. У негра сердце было чувствительно, какъ у самой бѣлой женщины!

Наконецъ успокоившись, мы принялись разсуждать, что мнѣ должно дѣ-

латъ въ моемъ положеніи. Негръ, чело-
вѣкъ опытный, совѣтовалъ мнѣ возвра-
титься моремъ въ Петербургъ, и на ос-
нованіи свидѣтельства о покражѣ у меня
бумагъ, взять новый аттестатъ отъ воен-
наго начальства. «Если же вамъ это не
нравится, я предлагаю вамъ мѣсто въ
моемъ торговомъ домѣ, въ Парижѣ,»
сказалъ мнѣ негръ.... Я просилъ нѣ-
сколько дней срока, чтобъ пораздумать,
и остался, по просьбѣ моихъ новыхъ
друзей, обѣдать съ ними. На мнѣ былъ
дорожный сѣрый сертучишка, довольно
плохой, и новый мой другъ совѣтовалъ
мнѣ заказать или купить, немедленно,
что мнѣ надобно, и когда я распрощал-
ся, онъ проводилъ меня на лѣстницу и
всунулъ мнѣ, почти насильно, въ руку
свитокъ, въ которомъ было пятьдесятъ
наполеондоровъ, сказавъ: «возьмите, на
первый случай!»

Смѣшно и глупо было бы отказывать-

ся отъ помощи, въ моемъ положеніи. Я взялъ деньги съ тѣмъ, чтобъ возвратить ихъ моему благодѣтелю, при первомъ случаѣ, поблагодарилъ отъ души благороднаго человѣка и побѣждалъ къ доброму пастору, чтобъ извѣстить его о моемъ счастьи.

Лишь только я переступилъ чрезъ порогъ, пасторъ вскочилъ быстро съ креселъ, и воскликнулъ: «вивать! воръ пойманъ!»

Вотъ подлинно, что счастье и несчастье не приходятъ никогда одни! Я чуть не помѣшался отъ радости: прыгалъ, хохоталъ, даже пѣлъ, и обнималъ пастора. Вотъ что онъ рассказалъ мнѣ о поимкѣ вора и о томъ, что онъ показалъ въ допросѣ.

Воръ, еще находясь въ Берлинѣ, былъ въ связяхъ съ мошенниками, и помогъ одному изъ нихъ обокрасть его госпожу, опоивъ ее и служанку опиумомъ. Они оба бѣжали изъ Берлина съ фальшивыми

паспортами, и обокравшіи меня негодяи, при раздѣлѣ добычи, получилъ также нѣсколько порошковъ опиума, которымъ и поподчивалъ меня въ Лауенбургѣ. По счастью, онъ всыпалъ его въ вино и не въ большомъ количествѣ, опасаясь, чтобъ я по вкусу недогадался, что вино подмѣшано. Изъ Лауенбурга онъ отправился въ Гамбургъ, полагая (точно также какъ думалъ лауенбургскій трактирщикъ), что я никакъ не стану искать его въ этомъ городѣ. Въ Гамбургѣ онъ остановился у земляка своего, брадобрѣя, встрѣтись съ нимъ случайно, въ трактирѣ. Брадобрѣи былъ такой же плуть, какъ и мой воръ, и согласился продержать его нѣкоторое время у себя, не объявляя паспорта въ полиціи, за что воръ обѣщалъ ему награжденіе, сказавъ, что онъ намѣренъ отправиться, при первомъ случаѣ, въ Англію. Второе для меня счастье, что воръ на третій день послѣ при-

бытія въ Гамбургъ сильно заболѣлъ. Болѣзнь лишила его душевной силы (энергій), и онъ послалъ за пасторомъ, и сознался ему во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Пасторъ извѣстилъ полицію, которая немедленно захватила все, что было при немъ, а его перевезли въ тюремный госпиталь. Я пошелъ съ пасторомъ, немедленно, въ полицію и мнѣ возвратили всѣ мои вещи, бумаги и деньги, по представленію мною прежде, при жалобѣ, списку. Не доставало около ста пятидесяти франковъ.

Камешь свалился съ моего сердца, когда я, на другой день, возвратилъ деньги благородному негру! Пѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Гамбургѣ, послѣ отысканія похищеннаго у меня имущества, я былъ не разлученъ съ нимъ и съ милою его женою, и онъ разсказалъ мнѣ приключенія своей жизни, которыя передаю въ пѣсколькихъ словахъ.

Онъ родился на островѣ Сень-Доминго, когда островъ принадлежалъ Франціи. Отецъ и мать его были невольниками французскаго колониста. Жена колониста и мать моего пріятеля негра родили почти въ одно время, и негрятянка должна была кормить грудью сына своей госпожи. Французскій колонистъ и его жена были добрые и мягкосердные люди; они воспитали сына кормилицы вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, намѣреваясь сдѣлать его, въ послѣдствіи, управителемъ плантаціи. Пріятелю моему было уже за двадцать лѣтъ отъ рожденія, когда черное народонаселеніе взбунтовалось на островѣ Сень-Доминго; онъ нарочно присталъ къ бунтовщикамъ, чтобъ спасти жизнь и имѣнье своихъ господъ, что ему и удалось. По прибытіи генерала Леклерка на островъ Сень-Доминго съ французскими и польскими войсками, пріятель мой, негръ, перешелъ

къ нему, и съ нимъ вмѣстѣ и съ своими господами и родителями переѣхалъ во Францію. Французскій колонистъ имѣлъ большіе капиталы въ европейскихъ банкахъ, и потеря плантаціи не раззорила его. Онъ усыновилъ своего избавителя, и, умирая, раздѣлилъ поровну все свое имущество между сыномъ, дочерью и имъ. Дочь вышла замужъ, и сынъ покойнаго, молочный братъ его, негръ и зять, на общій капиталъ, основали торговый домъ. Негръ отправился по коммерческимъ дѣламъ въ Петербургъ, увидѣлъ несчастную, скромную, милую дѣвочку—и женился. Вотъ существо всей исторіи. Пропускаю подробности возстанія негровъ, битвы и смертоубійства, про которыя рассказывалъ мнѣ пріятель мой. Это дѣла постороннія.

Новый другъ мой остался въ Гамбургѣ, по торговымъ дѣламъ, а я отправилъ

ся въ Парижъ, снабженный рекоменда-
тельными письмами къ его товарищамъ,
и давъ слово немедленно навѣстить его,
когда онъ возвратится. Онъ оказалъ мнѣ
важную услугу, доставивъ случай доѣ-
хать до Парижа съ нарочно отправлен-
нымъ одною купеческою компаніею ку-
рьеромъ, на почтовыхъ, въ покойной
коляскѣ. Открытый листъ и подорожная
(Feuille de route) выданы были на мое
имя, но съ меня не взяли за проѣздъ ни
копѣйки. Пріятель мой, негръ, сказалъ
мнѣ, что въ коммерціи, какъ въ дипло-
маціи бываютъ случаи, въ которыхъ не-
обходима тайная корреспонденція, совѣ-
товалъ мнѣ быть осторожнымъ и не про-
говориться, что мой товарищъ везетъ
письма гамбургскихъ купцевъ. По-бар-
ски проѣхалъ я до Парижа чрезъ всю
Германію, останавливаясь только два ра-
за почевать. И вотъ я, наконецъ, въ

3
столицѣ тогдашняго владыки почти всей Европы, для которой Парижъ былъ тогда то же, что Римъ во время первыхъ Кесарей и Мекка для Мусульманъ!

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

